

Митрофорный протоиерей
Александр Соколов

Святой благоверный
великий князь
Дмитрий Иоаннович Донской
и Куликовская битва

*630-летию
Куликовской битвы
посвящается*

Митрофорный протоиерей
Александр Соколов

**Святой благоверный великий князь
Дмитрий Иоаннович Донской
и Куликовская битва**

Обозрение публикаций

Нижний Новгород 2010
Издательство «Кварц»

**Работа выполнена по благословению
архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия (Данилова)**

**ББК 63.3(2)
С59**

ISBN 978-5-903581-31-3

Автор особенно благодарит за помощь в издании книги депутата Государственной Думы РФ **Владимира Александровича Стальмахова**, а также **Михаила Михайловича Кулагова**, **Веру Андреевну Шкапову**, **Людмилу Анатольевну Лапшину**.

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент **Д. Ю. Кривцов**,
доктор исторических наук, профессор **Ф. А. Селезнев**,
доктор юридических наук, профессор **Ю. Г. Галай**,
кандидат богословских наук проректор Нижегородской духовной семинарии протоиерей **Александр Мякинин**

Соколов А. Н.

Святой благоверный великий князь Дмитрий Иоаннович Донской и Куликовская битва: Обзор публикаций. – Нижний Новгород: Кварц, 2010. – 400 с. + 88 с. цв. вклейки.

В книге излагается краткая история Руси на протяжении XIV–XV веков. Особенное внимание уделяется Владимирскому великому княжеству накануне Куликовской битвы, жизни и деяниям главного персонажа книги – великого князя Дмитрия Иоанновича Донского. Прослеживается ход сражения на Куликовом поле и его историческое значение для судеб России.

Книга адресована преподавателям, студентам, школьникам, а также всем, кто интересуется отечественной историей.

уликовская битва являла собой одно из великих сражений XIV века и была подлинно всенародным делом.

Ни одна из многочисленных публикаций о Дмитрии Донском и битве на Куликовом поле не дает такой информации об этом сражении, как недавно вышедший труд Б. В. Арсеньева «Москва и Куликовская битва»¹. В своей книге о Куликовской битве он пишет более подробно, чем другие, и упоминает об архитектурных памятниках, так или иначе связанных с Куликовской битвой.

Основные же сведения о битве находятся в нескольких литературных произведениях, взаимно связанных друг с другом. Объединение таких произведений в наше время принято называть Куликовским циклом². В него входят «Задонщина», краткая летописная повесть, носящая в летописях заглавие «О великом побоище иже на Дону», и пространная летописная повесть с заглавием «О побоище иже на Дону и о том, как бился князь великий с ордою», «Сказание о Мамаевом побоище», в составе которого имеются «основная» редакция, «Киприановская», «распространенная», печатный вариант «основной» редакции. К Куликовскому циклу также относятся «Житие преподобного Сергия Радонежского» и «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Иоанновича».

Что касается зарубежных данных о Куликовской битве, то они сохранились в краткой форме у двух прусских хронистов, современников события. Дитмер Любекский, монах-францисканец Торнского монастыря, довел свою хронику на латинском языке до 1395 года. Затем Иоганн Пошильге, чиновник из Померании,

¹ Арсеньев Б. В. Москва и Куликовская битва. 1380 год. — М.: АРО ИЦ «Москвоведение», ОАО «Московские учебники», 2005.

² Сказания и повести о Куликовской битве / Сост. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева; Отв. ред. Д. С. Лихачев. — Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1982. С. 306.

кратко перевел в 1400 году события Куликовской битвы на нижне-немецкий язык и довел свою хронику до 1419 года, переводя на верхненемецкий язык³.

Литературные памятники пользовались большой популярностью у древнерусских читателей. «Сказание о Мамаевом побоище» переписывалось до XIX века, и многочисленные списки этого произведения говорят о самом большом его распространении, особенно до XVIII века. В конце XVII века «Сказание» было включено в «Синописис» – первую печатную краткую историю Руси.

Списки вышеуказанных редакций звались «Сказания». Они получили свое название по фамилии того лица, кто список заказал, обнаружил или у кого он хранился, а также по названию того музея, где список находился. Известно более 100 списков редакций «Сказаний» за период XIV–XIX веков. Кроме того, имеются данные о Куликовской битве в позднейших русских летописях, фольклорных произведениях в виде былин и исторических песен. Ученые – литературовед, член-корреспондент РАН Лев Александрович Дмитриев (1921–1993 гг.), О. П. Лихачева и другие исследователи литературных памятников изучили древнерусские тексты – «Задонщину», летописи и «Сказания» о Куликовской битве – и перевели их с древнерусского языка того времени на более близкий нам церковнославянский и затем на современный русский язык.

В издании «Памятники Куликовского цикла» (С.Петербург, 1998, с. 4) древнерусский текст был сразу переведен на современный русский язык.

Свое литературное значение, свою историко-литературную ценность произведения Куликовского цикла сохранили до наших дней, о чем красноречивее всего свидетельствуют многочисленные издания этих памятников древнерусской литературы, вышедшие в свет в 1980 году, к 600-летию Куликовской победы.

Особое место среди произведений о битве на Куликовом поле занимает «Задонщина». О «Задонщине» мы будем говорить более подробно, как об авторе поэмы, так и об основной ее идее. Автор этого произведения не ставил перед собой задачи описать в

³ Документы прусских дел 1866г. г. Лейпциг, том III, с. 114–115.

последовательности все события героической битвы за Доном. Он передает эмоциональную оценку происшедшего на Куликовом поле, выражает охватившие его чувства и мысли, вызванные победой Дмитрия Донского над Мамаем. «Задонщина» – это лирический отклик на Куликовскую битву. И особенно примечательно то, что этот лирический отклик на важнейшее для исторической судьбы Руси событие оказался тесно связанным с другим самым лирическим и самым совершенным памятником древнерусской литературы – со «Словом о полку Игореве». Этой зависимостью «Задонщины» от «Слова» определяется особое место ее в истории древнерусской литературы вообще: помимо самодовлеющей ценности, «Задонщина» имеет исключительно важное значение и для изучения «Слова о полку Игореве». «Задонщина» свидетельствует о том, что «Слово о полку Игореве» было известно древнерусским книжникам и читателям, на фоне «Задонщины» ярче выступают литературные особенности «Слова», наконец, бесспорно доказанная вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову» является объективным и самым убедительным аргументом в пользу подлинности «Слова о полку Игореве», положившего начало русской литературе. Но, если смотреть глубже, начало русской литературы мы можем видеть в «Слове о законе и благодати» Преосвященного Иллариона, первого русского Киевского митрополита. В «Слове», написанном в период 1037–1050 годов, Илларион добавляет похвалы великому князю Владимиру, просветившему Русь Святым Крещением, и молитву к Богу от лица всей Новопросвещенной Руси. Кроме того, митрополитом написаны «Изложение, или Исповедание веры» и «Поучение о пользе душевной».

Несмотря на то что «Задонщина» вызывала к себе большой и неизменный интерес и этому произведению посвящено немало исследований, многие вопросы литературной истории памятника остаются до конца не разрешенными⁴.

Прежде всего сложен вопрос уже с самим текстом произведения. До нас дошло шесть списков «Задонщины»: Ундольского (У),

⁴ Дмитриев Л. А. Литературная история памятника Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 307.

Ждановский (Ж), Исторический первый (И-1), Исторический второй (И-2), Кирилло-Белозерский (К-Б), Синодальный (С).

Когда в 1852 году вышло в свет первое издание «Задонщины» по списку У, то стало ясно, что совпадения печатного варианта основной редакции «Сказания» со «Словом о полку Игореве» носят вторичный характер: они объяснялись заимствованиями в тексте «Сказания» из «Задонщины». В действительности самым непосредственным и тесным образом со «Словом о полку Игореве» было связано не «Сказание», а «Задонщина».

От «Слова о полку Игореве» зависит план «Задонщины», целый ряд поэтических образов «Задонщины» являются повторением поэтических образов «Слова», отдельные слова, обороты, большие отрывки текста «Задонщины» повторяют соответствующие места «Слова о полку Игореве». Зависимость «Задонщины» от «Слова» не вызывала сомнений, но характер этой зависимости трактовался по-разному⁵.

Академик Д. С. Лихачев в своей статье «Задонщина», опубликованной в 1941 году, доказывал, что автор «Задонщины» прибег к «Слову о полку Игореве» для того, чтобы противопоставить военную обстановку на Руси при Игоре Святославиче и Дмитрии Донском.

Победа великого князя московского над силами Мамаю воспринимается автором «Задонщины» как реванш за поражение, понесенное войсками Игоря на Каяле (приток Дона), когда в 1185 году он вместе с тремя другими князьями совершил поход в глубь степей, намереваясь разгромить половецкие орды, обитавшие в Северном Причерноморье и Подонье, и вернуть утраченный город Тмутаракань на Таманском полуострове. Но войско Игоря потерпело поражение, а сам он попал в плен к половцам, откуда вскоре ему удалось бежать.

Таким образом, «Слово о полку Игореве», написанное в 1187 году и посвященное неудачному походу на половцев в 1185 году новгород-северского князя Игоря Святославича, восхваляло мужество и героизм русских воинов и вместе с тем страстно осуждало княжеские междоусобицы. Причину поражения своего ге-

⁵ Там же. С. 312.

роя автор «Слова» видел в том, что Игорь пошел в поход против половцев, не согласовав своих действий с другими князьями, не поставив в известность о предпринимаемом им походе великого князя киевского Святослава. Все «Слово о полку Игореве» пронизано единой идеей: русские князья должны забыть междоусобные распри и объединить свои силы, чтобы сообща выступить против внешнего врага Руси – половцев. Для времени создания «Слова» и для будущей исторической судьбы Русской земли эта идея имела глубокий смысл. Призыв к князьям объединиться для борьбы с врагами Русской земли был актуален не только во времена создания «Слова о полку Игореве», еще более остро он звучал в годы монголо-татарского владычества на Руси. Автор «Задонщины» потому и обратился к «Слову о полку Игореве», что в победе, одержанной за Доном над ордынцами, он увидел реальное воплощение призыва своего гениального предшественника: объединенные силы русских князей смогли разгромить монголо-татар, считавшихся до этого непобедимыми.

Определенное значение в обращении автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» могло сыграть и одно внешнее обстоятельство, связывающее оба произведения: роль реки Дона. В «Слове» Дон упоминается 15 раз, при этом не только и даже не столько как конкретное, локальное место событий, а как символическое обозначение того большого пространства, куда стремится Игорь на героический подвиг и где разворачиваются все последующие события. Битва 1380 года произошла на Куликовом поле, в бассейне реки Непрядвы. Но в более широком понимании – это район Дона, и Дон в перипетиях Куликовской битвы играет большую роль, он приобретает символическое значение: переправа через Дон означала уход за пределы Русской земли, в Поле, знаменовала решимость биться насмерть – пути к отступлению отрезались Доном. И не случайно Дмитрий получил прозвище «Донской», а Ефросин назвал этот памятник «Задонщиной». Дон фигурирует в «Задонщине» много раз и как конкретное географическое понятие, и в таком же символическом значении, как и в «Слове о полку Игореве».

В походе Игоря Святославича, хотевшего нанести удар половцам на их земле и потерпевшего поражение, автор «Задонщины» увидел начало тех бед, которые вскоре обрушились на Русскую землю и привели к монголо-татарскому владычеству. «...поганые татаровя, бусормановя, – говорит он, – ...на реке на Каяле одолеша родъ Афетов (т. е. русских. – Л. Д.)». И сразу же за Каялой – рекой, на которой потерпел поражение Игорь, он называет Калку – реку, где произошло первое столкновение русских князей с монголо-татарами, пролог Батыева нашествия. Трудно согласиться с теми исследователями, которые считают, что автор «Задонщины» спутал Каялу и Калку. Он не спутал, а отождествил эти реки: Каяла, неизвестная в настоящее время река, называемая только в «Слове о полку Игореве» и в летописном рассказе о походе Игоря, – небольшая река в половецкой степи, протекающая далеко от границ Русской земли. То же самое можно сказать и о Калке – это также маленькая степная река, расположенная вдали от пределов русских земель, где, идя навстречу врагу, русские князья в 1223 году во главе с Мстиславом Удалым действовали разрозненно и потерпели поражение, как и Игорь на Каяле в 1185 году. И вот со времени событий на Каяле и Калке и до Мамаева побоища русская земля «тужит и печалится». Мамаево побоище положило предел этой туге и печали. Как писала В. П. Адрианова-Перетц, ««жалость земли Русские», наступившая после двух поражений – на Каяле (от половцев) и на Калке (от татар), противопоставляется (в «Задонщине». – Л. Д.) «веселию и буйству», которое принесла Куликовская битва». Весь текст «Задонщины» – своеобразное противопоставление тексту «Слова о полку Игореве». Образы «Слова» приобретают в «Задонщине» противоположный смысл: теми словами, которыми в «Слове» рассказывалось о бедах Русской земли, в «Задонщине» описываются беды ее врагов – золотоордынцев, а те характеристики и описания, которые в «Слове» изображали торжество и силу половцев, в «Задонщине» соотносятся с Русью. По форме «Задонщина» как бы повторяла «Слово», а по содержанию была противоположна своему источнику. Вот описание выступления Игоря в поход в «Слове»: «Тогда вьступи Игорь князь въ злать

стремень и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше». А вот картина выступления из Москвы Дмитрия Иоанновича Донского: «Тогда князь великий Дмитрей Иванович воступив во златое свое стремя и взял свой меч в правую руку и помолился Богу и пречистой Его Матери. Солнце ему на восток сияет и путь поведает» (чтение сп. У, с. 537, в остальных списках текст близок к этому). Продолжением приведенного отрывка из «Слова» является описание зловещих предзнаменований природы: «Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо беды его пасеть птицъ по дубию, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звери зовутъ, лисици брешуть на чръленые щиты» (с. 46). В «Задонщине» эти зловещие предзнаменования относятся к войскам Мамая: «поганый Момай пришел на Рускую землю и воеводы своя привел. А уже, беды их пасоша птицы крылати под облак летят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлекчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костях бряшут» (сп. У, с. 537).

Как пишет Д. С. Лихачев, автор «Задонщины», взяв за образец для своего произведения «Слово о полку Игореве», имел в виду не простое подражание стилю своего образца, «а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в «Слове о полку Игореве» с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в «Задонщине». Такое противопоставление придавало особый смысл произведению: Куликовская битва становилась не только великим событием современности, но приобретала символическое значение в исторических судьбах Русской земли за много столетий: «"Туга", разошедшаяся в "Слове о полку Игореве" после поражения по всей Русской земле сходит с нее в "Задонщине" после победы русских. То, что началось в "Слове", кончилось в "Задонщине". То, что в "Слове" обрушилось на Русскую землю, в "Задонщине" обратилось на ее врагов».

«Так Господь Бог помиловал князей Русских, великого князя Дмитрия Иоанновича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве. И стал великий князь Дмитрий Иоаннович со своим братом, с

князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские, словно сенные стога у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иоаннович: "Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет, и скольких молодых людей недостает".

Тогда отвечает Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Иоанновичу: "Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцать бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят и три тысячи. И помиловал Бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество".

И сказал князь великий Дмитрий Иоаннович: "Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Доном и Днепром, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, в свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!"

Богу нашему слава»⁶.

Уже из процитированных выше отрывков «Задонщины» можно было убедиться, что автор ее не просто повторяет текст своего источника – «Слова о полку Игореве», переосмысляя его в соответствии с событиями Куликовской битвы, а переделывает этот текст, многое вносит от себя.

⁶ «Задонщина» // Сказания и повести о Куликовской битве / Пер. Л. А. Дмитриева. С. 137.

Однако по сути своей поэма «Задонщина» – памятник письменной литературы. «Задонщина», как уже отмечалось выше, сочетает в себе похвалу и «жалость» (плач), где автор заимствовал отдельные выражения и обороты. Автор «Слова о полку Игореве» скорбел из-за отсутствия единения между русскими князьями, он призывал их объединить свои силы для борьбы с врагами Русской земли. Автор «Задонщины» показал в своем произведении, что объединение русских князей вокруг великого князя московского привело к победе над поработителями Руси. Что касается автора поэмы «Задонщина», то из шести сохранившихся списков «Задонщины» имя рязанца Софония упомянуто в двух списках⁷.

Автор «Задонщины» задумал написать свое произведение в подражание «Слову о полку Игореве». Среди ученых принято считать, что автором «Задонщины» является «рязанец» Софоний. Однако О. П. Лихачева признает авторство Софония с рядом оговорок: «"Слово о Мамаевом побоище", не дошедшее до нас, написано было при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича человеком из окружения литовских князей Дмитрия Ольгердовича и Андрея Ольгердовича, это не противоречит нашему заключению о Софонии как предшественнике автора "Задонщины". Он как очевидец сражения написал свое произведение, которым затем воспользовался автор "Задонщины"»⁸.

Таким образом, исходя из содержания самой «Задонщины», следует признать, что Софоний не был ее автором (последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать). Но это лишь частное мнение ученого.

Между тем в книге Н. И. Никонова говорится, что Михей Галичанин, послушник Успенского монастыря, расположенного на левом берегу Дона, что в 24 км от Куликова поля, и где настоятелем был игумен Епифаний⁹, являлся участником Куликовской битвы,

⁷ Дмитриева Р. П. Об авторе «Задонщины» // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 361. 366, 367.

⁸ Там же. С. 366.

⁹ Никонов Н. И. Епифань. — СПб.: «Ладан»; Троицкая школа; «Сибирская Благовонница», М., 2008. С. 103.

где сложил свою голову и был похоронен в Симоновом монастыре Москвы. Там, как мы знаем, были похоронены богатыри Пересвет (Александр) и Ослябя (в монашестве Андрей). Воин Михей вел описание тех событий, очевидно, по поручению игумена Епифания, он написал и «Слово о Мамаевом побоище», которое сгорело в Смутное время. Боярин рязанского князя Олега Иоанновича (†1392¹⁰) Софоний Акимович Шишков часто бывал в Успенском монастыре и участвовал в Куликовской битве на стороне святого Дмитрия Иоанновича Донского. Монахи монастыря во главе с Епифанием задержали один из спешивших на помощь Мамаю отрядов, состоявший из поляков и литовцев: их хорошо угостили мясом и особенно вином. Отряд не успел на битву, и тогда солдаты сожгли монастырь и убили монахов, в том числе и Епифания.

Софоний Акимович Шишков помогал восстанавливать Успенский Скит, сожженный поляками. Затем вскоре он и сам поселился в Скиту вместе с новым игуменом Скита Филофеем. Софоний и был тем Софонием «рязанцем», который записал «Задонщину» и «Повесть о Куликовской битве», выполнив обещание, данное им игумену Епифанию. Вскоре вокруг Скита образовалось селение, которое существует до сих пор и называется Епифань¹¹. Однако существует и другое мнение о происхождении названия городка Епифани, основанного в 1560 году как крепость Верходонья. Среди бояр великого князя рязанского Василия Федоровича (†1407) упоминается Епифан Кореев, от которого городок мог получить свое название. Однако более предпочтительной представляется версия о происхождении названия от имени рязанского чашника Епифана Давыдовича во время княжения рязанского князя Иоанна Федоровича (†1456), когда земли верхнего Дона являлись дворцовыми владениями великих рязанских князей¹². Монастырь после многих потрясений закрылся в 1764 году и, как мы увидим, стал приходским храмом. Одним из первых переписчиков записей

¹⁰ Знаком † в тексте обозначается год смерти.

¹¹ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общ. ред. В. П. Гриценко. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2007. С. 175.

¹² Лаврентьев А. В. Епифань и Верхний Дон в XII—XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле / Гос. музей-заповедник «Куликово поле». — М.: «Древлехранилище», 2005. С. 18, 35.

старца Софония (Софония Акимовича Шишкова) был игумен Епифаний Премудрый, ученик Преподобного Сергия, несколько изменившего текст «Задонщины». Умер около 1420 года.

В Кирилло-Белозерском списке назван другой переписчик списка, написанного полууставом в период 1470–1490 годов. Текст «Задонщины» написан рукой монаха этого монастыря книгописца Ефросина, который начал так: «Писание Софония старца "рязанца" благослови Отче...» Очевидно, Софоний отказался поддерживать сепаратные действия Рязанского княжества во время нашествия Мамаю и покинул Рязань¹³.

Русские войска перешли Дон и встали «за Доном», у устья Непрядвы, почему и вся битва на обширном Куликовом поле получила второе название «Задонщина» – так переписчиками названа поэма, воспевающая великое событие.

Теперь о других источниках Куликовского цикла. Чтобы нам легче было понять общее содержание летописи и «Сказаний», мы в сжатом и переработанном изложении проследим историю памятников Куликовского цикла по Л. А. Дмитриеву.

«Краткая летописная повесть» почти полностью вошла в пространную. Пространная летопись наполнена целым рядом фактических сведений, которых нет в Краткой повести. В ней говорится о князе Олеге Рязанском: автор обличает его в измене Дмитрию Донскому. Пространная летописная повесть представляет собой мозаику, составленную из описания событий, обширных цитат из церковных текстов, молитв благоверного князя Дмитрия Московского, описывается переправа через Дон, утро дня битвы и подготовка русского воинства к сражению.

Главный литературный памятник Куликовской битвы – «Сказание о Мамаевом побоище», который дошел до нас, как мы знаем, в большом количестве списков. Особенностью списков «Сказания» является наличие разногласий и вариантов одной и той же редакции. С. К. Шамбинаго разделил «Сказания» на четыре основные редакции¹⁴.

¹³ Повести о Куликовской битве / Сост. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. – М., Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 404.

¹⁴ Повести о Куликовской битве. С. 324.

В Основной редакции существует несколько вариантов. Так, например, в одном из них указано участие нижегородцев, среди которых было убито 50 бояр, тогда как участие суздальцев отмечено в каждой редакции, хотя они являлись представителями единого Нижегородско-Суздальского княжества. Основная редакция «Сказания» была впервые напечатана в 1829 году и условно называлась «Печатной».

Киприановская редакция, заказанная Московским митрополитом – святым Киприаном (†1406), – входит в состав Никоновской летописи и была составлена митрополитом Московским Даниилом (†1539) в период 1426–1530 годов. В этой редакции особо подчеркивается большая роль митрополита Киприана, которую он сыграл в событиях 1380 года.

Таким образом, Киприановская редакция придает войне с Мамаем духовный, молитвенный характер. Это была война за Христианскую веру, за Православную церковь и русский народ через покровительство святого митрополита Петра (†1326) – защитника Москвы. В заглавии Киприановской редакции перечисляются святые, которые помогли русским в битве с татарами на Куликовом поле.

Создавая Киприановскую редакцию «Сказания», Даниил взял за основу своей переработки вариант, где более подробно описано движение русских войск с Куликова поля в Москву. Там же есть сведения, о которых в других источниках Куликовского цикла не говорится. Это указывает на то, что митрополит Даниил использовал другие, не дошедшие до нас источники.

Распространенная редакция «Сказания», как видно уже из ее названия, отличается от других редакций наличием в ней новых эпизодов и расширением, за счет всякого рода подробностей, общих для всех редакций эпизодов. Самые существенные вставные рассказы Распространенной редакции – рассказ о посольстве Захарии Тютчева к Мамаю и рассказ о новгородцах.

Развитие и усложнение эпизодов, присущих всем редакциям «Сказания», в рассматриваемом варианте идет путем введения дополнительных подробностей, усложнения сюжетной линии того

или другого эпизода. Так, например, во всех редакциях говорится о посылке литовским князем своего посла к Мамаю, в Распространенной же редакции называется имя этого посла – Бортеш и вводится рассказ Бортеша, характеризующий Мамаю в резко отрицательных тонах.

Во всех редакциях «Сказания» сообщается о посылке с дарами от великого князя московского к Мамаю посла Захарии Тютчева. В Распространенной редакции – большой сюжетный рассказ об этом посольстве. В сущности, это целая законченная повесть.

В основе повести о посольстве Захарии, помещенной в Распространенной редакции «Сказания», вероятнее всего, лежит устный по происхождению рассказ о хитроумном русском после. Сказочно-эпическое происхождение этой повести отчетливо проявляется и в мелких частных эпизодах ее, и в самой ее сути – в характере рассказа о том, как удалось русскому послу обмануть грозного повелителя Орды.

В Распространенной редакции «Сказания» имеется большой рассказ, в котором описывается, как в Новгороде узнали о готовящемся в Москве походе против Мамаю и как новгородцы решили пойти на помощь к великому князю московскому и осуществили это решение.

Установить время создания Распространенной редакции «Сказания» на основе имеющихся данных весьма трудно. Бесспорно можно утверждать, что эта редакция была написана до начала XVII века, так как один из списков ее находится в конце так называемого Тверского сборника, написанного скорописью начала XVII века (РНБ, фонд Погодина, № 1414).

В какое же время было написано «Сказание о Мамаевом побоище»?

Мы видели, что Летописная редакция, являющаяся переработкой Основной редакции, существовала уже в начале XVI века. Следовательно, «Сказание» во всяком случае было написано не позже конца XV – начала XVI столетия. Диапазон времени, к которому относят создание этого произведения, весьма велик: от 80-х годов XIV века до 30–40-х годов XVI столетия. Р. Г. Скрынников

считал, что «Сказание» написано в стенах Троице-Сергиевого монастыря учениками преподобного Сергия¹⁵.

«Сказание о Мамаевом побоище» А. А. Шахматов датировал первой четвертью XVI века, но основной источник «Сказания» – «Слово о Мамаевом побоище», по его мнению, было создано не позже конца XIV века. Независимо от того, признаем мы или нет существование «Слова о Мамаевом побоище», характер текстологических соотношений «Сказания» и Пространной летописной повести таков, что мы, не имея возможности непосредственно возводить «Сказание» к Пространной летописной повести или же Пространную повесть к «Сказанию», должны признать, что оба произведения пользовались каким-то общим источником или несколькими общими источниками, которые наиболее полно отразились в «Сказании».

И у нас есть основания утверждать, что в большинстве подробностей и деталей «Сказания» исторического характера, не имеющих соответствий в Пространной летописной повести, перед нами не поздние домыслы, а отражение фактов, не зафиксированных другими источниками.

В «Сказании» Дмитрий Иоаннович призывает всех русских князей бороться за православную веру. В этом обращении он называет своих сподвижников «гнездом» Владимира Киевского, образ которого, в соответствии с идеей всего памятника, описывается с церковно-княжеских позиций.

Владимир просветил Русскую землю святым крещением и заповедал всем русским князьям «ту же веру святую крепко държати и хранити и поборати по ней». Князь московский изображался как продолжатель дела, начатого Владимиром Киевским, как преемник киевских князей. Все русские князья – потомки киевских князей, но старший среди них – великий князь московский, и поэтому именно он напоминает русским князьям об их великом предке и имеет право сказать, что стоит на страже того дела, которое было начато Владимиром Киевским.

¹⁵ Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Сборник / Под ред. Б. А. Рыбакова. — М., 1983. С. 59.

Подчеркивая кротость и смирение своего героя, автор «Сказания» достаточно выразительно описывает полководческий талант Дмитрия Донского, его воинскую отвагу.

В соответствии с древнерусским литературным этикетом, требовавшим изображать каждый персонаж как идеального представителя своего класса или сословия, описаны в «Сказании» и главный герой – великий князь московский Дмитрий Иоаннович, и все остальные участники событий 1380 года. Дмитрий Донской показан как смиренный христианин, прежде всего помышляющий о Боге. Этим автор хочет не только подчеркнуть христианскую добродетель своего героя, но и показать его морально-этическое превосходство над врагами – над возгордившимся и вознесшимся в своих помыслах Мамаем, над изменниками Олегом Рязанским и Ягайлом Литовским¹⁶.

Ни одно сражение раннего средневековья не привлекло столь пристального внимания летописцев, древнерусских писателей и писателей более позднего времени. Поэтому исторические памятники о Куликовской битве известны, опубликованы, исследованы. Тем не менее ряд моментов Куликовской битвы изучен недостаточно. Это касается начала сражения, тактики боя, этапов, боевого построения подразделений и потерь русских войск.

В муках княжеских междоусобиц и тяжелой борьбы с Ордой рождалась свобода единого Русского государства, которая вернула русскому народу уверенность в своих силах с духовной, молитвенной помощью Православной церкви, начиная от времени святого равноапостольного Владимира Святославича.

*Протоиерей Александр Соколов,
член Союза писателей России, действительный
член Русского исторического и историко-родословного общества
(Москва), общества «Нижегородский краевед»
Январь 2010 г.*

¹⁶ Скрынников Р. Г. Куликовская битва. С. 347.

Великое Владимирское княжество.
Возвышение Москвы. Князья-собиратели Руси.
Святитель Алексей митрополит Московский.
Преподобный Сергей Радонежский

*Счастлив, тысячекрат счастлив, народ
В чьем духе есть те ж глубины святых
Не возмутимых и в дни невзгод,
Где всякия страдания земных
Врачуются, где разум обретет
И нищий духом на дела благая,
Затем, что там от искони веков
Царит всецело чистый ум Христов.*

А. Н. Майков. «Княжна»

времен святого Андрея Боголюбского основанная в начале XII века Владимиром Мономахом небольшая крепость Володимерь на реке Клязме превратилась в главный город Северо-Восточной Руси. Так было до нашествия Батыя, так продолжалось и в ордынский период. «Град славный Володимерь, стол земля Русская» – так писал о Владимире летописец даже в начале XV века, когда блеск возвышавшейся Москвы начинал затмевать историческое прошлое более древних городов. С установлением монголо-татарского господства над Русью Владимирское великое княжество, сохраняя свое первенствующее политическое положение среди остальных северо-восточных земель, сделалось объектом постоянных притязаний со стороны целого ряда русских князей. Последнее объясняется тем, что Орда установила свой контроль над владимирским столом. Она не допускала превращения Владимирского великого княжества в наследственное достояние какой-либо княжеской династии. Владимирское княжество

передавалось ханами лишь в управление, причем таким князьям, которые щедрее других раздавали подарки ханам и их окружению и обязывались выплачивать большую дань Орде, проводили угодную ей политику. Впрочем, от этого великое княжение не теряло своей притягательной силы. С обладанием Владимирским княжеством связывались определенные политические выгоды. Занимавший владимирский стол князь считался старшим среди остальных князей Северо-Восточной Руси: он возглавлял ее объединенные военные силы, руководил дипломатией (в тех, правда, редких случаях, когда дело касалось интересов всех княжеств), в его казну поступал ордынский выход с большинства русских земель, который затем отвозился в Сарай. Управление великим княжеством давало также возможность эксплуатировать обширные, богатые природными ресурсами земли.

Территория Владимирского княжества за время ордынского господства не оставалась неизменной: то сужаясь, то расширяясь, в 50-е годы XIV века она была весьма обширной. Помимо стольного Владимира, она включала в свой состав такие центры, как бывшие еще в первой половине XIV века столицами самостоятельных княжеств города Переяславль и Юрьев Польский, стоявший на восточной окраине Владимирщины древний Ярополч, богатейшие соляные месторождения средневековой Руси в районе Нерехты и Соли Великой (позднее – Большой), а также протянувшиеся почти до Кубенского озера заволжские земли с центром в Костроме.

Пределы других княжеств, на которые в XIV веке делилась Северо-Восточная Русь, были много скромней территорий, контролировавшихся Москвой.

На северо-западе к переяславским волостям Владимирского великого княжества примыкала территория великого княжества Тверского. Земли этого княжества, сыгравшего крупную роль в исторических судьбах Северо-Восточной Руси, тянулись неширокой полосой вдоль реки Волги от стоящего на ней Зубцова до основанного позднее, уже в XV веке, Калязина, захватывая пространства в 15–90 км от волжских берегов. Несколько уступая в размерах территории Московскому княжеству, Тверское княже-

ство превосходило его количеством городов. Помимо стольного города Твери, источники фиксируют в XIV веке и в более ранние периоды такие города Тверского княжества, как Кашин, Зубцов, Старица, Клин, Холм, Микулин, Кснятин, Хорвач (позднее Новый Городок), Белый Городок. Впрочем, два последних города были центрами удельного княжества, в 50-е годы XIV века как ремесленно-торговые пункты имели, видимо, небольшое значение¹.

В рассматриваемое время Тверское княжество управлялось потомками казненного по приказу хана Узбека в 1318 году в Орде князя Михаила Ярославича, сына Ярослава Всеволодовича, брата Александра Невского. Главный, тверской стол занимал младший сын этого князя – Василий Михайлович. Помимо собственно Твери и относившихся к ней волостей, князь Василий Михайлович владел еще Кашином, выделенным ему по завещанию отца².

Невестка и племянники Василия Кашинского (жена и дети другого убитого в Орде тверского князя Александра Михайловича) владели землями на юге Тверского княжества. Княгине Анастасии, ее сыновьям Всеволоду, Михаилу, Владимиру и Андрею принадлежали Холм, Микулин и, как можно думать на основании некоторых более поздних фактов, Старица с Зубцовом. Это был единственный удел всей семьи Александра Михайловича. Его вдова и сыновья осуществляли коллективное княжеское управление в рамках принадлежавшей им территории.

В 50-е годы XIV столетия в Тверском княжестве жили и другие потомки Михаила Ярославича. Речь идет о детях его третьего сына Константина, с небольшим перерывом занимавшего тверской стол в 1328–1346 годах.

У Константина остались сыновья Еремей и Семен. Правнуки Еремея князя Юрий и Осип носили прозвища Дорогобужских. Основываясь на этих прозвищах, историки считали, что центром

¹ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. — М., 1980. С. 26—112.

² ГЦБ, ф. 310, № 1254, л. 39 (о духовной грамоте Михаила Ярославича, по которой его отчина — Тверское княжество — была разделена между сыновьями); ПСРА, т. XV, вып. 1, стб. 49, 87—88.

владений в Тверском княжестве Юрия и Осипа, а следовательно, и их предков, был Дорогобуж. Со времен Н. М. Карамзина принято отождествлять этот Дорогобуж с селом Дорожаевом. Однако отождествление, сделанное не по совпадению, а лишь по созвучию наименований, не может считаться корректным. К тому же село Дорожаево никогда не было каким-либо административным центром.

В 1965 году выяснилось, что свои прозвища князья Юрий и Осип унаследовали от отца, который в первой половине XV века получил от великого князя литовского в кормление смоленский город Дорогобуж и ряд смоленских волостей, почему и стал Дорогобужским. Основываясь на свидетельстве польского историка XVI века Матвея Меховского о существовании в составе Тверского Клинского княжества, Б. Н. Флоря высказал мысль, что уделом предков дорогобужских князей был Клин. Это заключение подтверждается другими данными, хотя и более позднего времени. Известен живший в 80-х годах XV века праправнук князя Еремея Константиновича князь Андрей Семенович Чернятинский. Его прозвище сопоставляется с двумя селами под названием Чернятино, расположенными недалеко от Клина. Эти поздние остатки родовых владений свидетельствуют о том, что предки А. С. Чернятинского действительно княжили в Клину.

Клинский удел занимал юго-восточную часть Тверского княжества. Он простирался примерно от реки Ламы, правого притока Шоши, до стоящего на правом берегу Волги при впадении в нее реки Хотчи Белого городка. Как показывает летописное описание тверских событий второй половины 60-х годов XIV века, Клинское княжество было поделено между Еремеем и Семеном Константиновичами, причем Семен владел, видимо, его северной частью³.

Таким образом, в то время, когда малолетний Дмитрий Иоаннович стал московским князем, Тверское княжество, постоянно соперничавшее с Москвой за верховенство в Северо-Восточной Руси, было разделено на ряд уделов. Наибольший из них принадлежал тверскому великому князю Василию Михайловичу Кашин-

³ Кучкин В. А. с. 34; Борзаковский В. С. История Тверского княжества. — СПб., 1876, с. 28.

скому, остальные три – семейству покойного князя Александра Михайловича и Еремею и Семену Константиновичам.

Феодальное дробление Тверского княжества вызвало междоусобную борьбу тверских князей.

Борьба эта началась в 1346 году и длилась много лет. Она выражалась в попытках князей, занимавших великокняжеский тверской стол, ограничить власть князей удельных и усилить свою собственную. Речь, таким образом, шла о централизации власти в княжестве. Но поскольку соперничавшие князья опирались одни на Литву, другие на Москву и все контролировались Ордой, противоборство их выходило за собственно тверские рамки и долго не приводило к победе ни одной из сторон. Москва поддерживала Василия Кашинского. Ему противостояла семья Александра Михайловича, старший сын которого – Всеволод – с помощью Литвы отстаивал независимость отцовского удела, а в один из благоприятных моментов даже занял тверской стол. После смерти союзника князя Василия – Ивана Ивановича Московского – враждующие стороны помирились и в 1360 году «разделишася волостями», причем Тверь осталась за кашинским князем.

На востоке владимирские земли граничили с еще одним великим княжеством Северо-Восточной Руси – Нижегородским. Это княжество было образовано в результате политической акции Орды. В начале 1341 года хан Узбек передал находившиеся дотоле в составе великого княжества Владимирского территории Нижнего Новгорода и Городца суздальскому князю Константину Васильевичу.

В результате такого действия Орды было ослаблено великое княжество Владимирское, т.е. управлявшие этим княжеством и набравшие силу московские князья, поскольку из-под их контроля как великих князей владимирских уходила большая территория. Кроме того, на восточной окраине русских земель возникало новое крупное государственное образование, князь которого, опираясь на поддержку монголо-татар и собственные значительные ресурсы, мог вести политику, несогласованную с политикой остальных русских княжеств. Акция Орды препятствовала, таким образом, развитию центростремительных тенденций в Северо-Восточной Руси.

В 50-х годах XIV века Нижегородское княжество простиралось от реки Нерли Клязьминской и ее правого притока реки Ирмес на западе до реки Суры и ее левых притоков Пьяны и Киши на востоке, от Унжи на севере до Сары (поселения в среднем течении реки Суры) на юге. Она включала в свой состав такие города, как Нижний Новгород, Суздаль, Городец, Гороховец, Бережец и, вероятно, Унжу. Впрочем, заселена и освоена эта значительная территория была неравномерно⁴.

Наиболее населенной и окультуренной являлась древняя округа города Суздаля. Знаменитое суздальское ополье заключало в своих пределах много старинных крупных сел, зато районы, расположенные всего в 25–30 км к востоку и северу от Суздаля, представляли собой большие лесные массивы с мелкими и редкими точками поселений. По-видимому, столь же редко были заселены относившиеся к Суздалю районы верхних течений рек Уводи, Тезы и Луха. Малоосвоенной оставалась и остальная территория княжества. Даже близ Городца и Нижнего Новгорода к середине XIV века не сформировалось еще такой сельской округи, какая была у Суздаля. Городецкие села и в значительно более позднее время не отходили далеко от волжских берегов. А на территории, относившейся к Нижнему Новгороду, даже в XV веке произрастали леса площадью в несколько сотен квадратных километров. Однако экономический уровень развития самих городов был достаточно высок. Особенно это относится к Нижнему Новгороду, в XIV веке превратившемуся в один из крупнейших городов Восточной Европы. В Нижнем Новгороде получили развитие такие сложные и тонкие средневековые ремесла, как литье колоколов, золочение по меди, каменное строительство. Нижний Новгород стал вторым после Москвы городом Северо-Восточной Руси, где в 1372 году приступили к возведению стен каменного кремля. Город вырос в крупный международный торговый центр, куда со своими товарами приплывали даже восточные купцы.

В политическом отношении к концу 50-х годов XIV века Нижегородское княжество не было вполне единым. Первый нижегород-

⁴ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 36.

ский князь Константин Васильевич Суздальский в 1350 году перенес столицу княжества в Нижний Новгород, правил в княжестве единовластно и даже сделал в 1354 году (после смерти Симеона Гордого) попытку оспорить в Орде у Ивана Красного стол великого княжества Владимирского, умер в 1355 году. Нижегородское княжество он разделил на части между своими сыновьями-наследниками. Старший сын Константина – Андрей получил собственно Нижний Новгород с относившимися к нему волостями по нижней Оке и нижней Клязьме, а также по реке Волге, преимущественно по ее правым притокам. Второй сын Константина – Дмитрий-Фома получил город Суздаль и села в суздальском ополье. Возможно, ему принадлежали какие-то земли и на северо-восток от Суздаля. Третьему сыну Константина – Борису достался Городец с его волостями, расположенными по обоим берегам Волги от нижнего течения реки Унжи до позднейшей Балахны. Наконец, четвертый сын Константина, тоже Дмитрий по прозвищу Ноготь, владел подгородными суздальскими селами и землями по нижнему течению реки Уводи и ее правых притоков Вязьмы и Ухтомы.

Таким образом, во второй половине 50-х годов XIV века Нижегородское княжество оказалось поделенным на четыре части сообразно числу владельцев – наследников князя Константина. Начавшееся дробление нижегородской территории еще не повлекло за собой политического обособления местных уделов, но, видимо, на общее политическое положение нижегородских князей определенное влияние оказало. Во всяком случае нижегородский князь Андрей Константинович вынужден был заключить в 1356 году с занимавшим владимирский стол московским князем Иваном Красным договор, по которому признавал себя «братом младшим» великого князя, т. е. формально соглашался считать последнего своим сюзереном.

В нижнем течении реки Клязьмы, гранича с одной стороны с Нижегородским великим княжеством, а с другой – с территорией великого княжества Владимирского, лежало образованное еще во втором десятилетии XIII века Стародубское княжество. Размеры этого княжества по сравнению с другими были невелики. Оно

простиралось от села Палех на севере до рек Тары и Нерехты, правых притоков Клязьмы, на юге – от низовьев реки Уводи на западе до среднего течения реки Лух на востоке. Единственным городом княжества была его столица Стародуб – позднейший Кляземский городок.

Стародубские князья играли весьма скромную роль в политической жизни Северо-Восточной Руси XIV века. Обычно они выступали союзниками великих князей владимирских.

Далеко на запад от Стародубского княжества, захватывая самые истоки реки Клязьмы, лежало княжество Дмитровское. На юго-западе, юге и востоке дмитровские земли граничили с московскими. Дмитровско-московский рубеж проходил по верховьям реки Маглуши (Малогощи), левого притока Малой Истры, и реки Истры, левого притока Москвы. На востоке верховья рек Яхромы, Вели, правых притоков реки Сестры, а также верховье реки Талицы, правого притока впадавшей в Клязьму реки Вори, разделяли территории Дмитровского и Московского княжеств. На западе дмитровская территория захватывала, по-видимому, земли по верхнему течению Сестры и все течение ее притоков рек Лутосны и Яхромы, на севере и северо-востоке – левобережья рек Вели и Дубны. Таким образом, Дмитровское княжество было весьма скромных размеров, по площади своей территории оно уступало даже Стародубскому княжеству.

До середины XIV века дмитровские князья чрезвычайно редко упоминаются в письменных источниках, поэтому нет возможности судить о том, как управлялось это княжество, делилось ли оно на уделы. Есть, однако, факты, свидетельствующие о политическом бессилии дмитровских князей и постепенной утрате ими своих суверенных прав. Так, в начале XIV века князь Борис, скорее всего дмитровский, был наместником великого князя владимирского Михаила Ярославича Тверского в Пскове. Своим княжеством он тогда, по-видимому, не управлял. А в духовной Симеона Гордого (1354 г.) упоминается «село в Дмитрове, что есмь купил у Ивана у Дрюцьского». Очевидно, это тот князь Иван Друцкий, о котором говорит летопись под 1339 годом. Таким образом, где-то в

40-х – начале 50-х годов XIV века князь Друцкий приобрел село в Дмитрове, а затем уступил его Симеону Гордому. Факт существования в Дмитровском княжестве инокняжеских владений служит ясным показателем ограничения прав местных князей в отношении их отчинной территории, а покупка села великим князем – стремления московских Даниловичей утвердиться и расширить свое влияние в этом, соседнем с их собственным, княжестве.

Обширные земли в бассейнах рек Юхоти, Черемхи, Пажи, Которосли (правых притоков Волги), но главным образом в Заволжье, у озер Кубенского, Белого, по рекам Воже, Лаче, а также на севере в бассейнах рек Сухоны, Юга и на верхней Северной Двине принадлежали в XIV веке потомкам старшего сына Всеволода Большое Гнездо Константина. Представление о размерах их владений дают летописные известия конца XIV века о смерти ростовского архиепископа Федора и поставлении на ростовскую кафедру его преемника Григория. В этих известиях указываются пределы Ростовской епархии, включавшей в себя волости «Ростова и Ярославля, Белаозера и Устюга, Углича Поля, Мологи». Хотя углицкая территория в середине XIV века находилась под контролем московских князей, остальными городами с относившимися к ним волостями владели представители старшей линии Всеволода Большое Гнездо. Они правили в трех княжествах: Ростовском, Ярославском⁵ и Белозерском.

Ростов, в XIII веке бывший столицей громадной отчины великого князя Константина Всеволодовича Владимирского, в XIV веке во многом утратил свое прежнее политическое значение. Правда, он оставался центром Ростовской епископии (с конца XIV века – архиепископии) и стольным градом Ростовского княжества, но

⁵ Ярославское княжество в руках потомков Всеволода было недолго. В 60-х гг. XIII века оно перешло к смоленскому князю Федору Ростиславичу Черному, женившемуся на дочери первого ярославского князя Марии Васильевне. Затем Федор вступил в брак с дочерью ордынского хана, в крещении принявшей имя Анны. От брака Федора с Анной и ведут свое начало ярославские князья XIV–XVI веков. (Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. [В 2 т.] / А. В. Экземплярский. Т. 1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. — СПб.: Тип-я Импер. Акад. наук, 1889. Т. II. С. 83–84).

княжества, значительно уступавшего по своим размерам тому, которое существовало в начале XIII века.

В середине XIV века границы собственно ростовской территории отстояли всего на 25–70 км от самого Ростова. Зато за сотни километров от озера Неро, на берегу которого стоял Ростов, ростовским князьям принадлежали территории в несколько тысяч квадратных километров. Их центром был город Устюг.

Ростовское княжество делилось на уделы уже в XIV веке. Это о ростовских князьях можно было сказать пословицей: «Сколько ворот, столько господ». И действительно, в XV–XVI веках московским государям служили многочисленнейшие представители рода ростовских князей, давно утратившие власть над своим княжеством и опустившиеся до положения простых вотчинников средней и даже мелкой руки. «Постепенно нарастает это вырождение в XIV и XV столетиях, – писал известный исследователь русского средневековья А. Е. Пресняков, – но поворотный пункт в истории ростовских князей агиограф Епифаний правильно отметил в дни в. к. Ивана Даниловича». Однако история Ростовского княжества в XIV веке не укладывается в такую характеристику.

Как уже говорилось, московским князьям на наследственном праве принадлежало в Ростове с. Богородицкое, а как великим князьям владимирским – Сретенская половина самого города Ростова. Но, несмотря на это, Ростовское княжество до самого конца 50-х годов XIV века предстает достаточно единым государственным образованием. На протяжении более 20 лет, с конца 30-х по начало 60-х годов XIV века, в летописных источниках с эпитетом «Ростовский» фигурирует только один князь – зять Ивана Калиты, женатый на его дочери Марии, Константин Васильевич.

Именно Константин Васильевич Ростовский, единственный из местных князей, участвует в общерусских княжеских съездах, возглавляет ростовские полки, преимущественно он ездит в Орду⁶.

В 70-е годы XV века московское правительство, ведя борьбу с Новгородом, составило так называемый Список Двинских земель, в котором перечислялись захваченные новгородцами московские

⁶ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 42.

владения в Заволочье. Часть этих владений в более раннее время была подвластна Ростову. Всего в Списке указано семь крупных районов, некогда принадлежавших четырем ростовским князьям. Эти семь районов охватывали территории по нижнему течению реки Ваги и ее левому притоку реке Леди с центром в погосте Емьская Гора; по обе стороны правого притока Ваги – реки Кулоя на всем его протяжении; по реке Юмыш – левому притоку Северной Двины; в верховьях Ваги и в бассейнах ее левых притоков (Вели и Пежмы), а также правых притоков – Терменге и Двиницы (три района); по течению Северной Двины, ее левому притоку (реке Сии) и правым притокам (рекам Пингише и Челмахте). Владельцами перечисленных земель были ростовские князья Иван Владимирович, Федор Андреевич, Иван Александрович и Константин Владимирович. Все они происходили от князя Константина Васильевича Ростовского. Смежность владений четырех ростовских князей указывает на то, что ранее эти владения составляли единое целое и скорее всего при родоначальнике названных князей Константине Ростовском. Высокое положение в Ростовском княжестве князя Константина дает основания полагать, что этот князь в середине XIV века владел не только Ростовом, но и землями по рекам Ваге и Северной Двине, а также находившимся по соседству с ними вторым городом Ростовского княжества – Устюгом.

Скромность владений и положения Андрея Федоровича – лишнее свидетельство главенствующей роли в княжестве Константина Васильевича, сконцентрировавшего в своих руках и все прерогативы верховной власти, и контроль над большей частью ростовской территории. Очевидно, что в 50-е годы XIV века в Ростовском княжестве преобладали центростремительные процессы, приведшие к усилению власти одного князя. Говорить о нарастании политического распада в Ростовском княжестве в указанное время не приходится. Этот распад начался позже и под влиянием событий, определивших политические судьбы всей Северо-Восточной Руси.

К северу от Ростова лежало Ярославское княжество. Его территория включала в себя земли по обоим берегам Волги и нижним течениям ее притоков – рек Юхоти, Которосли, Шексны; боль-

шой район от верховьев реки Ухры, левого притока Шексны, до водораздела Ухры с рекой Сотью и далее на юг до Волги, а также нижнее течение реки Мологи до города Устюжна включительно. Кроме того, ярославские князья обладали небольшой территорией, примыкавшей к южному берегу Кубенского озера, и значительными пространствами к северо-востоку от этого озера в бассейне реки Кубены, доходившими до верховьев уже упоминавшихся рек Вели, Пежмы и Кулая.

Помимо Ярославля, местным князьям принадлежали такие города, как Молога и Устюжна. Во второй половине XIV века в Ярославском княжестве был основан еще один город – Романов. К Ярославлю относились также земли по реке Солонице близ крупнейших центров соляной добычи средневековой Северо-Восточной Руси – Соли Великой и Нерехты.

После смерти Федора Ростиславича Черного в 1299 году Ярославское княжество осталось единым под властью старшего сына Федора – Давыда. Давыд умер в 1321 году, оставив двух сыновей – Василия и Михаила. Считается, что во времена этих князей и произошел первый раздел Ярославского княжества: Василий сидел на столе в Ярославле, Михаил княжил в Мологе.

Только Василий Давыдович, единственный из ярославских князей, ездил в 1340 и 1342 годах в Орду, вероятно, для получения там ханского ярлыка на свое княжество. Зимой 1340–1341 годов он принял участие в общерусском княжеском съезде в Москве и в последовавшем затем походе на Торжок. Именно за Василия выдал свою дочь Евдокию Иван Калита, что лишний раз свидетельствует о верховенстве старшего сына Давыда Федоровича в землях последнего. Что же касается младшего брата Василия – Михаила, то первое летописное упоминание о нем под 1340 годом характеризует его не как молоджского князя, а как наместника великого князя Симеона Гордого в Торжке. Видимо, до своей смерти в 1345 году Василий Давыдович не делил власти в Ярославском княжестве. Оно оставалось единым. Следует думать, что это единство не нарушалось и в последующие полтора десятка лет. Во всяком случае под 1361 годом летопись называет

лишь одного ярославского князя, отправившегося за ярлыком к хану Хызру (Хидырю русских источников), – Михаила, причем ему дано определение «Ярославский». Речь, очевидно, должна идти о Михаиле Давыдовиче, прозвище которого говорит о том, что именно он наследовал брату.

Распад Ярославского княжества на уделы следует относить к более позднему времени, к периоду между 1361 и 1375 годами, когда летописи упоминают в качестве моложского князя сына Михаила Давыдовича, а сыновей Василия Давыдовича Василия и Романа – как ярославских князей, выступавших во главе своих особых полков, т. е. уже имевших свои отчины.

Перед Куликовской битвой в Ярославском княжестве насчитывалось четыре удельных княжества: Ярославский удел, Романовский удел, Моложский удел (княжество), Прозоровский удел.

С севера и запада к землям ярославских князей примыкала территория Белозерского княжества. Она включала в свой состав районы рек Лачи и Вожи и озера Белого, бассейн правого притока Шексны реки Суды, бассейн левого притока Шексны реки Согожи, земли по среднему течению реки Ухры, также левого притока Шексны, и по самой Шексне почти на всем ее протяжении. Обширные пространства Белозерского княжества были населены редко. Наиболее заселенная территория располагалась в верхнем течении Шексны, где при истоке ее из Белого озера стоял единственный город княжества – Белоозеро, после 1352 года перенесенный на южный берег озера Белого на 17 км к западу от старого города. Княжество изобиловало природными богатствами. В верховьях реки Суды были значительные выходы болотного железа, белозерские леса славились пушниной и охотничьими птицами, а реки – рыбой. Через княжество проходили важные военные и торговые пути, связывающие центральные области Северо-Восточной Руси, а также Новгород Великий с Подвиньем⁷.

К 1380 году Белозерское княжество разделилось на два удела, но единство братьев Василия Романовича и Федора Романовича со-

⁷ Белозерское княжество было захвачено в 1279 г. ростовским князем Дмитрием Борисовичем (Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 49).

хранялось. Федор Романович водил белозерские полки в походы на Тверь в 1375-м и на Куликово поле в 1380 году, где вместе с сыном Иоанном был убит. Все перечисленные княжества, за исключением более мелких, управлялись потомками Всеволода III (Дмитрия) Юрьевича (†1212) и составляли к середине XIV века то, что получило в исторической науке название Северо-Восточной Руси.

Борьба за великое Владимирское княжение происходила в основном среди сыновей Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского. Главными лицами в этой борьбе были князья Тверские, Московские и Нижегородские⁸. Кто из этих князей создаст центр, вокруг которого должна объединяться Русь, чтобы освободиться от ордынского ига, в котором она находилась с 1238 года? Это зависело и от позиции Орды, и отчасти – от позиции Литвы. На севере Северо-Восточная Русь граничила с Великим Новгородом. Новгород, простирая свою власть на обширнейшие пространства европейского Севера, стоял на северо-западе и являлся форпостом Руси. Подвластные здесь Новгороду земли включали бассейн реки Печоры и достигали западных отрогов Урала, где жила летописная югра. Тут проходили восточные рубежи новгородских владений на Севере. На западе Новгород граничил с Норвежским и Шведским королевствами, вассалом Тевтонского ордена – Ливонским орденом, а на юге, в районе верхней Ловати, ее правого притока реки Полы и близ истоков Западной Двины – с великим княжеством Литовским.

Такой центр начал создаваться еще с конца XIII века в связи с возвышением городка Москвы, которая много приложила усилий, чтобы объединить Русь молитвами великого защитника Руси святого Александра Невского в лице его потомков, начиная с младшего его сына Даниила Александровича. Тверские и нижегородские князья боролись за расширение своего княжества, будучи потомками братьев святого Александра Ярославича (†1263): Ярослава Ярославича (†1272) и Андрея Ярославича (†1264).

⁸ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 27; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901, ч. 1, с. 18–21.

Как известно, Москва впервые упоминается в летописи в 1147 году, при первом суздальском князе Юрии Долгоруком. В то время это было княжеское село или хутор, расположенный по берегу реки Москвы, на крутом Боровицком холме; население его состояло тогда из дворовых слуг князя с дворецким во главе.

Это село стало городом при Андрее Боголюбском, когда он переехал на княжение из Вышгорода во Владимир. Он обвел село рвом и валом, а на валу устроил тын из поставленных стоймя и заостренных сверху бревен. Это-то укрепление и стало называться кремлем⁹. С этих пор в Москве стали жить также и военные люди, дружинники князя, находившиеся под начальством особого воеводы, тысяцкого.

Первоначальный кремль был в несколько раз меньше нынешнего и занимал очень небольшую часть Боровицкого холма. В середине его находилась деревянная церковь святого Иоанна Предтечи. Другая, тоже деревянная, называвшаяся Спас на Бору, стояла уже вне городской ограды¹⁰. Кругом горы были еще покрыты густым лесом, среди которого были расчищены места для пашни, да кое-где стояли слободы и деревушки. Москва начала собирать вокруг себя русские земли.

Святой князь Даниил Московский. До смерти Александра Невского Москва была пригородом стольного города Владимира и особых князей не имела, хотя великие князья иногда посылали сюда своих сыновей. По завещанию Александра Невского она досталась его младшему сыну Даниилу и с этих пор сделалась уже особым удельным княжеством. В наследство от отца Даниил получил небольшой удел, простиравшийся на севере до реки Учи, на юге – до Пахры, на западе – до Рузы и на востоке – до Дрезны. По площади – это лишь небольшая часть современного Подмосковья.

⁹ «Кремль» то же, что «кремь», означает крупный сосновый лес. Укрепление было названо так потому, что холм, на котором оно находилось, в старину был покрыт сосновым лесом, бором; на это указывает также название «Боровицкий холм».

¹⁰ Древняя Русь: первая книга для чтения по отечественной истории: [Для детей / Сост. В. Соколов, В. Хитров]. — М.: Современ. писатель, 1993. С. 198.

Даниил Александрович был образцовым князем своего времени. Вся жизнь его прошла в хлопотах и заботах о распространении и устройении княжества. По характеру он был человек миролюбивый, но смело брался за оружие, когда его владениям грозила какая-нибудь опасность.

За годы своего долгого и беспокойного правления Даниилу удалось значительно расширить границы Московского княжества, заложить основы его могущества. У Рязани была отвоевана Коломна – богатый торгово-ремесленный город, стратегически важная крепость у слияния Москвы-реки с Окой. Под конец жизни Даниил сумел приобрести Переяславль-Залесский, а также усилить свое влияние в Новгороде Великом. Московичи под водительством своего князя активно участвовали в многочисленных усобицах, скрещивали мечи с литовцами и даже с татарами. В 1283 году Москва и ее окрестности испытали опустошительное ордынское нашествие – Дюденеву рать. Но, несмотря на это, Московское княжество при Данииле выдвинулось в число сильнейших на Руси. На службу удачливому и щедрому князю из разных земель собирались знатные люди, составившие костяк московского боярства. Москва богатела, росла. Становилась напряженнее ее духовная жизнь. В нескольких верстах от города был основан новый монастырь во имя преподобного Симеона Столпника¹¹.

Когда Даниил получил в свои руки Московское княжество, оно заключало в себе только один город да несколько десятков сел и

¹¹ Вскоре после смерти Даниила монастырь этот пришел в запустение, так что на его месте осталась только церковь во имя Даниила Столпника да небольшая слобода, носившая название сельца Даниловского. Лет двести спустя мимо этого сельца проезжал со своими отроками княживший тогда на Москве великий князь Иоанн III. Вдруг, говорит предание, под одним из отроков споткнулся конь и перед ним явился неизвестный муж в княжеском одеянии. Отрок испугался, но князь сказал ему: «Не бойся меня: я христианин, месту же сему господин; имя мое Даниил, князь московский; я погребен на этом месте. Ты же, юноша, скажи великому князю Иоанну: "Себя ты всячески утешаешь; зачем же меня предал забвению? Но если и ты забыл меня, то не забыл меня Бог"». Отрок рассказал о своем видении великому князю, и Иоанн повелел творить ежегодные панихиды по своему прародителю и раздавал в память его щедрую милостыню. Впоследствии здесь снова был устроен монастырь, существующий и донныне.

деревень, а в конце его жизни это было одно из самых сильных и благоустроенных владений во всей Северо-Восточной Руси.

Князь Юрий Московский. Даниилу Александровичу наследовал его старший сын – Юрий. Но этот князь немного сделал для своего удела. Вся его жизнь прошла в борьбе с Михаилом Тверским за великое княжение Владимирское, так что о Москве заботиться ему было некогда; он даже почти не жил в Москве, потому что находился в разъездах.

Мечом и копьем он отбил и навеки закрепил за Москвой старинное смоленское владение – Можайск. А вскоре и заявил права на «старейшинство» среди русских князей – на великое княжение Владимирское в 1318–1322 годах. Но на пути стояла сильная соперница – Тверь, которая в своем возвышении опережала Москву. Началась многолетняя ожесточенная борьба Юрия Даниловича Московского и Михаила Ярославича Тверского за великокняжеский престол.

Но кому быть победителем, решала Орда, сообразуясь со своей выгодой. Сначала хан Тохта отдал ярлык на великое княжение Владимирское Михаилу. Туго пришлось Москве в то время. Дважды тверские дружины осаждали город, разоряли его окрестности.

Приходили на Русь и ордынские рати. Однако неудачи не могли сломить Юрия Даниловича. Он продолжал борьбу. Весомым и неожиданным подспорьем ему явилась благосклонность главы Русской церкви митрополита Киевского и всея Руси Петра. Иерарх немало претерпел от Михаила Тверского, пытавшегося отстаивать самостоятельность тверской духовной власти. Отстаивая права Москвы на ее духовную власть, Петр стал защитником Москвы. И она отплатила ему добром.

Так наметился союз московских князей и Православной церкви, сыгравший впоследствии огромную роль в судьбах Руси.

Поддержать Москву наконец решилась и Орда. Вошедший в силу тверской князь стал для нее опасен. Новый хан Узбек, дальновидный и коварный, отдал в жены Юрию Московскому свою любимую сестру Кончаку и в 1319 году пожаловал его ярлыком на великое княжение Владимирское. Теперь пришла очередь уже Ми-

хаилу Ярославичу отстаивать свою власть. В жестокой сече на Бор-тенева он наголову разгромил московско-татарское войско. Юрий Данилович бежал, Кончака осталась в руках победителей и вскоре умерла в плену. И все же силы были неравны. В конце концов Михаил Тверской вынужден был смириться и отдать себя на суд хана. Узбек приказал лишить его жизни. В зверском убийстве принимали участие и люди московского князя. Михаил Тверской обрел вечную славу мученика за веру и был причислен к лику святых.

Торжество московского князя оказалось недолгим. Его непокорное поведение, неуплата им дани сполна и чрезмерное усиление побудили Узбека наслать на Русь новую рать во главе с «лютым послом» Ахмылом, а самого Юрия Даниловича лишить великого княжения. Ярлык был отдан сыну убитого тверского князя Дмитрию Михайловичу по прозвищу Грозные Очи (1322–1325 гг.). Пытаясь вернуть милость хана, Юрий Московский явился на суд в Орду. Желая отомстить за погибшего отца, Дмитрий Грозные Очи выхватил меч и расправился с Юрием. Хан Узбек казнил самоуправца, но оставил ярлык на великое княжение Владимирское за его сыном, Александром Михайловичем Тверским, с 1326 до 1327 года.

Дело Москвы казалось безнадежно проигранным. Взошедшему на престол последнему из братьев Даниловичей – Ивану – пришлось начинать все сначала.

Новый князь был уже в зрелых летах, умудрен жизненным и государственным опытом. Не в пример покойному старшему брату Иван умел обуздывать свои страсти, действовать осмотрительно и расчетливо, идти к цели шаг за шагом, постепенно, но неуклонно. В трудный час Москву поддержал ее давний доброжелатель – митрополит Петр. Он был митрополитом Киевским и Владимирским и первым митрополитом Московским.

Иоанн Данилович Калита I (1304 – 31 марта 1325 гг.), великий князь владимиро-московский, сын князя московского Даниила Александровича, наследовал Московское княжество в 1325 году после брата своего Юрия.

При жизни Юрия Иоанн не играл большой роли, исполняя только поручения брата, начавшего ожесточенную борьбу с Тверью за пер-

венство. В 1304 году, отправляясь в Орду для решения своего спора с Михаилом Тверским, Юрий оставил Иоанна блюсти Москву.

Митрополит Петр жил во Владимире-на-Клязьме. Объезжая паству, святой Петр заезжал в Москву к князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этот князь в маленьком городке, в бедном тереме над Москвою рекою, частенько долго и по душе беседовал князь со святителем о несчастных делах Русской земли, как все-то князья ссорятся друг с другом, никого не слушаются, татары вмешиваются в ссоры их, и идет повсеместная война и разорение. Митрополит говорил князю Ивану Даниловичу:

— Всех перевидал я князей и всех их знаю; есть между ними и доброго нрава, да горячи и легкомысленны: в даль не смотрят, а только думают, как бы нынче прошло хорошо; думают о себе, а не о народе, не о всей Руси. И от разделения их вся-то Русь пополам распалась: одна часть под Литву подпала, другая — под татар. А князьям и горя мало: от татарского насилия страдают и вздыхают, а о том и не думают, как бы дело повести так, чтобы хоть со временем детям и внукам совсем от татар избавиться.

Из всех князей только ты, Иван Данилович, нрава твердого и ума великого. Принимайся с Богом за собирание земли под одну руку твою. Ты бережлив, казны у тебя много, и так тебя прозвали «Калита», полный мешок. Скупай от князей села и города: им деньги нужны, задаром волости продают. И устройся так, чтоб у тебя народу было жить хорошо, и народ отовсюду к тебе потянет. А я в Москве поселюсь и в ней свой престол митрополичий поставлю, и буду помогать тебе советом и делом, и молитвами моими перед Господом и Пресвятой Богородицей. Еще когда на родине моей, в земле Галицкой, удалился я в пустыню, и потом помог мне Господь устроить там монастырь, и объезжал паству митрополит Максим, и в нашу землю приехал, вышли мы, иноки, от него благословиться; и поднес я владыке моей рукой написанную икону, как она мне явилась в сонном видении. И принял ее митрополит и облобызал, и потом украсил ее золотом и камнями, и всегда хранил в келье своей. По кончине его выбрали меня, недостойного, митрополитом всея Руси, и поехал я к патриарху в Царьград на ставление.

Оказалось, что в то же время, попустил Господь, игумен Геронтий

взял от того покойного владыки утварь святительскую, и жезл, и икону Успения, и отправился тоже в Царьград к патриарху, думая обмануть его и получить митрополию всея Руси¹². Значит, сами того не зная, на разных кораблях плыли мы к Царьграду. Мне был ветер попутный и плаванье тихое; я приехал и был посвящен в сан митрополичий патриархом, как вдруг приезжает и Геронтий, и как вошел к патриарху, так и пал ему в ноги, и начал каяться и просить прощения. И рассказал он, что как плыл он по морю, его постигла жестокая буря, и все думали, что уж погибнут. И впал он, Геронтий, якобы в забытие; в этом забытии явилась ему Божия Матерь и сказала: «напрасно трудишься, сан святительский достанется не тебе». И устрашился он, и положил, если Бог его помилует, жизнь оставит, то как приедет в Царьград, во всем покается патриарху.

И Господь помиловал, и вот он принес и похищенную им утварь святительскую, и жезл, и икону, да примет их тот, кому они принадлежат по праву. И все мы дивились неизреченному чуду: патриарх простил Геронтия, видя слезы его, и все мы купно прославляли Господа и молили, да не оскудеет промысел Его над нами. Так икона моя опять перешла ко мне, и ее-то хочу я поставить у тебя в Москве: да примет Царица небесная под святой покров Свой твои благие начинания.

Ты же построй во имя Ея, во имя Успения Пресвятыя Богородицы соборный храм, и пророчу тебе, что если ты меня во всем слушаешь, то и сам прославишься с родом твоим больше других князей, и город твой прославится надо всеми русскими городами: святители после меня будут жить в нем; руки его взыйдут на плечи врагов его; и Бог прославится в нем.

¹² Став в 1305 году великим князем всея Руси, тверской князь Михаил Ярославич сразу же решил подчинить своему контролю и митрополичью кафедру, выдвинув на нее в 1305 году, после смерти митрополита Максима, своего кандидата — Геронтия. Однако константинопольский патриарх не поддержал настойчивых просьб Твери и поставил митрополитом всея Руси в 1308 году галицкого кандидата — игумена Петра, который вскоре был благосклонно принят в своей резиденции во Владимире. Весьма характерно, что и ордынский хан Тохта также не стал содействовать дальнейшему усилению Твери и 12 апреля 1308 года выдал ярлык на митрополию игумену Петру. (См.: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды на рубеже XIV—XV вв. — М., 1975. С. 41).

Так беседовал святитель с князем. Послушался его князь Иван Данилович. Стал он скупать как можно больше земель от соседних князей; иные, может быть, и знали его тайную думу об освобождении от татар, и сами, умирая, отказывали ему свои владения¹³.

В 1320 году Калита участвовал в походе брата, тогда уже великого князя, на Иоанна Ярославича, князя рязанского, и в том же году уехал в Орду, где прожил более года; конечно, он действовал там против тверского князя, который получил в Орде ярлык на великое княжение. Калита возвратился из Орды в 1322 году с послом Ахмылом, который, вероятно, послан был ханом привести в порядок дела на Руси, но только «много пакости сотвори по Низовской земле», разграбил Ярославль и ушел обратно в Орду. В конце 1325 года умер Юрий, а в 1326 году Иоанн уже отправился в Орду. В 1327 году, после избиения в Твери посла татарского Шевкала с его свитой, Калита (неизвестно, по собственному ли почину или по требованию хана) опять отправился в Орду, откуда возвратился с пятью темниками, т. е. с довольно значительным татарским войском, при помощи Александра Васильевича, князя суздальского, он взял Тверь, Кашин и опустошил тверскую новоторжскую волость; Александр Михайлович, князь тверской, бежал с братьями из Твери еще до прихода татар. После этого Калита уже чувствует себя как бы великим князем: он смело посылает в Новгород своих наместников и опять отправляется (1328 г.) в Орду и вместе с ним под его покровительством – брат бежавшего Александра, Константин. Иоанн Данилович объявлен был великим князем, а Константин – тверским. Вместе с тем хан приказал представить в Орду князя Александра Михайловича.

В 1338 году князь Александр, прощенный ханом, возвратился из Орды на тверской стол. Иоанну, следовательно, угрожала с его стороны опасность; опасность угрожала ему и с другой стороны: среди удельных князей росло недовольство тем, что он слишком явно распоряжался в уделах суздальской земли: в Ростове его боярин Василий Кочева вмешивался во внутренние дела города,

¹³ Майков А. М. Рассказы из русской истории // Майков А. М. Полное собрание сочинений. Том третий / Приложение к журналу «Нива» на 1914 г. — СПб., 1914. С. 303.

обирал жителей и т. п.; даже зять его, князь Василий Давидович Ярославский, был против него. Ввиду этих затруднений Калита в 1339 году, отправил в Новгород младшего сына своего – Андрея, сам со старшими Симеоном и Иоанном отправился в Орду. Там он, конечно, не жалел казны своей; и он, и дети его были в Орде в чести, и в том же году «думую его», т. е. по его советам, хан Узбек позвал в Орду всех князей. Поехал туда, между прочим, и зять Калиты, Василий Ярославский, но Иоанн Данилович по каким-то своим соображениям выслал 500 человек, чтобы перехватить его; однако Василий ускользнул от погони.

Когда Калита возвратился из Орды, новгородцы прислали к нему с послами выход; но великий князь через тех же послов требовал еще «запроса царева, чего у него царь запрошал». Новгородцы отказали, говоря, что «того не бывало от начала миру». Калита, однако, ничего не предпринял против них: его заботили дела в Орде. Осенью 1339 года он снова послал туда детей своих Симеона, Иоанна и Андрея, отца Владимира Храброго, и 22 октября того же года в Орде убиты были князь Александр тверской и боярин его Феодор. В Твери оставались теперь совершенно безопасные для Иоанна князья Константин и Василий, братья Александра.

Калита по смерти Александра приказал снять колокол с главного тверского храма Святого Спаса и отправить его в Москву. Это имело символическое значение верховенства московского князя над тверским. После смерти Александра дети Калиты отпущены были из Орды «с любовью». Таким образом, великий князь оградил себя от всяких опасностей как со стороны Орды, так и со стороны Твери и опять обратился в Новгород, но неожиданно отвлечен был в сторону Орды. В 1340 году он снова туда поехал: хан посылал войска свои на смоленского князя Иоанна Александровича; к ним должны были присоединиться со своими ратями и все северорусские князья. В стремлении своем сделать Москву силой, первенствующей в политическом отношении, Иоанн Данилович постарался сделать ее такой же и в церковном: вследствие его убеждений митрополит Петр переселился из Владимира в

Москву и здесь 4 августа 1326 года заложил на месте деревянного каменный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы.

Иоанн Данилович был женат трижды; от первого брака с Еленой (†1321), происхождение которой неизвестно, он имел сыновей Симеона, Даниила, Иоанна, Андрея и дочерей Феотинию, Марию, Евдокию и Феодосию; от второго брака с Ульяной (†1331), имя отца которой также неизвестно, он имел одну только дочь. Третья жена – Соломония (†1342), отец которой тоже неизвестен.

«Наста насилдование много, сиречь княжение великое Московское досталось князю великому Ивану Даниловичу», – говорит летописец; но затем в летописи же читаем: «...и бысть оттоле тишина по всей Русской земле на 40 лет и пересташа татарове воевати Русскую землю».

За время своего княжения Иоанн Калита шесть раз ездил в Орду и отстаивал свои права. Во времена Калиты при непосредственном участии митрополита, высшего духовенства, московских бояр и, вероятно, ближайших к Москве удельных князей неоднократно обсуждались все вопросы, относящиеся к положению дел в Русской Земле; по особому благословению Божию впервые все Московские митрополиты были людьми, горячо преданными Русской Земле. Святой Феогност был достойным преемником Святого Петра и горячим сподвижником Калиты во всех его делах по устройству земли.

Трудясь над собиранием земель, Калита не менее усердно заботился и о застроении и украшении Москвы. Он обнес и расширил Кремль дубовыми стенами в 1339 году. Кроме храма Успения Богородицы, воздвиг еще три церкви: Спаса на Бору, Михаила Архангела и Ивана Лествичника под колокольной (впоследствии «Иван Великий»).

Сооружение Успенского собора начиналось на деньги святого митрополита Петра, который завещал для этого все свое состояние. Всей постройкой Успенского храма заведовал тысяцкий Протасий, потомок знаменитого Шимона Варяга. Иоанн Калита составил две духовные грамоты, где завещал веси, города и волости, но старшему Симеону дал больше, чем другим. Город же Москва

был им отдан в общее пользование всем троим и жене. Это распоряжение, которого придерживались и последующие великие князья Московские, было крайне мудро, так как, владея сообща Москвой, братья поневоле постоянно виделись, имели общие заботы, были близки друг другу и при благословении митрополита решали все возникающие вопросы о Русской Земле.

Набожный Иоанн понимал, что господином на Руси будет тот князь, который сумеет сделаться духовно и материально богаче других, и стал всеми силами стремиться к такому обогащению. Он был такой же отличный князь-хозяин своего удела, как и его отец. Главной его заботой было привлечение в свои владения как можно большего количества народа. В те времена окраины русской земли подвергались беспрестанным литовским и татарским набегам; немало также терпело русское население от грабежей новгородских повольников. Всего менее страдала от этих хищников Москва: она находилась как раз посередине русской земли и была со всех сторон окружена другими русскими княжествами, которые закрывали ее и от Литвы, и от татар, и от новгородских ушкуйников. Оттого народ со всех окраин стремился к Москве, и Иван Калита сумел отлично воспользоваться этим, чтоб увеличить население своего княжества: он отводил пришельцам землю, давал им разные льготы, строил для них села и деревни. Вместе с тем он беспощадно преследовал разбойников и воров, которыми кишела тогда русская земля, и добился того, что в его владениях наступила полная безопасность. Народ очень ценил эту заслугу Калиты; даже спустя много лет после его смерти, когда хотели помянуть его добром, говорили: «Он истребил татей в земле своей». Иоанн Данилович устроил в Мологе большую ярмарку; а как он всю землю свою постарался очистить от разбойников, и по рекам учинил стражу, чтоб не грабили товаров, там проходивших, и везде устроил правильный суд, а дела свои с татарами вел так, что они не показывались в его владениях, и была при нем на Руси «тишина великая», — то в земли его стало переходить много народу из других княжеств; и народ стал богатеть от промыслов и торговли.

В это время в Москве жило уже много и торговых людей. Они населяли посады и слободы, лежавшие около кремля. Главный посад на восток от кремля назывался Большим посадом. Там при Иоанне Калите находился уже монастырь, известный под именем Богоявленского¹⁴.

Много потрудился Иоанн Калита для своего княжества, но зато достиг своей цели – сделался самым богатым из русских князей.

В те времена население Северо-Восточной Руси делилось на три разряда: людей служилых, которые составляли дружину князя, людей черных, которые занимались разными промыслами и обязаны были платить князю подати, и на холопов, которые должны были работать на князя.

Последние по своим занятиям разделялись на бобровников, ловивших для князя бобров, бортников, собиравших в бортях (дуплистых деревьях) мед, рыболовов, ловчих, сокольников, конюхов и пр. Жили они особыми слободами на княжеских землях и находились под управлением дворского, или дворецкого, заведовавшего княжеским дворцом.

Так как ни одно княжество не было так многолюдно, как московское, то и ни один князь не получал столько дохода, сколько приходилось получать Ивану Калите. Немало выгод приносила ему и торговля: через Москву проходил тогда торговый путь, по которому из рязанской и суздальской земель отправляли в Новгород хлеб, мед, воск; со всех этих товаров в княжескую казну собиралась торговая пошлина. Но Калита не довольствовался доходами, которые получал со своего княжества. Он еще отправлял многочисленные ватаги (группы) промышленников к Белому морю за птицей, зверем и моржовыми клыками, которые тогда были в большой цене.

Умея собирать деньги, Иван Калита умел и беречь их. Оттого ни у одного князя не было такой богатой казны, как у него. Но Иоанн Калита был богат и военными силами: служить богатому князю было выгоднее, чем бедному, и служилые люди стекались к Калите из всех княжеств; приходили даже из чужих стран. Не-

¹⁴ Древняя Русь: первая книга для чтения по отечественной истории. С. 200.

которые обедневшие князья тоже стали поступать на службу к московскому князю: быть московским боярином сделалось выгоднее, чем сидеть на своем опустевшем уделе.

В 1328 году Иоанн Калита получил по воле Узбека великое княжение, и с этих пор оно почти никогда уже не выходило из рук московских князей – потомков Ивана Калиты.

Александр Невский был последним великим князем, который не только назывался владимирским, но и жил во Владимире. После него великие князья только назывались владимирскими, а жили уже не во Владимире, а в своих уделах. Так же поступил и Калита: получив великое княжение, он остался по-прежнему жить в Москве. Таким образом, Владимир перестал быть столицей великого князя.

Сделавшись великим князем, Калита всеми силами старался поддерживать к себе доверие и расположение Узбека, чтобы с его помощью утвердить свою власть во всей Северо-Восточной Руси.

Вскоре, правда, Орда решила все же указать Москве подобающее ей место: как мы знаем, великокняжеские города Нижний Новгород и Городец были отданы суздальскому и нижегородскому князю Константину Васильевичу.

Тем не менее Иван Данилович оставался сильнейшим среди русских правителей. Он не жалея сыпал в Орде деньгами на подарки хану, его женам, советникам и любимцам и вошел через это к Узбеку в милость.

Пользуясь благоволением хана, Калита мог уже вполне самовластно распоряжаться во всей Северо-Восточной Руси: никто из ее князей не смел ослушаться его, потому что все знали о милостях к нему хана и боялись его не менее самого Узбека. Рязанские, суздальские, даже тверские князья ни в чем не выступали из его воли, а в княжествах Ярославском и Ростовском он распоряжался как в своем собственном: однажды ростовские князья чем-то не угодили ему, и Калита послал к ним двух бояр своих, которые расправились с ростовским княжеством как с завоеванной страной.

«Горе, горе Ростову и князьям его, – писал по этому случаю ростовский летописец, – отнялась у них власть и имение, вся же честь и слава отошла к Москве».

Не привыкли русские князья к такому самовластию со стороны великого князя и горько жаловались на Калиту.

«С началом его княжения, – говорили они, – начались насилия для других княжеств».

Но все население Северо-Восточной Руси было очень довольным новым порядком. После смерти Александра Невского оно видело только княжеские усобицы да татарские погромы и теперь впервые вздохнуло спокойно. Ни один князь не смел затеять при Калите усобицы, да и татарским полчищам незачем уже было появляться на Руси; сами послы ханские стали меньше своевольничать. Уже много лет спустя после смерти Калиты один летописец, рассказывая о нем, заметил: «И с тех пор наступила тишина великая по всей русской земле, и татары перестали воевать ее». Вот за эту-то давно не виданную тишину русская земля надолго сохранила об Иване Калите добрую и благодарную память.

Сделавшись великим князем, Иван Калита получил от хана право собирать дань со всех русских князей, на «выход» в Орду. Непосредственный сбор татарской дани с населения московских уделов осуществлялся данщиками удельных, а не великих князей, но собранные деньги вносились в великокняжескую казну. Но многие удельные князья в то время уже так обеднели, что были не в состоянии платить эту дань. За таких князей Калита платил сам, а они за это отказывались от прежних самостоятельных прав в своих владениях и обращались в простых наместников великого князя. Другие же князья, чтобы заплатить дань, продавали Калите в своих уделах села и даже целые города. Этим путем Калита значительно расширил свои владения и положил начало собиранию Северо-Восточной Руси вокруг Москвы, за что и получил в истории характеристику «собирателя русской земли». Будучи благочестивым, он отличался любовью к книжному просвещению, за что был прозван «любомудрия желателем и иноческого жития ревнителем». Он приказал поставить кельи около церкви Спаса на Бору, находившейся на его княжеском дворе, и перевел сюда иноков из отцовского Данилова монастыря. Таким образом, подле самых хором княжеских возник Спасский придворный мона-

стырь, и Иван часто удалялся в него для того, чтобы послушать от иноков доброго церковного учения.

Калита славился «нищелюбием» и не пропускал ни одного бедняка, «всегда простирал неимущим неоскудную руку». Сложилось даже предание, что и Калитою-то он был прозван потому, что всегда имел при себе мешок с деньгами, из которого и подавал нищим, сколько вынется.

В Спасском монастыре, как и в других русских обителях, существовал обычай призрывать, кормить и одевать нищих и убогих, для которых в те времена, кроме монастырей, не было других убежищ. И нищелюбивый князь часто приходил в свой монастырь, чтобы самому ухаживать здесь за призреваемыми бедняками.

В народе ходило следующее предание о «нищелюбии» Ивана Калиты.

Подходит раз к князю нищий и получает милостыню; подходит в другой раз, и князь дает ему другую милостыню; тогда нищий подходит в третий раз; князь не стерпел и, давая милостыню, сказал ему: «На, возьми, несытые зенки (глаза)!»

«Сам ты несытые зенки, – возразил ему нищий. – И здесь царствуешь, и на том свете хочешь царствовать!»

Этими словами нищий хотел сказать князю, что он милостынею и нищелюбием заслужит себе у Бога царство небесное.

«Из этого и стало ясно, – так заканчивается предание, – что нищий был послан от Бога искусить князя и возвестить ему, что Богу угодно то дело, которое он творил».

По обычаю своего времени перед смертью Калита принял пострижение в своем любимом Спасском монастыре с именем инока Анания, а погребен был в построенном им в Кремле соборе святого архангела Михаила, где и в настоящее время находится его гробница; в том же соборе на южной стене находится его иконописное изображение. Своим преемникам собиратель русской земли оставил завет продолжать из рода в род начатое им дело усиления Москвы. Этот завет для них был как бы свечой, указывающей путь к спасению Руси, пламя этой свечи они должны были усердно поддерживать.

За русской митрополией стоял Константинопольский патриархат, который окормлял духовные дела всего православного мира. Иоанн Данилович сделал все, чтобы присланный из Царьграда преемник митрополита Петра грек Феогност стал духовным поборником дела Москвы.

Еще при жизни Иоанна Калиты был подготовлен преемник митрополита Феогноста, митрополит Алексей. Его отец – черниговский боярин Федор Бяконт – приехал на службу к князю Даниилу Александровичу и отрок Иоанн Калита был крестным старшего сына Федора Елевферия, будущего митрополита Московского Алексея.

Семен Иванович Гордый (в крещении – Симеон, в схиме – Созонт) (1316 – 27 апреля 1353 г.) – московский и великий владимирский князь, старший сын московского и владимирского князя Ивана I (Иоанна) Даниловича (Данииловича) Калиты, с 1328 по 1340 год княжил в Нижнем Новгороде¹⁵.

31 марта 1341 года не стало великого князя Иоанна Даниловича Калиты. Русские князья спешили в Орду, где должен был решиться вопрос о преемнике скончавшегося великого князя. Симеон с братьей (Иваном и Андреем), Константин Тверской, Константин Нижегородский, Василий Давидович Ярославский и «прочие князи Русии» летом 1341 года были уже в Орде, а «той же осени выиде из Орды на великое княжение князь Семен Иванович» и «все князи Рускиа под руце его даны». 1 октября 1341 года князь Симеон Иоаннович «сее на столе во Володимери». Симеон Иоаннович вступал на великокняжеский стол при очень счастливых для себя условиях. Московское княжество, выдержав тяжелую борьбу с Тверью за права на великокняжеский стол, несомненно, занимало уже первенствующее положение между всеми русскими княжествами. Счастливое географическое положение гарантировало Москве быстрый прирост населения. Умело поставленное частное великокняжеское хозяйство обеспечивало всевозрастающее благосостояние княжества. Трудом Иоанна Даниловича упрочились вполне дружественные отношения между Москвою и Ордой. Наконец

¹⁵ История России в лицах. V–XX вв.: Биографический словарь / Под ред. В. В. Каргалова. — М.: Рус. слово, Рус. истор. общ-во, 1997. С. 53.

предшественники Симеона Иоанновича в общих чертах наметили ту политическую программу, следуя которой великий князь обеспечивал благосостояние и верный рост Московского княжества. Личными своими качествами Симеон Иоаннович как нельзя лучше отвечал запросам времени. Проникнутый всецело традициями своих предшественников, умудренный практической деятельностью отца, имея и сам уже достаточный навык в делах правления, Симеон Иоаннович имел все данные, чтобы продолжать дело первых московских князей-собирателей. Деятельность московских князей-собирателей представляет собой вполне законченное целое. И в этом целом деятельность каждого отдельного князя – звено, прочно скрепленное со звеньями последующим и предыдущим.

Церковные дела также сильно занимали великого князя. В начале 50-х годов XIV века в Галиче была основана особая митрополия с подчинением ей всех епархий Юго-Западной Руси. Тем самым нарушалось единство Русской православной церкви. Князь Симеон Иоаннович и митрополит Феогност в 1346 году обратились к константинопольскому патриарху с просьбой не допустить нежелательного для Руси нововведения. В августе 1347 года византийский император издал так называемую Золотую буллу (грамоту), которой упразднил новую русскую митрополию. В этой грамоте император, между прочим, указал, что сделал это по просьбе великого князя всея Руси, а также ради «добродетельной и богоугодной жизни» митрополита Феогноста.

Именно единство митрополии в значительной степени связывало раздробленную Русь, поэтому князь Симеон и Феогност так горячо выступали против отдельной Волынской епархии. В конце 1352 года великий князь отправил в Константинополь от своего имени и от имени Феогноста послов с просьбой назначить на московскую кафедру в случае смерти Феогноста епископа Владимирского Алексея. Ответы императора и патриарха не застали уже в живых ни Симеона Иоанновича, ни митрополита. В 50-е годы XIV века страшная болезнь, известная под именем «черная смерть», унесла в могилу большую часть населения Западной и Центральной Европы, не обойдя стороной Русь, опустошив мно-

гие ее города и селения. От моровой язвы, как называли на Руси эту эпидемию, пострадало множество простого люда, крупных и мелких феодалов как светских, так и духовных.

Великокняжеская семья также понесла существенные потери: «В лето 6861 (1353 г.), марта в 1 день, преставися преосвященный Феогность митрополит всея Руси... а на той же недели преставишася два сына великаго князя Семена: Иоанн да Семен. Тое же весны, априля в 27 день, преставися великий князь Семен Иванович, и положен бысть в церкви святого Архангела Михаила на Москве». Из всего семейства Калиты в живых остался только второй его сын, Иван Кроткий, с малолетним сыном Димитрием и племянником Владимиром Андреевичем.

В 1508 году прах князя Симеона Иоанновича был перенесен с места своего упокоения в новый храм Архангела Михаила, заложенный еще Иваном III Васильевичем.

Симеон Иоаннович был трижды женат: в 1333 году – на великой литовской княжне Айгусте Гедиминовне (в православном крещении – Анастасии), от брака с которой имел двоих сыновей – Василия и Константина, а также дочь Василису; после смерти Анастасии в 1345 году женился на упоминавшейся уже Евпраксии Федоровне, но через два года развелся с нею; в 1347 году вступил в брак с тверской княжной Марией Александровной, от которой имел четверых сыновей – Михаила, Ивана, Семена и Даниила. Все сыновья Семена Ивановича Гордого умерли во младенчестве. Почти все исследователи в оценке Семена Ивановича Гордого сходятся на том, что он являлся видной личностью среди первых московских князей-собирателей. Он умело продолжал дело, начатое его предшественниками, представляя собой зарождавшийся тип московского государя, который окончательно сложился в XVI веке. Своими личными склонностями Семен Иванович напоминал отца: он любил церковное благолепие, строил храмы, лил колокола, украшал церкви и монастыри; крайне дорожил святынями православной церкви¹⁶. При нем в 1344–1346

¹⁶ *Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия: в 2 т. Т. 2 / Авт.-сост. В. В. Богуславский. — М.: Олма-Пресс, 2001. С. 345—348.*

годах были расписаны соборы Московского кремля. На них были установлены колокола, созданы новые произведения древнерусского искусства, свидетельствующие о начале духовного подъема Руси, в частности, Евангелие Симеона Гордого.

Симеон стал уже именоваться великим князем всея Руси и гордо держал себя с князьями и татарами. Может быть, он и готовился нанести Орде решительный удар, как вдруг в 1353 году пришла в Россию страшная болезнь, он заразился ею и во цвете лет и мужества умер. Но, умирая, передал престол брату Ивану Ивановичу и писал ему в своем завещании: «Слушайся старых бояр, они отцу нашему и нам добра всегда хотели, слушайся затем, чтоб и свеча не погасла». А что разумел он под притчей, «чтобы свеча не погасла»? Свеча означала в данном случае то дело, что задумал Иван Данилович с митрополитом Петром, и думу свою вложил в сердце своим боярам, т. е. освобождение от Орды. При Симеоне изобрели бумагу, на которой написано было завещание. Вот характеристика, данная Симону древним летописцем, в пересказе В. Н. Татищева: «Сей князь великий Симеон Гордый наречется, зане не любяше крамолы и неправды, но вся обличаемыя наказуя; сам асче мед и вино пияше, но николи до пиана упивашеся и пианых терпети не можаще; войны не люби, но воинство готово име и в чести содержа. В Орде бысть от ханов и князей в велицем почтении; и асче дани и дары невеликия даяша, и сам имения немного собираше, но при нем татаре не воеваху отчину его; он многи пленные испроси и искупи. Князи же все рязанские, тверские и ростовские толики подручны себе имел, яко вся по его глаголу творяху: новгородцы не смеяху намеснику его что-либо противно ресчи...»

Иоанн Иоаннович II Красный (1326 – 13 ноября 1359 г.) – великий князь владими́ро-моско́вский, сын великого князя Иоанна Даниловича Калиты, преемник на великокняжеском столе брата своего, Симеона Иоанновича. До получения великокняжеского стола был князем звенигородским; наследовал брату своему Симеону Иоанновичу в 1353 году. За время княжения отца и брата Иоанн Иоаннович упоминается в летописях только по случаю по-

ездок его в Орду: в 1339, 1341, 1344 и 1351 годах, и по случаю похода с московскими полками в 1347 году в Новгород, для войны со шведами; но из этого похода он воротился в Москву, не приняв новгородского челобитья. И за время своего княжения Иоанн Иоаннович не совершил ничего выдающегося; он отличался характером тихим и миролюбивым и, по-видимому, не обладал умом сильным и деятельным. В 1353 году, едва умер Калита, у Иоанна явился соперник в лице Константина Васильевича Суздальского и Нижегородского, которого поддерживали новгородцы, отправившие к хану своего посла – Семена Судакова; но хан объявил великим князем Иоанна. 25 марта 1354 года он сел на великое княжение во Владимире. Соперники сначала не признавали его, но мало-помалу примирились с ним. При Иоанне соперницей Москвы начинает выступать Рязань, почти не имевшая значения при Юрии и Иоанне Калите. По отъезде Иоанна в 1353 году в Орду рязанцы с юным своим князем, впоследствии знаменитым Олегом Ивановичем, захватили город Лопасну, местника тамошнего князя Михаила Александровича взяли в плен и держали в заключении, пока Иоанн его не выкупил. Иоанн вознаградил племянника своего Владимира Андреевича за потерянную им Лопасну некоторыми рязанскими же местами, прежде приобретенными.

В 1357 году, 3 февраля, перед утрениями в Москве нашли на площади убитым тогдашнего московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста. Говорили, что это дело рук бояр. Тысяцкий мог иметь громадное влияние на граждан как их представитель, и в то же время мог быть близким к великокняжескому двору как боярин; на сан тысяцкого было много охотников, и, следовательно, всякий тысяцкий имел много завистников.

Через год многие большие бояре с женами и детьми уехали в Рязань и в числе их – Василий Васильевич Вельяминов с тестем своим Михаилом. По-видимому, бояре перессорились из-за свободного места тысяцкого, следствием сего и был отъезд Вельяминова. По возвращении в 1358 году из Орды Иоанн перезвал их обратно к себе, и вскоре Вельяминов сам сделался московским тысяцким. Тень подозрения в убийстве Хвоста особенно падает на него.

При всей своей личной слабости Иоанн пользовался авторитетом как великий князь владими́ро-моско́вский; к нему обращались как к третейскому судье тверские князья Василий Михайлович Кашинский и Всеволод Холмский¹⁷.

За свой миролюбивый характер Иоанн Иоаннович получил прозвища Красный (Красивый) и Кроткий.

При великом князе Иване Ивановиче началось утверждение авторитета митрополита Алексея. Все главные решения были приняты в совете с митрополитом. За год до смерти Иоанна в Рязань пришел татарский царевич Мамать-Хожа и потребовал от московского князя точного разграничения московских и рязанских земель. Но Иоанн, ссылаясь на ханские грамоты, не пустил царевича в свою отчину, так как незадолго перед тем приходили один за другим два татарских посла за данью.

Иван Красный был женат дважды: на княжне Феодосии, дочери Дмитрия Романовича, князя брянского, которая вскоре умерла, и на Александре, неизвестного происхождения, от брака с которой были дети Дмитрий (Донской), Иоанн, Анна. По другим данным – Мария и Любовь.

Иван Красный умер, приняв монашескую схиму. Похоронен был в Архангельском соборе Московского кремля. По Духовной грамоте он, так же как и его отец, разделил Московское княжество между своими детьми, оставшимся без отца племянником Владимиром Андреевичем, которого воспитал, и его матерью. После смерти Иоанна Иоанновича великим московским князем становится его малолетний сын – Дмитрий Иоаннович, воспитание которого Иван Красный поручил митрополиту Алексию.

Содержание предсмертного «ряда» князя Иоанна (его духовной) показывает, что именно в Дмитрие он видел своего преемника. Помимо доли в собственно московских доходах, Дмитрию предназначались самые крупные после Москвы города Московского княжества – Коломна и Можайск, причем последний – со всеми относящимися к нему волостями (по данным 1389 г., которые для

¹⁷ Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. общ-ва А. А. Половцова. Т. 8. Ибак-Ключев. — СПб., Имп. Рус. ист. общ-во, 1897. С. 192.

1359 г. должны быть занижены, их насчитывалось 12). Дмитрию передавалась также половина захваченных при его отце рязанских волостей на левом берегу Оки и село (а возможно, и ряд сел) на территории великого княжества Владимирского.

Младший брат Дмитрия – Иван Малый (†1365) получал свою долю в московских доходах, а также Звенигород «со всеми волостми, и с мытомъ, и с селы, и з бортью, и с оброчники, со всеми пошлинами» – всего 10 волостей и 11 сел, другую половину отторгнутых от Рязани волостей и два села на территории великого княжества Владимирского.

Жена Ивана Красного – Александра – получила в удел три коломенские и две звенигородские волости и четыре села, а также одно подмосковное село и долю в доходах своих сыновей.

Жена Симеона Гордого, великая княгиня Мария Александровна, в свое время держала в своих руках 15 коломенских волостей, две волости на юго-западной окраине Московского княжества и села в коломенской и подмосковной округах. После смерти Марии две юго-западные волости должны были перейти к жене Ивана Красного – Александре, а все остальное – к его сыну Дмитрию.

Жена Ивана Калиты – великая княгиня Ульяна – владела 14 волостями, преимущественно на севере и востоке Московского княжества и более чем десятком сел в различных местах Подмоскovie, а также сбором московского осмнического – торгового налога с суммы товара.

Племянник Ивана Красного – пятилетний князь Владимир Андреевич – должен был по-прежнему владеть уделом своего отца, состоявшим из 11 волостей и 10 сел. Кроме того, он получал от дяди, великого князя, третью долю московских доходов¹⁸.

Князь Владимир Андреевич, владевший потом удельным княжеством со столицей в Боровске, с детства жил в Москве и поддерживал Дмитрия Ивановича во всех его делах. Впоследствии князю Дмитрию Ивановичу пришлось поступиться в пользу двоюродного брата двумя городами – Дмитровом и Галичем. Еще один

¹⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV–XVI вв. Москва; Л. 1950 г. № 12 с. 34, № 1 с. 9.

городок – Серпухов – Владимир Андреевич построил себе сам, включая каменный кремль.

Таким образом, после смерти Иоанна Иоанновича Красного в Московском княжестве стало насчитываться шесть уделов, причем собственно великокняжеские владения, несмотря на то что в руках Дмитрия были оставлены Можайск и Коломна, резко сократились. Серьезного преобладания домена великого князя над владениями удельных князей внутри Московского княжества, преобладания, являвшегося характерной чертой внутреннего развития княжества в эпоху Ивана Калиты, Симеона Гордого и самого Ивана Красного, теперь не стало.

По характеру своему Иоанн Иоаннович мало напоминал великого князя Симеона. Это был человек кроткий, тихий и милостивый. К власти своей он был совсем равнодушен: «ни во что вменял», говорили про него современники, «честь и славу и красоту мира сего». Таких людей на Руси в старину называли «блаженными», то есть угодными Богу. Но у этого блаженного князя был добрый советник и помощник, умный и твердый характером митрополит святой Алексей.

Свидетели последних минут его не могли надивиться спокойствию, с которым он расставался с жизнью: «...сам он был еще в такой юности, оставлял после себя двух малолетних сыновей, жену – и заботился о своем спасении: так велика была в нем вера в милость Божию».

«Не погасла свеча» при двоих сыновьях Ивана Даниловича, один за другим княживших в Москве (и, забегаая вперед, даже при малолетнем внуке его Дмитрие Ивановиче). Дмитрий после отца остался отроком: но именем его управляли Русью бояре московские и главное, святой митрополит Киевский и Владимирский, по месту жительства – Московский, Алексей.

В это тяжелое время единственной силой, скреплявшей русский народ в одно целое, была Святая Православная Церковь. Из недр ее возникли великие светильники, которые своим высоким духом и примером жизни подавали соотечественникам надежду на возможность освобождения и воодушевляли их на борьбу с

жестокими поработителями. Такими светильниками были, как мы видим, святитель Петр, первый Московский митрополит, святитель Алексей и «игумен земли Русской» – преподобный Сергей Радонежский.

Отрок Елевферий, живя в Москве, стремился к духовной жизни, к углубленному изучению Священного Писания. Через несколько лет он испросил у родителей благословения поступить в монастырь. В 1320 году Елевферий принял монашеский постриг в Московском Богоявленском монастыре с предвозвещенным ему в сновидении именем Алексий¹⁹.

Более 20 лет святой Алексий подвизался в той обители, смиренно проходя иноческие послушания под руководством опытного в духовной жизни старца Геронтия.

В Богоявленском монастыре святой Алексий был связан глубокой духовной дружбой с иноком Стефаном, старшим братом Преподобного Сергия Радонежского.

Как сын знатного боярина, святой Алексий получил лучшее по тому времени образование. В монастыре он занялся изучением греческого языка, а затем сличил и исправил славянский перевод Новозаветных книг по греческим подлинникам.

Благочестивая жизнь и высокий ум инока Алексия привлекли к нему внимание митрополита Феогноста, святителя Московского (умер в 1359 г., память 14 марта). Он поручил святому Алексию заведование судебными делами Церкви, и тот в течение 12 лет исполнял эту должность со званием митрополичьего наместника. В конце 1350 года святитель Феогност рукоположил святого Алексия во епископа Владимирского, предполагая впоследствии назначить его своим преемником. Так как святой Алексий пользовался большим уважением у великого князя и бояр за свои мудрые советы не только в церковных, но и в гражданских делах, то великий князь вместе со святителем Феогностом стал ходатайствовать об этом у Константинопольского Патриарха.

Весной 1353 года митрополит Феогност, великий князь Симеон Гордый и другие князья умерли от моровой язвы. Но ходатай-

¹⁹ *Минея. Т. 6. Февраль. — М.: Моск. патриархия, 1981. С. 432.*

ство их было удовлетворено. Святой Алексей стал преемником святителя Феогноста на Московской митрополичьей кафедре.

В 1354 году он совершил путешествие в Константинополь и получил там от Патриарха Филофея благословение и утверждение на кафедру митрополита Киевского (фактически Московского) и всея Руси. На обратном пути из Константинополя корабль, на котором возвращался святитель Алексей, попал в сильную бурю, по молитвам святителя, плавание прошло благополучно, но в Киеве он был задержан Ольгердом по причине нежелания видеть его на кафедре в Москве. Святитель дал обет построить храм во имя того святого, память которого придется в день благополучного возвращения. Во исполнение этого обета святителем Алексием в 1365 году был сооружен храм во имя Нерукотворного Образа Спасителя, память которого празднуется 16 августа. При храме был основан Новоспасский монастырь, игуменом которого был поставлен ученик Преподобного Сергия – Преподобный Андроник.

Возвратившись в Москву, которая со времени святителя Петра была резиденцией Всероссийских митрополитов, святитель Алексей принял на себя управление Русской Церковью и неустанно трудился на этом поприще 24 года: поставлял епископов, заботился об упорядочении иноческой жизни, устройстве общежительных монастырей, примером для которых была обитель Святой Живоначальной Троицы, основанная Преподобным Сергием.

Слава о мудром святителе и молитвеннике далеко распространилась за пределы России. В 1357 году хан Джанибек прислал великому князю Московскому Иоанну Иоанновичу требование, чтобы тот отпустил в Орду святителя Алексея для исцеления жены хана Тайдулы, угрожая в случае отказа разорением всей Русской земли.

Еще до прибытия святителя Алексея Тайдула видела его во сне в архиерейской одежде. Когда святой приблизился к Орде, Джанибек вышел ему навстречу и ввел его в свои покои. Святитель, начав молебное пение, велел возжечь малую свечу, привезенную от раки святого митрополита Петра. После долгой молитвы он окропил освященной водой Тайдулу, и та тотчас прозрела. Хан и все бывшие при славном исцелении изумились и восславили Бога.

Хан Джанибек с великим почетом и дарами отпустил митрополита в обратный путь. Ханша Тайдула пожаловала святителю в кремле участок земли, на котором святитель Алексей воздвиг в 1365 году Чудов монастырь в память чуда архистратига Божия Михаила в Хонех. В этом монастыре святитель завещал себя похоронить.

После смерти Джанибека святителю Алексию вновь пришлось ехать в Орду для ходатайства о Русской земле перед свирепым ханом Бердибеком, убившим своих 12 братьев и грозившим полным опустошением Русской земле.

Великий печальник Русской земли святитель Алексей не побоялся идти в Орду на явную смерть. Нося в сердце слова Господа Иисуса Христа: «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин. 10,11), он отправился к грозному хану и с Божией помощью сумел своей Богодухновенной беседой укротить его ярость и получить заверение о мире для христиан.

После смерти великого князя Иоанна Иоанновича (†1359) он был духовным наставником десятилетнего благоверного князя Дмитрия – наследника великокняжеского престола.

Благодаря мудрым действиям святителя Алексия ордынский хан передал малолетнему Димитрию ярлык (грамоту) на великое княжение. Святитель Алексей был первым руководителем, первым вдохновителем, первым помощником великого князя в его борьбе за централизацию Русского государства²⁰.

В своей многообразной святительской деятельности митрополит Алексей неустанно заботился о благоустроении российской паствы и духовном ее просвещении. С этой целью он восстановил в Москве прежние обители и создал новые, в том числе женские обители – Алексеевскую и Зачатьевскую (где подвизались две его сестры – игумения Иулиания и монахиня Евпраксия). Им также была восстановлена Благовещенская обитель в Нижнем Новгороде и основана обитель в честь святых равноапостольных Константина и Елены во Владимире.

Святитель Алексей прожил около 80 лет. Приближаясь к концу своего жизненного подвига, он желал видеть преемником на все-

²⁰ Миней. Т. 6. Февраль. С. 434.

российском митрополищем престоле своего давнего духовного друга – Преподобного Сергия, игумена Радонежского. Однако Преподобный, по своему великому смирению, уклонился от этой чести. Святитель Алексей не стал настаивать, провидя великое значение для Русской Церкви Преподобного Сергия.

Он почил 12 февраля 1378 года и был погребен, согласно завещанию, в Чудовом монастыре, уничтоженном до основания в советское время²¹.

Выдающийся Первосвятитель Русской Церкви оставил потомкам великое сокровище – собственноручно написанное Евангелие, переведенное им с греческого языка.

Это Евангелие благоговейно хранилось в Чудовом монастыре несколько столетий. (Издано: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, Митрополита Московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского. – М.: Университет. тип., 1892.)

В более древние времена в четырех километрах от древнего Ростова Великого, на ровной открытой местности по пути в Ярославль уединенно располагалась когда-то небольшая обитель во имя Пресвятыя Троицы: Варницкий монастырь.

По преданию, почти шестьсот лет тому назад была некая весь, имя которой забылось в истории, но которая всегда была и будет именита и дорога сердцу православных русских людей потому, что весь эта была благословенною родиной Преподобного отца Сергия. Здесь было поместье его родителей, благородных и знатных бояр ростовских Кирилла и Марии, тут был их дом, где и жили они, предпочитая уединение сельской природы суете городской жизни при княжеском дворе.

Впрочем, Кирилл состоял на службе сначала у ростовского князя Константина II Борисовича (†1307), а потом у Константина III Васильевича (†1365).

Он не раз сопровождал их в Орду, как один из самых близких к ним людей, владел достаточным по своему положению состояни-

²¹ В настоящее время мощи святителя Алексия почивают в Богоявленском Патриаршем соборе в Москве, где еженедельно по воскресеньям читается акафист Святителю.

ем, но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, он не пренебрегал и обычными сельскими трудами²².

Подарки татарским вельможам, голод в стране и нападения татар обессилили его. Затем московский князь Иоанн Данилович, купив уделы белозерского и угличского князей, составлявшие некогда одно целое с Ростовским княжеством, наложил руку свою и на сократившийся удел ростовского князя. Присланные им в Ростов воевода Василий Кочев и Мина поступили здесь с необузданным своеволием. Он налагал разные тяжести на богатых и обирал их без внимания к правде и любви; наглость его простерлась до того, что он повесил вниз головой старшего ростовского боярина Аверкия.

Эти насилия вынудили Кирилла вместе со многими другими выехать из Ростова. Около 1330 года они переселились в Радонеж, который отдан был князем Калитой в удел великой княгине Елене и меньшему сыну, князю Андрею, отцу Владимира Храброго, и где обещались разные льготы желавшим селиться.

По обычаю того времени Кирилл должен был получить поместье, но по старости лет не мог нести службы, и поэтому управление принял его старший сын – Стефан.

Младший из сыновей Кирилла, Петр, как и старший сын, избрали супружескую жизнь. Средний сын Варфоломей, учившийся в Ростове плохо и наученный неким старцем грамоте, стал усердно ходить в храм Божий и читать Священное Писание. Соблюдал строгое воздержание, питаясь сухим хлебом и водою. В Радонеже Варфоломей продолжал свои подвиги. Через некоторое время его родители Кирилл и Мария поступили в Хатьковский монастырь и, пожив недолго, скончались. Похоронив родителей, юноша Варфоломей смог приступить к осуществлению давно задуманной мечты – принять иноческий чин.

Стефан, лишившись супруги, принял иночество в Хатьковском монастыре, где погребены были его родители. Радонеж находится посередине, в 10 км между Хатьковым и горой Маковец.

²² *Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца. Репринт. изд-е. — М., 1989. С. 1.*

Братья долго искали удобное место для подвижнической жизни. Наконец нашли небольшую площадь, возвышающуюся над окрестностью в виде маковки.

Здесь путешественники поставили себе келию и затем небольшую церковь во имя Святой Троицы. Малый храм был освящен по благословению митрополита Феогноста. Призвав к себе игумена Митрофана, Варфоломей принял 7 октября 1337 году пострижение в иночество с именем Сергия.

Много приходилось терпеть юному подвижнику в лесу. Не раз во время ночной молитвы представлялись ему устрашающие видения, грозившие гибелью, и слышался грозный голос: беги отсюда, не надейся жить здесь. Мужественный подвижник ограждался крестным знаменем и был ратником именем Иисуса. Смиренный, слезной молитвой укреплял он душу, и молитва низводила на него силу Божию.

По временам стаи голодных волков рыскали около жилища его и выли целыми ночами, грозно горели в лесу глаза их, в другое время подходили к келье его медведи²³.

Не выдержал всего этого Стефан и ушел поближе к Москве, в Богоявленский монастырь. Инок Сергей в лесу остался один... Так началась новая жизнь Преподобного Сергия. Жизнь во имя спасения человеческих душ и спасения Руси от ордынского засилья.

Скоро собралось 12 монахов, и они просили Сергия быть их игуменом, однако он решительно отказался, и первым игуменом стал приглашенный братией старец Митрофан, постригший Сергия. Когда он скончался, то по усердной просьбе и требованию всех иноков Сергей принял игуменство и стал во всем следовать примеру Феодосия Печерского, который тоже был избран игуменом в молодые годы.

В первое время существования монастыря бедность была страшная, и братии по несколько дней приходилось голодать. Однажды, чтобы получить решето гнилого хлеба для обители, Сергей смиренно исполнил большую плотницкую работу. Слава обители стала все более и более возрастать, к ней стали стекаться

²³ Жития русских святых. Март—август. Т. I. — М., 2004. С. 304, 306.

и пожертвования, что дало возможность Сергию творить самую широкую милостыню.

Число пустынников долго ограничивалось двенадцатью. Первый, поступивший сверх этого числа, был Смоленский архимандрит Симон, променявший власть на звание послушника Сергия и вручивший ему все свое большое богатство, которое пошло на построение новой церкви и монастыря. В 1370 году преподобный Симон основал новый монастырь в старом Симонове в Москве.

Спустя десять лет после основания обители вокруг нее стали в большом количестве селиться крестьяне и скоро окружили монастырь деревнями.

Брат Сергия Стефан, когда монастырь расширился, вернулся в него и выразил однажды неудовольствие, что игуменом был не он. Тогда смиренный Сергей тайно ушел из обители и основал другую, в 50 верстах от своей – на берегу реки Киржач, и только по приказанию митрополита Преподобный вернулся в свой монастырь.

По тропинкам к обители Святой Троицы, им построенной, частенько пробирались к нему князья и бояре – укрепиться духом и посоветоваться о делах; по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесах, прославивших его. Ученики Сергия разошлись по всем концам Руси, даже по далекой Перми, разнесли славу о его благочестии и мудрости, и толпы народу валили к его обители послушать его поучения.

Сергий был другом святителей, советником князей, печальником земли Русской. Особенным другом его был двоюродный брат великого князя Дмитрия Иоанновича Владимир Андреевич, который во всей жизни своей поступал по его совету, даже отказался от престола после Дмитрия, чтобы престол московский переходил в одном семействе от отца к сыну и не было бы смуты и спора за наследство.

Монастырь располагался на земле, принадлежащей семье Владимира Андреевича и эта семья делала многое для монастыря. К Троице прорубили потом уже большую дорогу и со всяким важным делом ездили из Москвы за советом и благословением к Сергию;

он мирил враждующих, обуздывал строптивых и, можно сказать, сиял мудростью и святостью на всю Русь, живил ее своим духом и обнимал всю своим умом. Никогда на Русской земле не проявлялось такого благочестия; никогда – ни прежде ни после – не строилось столько монастырей, как в то время – от митрополитов Петра, Алексия до святого Фотия (†1431). Русь постом и молитвой словно готовилась к чему-то великому.

Троице-Сергиев монастырь стал одним из центров великого монастырского движения. Преподобный Сергей и его ученики Андроник, Федор, Мефодий, Савва, Афанасий, Павел, Роман основали несколько киновий в Московском княжестве и за его пределами. Один за другим общежительные монастыри появлялись в разных концах Русской земли – в лесной глуши и близ многолюдных городов. Их зачинателями были Иоанн Петровский (архимандрит Петровского монастыря в Москве) и Дионисий Суздальский, Стефан Махрицкий и Дионисий Глушицкий. И во многих иных местах подвизались святые праведники. Удалившись от мира, испытав силу своей веры в отшельничестве или строгом монашеском послушании, они порой вопреки собственным желаниям возвращались в мир, становились наставниками народа и его правителей, приобщали их к божественным началам.

Но более всего, около 70 монастырей, было основано учениками Преподобного Сергия и учениками его учеников. Преподобный Сергей для русского государства был столпом Церкви и игуменом всея Руси.

Святой Дмитрий Иоаннович Донской. Нижегородско-московское соперничество за обладание великим Владимирским княжеством

еликий князь московский и владимирский Дмитрий Иоаннович Донской родился 12 октября 1350 года, умер 19 мая 1389 года; великий князь Московский, старший сын великого князя Иоанна II Иоанновича Красного. Причислен к лику святых. Память его отмечается 19 мая, 6 июля – в Соборе Радонежских святых, в воскресенье перед 26 августа – в Соборе Московских святых, 22 сентября – в Соборе Тульских святых.

Отец Дмитрия Иоанновича скончался, когда ему было девять лет. Фактическая власть оказалась в руках советников покойного князя во главе с московским тысяцким В. В. Вельяминовым. Воспитание и обучение Дмитрия Иоанновича проходило, как мы знаем, под наблюдением святителя Алексия, митрополита Московского. В соборном определении Константинопольского Патриарха Антония IV говорится, что великий московский князь Иоанн, умирая, возложил на Алексия попечение, заботу и промышление о своем сыне Дмитрие¹.

Положение Московского княжества было нелегким. В 1360 году по решению хана Навруза (Ноуруза) ярлык на княжение был дан нижегородскому и суздальскому князю Андрею Константиновичу (†1365). Это был миролюбивый, набожный человек, равнодушный

¹ Православная энциклопедия. Т. XV: Димитрий — дополнения к «Актам историческим» / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М.: Православная энциклопедия, 2007. С. 117.

к власти. В силу своих личных, духовных причин он отказался от владимирского княжения, занимаясь укреплением Нижнего Новгорода, строя храмы, монастыри. Так, по нижегородским данным, им был построен Покровский монастырь и вместо деревянного Архангельского храма в кремле Андрей Константинович построил каменный. В 1364 году он перевел епископа Суздальского Алексея в Нижний Новгород. Он «соступися брату своему меньшему князю Дмитрею». Суздальский князь Дмитрий-Фома от ярлыка не отказался и по приходе на Русь 22 июня 1360 года был торжественно посажен на великокняжеский стол во Владимире². В дальнейшем Дмитрий Константинович выполнял волю ханов. Когда в конце того же 1360 года новгородские ушкуйники захватили и ограбили ордынский город Жукотин на реке Каме и «за то прогневалися погании бессермена», Дмитрий Константинович созвал съезд русских князей на Костроме «о разбоиницехъ». Состав съезда показывает, кто из северо-восточных князей поддерживал нового великого князя.

Это были брат Дмитрия Андрей Нижегородский и оба ростовских князя – Константин Васильевич, Андрей Федорович, Дмитрий Борисович Угличский и Галичский. Кроме того, Дмитрий был признан Новгородом. События более позднего времени свидетельствуют, что помощь новому избраннику Орды оказывал белозерский князь.

Возможно также, что в русле политики Дмитрия Нижегородского действовали стародубский и галицкий князья. Становится очевидным, что московское правительство лишилось не только контроля над значительными территориями, но и прежних своих союзников.

Правда, Москва, видимо, несколько компенсировала эти потери³. К Московскому княжеству было присоединено соседнее Дмитровское княжество, где, как отмечалось ранее, московские князья имели земельные владения еще в конце 40-х – начале 50-х годов XIV века. Дмитровская рать под командованием не местных князей, а московских воевод упоминается в летописи уже

² ПСРА, т. XV, вып. 1, стб. 68.

³ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 60.

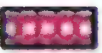
под 1368 годом. Следовательно, дмитровская территория была присоединена до 1368 года. Очевидно, это случилось около 1360 года, когда сын дмитровского князя выпросил в Орде ярлык не на свое отчинное (вероятно, уже занятое княжество), а на Галич. По-видимому, Дмитров стал собственностью одного Дмитрия, и тем самым московский великий князь по размерам своего домена стал превосходить остальных представителей московского княжеского дома.

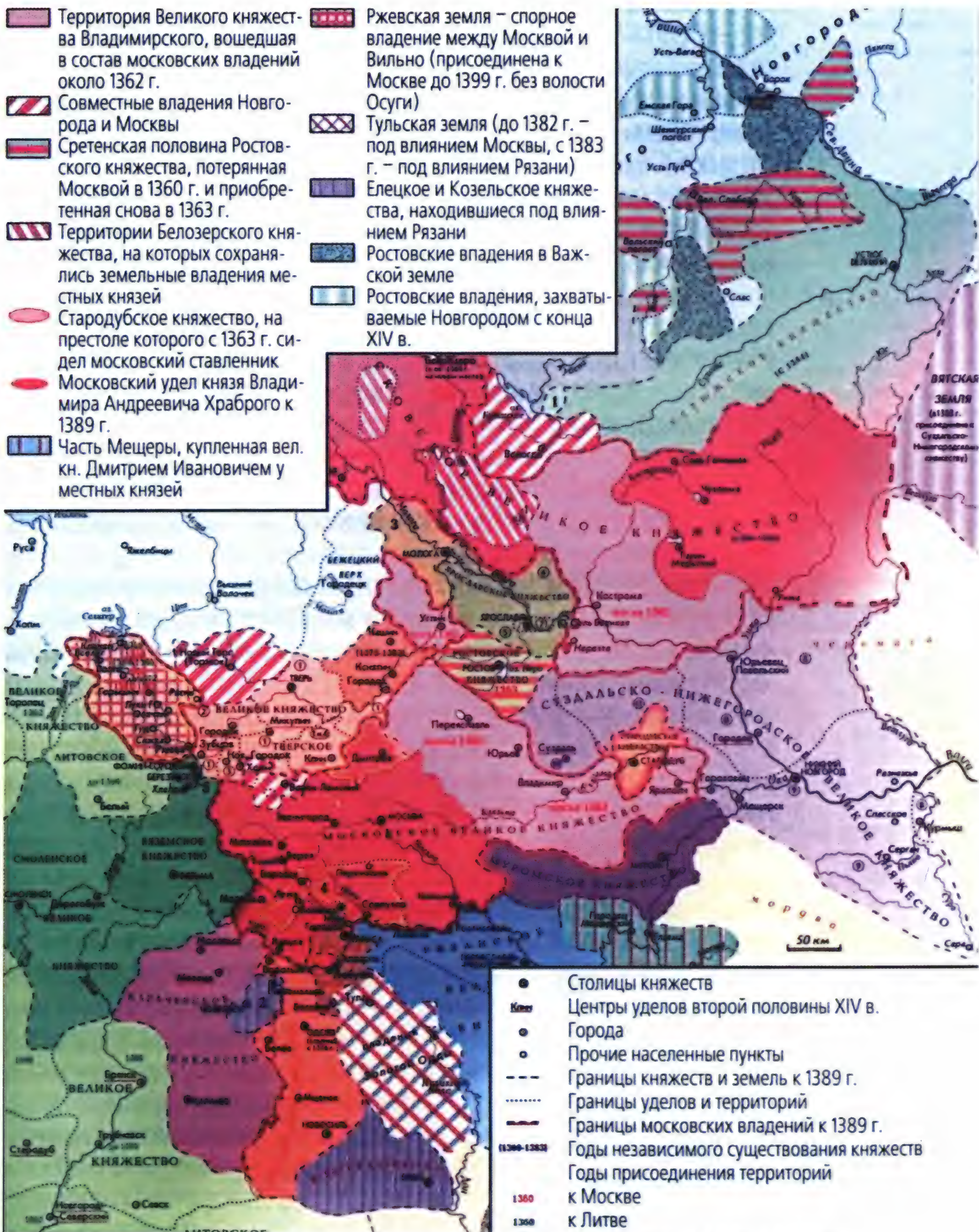
Между тем расширяющаяся смута привела к расколу Орды. От Сарая в 1361 году отделилась орда Мамаю, где правили ханы-марионетки, угодные этому могущественному темнику. Для русских княжеств открылась возможность при осуществлении своих планов тактически использовать эти противоречия. Но не это было главным. Ослаб общий контроль завоевателей над Северо-Восточной Русью, и ее князья теперь собственными силами могли решить вопрос о том, кому владеть великокняжеским столом во Владимире, кто в действительности способен возглавить процесс объединения русских земель.

Москва выжидала, накапливала силы и средства более двух лет, и в 1362 году Дмитрий Московский вступил в открытую борьбу с великим князем Дмитрием Суздальским и Нижегородским. «Князь Дмитрей Иванович Московьский и князь Дмитрей Константинович Суздальский сперьяся о великомъ княжении, – записывал под 1362 годом летописец, – и послаша кто ж своихъ килчеевъ въ Орду къ царю Мурату и принесоша ярлыкъ княжение великое по отчине и по дедине великому Дмитрею Ивановичю Москвьскому». В период ордынских смут престиж ханской власти на Руси резко упал, и оба соперника уже не едут сами в Орду, что обязательно делали их предшественники, а посылают туда своих килчеев – полномочных послов, знавших татарский язык. Характерно, что и московский князь, и великий князь владимирский признавали по традиции того хана, который сидел в Сарая, в данном случае Мюрида (Мурата, или Амурата русских источников)⁴.

⁴ О том, что Мюрид правил в Сарая, см.: Насонов А. Н. Монголы и Русь: (История татар. политики на Руси). – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. Напеч. в Мск., 1940. С. 124.

- Территория Великого княжества Владимирского, вошедшая в состав московских владений около 1362 г.
- Совместные владения Новгорода и Москвы
- Сретенская половина Ростовского княжества, потерянная Москвой в 1360 г. и приобретенная снова в 1363 г.
- Территории Белозерского княжества, на которых сохранялись земельные владения местных князей
- Стародубское княжество, на престоле которого с 1363 г. сидел московский ставленник
- Московский удел князя Владимира Андреевича Храброго к 1389 г.
- Часть Мещеры, купленная вел. кн. Дмитрием Ивановичем у местных князей

- Ржевская земля – спорное владение между Москвой и Вильно (присоединена к Москве до 1399 г. без волости Осуги)
- Тульская земля (до 1382 г. – под влиянием Москвы, с 1383 г. – под влиянием Рязани)
- Елецкое и Козельское княжества, находившиеся под влиянием Рязани
- Ростовские впадения в Важской земле
- Ростовские владения, захватываемые Новгородом с конца XIV в.

Русские земли в годы правления Дмитрия Донского. 1339–1389 гг.
По Б. В. Арсеньеву

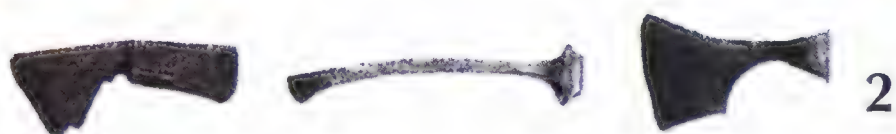
Великие князья Иван Иванович и Дмитрий Иванович.
Фреска Архангельского собора Московского Кремля. XVII в. (1). Святитель Москов-
ский Алексий (2). Преподобный Сергей Радонежский (3)

Святитель Московский Алексий

Преподобный Сергий Радонежский Чудотворец

Конный русский воин (1), русский ратник с топором в чехле (2), князь в воинском облачении (3) XIV в. С рис. О. В. Федорова из экспозиции музея Куликовской битвы в с. Монастырщина. По В. П. Гриценко

Доспехи и вооружение русского дружинника XIV в. (1), кольчуга. XIV в. (2) – реконструкции. Из экспозиции музея Куликовской битвы в с. Монастырщина. По В. П. Гриценко. Кольчуга, найденная на Куликовом поле в конце XIX в. (3)

Пластинчатый доспех русского тяжеловооруженного воина времени Куликовской битвы. Реконструкция. Из экспозиции музея Куликовской битвы в с. Монастырщина. По В. П. Гриценко

Копья и щиты (1), наконечники копий (2) XIV в. Реконструкция. Из экспозиции музея Куликовской битвы в с. Монастырщина. По В. П. Гриценко. Сабля из Оружейной палаты (3). С рис. Ф. Г. Солнцева. 1830-е гг.

2

1

3

Ордынские и русские боевые шлемы с кольчужными бармицами XIV в.
Реконструкции и археологические находки (1). То же с рис. О. В. Федорова (2).
Ламеллярный доспех ордынского воина. С рис. О. В. Федорова (3). Из экспозиции
музея Куликовской битвы в с. Монастырщина. По В. П. Гриценко

Преподобный Сергий благословляет св. князя Дмитрия Донского (1).
Симонов монастырь в начале XV в. Старинный рисунок (2)

Преподобный Сергей дает схимы Пересвету и Ослябе

Прп. Сергий Радонежский благословляет великого князя Дмитрия на борьбу с ордынцами. Икона. Мастер В. П. Гурьянов. 1904 г. (ГМИР)

Святые Андрей Ослябя и Александр Пересвет. Современная икона.
Из экспозиции музея Куликовской битвы на Красном холме

Великий князь Дмитрий Иоаннович под благословением прп. Сергия принимает иноков Пересвета и Ослябю в сподвижники. 1380 г. Литография П. Иванова по рис. Б. А. Чорикова. 1838 г. (ГПБИ)

Фрагмент картины о. Сергия Симакова «Святые Сергий и Дмитрий Донской с преподобномучениками Пересветом и Ослябей»

Икона «Преподобный Сергий Радонежский с житием и "Сказанием о Мамаевом побоище"». Середина XVII в. По В. П. Гриценко

Хана Мамаевой Орды и самого Мамаю русские князья на первых порах просто игнорировали.

Процитированное известие о получении Дмитрием Московским ярлыка на великое княжение от хана Мюрида, несомненно, составлено московским летописцем. Этот летописец указал лишь единственную причину того, почему сарайский правитель предпочел из двух соперников московского князя: тот, оказывается, имел право на Владимирское княжество «по отчине и по дедине». В интерпретации средневекового хрониста оказались скрыты реальные мотивы, которыми руководствовался Мюрид. Зная предыдущую практику выдачи ярлыков русским князьям, едва ли можно сделать большую ошибку, утверждая, что тут, как и в некоторых аналогичных случаях, дело решили деньги и подарки, розданные в Орде. И тут возможности московского претендента на великое княжение оказались, очевидно, выше, чем у Дмитрия Суздальского.

Однако, несмотря на то что Дмитрий Московский получил ханский ярлык, нижегородский князь добровольно владимирский стол ему не уступил. Тогда Дмитрий Иоаннович со своими братьями (родным и двоюродным) и «со всеми боляры и собравъ воя многы своея отчины» зимой 1362 года подступил к Переяславлю, где в то время пребывал Дмитрий Суздальский. Последний, по словам промосковски настроенного летописца, «ратнаго духа сдрогнуса и, уразумевъ свое неизволение», бежал сначала во Владимир, а затем в свой вотчинный Суздаль. «Въ силе... тяжцъ въеха» во Владимир Дмитрий Московский.

Великокняжеский стол оказался в его руках. На стороне Дмитрия было не только преимущество в денежных средствах, но и перевес в военных силах, т. е. он пользовался широкой поддержкой церкви и бояр.

На следующий год к Дмитрию во Владимир приехал посол от хана Мамаевой Орды Абдуллаха (Авдуля русских летописей) и вручил ему ярлык на великое княжение еще и от своего хана – случай беспрецедентный в практике русско-ордынских отношений предшествующего времени. Правда, Дмитрий Нижегородский, опираясь на помощь хана Мюрида (князь Иван Белозерский привел

ему 30 «татаринѡвъ» «изъ Муротовы Орды»), сделал было попытку захватить Владимир силой, но сумел продержаться в столице только неделю. Дмитрий Московский вновь собрал войска и выгнал суздальского князя из города. «Не токмо же се, – добавляет летописец, – но и тамо иде на него ратию къ Суждалю», и только после стояния под Суздалем Дмитрий Иоаннович пошел на мир со своим тезкой. Владимирское великое княжество он объявил своей отчиной, т. е. наследственным владением, на которое не имели права посягать князья других княжеств, даже если бы они имели на него ярлыки от ордынских ханов.

1363 год стал годом больших политических успехов Москвы. Ликвидировав попытку суздальского князя вернуть себе владимирский стол, Дмитрий Московский привел под свою руку и те княжества, где правили недружественные ему князья. Краткое известие об этом помещено в Рогожском летописце: «...Тако же надъ Ростовьскимъ княземъ. А Галичьскаго Дмитрея изъ Галича выгнали». Другие летописные своды сохранили несколько более подробное описание событий. Так, в Софийской I летописи читаем сообщение, восходящее к ростовскому летописному источнику, согласно которому в 1363 году «князь Андрей Федоровичъ приеха изъ Переяславля въ Ростовъ, а съ нимъ князь Иванъ Ржевский съ силою». В иных близких по тексту сводах добавлено «силою великою». Переяславль в 1362 году, как часть великокняжеской территории, был под контролем Дмитрия Ивановича, и приход оттуда в Ростов князей Андрея Ростовского и Ивана Ржевского ясно показывает, что их действия направлялись великим князем. Да и «сила великая» не могла быть самостоятельно собрана ни Андреем, до того времени владевшим незначительным Бохтюжским уделом в Ростовском княжестве, ни Иваном, вероятно вообще не имевшим тогда каких-либо самостоятельных владений в Смоленском княжестве. Его потомки владели землями по реке Ваге, он получил в удел эту удаленную часть Ростовского княжества.

Переход Ростова в руки московского ставленника должен был вернуть Дмитрию Московскому те территории в княжестве, которые принадлежали его предшественникам, в частности, село

Богородицкое, которое, кстати, упоминается в Духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 года⁵, и Стретенскую половину города Ростова.

Ростовское летописание сохранило подробности не только относительно промосковских политических перемен в древнейшем княжестве Северо-Восточной Руси, но и некоторые детали московской операции против Галицкого княжества. Оказывается, на галицкого князя Дмитрия Борисовича обрушилась объединенная рать всех московских князей: Дмитрия и Ивана Ивановичей, а также Владимира Андреевича. Жена галицкого князя была захвачена в плен, а сам он изгнан из княжества. В Галиче была восстановлена власть московских Даниловичей. Такая же участь постигла и стародубского князя Ивана Федоровича. Под напором московской силы он вынужден был оставить Стародуб и уйти, как и Дмитрий Галицкий, в Нижегородское княжество к противнику Москвы Дмитрию Нижегородскому. Некоторые историки считают, что в результате этих событий Стародубское княжество утратило свою самостоятельность и было присоединено к Москве.

Несомненно, что в 1363 году стародубский стол перешел в руки сторонника великого князя Дмитрия Иоанновича. В этом небольшом княжестве Москва утвердила свое влияние.

Таким образом, через четыре года после смерти Ивана Красного московское правительство сумело не только восстановить все то, чем владел этот великий князь, но и упрочить эти владения за собой, объявив большую их часть собственностью своего князя.

Между тем утративший владимирский стол князь Дмитрий Суздальский и Нижегородский не думал так легко примириться с потерей. В это время старший брат Дмитрия – Андрей отказался от нижегородского стола, и Дмитрий решил прежде всего расширить свою власть в собственном княжестве. По старшинству именно он должен был наследовать Андрею. Но когда Дмитрий с матерью и суздальским епископом Алексеем приехал в Нижний Новгород, он застал там нового нижегородского князя, своего брата Бориса Городецкого. Тот не уступил ему нижегородского

⁵ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 34.

стола, и Дмитрию ни с чем пришлось вернуться в свой Суздаль. Предвидя неизбежную борьбу за главный стол княжества, Борис осенью 1363 года укрепил Нижний⁶.

Московское правительство следило за развитием событий в Нижегородском княжестве. Захват Борисом нижегородского стола, видимо, вызвал опасения Москвы. Во всяком случае следует отметить, что создавалась потенциальная возможность образования на востоке русских земель крупного единого княжества, включающего в себя такие центры, как удельный город Бориса Городец и занятый им Нижний Новгород. Важное значение приобретали при этом родственные связи Бориса с великим князем литовским Ольгердом, которому он приходился зятем, и начатые Борисом дружественные контакты с Сараем, откуда ханские послы привезли ему ярлык на нижегородское княжение. В складывающейся в Нижегородском княжестве ситуации помог Москве митрополит Алексей. Дело в том, что когда в 1341 году в результате прямых действий Орды путем слияния Суздальского княжества с выделенными из Владимирского княжества территориями Нижнего и Городца было образовано Нижегородское княжество во главе с Константином Суздальским, в церковном отношении земли нового княжества оказались поделенными надвое. Суздальская территория осталась в ведении суздальского епископа, а волости Городца и Нижнего Новгорода, ранее относившиеся к Владимиру, остались в составе Владимирской епархии, которой управлял сам митрополит. Таким образом, над этой территорией в 1363 году установил свой контроль Борис Городецкий.

В Нижний Новгород были направлены митрополитом Алексием послы – архимандрит Павел и игумен Герасим, которые пригласили Бориса на переговоры в Москву. Тот отказался. Тогда в Нижний Новгород послан был преподобный Сергей, который убеждал князя Бориса отказаться от притязаний на нижегородский престол. Борис стоял на своем.

В ответ митрополичьи представители закрыли местные церкви. Тогда Борис решил послать в Москву посольство из бояр, но по

⁶ Там же. С. 65.

дороге туда на послов напал старший сын Дмитрия Суздальского Василий, который захватил в плен большинство бояр. Лишь один нижегородский боярин сумел добраться до Москвы и решил остаться там служить. Произошло это осенью или в начале зимы 1363 года.

Уже после этих событий Дмитрий Константинович Нижегородский отправил своего первого сына Василия в Орду за ярлыком на владимирское великое княжение. Василий вернулся на Русь в конце 1364 года. С ним пришел посол Урусманды от сарайского хана Азиза со столь желанным для Дмитрия ярлыком. Но обстоятельства изменились. Суздальский князь за это время так и не овладел нижегородским столом. Дмитрий Константинович, конечно, понимал, что если раньше он не смог продержаться против Дмитрия Московского, обладая всем Владимирским великим княжеством, то теперь, располагая силами лишь своего удела, он не имеет никаких возможностей закрепиться на владимирском столе. К тому же суздальские князья должны были тратить значительные силы на колонизацию среднего Поволжья, на борьбу с мордвой, владения которой подходили в то время к самой Оке.

Когда Дмитрий Иоаннович «смирил» князя Константина Ростовского, а князей Ивана Федоровича Стародубского и Дмитрия Галицкого изгнал из их владений, эти князья бежали к Дмитрию Константиновичу. Но времена, когда младшие князья с успехом составляли союзы против великого князя, прошли. Дмитрий Константинович не решился вступить в третий раз в борьбу с московским князем, он отказался от нее. И когда в 1365 году сын его Василий привез ему ярлык из Орды, Дмитрий Нижегородский отказался от всяких притязаний на великое княжение в пользу Дмитрия Московского и передал ярлык Азиза Дмитрию Иоанновичу, а сам «испросилъ и взялъ себе у него силу къ Новугороду къ Нижнему на брата своего князя Бориса». Когда не помогло дипломатическое вмешательство великого князя о «поделе» Нижегородского княжества между братьями, он дал свои полки старшему из них. Дмитрий Константинович собрал много воев и в своем Суздальском уделе. Объединенная рать выступила к Ниж-

нему. Борис вынужден был смириться. У Бережца, близ впадения реки Клязьмы в Оку, Борис со своими боярами встретил брата, «кланяся и покоряся и прося мира, а княжения ся съступая».

Дмитрий наконец-то получил Нижний Новгород. Борис вернулся в свой Городецкий удел. Смерть 2 июня 1365 года бывшего нижегородского князя Андрея Константиновича укрепила положение внутри княжества Дмитрия. Однако стабильность этого положения зависела от великокняжеской поддержки. И почти до конца своей жизни нижегородский князь не нарушал союза с Москвой. Этот союз упрочился после женитьбы Дмитрия Московского на младшей дочери Дмитрия Константиновича благочестивой Евдокии в январе 1367 года. Свою старшую дочь благочестивую Марию Дмитрий Нижегородский выдал за сына первого из московских бояр, тысяцкого В. В. Вельяминова – Николая (Микулу)⁷.

Ни у кого из наших знаменитых старых историков – ни у Карамзина, ни у Соловьева с Ключевским – не найдем мы в главах, посвященных Дмитрию Донскому, объяснения, почему великий князь Московский венчался с нижегородской княжной Евдокией не у себя дома, на Москве, и не у нее дома, в Нижнем Новгороде, а в достаточно удаленной и от Москвы, и от Нижнего Коломне. Сами эти сведения в пересказе или в выдержке из летописи приводят, но никто не указывает причину странного, не в обычаях тех времен, поступка – устроить свадьбу далеко в стороне от собственного стола.

Слов нет, в судьбе героя Куликовской битвы много и других загадочных или невнятных мест, неснятых вопросов. Имелись среди них и куда более крупные, чем наше недоумение насчет Коломны. Историки вправе были в первую очередь на них обращать свое внимание. А уж где женился и почему там-то, а не там, где по всем правилам было бы положено, – это ли главное в недолгой и бурной жизни князя-воина?

Сегодня, кажется, можно у коломенской загадки задержаться, потому что за нею кроются более значимые в жизни князя события.

⁷ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 68.

В летописях, вплоть до татищевской «Истории Российской», встречается одно и то же, предельно краткое, почти дословно повторяющееся упоминание. Привожу его здесь по тексту никоновского летописца: «Тое же зимы (1366 г.), месяца Генваря в 18 день, женился князь велики Дмитрий Иванович у великого князя у Дмитрея Константиновича у Суздальского и у Новагорода Нижнего, поя дочь его Евдокею, а свадьба бысть на Коломне»⁸.

Установление мира между недавними соперниками вовсе не было поводом для того, чтобы каждому из них позабыть о своем достоинстве. Не повез Дмитрий Константинович дочь свою прямо в Москву? Пусть тезка московский и отнял у него великокняжеский ярлык, но не по чину нынешнему, так по весу прожитых годов он куда «тяжелее» своего будущего зятя... И юный жених вполне мог тогда думать схожую думу: ему ли, первому князю всей Руси, ехать на женитьбу в Нижний? Это и впрямь будет выглядеть неким унижением... А возможно, на выбор места свадьбы повлиял великий московский пожар 1366 года. Вот и договорились оба выбрать местом свадьбы промежуточную Коломну.

Но можно и иначе объяснить выбор Коломны. Она по значению была вторым после столицы городом во всем Московском княжестве, а кроме того, это был первый его, Дмитрия, город, так как именно Коломну великие московские князья обычно завещали в удел старшим сыновьям, и Дмитрий еще в малолетстве при княжении батюшки своего, Ивана Ивановича Красного, знал твердо: Коломна его добро, его особая забота на целую жизнь, сколько бы еще ни народилось у него братьев и как бы мелко ни пришлось им делить в будущем отчую землю. Когда-то, лет уже шестьдесят тому, Дмитриев прадед Данило Александрович, как мы знаем, взял да отнял Коломну у рязанцев, чтобы не запирала московским ладьям выход в Оку. Справить теперь свадьбу в Коломне значило лишний раз подчеркнуть исключительную значимость для Москвы этого порубежного с рязанской землей города.

⁸ Лоциц Ю. Юность Москвы // Поле Куликово: энцикл. [В 2 т.]. Т. 2 / Сост. Г. И. Панин. — Новомосковск: Тула: Гос. воен.-ист. и природ. заповедник «Куликово поле», 2001. С. 39.

Венчал юного Дмитрия Иоанновича видный образованный священник, будущий кандидат в Московские митрополиты, духовник князя Дмитрий, в монашестве Михаил-Митяй (†1379).

Так были закреплены связи между Москвой и Нижним Новгородом. После этого великий князь мог приступить к активным действиям в отношении другого великого княжества Северо-Восточной Руси – Тверского.

В истории Тверского княжества 60-е годы XIV века, особенно их первая половина, стали временем перелома в его внутреннем развитии. Ослабление ханского контроля над Русью коснулось и его, вызвав там подъем национальных устремлений.

Начавшаяся при Калите «тишина великая» подходила к концу. За те без малого сорок лет, когда татарские рати не вторгались в срединные области Залесской Руси, когда военные столкновения случались лишь на окраинах, а внутренние усобицы решались малой кровью или вовсе бескровно, главный создатель богатства страны, ее кормилец – русский крестьянин смог освоить новые угодья, накопить и внедрить новый трудовой опыт. Неуклонно росло сельское население. Крестьяне, в большинстве своем тогда вольные общинники, жившие на государевых «черных землях», платили подати князьям, исполняли в их пользу повинности. Все шире распространялась «боярщина» – частное землевладение на правах наследственной «вотчинной» собственности. Князья, бояре, митрополичий дом стали также жаловать земли своим людям на условиях службы и на время службы. Богатея трудом крестьян и холопов, бояре могли крепить и свою ратную силу – «сажать на конь» больше людей, лучше вооружать их. Тем самым возрастал военный потенциал Руси.

Несмотря на посещения моровой язвы в 1353 году, росли и полнились богатством русские города. Развивались ремесло и торговля. Медленно, но неуклонно преодолевалась хозяйственная замкнутость областей, а значит, усиливалась тяга и к единству Руси.

Борьба великого князя с Тверью и Литвой. Начало войны с Мамаем

еликий князь, готовясь к решительной борьбе с Ордой и Тверью, старался утвердить порядок внутри отечества.

Негодование князя вызвало своеволие новгородцев: многие из них, именуясь охотниками, составляли тогда целые полки, и без всякого сношения с правительством ездили на добычу в места отдаленные. Так они (в 1364 г.) ходили по реке Оби до самого моря с молодым вождем Александром Обакуновичем и сражались не только с иноплеменными сибирскими народами, но и со своими двинянами. Александр и другие смельчаки отправились вниз по Волге на 150 лодках; умертвили в Нижнем великое число татар, армян, хивинцев, бухарцев; взяли их имение, жен, детей; вошли в Каму, ограбили многие селения в Волжской Булгарии и возвратились в отчизну, хвалясь успехом и добычей. Узнав о том, великий князь объявил свой гнев новгородцам, велел захватить их чиновника в Вологде, ехавшего из Двинской области, и сказать им, что они поступают как разбойники, и что купцы иноземные находятся в России под защитой великого князя¹.

В 1365 году Русь постигла моровая язва, а затем пожар, какого еще не бывало и который слывет в летописях великим пожаром

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринт. изд-е. В 3-х кн. Кн. III. — М., 1989. С. 6.

Всесвятским, ибо начался церковью Всех Святых. Город разделялся тогда на Кремль, Посад, Загородье и Заречье: в два часа или менее огонь, развеваемый бурей, истребил постройки. Многие бояре и купцы не спасли ничего из своего имения. Видя, что деревянные укрепления ненадежны, великий князь в общем совете с братом, Владимиром Андреевичем, и с боярами решился построить каменный кремль, и заложил его весной 1367 года. Надлежало не упуская времени принимать меры безопасности.

В летописном рассказе о борьбе за владимирский стол неоднократно указывается, что в военных походах Дмитрия Иоанновича сопровождали «все бояре». Московское боярство являлось опорой политики великого князя, направленной на объединение русских земель под его верховной властью. В княжение Дмитрия Иоанновича окончательно сформировался тот круг боярских родов, на которые в дальнейшем опиралась власть великих князей Московских по объединению великорусских земель. В исторической традиции сохранилась память об особо тесных, дружеских отношениях, соединяющих Дмитрия Иоанновича и его бояр. «Если Иоанн Калита и Симеон, – говорит Карамзин, – готовили свободу от Орды умом, то теперь великий князь готовил меч».

В Тверской земле в это время происходила распря за удел умершего в 1364 году дорогобужского князя Семёна Константиновича.

Опираясь на поддержку Орды и московских князей, занимающих владимирский великокняжеский стол, тверской великий князь Василий Михайлович Кашинский в 1360 году, когда Москва потеряла Владимир, а Орда была раздираема внутренними мятежами знати, вынужден был пойти на соглашение со своими противниками – сыновьями Александра Михайловича Тверского. Старший из них, Всеволод, в 1348–1349 годах уже занимал стол великого княжения тверского, однако в начале 60-х годов XIV века на первый план выдвигается следующий по возрасту Александрович – Михаил. Именно он в 1362 году ездил в Литву заключать мир с Ольгердом, нарушенный в 1361 году, когда «Литва волости Тферьскыи имали». Именно на Михаила хотел было организовать поход тверской великий князь Василий Кашинский, но, собрав уже войско,

так и не решился выступить. К осени 1365 года Михаил Александрович уже сидел на тверском великокняжеском столе. Его дядя Василий Михайлович должен был удалиться в свой Кашин. Конец 1365 – начало 1366 года ознаменовались вспышкой моровой эпидемии в Твери, которая унесла жизни многих местных князей, а их владения сделала выморочными. В итоге к весне 1366 года князь Михаил стал обладателем не только Тверского великого княжения, но и всего удела своего отца, а также половины клинских волостей, отчинный владелец которых – князь Семен Константинович – отказал их перед своей смертью Михаилу. В руках Михаила Александровича оказалась таким образом сконцентрирована большая часть территории всего Тверского княжества.

Вмешавшись в спор между тверскими князьями, Дмитрий Иоаннович выслал войско на помощь князю Василию Михайловичу, боровшемуся со своим племянником, святым Михаилом Александровичем, правившим в удельном городе Микулине. Этот шаг имел важные политические последствия. Михаил Александрович являлся главным соперником Дмитрия Донского за великое княжение. Михаил Александрович, внук святого Михаила Ярославича, казненного в Орде в 1318 году, вынужден был на время покинуть свои владения, обратился за помощью в Литву и вернулся в Тверь осенью 1367 года с литовским войском. Его тверские противники и Дмитрий Иоаннович были вынуждены заключить с ним мир. Из-за Тверского княжества возникла перспектива серьезного и опасного для Москвы конфликта с Литовским великим княжеством².

В 1367 году Дмитрий Иоаннович стремился стать посредником в разрешении различных споров между немцами и псковичами, но его посол, напрасно просидев в Юрьеве (Дерпте) несколько месяцев и ничего не добившись, вернулся в Москву.

Смуты в Орде создали благоприятные условия для экспансии Литвы на юг и восток. В начале 60-х годов XIV века под власть великого князя Ольгерда перешел главный центр Черниговской земли – Брянск, тогда же литовская власть окончательно утвердилась в Киеве, где на княжение был посажен Владимир (Василий)

² *Православная энциклопедия. Т. XV. С. 117.*

Ольгердович, даже в далекой Подолии утвердились племянники Ольгерда – Кориатовичи. Великое княжество Литовское стало самым крупным и могущественным государством на территории Восточной Европы. Ольгерд стремился подчинить своему влиянию и те русские земли, которые не входили в состав его государства. К этой цели вело заключение брачных связей. Ольгерд вторым браком был женат на святой Иулиании Александровне, сестре Михаила Александровича Тверского. На дочери литовского великого князя Агриппине был женат городецкий князь Борис Константинович, на другой дочери – один из наиболее влиятельных черниговских князей – Иван Новосильский. Вырисовывалась перспектива объединения русских земель под властью литовских князей-язычников. Обращение князя Михаила Александровича за помощью давало Ольгерду весомый повод для вмешательства в политическую жизнь Северо-Восточной Руси.

Московский великий князь и митрополит Алексий не испугались конфликта с сильным и опасным противником. Уже в 1368 году в Москве стали готовиться к большой войне с Ольгердом. Были заключены скрепленные присягой соглашения с великим князем Смоленским Святославом Ивановичем и черниговскими князьями о совместном выступлении против Ольгерда. Уже в начале 1368 года двоюродный брат Дмитрия Иоанновича, серпуховский князь Владимир Андреевич занял город Ржев. Однако задуманный план осуществить не удалось. Война началась вступлением московских войск во владения Михаила Тверского и его бегством в Литву. Между тем союзники не поддержали Дмитрия Ивановича, напротив, «смоленская сила» участвовала в военных действиях на литовской стороне³.

В 1368 году Михаил Александрович поехал в Москву на суд митрополита Алексея по поводу своей тяжбы с дорогобужским князем Еремеем Константиновичем. Там его схватили и бросили в темницу, но вскоре выпустили, опасаясь приехавших в ту пору из Орды троих татарских князей. Михаил тут же обратился за помощью к Ольгерду.

³ Там же. С. 118.

Осенью 1368 года Ольгерд скрытно собрал большое войско и в конце ноября неожиданно напал на Московское княжество. Дмитрий Иоаннович не успел собрать войско и сел в осаду в кремле. В течение трех дней литовские отряды разорили и опустошили окрестности города. После того как Дмитрий Иоаннович Донской вынужден был уступить Ольгерду Градок, литовцы ушли, отягощенные огромной добычей и пленными, но так не смогли взять кремль.

Это не заставило князя Дмитрия Иоанновича прекратить борьбу. В 1370 году его воеводы ходили походом к Брянску, выгнали из его владений князя Ивана Новосильского, зятя Ольгерда, а в сентябре 1370 года сам Дмитрий Иоаннович предпринял поход в Тверскую землю, и князю Михаилу Александровичу пришлось снова уехать в Литву. Ответом на эти действия стал второй поход Ольгерда на Москву поздней осенью – зимой 1370 года: 6 декабря войска Ольгерда подошли к Москве и восемь дней стояли под стенами кремля. Однако в городе Перемышле на реке Протве, недалеко от Москвы, где «затворился» Дмитрий Иоаннович, собрались русские отряды во главе с Владимиром Андреевичем, к которым присоединились союзники из Рязани и Пронска. По инициативе Ольгерда было заключено перемирие, и он увел свое войско. Все это свидетельствовало о том, что стремление Литвы подчинить своему влиянию княжества Северо-Восточной Руси сталкивалось со все более серьезными трудностями.

К этому времени положение осложнилось вмешательством Орды в борьбу между Москвой и Тверью. В итоге смут, охвативших Ордынское государство, к концу 60-х годов XIV века оно распалось на три части: восточную, так называемую Кок-Орду с центром в городе Сыгнаке на Сырдарье, центральную – земли Среднего и Нижнего Поволжья, где находилась ордынская столица Сарай, и западную – между Волгой и Днепром, правителем которой был могущественный эмир Мамай, державший на престоле своих ставленников – потомков Чингисхана. Ордынская знать, правившая в землях Поволжья, не обладала большой военной силой, ее земли постоянно пытались захватить то Мамай, то прави-

тели Кок-Орды. С Кок-Ордой у русских князей никаких связей не было, некоторые князья (в их числе Дмитрий Константинович) в первой половине 60-х годов еще признавали власть сарайских ханов, но в дальнейшем перестали с ними считаться. В 60-х годах Дмитрий Иоаннович сидел на великом княжении, располагая ярлыком ставленника Мамая хана Абуллаха. Осенью 1370 года «из Литвы» к Мамаю направился тверской князь Михаил Александрович хлопотать о получении ярлыка на владимирское великое княжение. Этот шаг, предпринятый при поддержке литовского великого князя Ольгерда, существенно менял характер конфликта между Москвой и Тверью. Теперь речь шла о попытке утвердить связанного с Литвой тверского князя в качестве первого среди князей Северо-Восточной Руси. Мамай, не заинтересованный в усилении Москвы, выдал ему такой ярлык, но население великого княжества не приняло Михаила Александровича, была сделана попытка его задержать. Правителю Твери вновь пришлось бежать в Литву. Его претензии на великое княжение должен был поддержать второй поход Ольгерда на Москву, но эта цель не была достигнута.

Ольгерд перестал поддерживать князя Михаила Александровича и стал искать соглашения с Москвой. В июне 1371 года Москву посетили литовские послы. При участии митрополита Алексия было заключено соглашение о браке князя Владимира Андреевича с дочерью Ольгерда Еленой. В январе–феврале 1372 года брак был заключен. Возможно, таким образом Ольгерд рассчитывал привлечь Владимира Андреевича на свою сторону, но внести разлад в отношения между двоюродными братьями ему не удалось. Уже в 60-х годах XIV века советники Дмитрия Иоанновича прилагали усилия, чтобы заинтересовать удельного князя в поддержке старшего брата; на территории великого княжения владимирского появились земли, принадлежащие боярам и слугам Владимира Андреевича. Заботился об укреплении отношений между братьями митрополит Алексий. По его «челобитью» Дмитрий Иоаннович передал двоюродному брату Лужу и Боровск. Позднее, во время совместной борьбы против Михаила Тверского, он передал Вла-

димиру Андреевичу, потомку по матери галичских князей, Галич и Дмитров. «Розмирье» между братьями произошло лишь в самом конце правления Дмитрия Иоанновича.

Князь Михаил Александрович продолжал искать поддержки в Орде и в апреле 1371 года вернулся в Тверь с ярлыком на Владимирское великое княжение. Однако его жители снова не приняли тверского князя, и тогда Михаилу Александровичу пришлось силой захватывать земли Владимирского великого княжества. В этих условиях московским политикам в начале лета 1371 года удалось заключить с Великим Новгородом договор о союзе, направленном против Твери и ее возможного союзника Литвы. Постоянная поддержка Михаила Александровича со стороны Мамая встревожила Москву. В июне 1371 года Дмитрий Иоаннович с большими дарами отправился к Мамаю, до Оки его провожал митрополит Алексей. В Орде, обязавшись выплатить большой «выход», Дмитрий Иоаннович добился ярлыка на великое княжение от нового хана Мухаммед-Булака. В отсутствие великого князя войска Михаила Александровича несколько раз вторгались на территорию Владимирского великого княжества, и некоторые земли (например, Бежецкий Верх) ему удалось захватить. Опасаясь нападения тверских войск, Великий Новгород заключил соглашение с правителем Твери как с великим князем и обязался принять его наместников, «если вынесут тебе из Орды княжение великое».

Осенью 1371 года Дмитрий Иоаннович вернулся из Орды с великокняжеским ярлыком. Всем пришлось выплачивать тяжелую дань, но и в этих условиях население Владимирского великого княжества не стало переходить на сторону Михаила Тверского, что политически предрешило исход борьбы, несмотря на то что на стороне правителя Твери снова выступила Литва. Весной 1372 года на помощь Михаилу Александровичу пришла литовская рать во главе с братом Ольгерда князем Кейстутом. Войска тверского князя взяли Дмитров, а войска Кейстута разорили округ Переяславля-Залесского. Литовско-тверское войско также заняло Торжок, где Михаил Александрович посадил своих наместников. 31 мая 1372 года при попытке новгородцев выгнать их из Торж-

ка правитель Твери нанес новгородцам страшное поражение. Для закрепления достигнутых успехов Ольгерд вместе с тверским князем в третий раз выступил в поход на Москву. В июле 1372 года на Оке у города Любутска литовско-тверское войско встретил Дмитрий Иоаннович со своим войском. На его стороне выступили рязанские князья и «великий князь Роман» – старший среди черниговских князей. Ольгерд не решился на сражение, и стороны заключили перемирие. В грамоте о перемирии как союзники Дмитрия Иоанновича указаны рязанские князья и «великий князь Роман». По одному из условий перемирия Михаил Тверской обязывался вернуть имущество, захваченное им на территории великого княжения, а Дмитрий Иоаннович получал право выслать тверских наместников. В случае новых нападений правителя Твери на земли владимирского великого княжения литовские князья Ольгерд и Кейстут обязывались не вмешиваться в отношения между московским и тверским правителями.

Заключенное в 1372 году соглашение положило конец попыткам литовских князей вмешаться в политическую жизнь княжеств Северо-Восточной Руси, чтобы подчинить их своей власти и влиянию. В упорной борьбе Дмитрий Иоаннович не только остановил литовское наступление, но и вырвал из-под литовского влияния княжества Черниговской земли, расположенные в верховьях Оки. Тем самым для русских земель этого региона была обеспечена возможность самостоятельного развития. Утратив поддержку Литвы, Михаил Александрович был вынужден искать мира с Москвой и Великим Новгородом. По соглашению, заключенному в январе 1374 года, правитель Твери свел своих наместников с территории великого княжения и обязался вернуть Великому Новгороду имущество и пленных, захваченных при взятии Торжка. Руководящая роль Москвы в политической жизни Северо-Восточной Руси упрочилась, и ее глава, Дмитрий Иоаннович, выступил в последующие годы как объединитель русских княжеств в их борьбе с Ордой.

Напряжение в отношениях Орды Мамай с русскими княжествами стало нарастать с 1373 года, когда ордынские войска напали на Рязанскую землю и Дмитрий Иоаннович, «собрав всю силу

княжения великого», стоял на Оке, ожидая набега ордынцев. Военное напряжение нарастало и в следующем году, русский летописец кратко отметил: «А князю великому Дмитрию Московскому бышеть розмирие с татары и с Мамаем». В конце ноября 1374 года в Переяславле собрался съезд князей. По предположению ряда исследователей, здесь было принято общее решение о борьбе с Ордой Мамаю. По инициативе великого князя московского была прекращена выплата тяжелого «выхода». Началась война. В 1375 году войска Мамаю разорили южные районы Нижегородского княжества⁴.

Новым обострением отношений между Дмитрием Иоанновичем и Ордой попытался воспользоваться Михаил Тверской, чтобы захватить великокняжеский стол. В Москве тогда внезапно открылась измена. В Тверь к князю Михаилу Александровичу перебежали два знатных и влиятельных лица. Один из них, Иван Вельяминов, был смертельно обижен на великого князя Дмитрия, лишившего его наследственной должности тысяцкого. Молодой аристократ, очевидно, пользовался поддержкой части бояр и зажиточных горожан, недовольных усилением великокняжеской власти и разрывом с Ордой. Другой перебежчик, некий Никомат, представлял могущественную корпорацию гостей-сuroжан, державших под своим контролем торговлю с Югом – крымским Сурожем и Кафой.

Михаил Тверской послал Ивана Вельяминова и Никомата к Мамаю хлопотать о ярлыке на великое княжение Владимирское. Сам же обратился за помощью к родственнику, Ольгерду Литовскому. События развивались неудержимо. 13 июля 1375 года с желанным ярлыком в Тверь вернулся Никомат. Михаил Александрович тут же разорвал мир с Москвой и направил своих наместников в великокняжеские города.

Подстроенная Мамаем интрига подействовала. Распался, не успев и возникнуть, смертельно опасный для Орды союз. Теперь уже Москва оказалась перед лицом грозных недругов – Михаила Тверского, Ольгерда Литовского и Мамаю.

⁴ Православная энциклопедия. Т. XV. С. 119.

Великий князь Дмитрий Иоаннович не стал, однако, ждать, когда враги объединят свои силы. Не теряя ни дня, он ударил по самому уязвимому звену враждебного союза – по Твери. На нее двинулось войско, собранное для намечавшейся войны с Мамаем. Было оно беспримерным на Руси. С Дмитрием Московским в поход шли полки и дружины не менее двадцати русских княжеств и земель⁵! В начавшемся в конце июля походе на Тверь вместе с московской ратью приняли участие войска почти всех князей Северо-Восточной Руси: нижегородские князья Борис, Дмитрий Ноготь, Дмитрий Константинович и Семен Дмитриевич, черниговские союзники Дмитрия Иоанновича и даже «великий князь смоленский» фигурировал как союзник великого князя московского. Это свидетельствует о том, что к 1375 году Смоленск разорвал отношения с Литвой и перешел на московскую сторону. Под стенами Твери к союзникам присоединилось также новгородское войско. Осада города продолжалась почти месяц, за это время была занята вся Тверская земля. Надежды на помощь от Литвы или от Орды Мамаю не оправдались. Михаил Александрович был вынужден согласиться на мир, продиктованный Дмитрием Иоанновичем. Мирный договор был заключен «по благословению» митрополита Алексия. Тверской князь признал себя «братом младшим» правителя Москвы, отказался от притязаний на Владимирское великое княжение, обязался вступить в союз с Дмитрием Иоанновичем и участвовать в походах вместе с ним. Кроме того, тверской князь обязался разорвать союз с Литвой и в случае войны между Литвой и Москвой участвовать в ней на московской стороне. В договор также вошло условие, предусматривающее, что правитель Твери должен был участвовать в военных действиях против ордынцев и решать все вопросы отношений с ними лишь «по думе» с великим князем московским. Все это означало полное поражение Михаила Александровича в борьбе за господство в Северо-Восточной Руси. Орда и Литва, на которые он рассчитывал, оказались неспособными повлиять на ход событий. Таким образом, в 1375 году не только окончательно упрочилась

⁵ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 27.

политическая гегемония Москвы в Северо-Восточной Руси, но и русские земли, объединившись, впервые выступили как единое политическое целое под главенством Дмитрия Иоанновича.

Победа Дмитрия оказалась столь стремительной, что помешать ей не успели ни Ольгерд, ни Мамай. Первый смог лишь повоевать смоленские волости. Отряды же второго совершили набеги на окраинные Нижегородское и Новосильское княжества.

Однако у московской победы был горький привкус: удар объединенной русской рати пришелся не по Мамаю, а по единокровной и единой верной Твери. Война 1375 года вновь оттолкнула друг от друга Москву и Литву. Углубился разрыв между Великой Русью и Русью Малой. Опасность грозила и церковному единству русских земель. Ольгерд, опасаясь духовного влияния Москвы на своих православных подданных, все настоятельнее требовал от Константинопольского патриарха создать в Литве особую, отдельную от Московской митрополию, угрожая в противном случае обратиться к Папе Римскому. Многомудрый патриарх Филофей вынужден был уступить. В декабре 1375 года Вселенский собор постановил образовать митрополию Киевскую и Литовскую во главе с митрополитом Киприаном, что вызвало несогласие Москвы.

Ответом на присоединение смоленских князей к Дмитрию Иоанновичу стал поход литовцев на Смоленскую землю, а ответом на присоединение к московскому правителю черниговских князей стал набег войск Мамаю на черниговские княжества, расположенные на верхней Оке. Так стало намечаться сближение Орды Мамаю и Литвы, недовольных усилением Москвы и объединением под ее политическим руководством русских земель. В 1376 году князь Владимир Андреевич вел войну с великим княжеством Литовским, а Дмитрий Иоаннович вновь стоял с войсками на Оке, охраняя себя и своих союзников от набегов ордынцев.

Тем временем осложнились отношения с Литвой. В 1377 году, после смерти Ольгерда, литовский великокняжеский стол занял один из двенадцати его младших сыновей от второго брака – Ягайло (в крещении Владислав), женатый на польской королеве Ядвиге. И это вызывало враждебную реакцию его старших бра-

тьев, родившихся от первого брака. Очевидно, к этому времени в Москве уже располагали сведениями о заключении союза между Мамаем и Ягайло, и поход был реакцией Москвы на это событие.

В начале 1377 года великий князь послал Дмитрия Михайловича Волынского с ратью на город Булгар. Вместе с Волынским в походе приняли участие нижегородские полки во главе с сыновьями Дмитрия Нижегородского Василием и Иваном. Одним из болгарских князей, как уже говорилось, с 1370 года был ставленник Мамаю. В случае войны с Дмитрием Мамай мог использовать его для организации похода на восточные земли Руси. Поэтому нападение в 1377 году на Булгарию, оторванную от основных владений Мамаю, преследовало стратегическую цель: обезопасить Нижегородское и соседние с ним княжества от возможного флангового удара в случае решительного столкновения с Ордой. 16 марта 1377 года русская рать подошла к Булгару. Из города выступило монголо-татарское войско для встречи в открытом бою. Несмотря на то что в его составе были боевые верблюды, необычный вид которых пугал коней русских ратников, несмотря на военную новинку – огонь из крепостных пушек («изъ града громъ пущаху»), полки Дмитрия Волынского и нижегородских князей успешно атаковали защитников города, которые, потеряв 70 человек убитыми, бежали в крепость. Булгарские князья Асан и Мухаммед Султан (Махмат Солтан) запросили мира. Русские князья согласились. В результате переговоров монголо-татары уплатили пять тысяч рублей контрибуции и вынуждены были принять у себя русских чиновников – даругу и таможенника. Военные действия между Москвой и Ордой развернулись первоначально у границ Нижегородского княжества⁶.

По-видимому, именно от болгар летом 1377 года было получено на Руси тревожное сообщение о том, что на правобережье нижней Волги появилась пришедшая из заволжских степей новая орда хана Араб-шаха (Арапши), и что этот Араб-шах намеревается напасть на Нижний Новгород. На защиту Нижнего поспешил сам великий князь Дмитрий «въ силе тяжце». Но, поскольку

⁶ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 105.

новых известий об Араб-шахе не поступало, он вернулся в Москву, оставив местным князьям «рать Володимерьскую, Переяславскую, Юриевскую, Муромскую, Ярославскую». Эти полки вместе с нижегородскими под командованием участника похода на Булгар князя Ивана Дмитриевича и князя Семена Михайловича не спеша двинулись к юго-восточным рубежам Нижегородского княжества. Новые известия об Араб-шахе говорили о том, что он задержался где-то далеко у Волчьих вод, и ратники повели себя беспечно: оружия к бою не готовили, бражничали, упиваясь медом и пивом, отнятым у местного населения, а князья и бояре развлекались охотой. О лагере русского войска у реки Пары, правого притока Пьяны, узнали в Мамаевой Орде.

Большие силы Мамаея, проведенные мордовскими князьями тайными тропами, в воскресный день 2 августа 1377 года внезапно ударили с тыла на оплошавшую русскую рать. Не ожидавшие нападения с этой стороны князья и воеводы вместе со своими полками обратились в бегство. Монголо-татары перебили множество бояр и простых воинов, был убит князь Семен Михайлович. Большое число русских утонуло при переправе через Пьяну, в том числе князь Иван Дмитриевич. Победа мамаевых темников была полной, и они тут же решили воспользоваться ею. Оставив на поле боя, вероятно, под небольшой охраной, захваченных пленных и имущество, они быстро («изгоном») двинулись к Нижнему Новгороду. 5 августа они были под его стенами. В распоряжении князя Дмитрия Константиновича не оказалось достаточных военных сил, и он бежал в Суздаль. Горожане тоже покинули город, последовав примеру князя. Нижний Новгород стал легкой добычей монголо-татар. В течение двух дней они хозяйничали в нем, грабили и убивали оставшихся жителей, а перед уходом подожгли город. Был разграблен и подожжен Спасо-Преображенский собор в кремле, где сгорели летописи и ценные книги. Уходя, монголо-татары повоевали нижегородскую сельскую округу, людей предали смерти, а оставшихся в живых женщин и детей увели с собой в рабство. Через несколько дней на восточных границах Нижегородского княжества появился давно ожидаемый

Араб-шах. Его набег ограничился разграблением нижегородских земель по правому берегу реки Суры. Осмелевшие мордовские князья осенью 1377 года вновь повоевали нижегородскую округу («уезд») и довершили разгром сел, уцелевших от ордынского августовского нападения. Правда, на сей раз городецкий князь Борис Константинович сумел настичь противника у реки Пьяны и разбить его. Однако положение Нижегородского княжества оставалось трудным.

Зимой 1377–1378 годов великий князь вновь прислал на помощь в Нижний Новгород свою рать под командованием боярина Федора Андреевича Свибла. Вместе с Борисом Городецким и сыном Дмитрия Нижегородского Семеном эта рать совершила нападение на примкнувших к Мамаю мордовских князей и учинила в их землях жестокую расправу. Это были ответные действия Москвы и Нижнего Новгорода главным образом на походы Мамаевой Орды в августе 1377 года. В результате этой успешной совместной акции укрепился и московско-нижегородский союз. Поддержка Москвы обеспечивала Нижегородскому княжеству стабильность не только внешнеполитическую, но и внутривнутриполитическую. И если такая поддержка ослабевала, Нижегородское княжество вступало в полосу потрясений.

А удары Орды становились все сильнее. В июле 1378 года татары вновь обрушились на Нижегородское княжество и дотла спалили его стольный град.

По словам летописи, Мамай, собравший «воя многы», послал их во главе с Бегичем «на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую».

Суть замыслов ордынского темника в русской летописи раскрыта верно: Орде действительно в то время противостояла вся Русская земля, сплотившаяся вокруг наиболее могущественного князя Северо-Восточной Руси Дмитрия Иоанновича Московского, и, чтобы привести русских князей в свою волю, Мамаю необходимо было воевать с ними всеми и прежде всего с их главой – великим князем Дмитрием. Источники не сообщают о каких-либо военных действиях Бегича до решительного столкновения с русскими пол-

ками. Идя с юга, монголо-татары не нападали ни на лежащие близ их пути верховские княжества, ни на рязанские земли. Основным объектом удара была, по-видимому, Москва, и Бегич не распылял своих сил.

Известия о выступлении Бегича были получены в Москве своевременно. Сконцентрировав значительные силы, Дмитрий решил не допускать монголо-татар на территорию Московского княжества и «поиде противу въ силе тяжце» за Оку. Противники встретились у реки Вожи, недалеко от столицы Рязанского княжества – Переяславля. Русские войска заняли позиции на левом берегу реки Вожи⁷. Для Бегича появление полков Дмитрия в рязанских пределах было, по-видимому, неожиданным. Некоторое время он стоял у реки, не решаясь перейти ее, а когда «не по мнозехъ же днехъ» монголо-татарская конница форсировала Вожу, то оказалась в ловушке. Как свидетельствует летопись, «удари на нихъ с одну сторону Тимофеи околничии, а с другую сторону князь Данилеи Проньскы, а князь великий удари въ лице». Из этого краткого описания делается очевидным, что полки Бегича попали в «мешок»: искусно расставленные силы русских нанесли им сначала удары по флангам, а затем довершили сражение лобовой атакой. «Въ томъ часе» 11 августа 1378 года, как говорит летопись, монголо-татары обратились в бегство. Многие из них были перебиты, гонимые русскими полками, многие утонули в Воже.

В Вожском сражении погибло пять монголо-татарских князей, что свидетельствует как о значительной величине войска Бегича, так и о масштабах нанесенного ему поражения. Разгром был настолько сильным, уцелевшие от разгрома монголо-татары были так напуганы происшедшим, что уходили от русских всю ночь с 11 на 12 августа, бросив свой прежний лагерь и все имевшееся там имущество, хотя русские начали их преследовать только через сутки после сражения. С большими трофеями Дмитрий вернулся в Москву.

Русские рати были распущены «съ многою корыстию». Некоторые данные позволяют судить о составе этих ратей. Так, среди убитых на реке Воже русских военачальников летопись называ-

⁷ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 109.

ет Дмитрия Монастырева, белозерского вотчинника. В Вожском сражении участвовал князь Даниил Пронский со своим полком. А известие о движении Бегича было послано в Москву, скорее всего, Олегом Рязанским или при его содействии. Во всяком случае этот князь явно был причастен к победе на Воже. Когда к Мамаю прибежали остатки войск Бегича, он «разгневался зело и възъярился злобою», собрал новую рать и осенью 1378 года «вборзе безъ вести изгономъ» напал на Рязанское княжество. Не ожидавший этого Олег бросил па произвол судьбы свою столицу и укрылся где-то за Окой. Некоторые летописи сообщают даже, что он из вражеских «рукъ убежа истрелянь». Новая Рязань была захвачена монголо-татарами, которые сначала разграбили и подожгли город, а затем опустошили его волости. Это нападение Мамай на Рязанское княжество можно объяснить только тем, что Олег, не участвуя прямо в сражении против Бегича, скрытно помогал Дмитрию Московскому.

Кровопролитные столкновения 1377–1378 годов между Русью и Ордой несколько ослабили их силы. Для московского правительства было ясно, что его основным противником стал Мамай. Именно он нанес крупное поражение объединенной русской рати на реке Пьяне, а после того, как сам потерпел жестокое поражение на реке Воже, постарался частично реабилитироваться, захватив Рязань. Последнее говорило о том, что Мамай вынашивает планы реванша и в удобное для себя время может приступить к их реализации. Мамай же прекрасно понимал, что для восстановления ордынской власти над русским «улусом» ему придется действовать против единого военно-политического союза русских княжеств и земель, возглавляемого великим князем Дмитрием. И та, и другая стороны нуждались в укреплении своих сил, в передышке. На протяжении 1379 года Мамай не предпринимал никаких военных действий против Руси. Наоборот, скрывая истинные намерения, в конце лета 1379 года он даже пропустил через свои владения ехавшего в Константинополь для поставления в русские митрополиты московского кандидата Михаила-Митяя. Дмитрий же, стремясь укрепить свой авторитет

в заокских княжествах (возможно, поколебленный разорением Мамаем Рязани в 1378 году) и воспользовавшись благоприятной для себя ситуацией в Литовском государстве, в начале декабря 1379 года послал свои полки под командованием князей Владимира Андреевича, Андрея Полоцкого и Дмитрия Волынского в поход на Брянское княжество.

Андрей (Вигунд) Ольгердович (1325–1399) – удельный князь полоцкий, грубчевский, служилый князь псковский, четвертый сын великого князя литовского Ольгерда и его первой жены Марии Ярославны Витебской, старший брат Владислава Ягайло (†1430).

Дмитрий-Боброк Волынский, выходец из Волыни, не был своим среди московских бояр. Но в Москве он быстро выдвинулся на военном поприще. С его именем связаны многие выдающиеся победы: в 1371 году он наголову разгромил рязанского князя Олега, в 1376-м обложил данью город Булгар. Дмитрий Иоаннович женил Боброка на своей родной сестре Анне. Им были взяты города Трубчевск и Стародуб Северский, захвачены многие волости и села. Войска, до той поры никогда не ходившие столь далеко на юго-запад от границ Северо-Восточной Руси, вернулись назад с богатой добычей. Но основным результатом похода было то, что на сторону Москвы встал родной брат Андрея Полоцкого князь Дмитрий Ольгердович⁸. Вместе со своей семьей и двором он приехал служить к великому князю Дмитрию, который дал ему в управление Переяславль.

Москва укрепила свое влияние в православных литовских княжествах, обеспечила стратегически важный юго-западный фланг будущей военной кампании. Андрей и Дмитрий Ольгердовичи со своими дружинами оказались большим подспорьем в войне с Мамаем. Они составляли одну из самых боеспособных сил великокняжеской рати на Куликовом поле.

⁸ Дмитрий (Корибут) Ольгердович († 1389 г.) — князь Брянский и Трубчевский, сын Ольгерда и его первой жены Марии Ярославны, княжны Полоцкой. Первым браком был женат на Любви Иоанновне, сестре Дмитрия Донского. (См.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 1. — СПб.: тип. К. Вингебера, 1854. С. 319).

Москва охотно принимала к себе на службу выходцев из разных земель, с Востока и Запада. В том числе и из самой Орды. Оттуда в годы «великой замятни» (ханских переворотов в Орде) на Русь устремился поток эмигрантов.

Они переходили на службу великому князю московскому или митрополиту. Пришельцы обычно принимали крещение и вливались в состав русской знати в качестве ее полноправных членов.

К лету 1380 года русские княжества во главе с Москвой оказались в сложном положении – против них выступил Мамай. Фактический правитель Орды тщательно готовился к походу, его войско было усилено наемными отрядами с Северного Кавказа (осетины, черкесы) и из итальянских колоний в Крыму и в Азаке (современный Азов). Авторитет Мамаея в степи усиливал заключенный союз с Литвой. В мае 1380 года в Давыдишках литовский великий князь Ягайло с братьями заключил мирное соглашение со своим воинственным западным соседом – Тевтонским орденом – и получил возможность двинуть войска на восток. К союзникам присоединился рязанский князь Олег (Иаков) Иванович, желавший таким образом обезопасить свои владения от ордынцев. Князь Олег Иванович при посредстве рязанского боярина Епифана Кореева заключил с литовским князем Ягайло договор, о котором московский князь не знал. Одновременно он поддерживал отношения с Дмитрием Иоанновичем и сообщил ему в письме важные сведения о Мамае, определившие весь стратегический расчет похода. Оказалось, что у Москвы не один явный враг, а два. Второй – Ягайло – пробирается по своим землям с запада и вот-вот волеет свои войска в полчища Мамаея⁹. В ожидании прихода литовского войска Орда Мамаея вместе с ханом Тюляком готовилась к сражению.

Положение Московского княжества осложнялось еще тем, что к этому времени скончался молитвенный ходатай за Москву митрополит Алексей. После его кончины в русской Церкви начались нестроения. Весной 1379 года великий князь предпринял попытку возвести на Московскую кафедру Михаила-Митяя, известно-

⁹ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. II. С. 586.

го нам по Коломне. Решением архиерейского собора его кандидатура была отклонена. Московские бояре также выразили свое несогласие по этому поводу, а Преподобный Сергей сомневался в достоинствах Митяя и даже предсказал, что Митяю не видать ни митрополии, ни Царьграда. Особенно сильно выступал против него святой епископ Суздальский и Нижегородский Дионисий, который без разрешения Дмитрия Иоанновича сам уехал к патриарху. Тогда Митяй по совету великого князя выехал в Византию для поставления себя в митрополиты, но не доехал до Константинополя, умер по дороге в августе 1379 года. Новый патриарх Нил, избранный в июне 1380 года, поставил в митрополиты архимандрита Пимена из числа свиты Митяя. Причем московские бояре обманули патриарха Нила: не желая ехать из Константинополя без какого-либо результата, они, предъявив подложные документы, заявили, что Пимен является именно тем кандидатом на митрополию, о котором в грамоте просил великий князь. Царь и патриарх долго расспрашивали Пимена и тех, кто был с ним. После расспросов собор епископов решил поставить Пимена в митрополиты. При этом греки говорили: «Правду ли говорят русские или неправду, но мы поступили по истине». Когда через семь месяцев Пимен приехал в Москву, то великий князь не принял Пимена, так как он поставлен был без согласия князя. Таким образом, перед Куликовской битвой в Москве не было святителя Владимирского и всея Руси.

А в это время с юга на север из Мамаевой Орды на Русь спешил Иоанн Вельяминов. Его схватили в Серпухове. Что заставило эмигранта, объявленного государственным изменником, вернуться на родину, на верную смерть? Мы вряд ли когда-нибудь об этом узнаем. Известно лишь, что он был взят хитростью. Вероятно, его заманили в ловушку, пообещав простить прежние прегрешения, возвратить конфискованные владения и высокий служебный статус. Он вполне мог поверить таким посулам¹⁰. Ведь отец его тоже уезжал в Орду от гнева Иоанна Красного, а затем помирился с князем и в конце концов вернул себе должность тысяцкого. Иоанн Вельяминов

¹⁰ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 39.

был предан позорной казни как изменник. Утром 30 августа 1379 года при стечении множества горожан «убиен бысть Иоанн Васильев, сын тысяцкого; мечем потят бысть на Кучкове поле у града у Москвы повелением князя великого Дмитрия Иоанновича».

Публичная казнь в Москве поразила москвичей, не привыкших к такого рода зрелищам. У многих горькая судьба знатного осужденного вызывала сочувствие: «И бе множества народа стояще, и мнози прослезиша о нем, и опечалишася о благородстве его и о величествии его». Тысяцкие Вельяминовы так срослись с московским торгово-ремесленным миром, что даже явная измена одного из них не могла заглушить добрых чувств к представителю рода, олицетворяющего права и вольности горожан.

Знать также должна была увидеть в расправе над Иоанном покушение на свои привилегии, прежде всего, на право переходить на службу к другому князю. Боярская вольница уходила в прошлое. На смену шли иные времена, иные порядки. Дворяне, служившие по своей воле, постепенно превращались в подданных единовластного государя. Шаг за шагом создавалась жесткая иерархическая структура общества, построенная на подчинении и дисциплине. К этому вела вся логика событий, одним из которых была казнь Иоанна Вельяминова. Сын тысяцкого лишь воспользовался своим правом перехода на службу к другому князю – Михаилу Тверскому. Но из этого «возгорется огонь», вспыхнула война, возникла смута на Руси, которой и воспользовался Мамай...

Вскоре после отъезда Митяя из Москвы новым духовником Дмитрия Иоанновича становится Федор Симоновский, игумен общежительного монастыря, племянник и ближайший ученик Сергия Радонежского.

В знак особого благоволения князь разрешил новому духовному наставнику основать монашескую обитель. В 1379 году всего в четверти версты к северо-востоку от Старого Симонова монастыря была заложена церковь Успения Богородицы. Вокруг нее образовалось монашеское общежитие. Землю под новый монастырь пожаловала, вероятно, семья гостей-сурожан Ховриных. Иждивением Григория Ховры и его жены Агриппины воздвигался и мо-

настырский храм. Его возводили сразу в камне. Случай редкий в то время, говоривший о большом значении, которое придавалось строительству. Об этом же свидетельствует и посвящение храма Богородице, главной заступнице Русской земли. Однако никто из стоявших у истоков Новой Симоновой обители – ни Феодор, ни Преподобный Сергей, ни Дмитрий Иоаннович – так и не увидел собор законченным. Он был освящен лишь в 1405 году, через четверть века после начала строительства. Два монастыря на Симонове, старый и новый, существовали рядом, в тесной духовной связи больше века. В XVI столетии старая Симонова обитель была упразднена, а ее собор обращен в приходскую церковь.

В том же 1379 году повелением Дмитрия Иоанновича Сергей Радонежский ставит в далеком лесном безмолвии на речке Дубенке, «на Стромыни», деревянный храм Успения Богородицы и устраивает здесь монашескую обитель. Церковь была украшена иконами, снабжена богослужебными книгами. Освящение ее состоялось 1 декабря. Игуменом монастыря стал Леонтий, старец Троицкого монастыря. Напомним, что, по мнению некоторых историков, возведение храма на Дубенке было исполнением обета, данного великим князем перед Сергием Радонежским накануне сражения на Воже. Монастырь находился под покровительством великого князя. Вокруг него выросло богатое торговое село Стромынь, через которое пролегла дорога к другой обители, основанной Сергием, – Киржачской, и далее на Владимир и Суздаль. Путь этот стал впоследствии зваться Стромынкой. Память о нем доныне сохраняется в названии московской улицы в Сокольниках, являвшейся некогда частью древней дороги. Есть Стромынка и в Суздале.

Монастырь же на Стромыни перестал существовать еще в старину. Год 1379-й стал временем всплеска церковного строительства в Московском княжестве. Впервые после пятилетнего перерыва летописи сообщают о возведении новых храмов, основании монастырей. Это верный признак духовного подъема, который переживала Москва накануне грозных событий. В том году великий князь повелел заложить большую каменную церковь в Коломне.

Это был богатый, быстро растущий город с обширным торгово-ремесленным посадом и речной пристанью. В те годы, когда Московское княжество платило дань Орде, треть всей суммы поставляла Коломна. Она являлась московской твердыней на южных рубежах княжества, и в войне с Мамаем ей отводилась особая, чрезвычайно важная роль. Свое стратегическое значение Коломна уже продемонстрировала годом ранее, когда стала местом сосредоточения русских ратей перед битвой на Воже. Город близ слияния Москвы-реки с Окой бурно развивался и как духовный центр. С 1353 года Коломна являлась местом пребывания епископов Коломенских. Глава епархии – владыка Герасим пользовался уважением великого князя и проявлял себя его верным сподвижником. Дмитрия Иоанновича связывали с Коломной самые светлые личные воспоминания. Здесь в Воскресенском храме, как мы знаем, он венчался с княжной Евдокией Нижегородской. Церковь эта уже в те времена была каменной¹¹.

Из белого камня начали возводить и новый городской собор. Так же как и заложенные в тот год храмы Симоновского и Стромынского монастырей, он был посвящен празднику Успения Богородицы.

¹¹ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 51.

Боевое построение и вооружение русской и ордынской армий. Воины-схимонахи Александр-Пересвет и Андрей-Ослябя

Русское войско. На поле боя князь всегда выделялся качеством и отделкой своего снаряжения. Перед началом Куликовской битвы Дмитрий (Донской) передел в свои доспехи боярина Михаила Бренко, который погиб, принятый ордынцами за великого князя. В комплект княжеских доспехов входит золоченый ламеллярный доспех с чешуйчатыми элементами, в частности набедренниками, и фестончатым подолом из стальных пластин. Ноги защищены обшитыми стальной чешуей башмаками, створчатыми поножами, наколенниками и кольчужными штанинами ниже колен, а руки – створчатыми наручами и перчатками с чешуйчатыми пальцами. Шлем – высокий сфероконус со шпилем, кольчужной бармицей с дополнительными пластинами – наушами. На груди и спине – закрепленные на ремнях зеркальные пластины. Шлем вызолочен, по ободу – серебряные чеканные накладки. Для защиты лица к шлему прикреплена личина – стальная маска, воспроизводящая человеческое лицо. Личина также позолочена, изнутри обклеена красной кожей. На поясе князя висят длинный меч и кинжал. В руке князь держит позолоченный фигурный шестопер, который уже в этот период начинает становиться символом воинской власти. Защитное вооружение княжеского коня крайне развитое и богато украшенное. Он одет в полный конский доспех из стальных пластин, напоминающий среднеазиатские, часто при-

менявшиеся в Золотой Орде, оголовье также явно воспроизводит золотоордынские образцы. И пластины, и само оголовье позолочены. Под шеей коня подвешен науз – длинная кисть, также позаимствованная с Востока.

Во второй половине XIV века вооруженная организация великого Московского княжества представляла собой войско удельных князей, но уже со значительно возросшим централизмом и повысившейся ролью командования. Решения принимал не военный совет князей, а единолично великий московский князь, который на военном совете выслушивал мнения своих князей, воевод и бояр. Авторитет великого князя поддерживали сильные полки Московского и подчиненных ему княжеств. Это способствовало тому, что осуществление замысла боя велось им по единому плану.

Тяжеловооруженный знатный конный копейщик (первая линия построения). При построении конницы наиболее тяжело вооруженные и профессионально подготовленные бойцы составляли первую линию. Этот знатный воин использовал комплект защитного вооружения, не только ничем не уступающего доспехам европейских рыцарей, но и в чем-то их превосходящего. Поверх кольчуги надета бригандина, ноги защищены саботонами (латными башмаками), створчатыми наголенниками, наколенниками и бригандинными набедренниками, руки – створчатыми наручами и перчатками с чешуйчатыми пальцами.

В качестве дополнительной защиты локтей используются круглые стальные пластины. Шлем – высокий сфероконус с полями и шпилем, украшенный чеканными изображениями святых, близкий к византийским аналогам, с чешуйчатой бармицей. Щит – кавалерийская расписная павеза. Оружие воина – длинное копье с довольно узким листовидным лезвием, близко к европейским лансам, на поясе – длинный меч и кинжал европейского типа. И меч, и кинжал прикреплены цепями к грудной части бригандины. К седлу приторочен боевой молот, близкий к клевцу. Конь одет в полный конский доспех из стальных пластин (по типу среднеазиатского), тогда как голова защищена оголовьем, неотличимым от европейского.

Тяжеловооруженный конный копейщик (первая–вторая линии построения). Вооружение этого воина в целом напоминает вооружение предыдущего, за некоторыми важными отличиями. Так же надетая поверх кольчуги и стеганого поддоспешника бригандина более похожа на монгольский «усиленный хатангу дегель», чем на европейские аналоги. На груди и на спине – круглые зеркальные пластины. Еще две круглые пластины служат в качестве дополнительной защиты ключиц. Ноги защищены кольчужными чулками с наколенниками, на руках – створчатые наручи с латными перчатками. Шлем – низкий сфероконус с загнутым вперед закругленным верхом, напоминающий фригийский колпак. К шлему крепится бармица из крупных чешуй. Щит – расписной, сердце-видной формы. Оружие воина – длинное копье с узким граненым лезвием, близкое к пике, сабля и кинжал. Конь защищен кольчужной попоной и латным оголовьем восточного типа.

Тяжеловооруженный конный копейщик (вторая–третья линии построения). Смешение западноевропейского и русского вооружения, достаточно характерное для стран Восточной Европы (например, Литвы или Польши), столь же часто встречалось и в русских землях. В качестве защитного вооружения используется длиннорукавная кольчуга, поверх которой надет чешуйчатый доспех с пристегнутой пластинчатой защитой предплечий и металлическими наплечниками. Руки защищены налокотниками и наручами с чешуйчатым пальцами. Ноги прикрыты кольчужными чулками и наголенниками из одной пластины, выше колен стеганные штанины с пристежными наколенными пластинами. Голову всадника защищают типичный западноевропейский бацинет с подвижным забралом и кольчужной бармицей. Щит – треугольный. Оружие всадника – длинное копье, лук, меч и притороченный к седлу топор. Коня защищает пластинчатый нагрудник и пластинчатая защита шеи.

Тяжеловооруженный богатый конный лучник. Снаряжение этого воина демонстрирует сочетание ордынского и западного влияния. Поверх длиннорукавной кольчуги надет безрукавный кольчато-пластинчатый доспех (такие только начинают появ-

ляться в это время). На голове – ранний бацинет со съемным наносником и кольчужной бармицей. На локтях – дополнительные пластины. Кроме них, руки защищены створчатыми наручами с кольчужными лопастями. На ногах – створчатые поножи и наколенники. Щит – круглый, слабовыгнутый. К поясу прикреплены лук в налучье и колчан со стрелами. Остальное оружие – сабля и притороченный к седлу топор.

Легковооруженный конный лучник. В качестве защитного вооружения этот воин использует льняной набивной доспех с фестончатыми оплечьями и подолом, сфероконический шлем с чуть отогнутым назад верхом, со стеганой бармицей и треугольный шлем. К поясу прикреплены лук в налучье, колчан со стрелами и сабля¹.

Как по своему основному составу, так и по политическим задачам вооруженная организация Московского княжества имела определенно выраженный национальный облик. Ее ядром являлся «двор» великого князя и городовые полки Москвы и Московского великого княжества. «Двор» великого московского князя состоял из «служебных» князей и бояр, мелких военных служилых людей – детей боярских и «слуг под дворским». Дети боярские были мелкими землевладельцами и несли военную службу. «Слуги под дворским» находились в ведении дворецкого, управляющего княжеским хозяйством, и также являлись воинами. «Служебные» князья и бояре были крупными землевладельцами и выступали в поход со своими отрядами. «Служебные» князья – это князья, потерявшие свою независимость. Они пользовались правом «отъезда», могли отказаться от службы князю и перейти даже к его врагу. Такое же право имели и бояре².

Организационной единицей теперь был полк, а не княжеская дружина. Летописцы сообщают о сборах и действиях полков, имевших различную численность, которая определялась наличием жителей города или княжества, выставившего полк. Командовал полком князь или воевода из бояр. При различном численном составе полки имели довольно однообразную организацию – они

¹ Щербаков А. Куликовская битва: 1380. — М.: Экспринт, 2001. С. 58.

² Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 552.

делились на тысячи, сотни, десятки, которыми командовали тысяцкие, сотские и десятские. Самыми мелкими подразделениями были «копья», состоявшие из командира – знатного воина и нескольких подчиненных ему бойцов, всего не более десяти человек. Несколько десятков «копий» объединялись в «стяг». «Стяг» имел собственное, присущее одному ему знамя, по которому подразделение легко можно было найти в гуще сечи. «Стяг» мог выполнять и самостоятельные задачи и входить в состав более крупных подразделений из «стягов». Такая организация войска позволяла лучше управлять им в походе и в бою. Вообще знамя играло громадную роль в сражении. Известно, что во время Куликовской битвы самая жестокая схватка разгорелась вокруг великокняжеского знамени с изображением Спаса Нерукотворного. То же самое было и в случае с меньшими по значению отрядными и полковыми знаменами, на которые должен был ориентироваться в гуще схватки всякий боец: потеря, подсечение знамени означали гибель отряда, разрушение его строя и бегство. В свою очередь «стяги» объединялись в полки во главе с князьями и воеводами. Полк являлся в средневековый период самым крупным тактическим подразделением. В полк входили отряды из разных мест или собранные в одной земле и области. Для управления полком применялись ратные трубы, литавры и знамена.

Когда полки сходились к назначенному сборному пункту, великий московский князь организовывал рать, административные полки которой сводились в тактические единицы. Для похода и боя он приказывал формировать передовой (сторожевой) полк, большой полк, полки правой и левой руки, тыльный, или засадный, полк. Командирами этих полков назначались лучшие, наиболее опытные воеводы. Каждый полк имел определенное тактическое назначение как в походе, так и в бою, что позволяло расчленять походный и боевой порядки. Деление рати на пять полков по тактическому функциональному признаку было характерной особенностью русского войска.

В походе войско двигалось в определенном порядке. На несколько переходов вперед высылался сильный разведыватель-

ный отряд (крепкая сторожа), который должен был установить местонахождение противника, выяснить характер его действий и добыть «языка» (пленного). За ним выдвигался передовой (сторожевой) полк, выполнявший задачи авангарда. Далее следовали главные силы – полк правой руки, большой полк и полк левой руки. Задачу арьергарда выполнял тыльный полк. Таким образом, московская рать имела все основные части походного порядка.

Боевой порядок был расчленен по фронту и в глубину. Вперед высылалась передовая сторожа, которая выполняла задачи боевого охранения. За ней строился сторожевой полк, завязывающий бой и выясняющий намерения противника, а за ним главные силы: большой полк, полки правой и левой руки. Тыльный полк становился засадным и располагался скрытно, имея задачу внезапно напасть на противника в решающий момент боя. Засадный полк выполнял функции общего резерва.

Иногда выделялся частный резерв. В целом командование русской рати стремилось к увеличению тактической глубины боевого порядка, что способствовало большей устойчивости войск в ходе боя. В связи с включением в состав походных и боевых построений большего, чем раньше, количества мелких и крупных тактических единиц, усложнились и приемы ведения боя. Сближение противников и последующая рукопашная схватка остаются главным проявлением борьбы, но в пределах одного сражения могут повторяться.

Начиная с 1323 года, летописи при описании боевых действий употребляют новое понятие – «первый соступ», или «первый суим» в значении первой сшибки или схватки. Судя по тому, что наибольшие потери приходились обычно на эту фазу боя, она была наиболее упорной и кровопролитной. За первой рукопашной, если враждующие ее выдерживали, волнообразно могли происходить следующие. До тех пор пока «только бысть побито от обою в соймех тех, аки некая сенные валы лежаще обоих избиенных». В XIV веке, как и раньше, конница выступала в качестве основного ядра войска, но не меньшее значение имели пехота и лучники. Уже в XIII веке произошедшее усиление контактов с восточными и западными

ми соседями Руси принесло ряд заимствований, касающихся тактики и технических приемов боя, что сформировалось в самобытную национальную боевую систему³.

Русское войско было в своей подавляющей части конным, и каждый воин имел в походе не по одной лошади. Боевые кони ратников Дмитрия Иоанновича, по-видимому, не отличались особой красотой и статью. Это были в основном все те же степные лошади ногайской породы, которые преобладали и в войске Мамая. Небольшие, легкого телосложения, они славились потрясающей выносливостью и неприхотливостью, могли скакать много часов без остановки, жить летом и зимой под открытым небом, питаться только подножным кормом. Юркие и поворотливые, беспрекословно повинующиеся всаднику, такие кони были прекрасно приспособлены для маневренного боя.

Принадлежностью русской военной знати – князей, бояр, воевод, видных дружинников – являлись лошади арабской, ахалтекинской, «немецкой» пород. Такие кони, достаточно крупные, сильные и красивые, предназначались для тяжеловооруженных всадников, для таранного боя, «соступа» на копьях. Современные исследователи справедливо отмечают: восстановление конского поголовья в годы «тишины великой» стало важнейшим залогом возрождения сильного, боеспособного русского войска.

Как и татары, русские любили и умели пользоваться луком. Обычно луки имели сложную конструкцию и состояли из рукояти, плечей и рогов. Они склеивались из слоев дерева, рога и вареных сухожилий животных и обматывались поверху просмоленной берестой.

Набор людей на военную службу осуществлялся по княжествам, уделам, вотчинам, городам. Воины подчинялись своим командирам, строились под местные знамена, носили, возможно, особенные по цвету одежды или знаки отличия.

Войско того времени состояло из удельных отрядов, включавших дворян, детей боярских, вольных слуг, городских ополченцев, дворы бояр и князей. Руководящее положение занимали

³ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 554.

крупные и средние князья и бояре. Сословные ограничения воинской службы тогда не были такими жесткими, какими они станут в XVI веке. В тревожный период армия пополнялась холопами, челядью, а также представителями посадского населения («черными людьми»), купцами и ремесленниками.

Воинские формирования XIV века по сравнению с дружинниками предшествующей поры отличались обязательностью службы, большей дисциплинированностью, более строгим подчинением мелких тактических единиц отрядному командиру, в свою очередь, находившемуся «под рукой» воеводы и князя. Своеволие отдельных подразделений и соперничество полководцев, известные иногда по событиям XII и XVI веков, для XIV века источниками не отмечаются⁴.

Забываясь о расширении руководящего состава общества и войска, московское правительство сохранило древнее право отъезда бояр и слуг вольных. Благодаря этому московские князья приобретали чаще чужих слуг, чем теряли своих. Столица привлекала людей из других уделов. Шло интенсивное формирование класса местных служилых дворян и бояр. Достаточно сказать, что вокруг Дмитрия (Донского) собралось до 35 сильных родов, за небольшим исключением стоявших во главе Московского государства и в XV–XVI веках.

Шведы, венгры, поляки – очевидцы событий того времени – единодушно отмечали почти национальное своеобразие боевых приемов и вооружения, называя их «русским боем», «русским обычаем», «русским ладом». Проявится этот «русский бой» и на Куликовом поле. Что же касалось особенностей военного дела отдельных районов Руси, то они были прежде всего связаны с географией обороны и несходными приемами боя западных и юго-восточных противников Руси. К примеру, низовские полки с их конным войском и сабельным боем несколько отличались от новгородско-псковской рати, где пехота и воины, вооруженные мечами, являлись первейшей силой.

⁴ Кирпичников А. Н. Куликовская битва / Под ред. Б. А. Рыбакова. — Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1980. С. 21.

Наконечники стрел могли быть широкими или узкими, позволявшими пробивать тяжелую броню. По-видимому, на Руси в XIV веке уже хорошо знали такое мощное метательное оружие, как арбалет, или, по-русски, самострел. Стальной лук, вмонтированный в деревянное ложе с прикладом и воротом для натяжения тугой тетивы, позволял с непревзойденной точностью поражать железными стрелами-«болтами» противника в любом защитном вооружении на значительном расстоянии. Но дорогостоящие, в основном привезенные из-за границы, самострелы были, по-видимому, тогда еще редкостью в русском войске.

Основным ударным оружием воина являлось копье. Тяжело-вооруженные всадники и сражавшиеся в строю «пешцы» имели длинные таранные копья с разнообразными остриями, а также пики. В пешем бою часто применялись метательные дротики-«сулицы». Рогатина – копье с коротким толстым древком и длинным, до полуметра, широким листовидным наконечником – также была грозным оружием в рукопашной схватке. Не зря с рогатиной обычно ходили на медведя и вепря. Однако главными средствами ближнего боя оставались меч и в меньшей степени сабля. Мечи были, как правило, обоюдоострыми, с заостренным концом, и двуручные, способные рассечь слабо защищенного противника с плеч до пояса, а закованного в мощную броню – сильно оглушить и даже искалечить⁵.

Иное назначение имели кончары. Эти длинные шпаги с узким граненым лезвием насквозь прокалывали любые кольчуги. В гуще рукопашной, когда нельзя было уже размахнуться мечом и развернуться рогатиной, приходилось браться за боевые ножи – польские корды с большим, до 85 сантиметров длиной, лезвием, итальянские, египетские или русские кинжалы разных конструкций. На вооружении русских ратников имелись также боевые топоры различных видов, крюки для стаскивания всадников с седел, боевые серпы для подрубания ног коням, тяжелые булавы и шестоперы, которые служили не только ударным оружием, но и знаками власти военачальников.

⁵ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 100.

Ордынское войско. Как и у большинства кочевников, войско Золотой Орды строилось по десятиричному принципу. Низшим подразделением был десяток (арбан), десять десятков составляли сотню, (джагун), десять сотен сводились в тысячу (минган), десять тысяч составляли тумэн (тумен), десять тумэнов – «знамя» (туг). Самостоятельно действующей войсковой единицей, армией, считалось соединение из двух тумэнов. Войско делилось на три части: центр (кэль), правое крыло (барунгар) и левое крыло (джунгар). Хан имел собственное войсковое соединение – десятитысячный корпус личной гвардии (кэшиг). Гвардейцы (кэ-шигтен) набирались прежде всего из детей знати, из самых сильных, храбрых, умелых воинов, победителей военно-спортивных соревнований.

Экипировка высшего военачальника армии Золотой Орды отличалась исключительным богатством отделки и передовым защитным снаряжением. Поверх длиннорукавной кольчуги на нем был надет доспех из украшенных золотой росписью пластин, с пластинчатыми оплечьями и золочеными наплечниками в виде человеческих лиц. Доспех усилен продольными фигурными пластинами на животе. Руки ниже локтей защищены створчатыми наручами-базубандами с латными перчатками. Обращает на себя внимание шлем с золочеными накладками, с высоким навершием, с козырьком, через который проходит подвижный вызолоченный наносник-стрелка. Бармица кольчужная, однако, она усилена золочеными же наушами. Щит небольшой, круглый, расписной. В левой руке военачальник держит золоченый шестопер, который к концу XIV века однозначно символизировал высокий ранг его обладателя. К поясу прикреплен меч. Мечи в Золотой Орде применялись чаще всего именно знатью. Конь облачен в полный конский доспех из металлических полос, часто применявшихся в Золотой Орде, его голова защищена типично ордынским позолоченным оголовьем, а к шее подвешен науз.

Чингисханом была установлена жестокая дисциплина. Серьезные наказания (обычно смертная казнь) следовали за такие проступки, как бегство с поля боя, причем за бегство одного казнили весь его десяток, за бегство десятка – всю сотню. Так же карались

нарушения дисциплины – преждевременный захват добычи (до окончания боя), сон на посту и т. п. Мелкие нарушения наказывались штрафами.

Марко Поло, побывавший в Орде в середине XIII века, так описывает организацию ордынского войска: «...Командир отдавал приказ только десяти подчиненным... Никто не мог отдать приказ более чем десяти подчиненным. В свою очередь каждый отвечал только перед непосредственным командиром; таким образом, удавалось поддерживать порядок и необычайную дисциплину, поскольку воины были верны своим командирам».

Стратегическое искусство ордынцев включало прежде всего прекрасную разведку. В качестве агентурной сети в ней обычно использовались купцы из нейтральных стран или страны будущего противника. Разведка занималась сбором сведений, вербовкой агентов во властных структурах, распространением ложных и панических слухов, интригами для возбуждения внутривнутриполитической борьбы и выведения из игры сил, способных оказать наиболее серьезное сопротивление и т. п. Начиная войну, ордынцы собирали как можно больше сведений о своих врагах. Разведчики и шпионы снабжали хана информацией обо всех слабых местах в обороне противника и в особенности о противоречиях в его стане, которые захватчики могли бы использовать в своих целях. Хана осведомляли также о дорогах, погодных условиях, пастбищах и т. п. Для разведки боем посылалась военная экспедиция в один-два тумена для определения военного, политического и экономического потенциала противника⁶.

Первыми в соприкосновение с противником входили подвижные дозоры, двигавшиеся далеко перед основными силами. Подобные дозоры действовали на флангах и в тылу. Источники о Куликовской битве упоминают схватку ордынских и русских сторожевых полков накануне сражения. Собранный дозорами информация позволяла ордынским военачальникам постоянно быть в курсе расположения и численности противника, предусматривать возможные места стоянок и т. д. Традиционным стратегическим

⁶ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 42.

преимуществом кочевников была скорость передвижения войсковых масс. Каждый воин имел не менее двух лошадей. Главным правилом ордынцев было: «На марше врозь, в атаке вместе». Они почти всегда вступали на территорию противника несколькими колоннами, двигавшимися на заметном удалении друг от друга, но между ними поддерживалась постоянная связь. В результате разрозненные отряды можно было очень быстро собрать. Движение колонн хорошо координировалось. Так, в 1238 году разные части войска хана Бату точно собрались в одном месте и разгромили самое крупное русское войско великого князя владимирского Юрия на реке Сити.

После того как вражеская армия вступала в контакт с основными силами войска, ордынская армия перестраивалась в боевой порядок. Стандартным было построение в пять рядов, каждая сотня отделялась от соседней интервалами. Два передних ряда составляли конники, вооруженные пиками, булавами и мечами; возможно, их кони были прикрыты броней. В остальных трех рядах стояла легкая конница, не имевшая доспехов или снабженная легкими доспехами и вооруженная дротиками и луками. В начале сражения легкая конница выдвигалась через промежутки между передовыми рядами, обстреливая противника из луков и забрасывая его дротиками. Одновременно легкая конница правого и левого крыла начинала охват противника, стремясь зайти ему в тыл. Сражение открывалось атакой лучников.

Основным и излюбленным оружием воинов-кочевников – татар и половцев – оставался лук, которым все они владели с малых лет. Благодаря его искусному применению исход боя подчас решался еще до начала рукопашной схватки. На вооружении ордынцев были луки разной мощности и разных конструкций. Сила натяжения тетивы в 60–80 килограммов сообщала им большую дальность и огромную убойную мощь. Темп стрельбы опытного воина достигал 10–20 выстрелов в минуту! Чаще всего применялись луки двух типов – большие, «китайские», до 1,4 метра длиной, и более компактные, «среднеазиатские», длиной около 90 сантиметров. Первый имел преимущество в дальности, вторым

удобнее было пользоваться на скаку. Стрелы имели оперение. Их наконечники были либо широкими, листовидными, либо узкими, гранеными, пробивающими практически любые доспехи. Древки стрел обычно красились в красный цвет, чтобы легче было корректировать стрельбу. В XIV веке в Орде освоили и более мощное, чем лук, метательное оружие – арбалет.

Говоря о тактике татар, Плано Карпини отмечал: «Они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой». Для этого решающего удара по утомленному противнику у ордынского воинства было все необходимое. Тяжелая конница, состоящая, как правило, из племенной знати, была вооружена длинными трех-четырёхметровыми копьями с наконечниками разных видов, чаще всего узкими, бронебойными. Страшный таран этих всадников обычно вносил перелом в течение схватки. Если же первый удар в копья тяжелой конницы не достигал решающего результата, в ход шло оружие ближнего боя. И здесь выбор был велик: короткие двухметровые копья, иногда с крюками для стаскивания противника с седла; прямые мечи-палаши – оружие знатных татар; более распространенные кривые сабли; булавы в виде насаженного на рукоять железного шара с шипами; шестоперы-дубинки с тяжелым металлическим оперением; боевые топоры; кистени; разного рода ножи и кинжалы. Каждый всадник имел веревочный аркан.

При всем том татарский воин сам был неплохо защищен. Его защитное вооружение отличалось достаточной прочностью и одновременно относительной легкостью. Оно было прекрасно приспособлено именно для маневренного боя, в котором тяжелые, сковывающие движения доспехи, подобные латам западноевропейских рыцарей, становились лишь обузой для воина. Для защиты головы предназначались железные или медные шлемы разных конструкций. Лицо, затылок и шею воина предохраняли кольчужные сетки-бармицы. Знатные татары иногда имели шлемы с защитными масками-личинами. Простые же воины вместо шлема часто довольствовались легкой простеганной кожаной или бумазейной шапкой с усилением из кольчуги или металлических полос.

Марко Поло писал, что каждый воин имел 60 стрел: половина – с маленькими легкими наконечниками для массированной настильной стрельбы издали, половина – с крупными для прицельной стрельбы с близкого расстояния, причем точность ее была такой, что стрелы поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы их луков. Настильная стрельба в основном применялась при фронтальной атаке и ложном отступлении. Но наиболее эффективным был массированный и одновременно прицельный огонь. Именно этим отличались атаки ордынских лучников.

Для прицельного массированного обстрела применялось специальное построение. Заключалось оно в том, что лучники поотрядно выстраивались цепью в круг и начинали атаку, «вращаясь» перед фронтом противника по часовой стрелке так, что мишень всегда была слева от стрелка, то есть в самой удобной позиции. В зависимости от длины фронта стрелок успевал сделать два-три выстрела, после чего «хоровод» уводил его из зоны стрельбы и он мог подготовиться к очередной серии выстрелов, не подвергаясь опасности. Противник же оставался практически неподвижной мишенью, а тучи летящих стрел с тяжелыми крупными наконечниками, пущенные с 20-40 метров, точно попадали в самые уязвимые места. Таким образом, атаки монгольских лучников уже на первой стадии боя выполняли не только задачу изматывания противника и расстройств его рядов, но порой и задачу полного разгрома врага, ибо противник обращался в бегство зачастую сразу после этой стадии. В любом случае после атаки лучников задачи тяжеловооруженных копейщиков на втором этапе боя и рукопашной схватки на третьем значительно упрощались. Со временем противники Золотой Орды нашли способы борьбы против атаки конных лучников: препятствовали этому способу боя авангардные подвижные соединения. Такую задачу решал в Куликовской битве передовой полк войск Дмитрия (Донского).

Когда происходило столкновение основных сил, ордынцы применяли два основных принципа. Первый заключался в членении войска на отдельные части, которые вводились в бой постепенно и которыми маневрировали полководцы, всегда находившиеся

позади поля боя, в основном на высоте. Вторым принципом была асимметричность удара – концентрация сил на одном направлении. Такой тактический маневр почти успешно применил Мамай в Куликовской битве.

Накануне дня Успения Богоматери 1380 года на службу в Троицкую церковь приехал великий князь Дмитрий Иоаннович и просил благословения у Сергия, чтобы выступить в поход против Мамай. Он выехал заранее из ворот кремля с конным отрядом. Мимо Богоявленского монастыря, через всхолмленное Кучково поле он поспешил на север по переяславской дороге.

Встречные, завидев всадников, разглядев их отборных коней, богатые одеяния и гордую осанку, сходили на обочину, снимали шапки, низко кланялись, а потом долго смотрели вслед промелькнувшему видению, на удаляющееся облако пыли. Сам великий князь московский Дмитрий Иоаннович ехал в Троицкий монастырь к игумену Сергию. Ехал вместе с братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, с союзными князьями, успевшими привести свои рати к Москве. Их сопровождала свита княжеских оружников.

От Кучкова поля до Троицы семьдесят верст, через лес, болота топкие, овраги глубокие, речки быстрые, Яuzu, Клязьму, Учu, Ворю, Пажу, деревеньки малые. Но для всадников, выросших в седле, для их сытых, сильных, время от времени сменяемых коней путь не был долгим. Вскоре вдали показались бревенчатые стены скромной обители, мелькнул крест над храмом Пресвятой Троицы. Оставалось лишь переехать через едва заметный в траве ручей Кончуру и подняться на пологий холм Маковец. Встретить гостей за монастырские ворота уже вышла вся братия во главе с игуменом Сергием. Дмитрий Иоаннович спешился и подошел под благословение старца. За ним последовали другие князья. Сила власти склонялась перед мудростью смиренного духа.

Посещение великим князем Троицкого монастыря накануне Куликовского похода не всеми историками признается достоверным историческим фактом. Существует и версия, что эта поездка состоялась двумя годами ранее, перед битвой на Воже. Но тради-

ция есть традиция. Она устойчиво указывает именно на 1380 год, и убедительного опровержения этому нет⁷.

Согласно данным историка и археолога С. В. Чернова, историк В. А. Кучкин признает факт посещения Дмитрием Иоанновичем преподобного Сергия накануне битвы на реке Воже, но отрицает такую встречу накануне Куликовской битвы. С. В. Чернов в статье «Успенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных» (кн. «Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв.», Москва, 1955, с. 150) указывает, что великий князь Дмитрий Иоаннович благословился у преподобного Сергия на Куликовскую битву около середины августа 1380 года. Что касается причин молчания о монастыре источников XV–XVII веков, то, как пишет С. В. Чернов, это могли быть смерть Дмитрия Донского в 1389 году, самого Сергия в 1392 году. Вероятно, сын великого князя Василий Дмитриевич не проявил должного внимания к обетному монастырю своего отца, что привело к превращению обители в малоизвестную пустынь, которая пришла в упадок. А первый игумен обители Савва в 1390-е годы возвратился в Троицу и около 1399 года основал Сторожевский монастырь уже в уделе Юрия Дмитриевича.

Дмитрий Иоаннович ездил в Троицу как минимум три раза: чтобы испросить благословения Сергия Радонежского на бой с Мамаем накануне сражения на Воже, перед Куликовской битвой и после битвы.

Успокоенный и просветленный, великий князь хотел после литургии тотчас же возвращаться в Москву. Новые, только что полученные известия о движениях Мамаевой орды требовали его присутствия в войске. Но Сергей попросил Дмитрия еще повременить и разделить с братией монастырскую трапезу. Старец понимал, насколько важнее всех военных забот то, что свершается сейчас в стенах небольшой лесной обители, как ценна каждая минута, соединяющая силу и правду. Когда все встали после трапезы, игумен окропил великого князя святой водой, перекрестил и сказал: «Иди противу их и, Богу помогающе тебе, победить, с здрав своими возвратиши, токмо не малодушествуй».

⁷ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 109.

Дмитрий Иоаннович попросил у Преподобного монахов для молитвенной поддержки и крепких собой, которых он знал как воинов опытных и искусных.

По всем церковным канонам монахи не имели права братья за оружие, участвовать в военном походе. Монашеский подвиг несовместим с подвигом ратным. Поэтому просьба великого князя была трудно исполнимой. Тем не менее Сергей согласился ее выполнить, предпочтя дух канона его букве. Благословил иноков словами: «Мир вам, братие моя, крепко постраждите, яко добрии воины по вере Христове и по всем православном христианстве». Затем Сергей тайно предрек Дмитрию Иоанновичу победу над врагом.

Великий князь был окрылен. Но надо было еще передать это воодушевление огромному войску, донести до него благословение Преподобного старца на святую брань. Нужны были некие зримые знаки, свидетельства, глядя на которые ратники могли бы увериться окончательно: с нами крестная сила.

Это были два родных брата, подвизавшиеся под руководством Сергия против врагов невидимых, два инока-боярина: Александр-Пересвет, бывший боярин брянский, и Андрей-Ослябя, бывший боярин Любецкий⁸. Их мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всех свежи в памяти: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри и люди очень опытные в военном деле. Вот этих-то иноков-богатырей и просил себе в свои полки великий князь у Преподобного Сергия: он надеялся, что эти люди, посвятившие себя всецело Богу, своим мужеством могут служить примером для его воинства и тем самым сослужат ему великую службу. И Преподобный Сергей не задумался исполнить просьбу великого князя, на вере основанную. Он тотчас же повелел Пересвету и Ослябе взамен лат и шлемов возложить на себя схимы, украшенные изображением креста Христова: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное», – говорил при сем Преподобный.

Благословив крестом и окропив освященной водой великого князя, своих иноков-витязей и всю дружину княжескую, Преподобный

⁸ Оба они происходили из знатного рода бояр Брянского княжества.

добный Сергей сказал великому князю: «Господь Бог да будет твой помощник и заступник: Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя!» Тронутый до глубины души пророческими речами старца, великий князь отвечал ему: «Если Господь и Пресвятая Матерь Его пошлют мне помощь противу врага, то я построю монастырь во имя Пресвятой Богородицы⁹.

В отношении Осляби некоторые историки полагают, что он был любутским боярином. Любутск в то время не входил в Брянское княжество, и только потому, что город Алексин, около которого находится Любутск, стал пограничным городом с тогдашней Литвой в 1396 году¹⁰. Любеч, городок, расположенный на берегу Днепра около Чернигова, входил в состав княжества.

В источниках об Александре-Пересвете и Андрее-Ослябе имеются данные: в «Задонщине» Ослябя – чернец, брат Пересвета (с. 135). В распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» Пересвет – чернец-любчанин (с. 223).

В основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» – брянские бояре Пересвет и брат его Ослябя (с. 234). Историк В. А. Кучкин выдвинул свои необоснованные предположения, что Пересвет и Ослябя могли быть братьями по монастырю или двоюродными или троюродными братьями. Смотря на него, и другие стали повторять то же самое. Но источники четко говорят – Пересвет и Ослябя родные братья и никаких намеков на иное родство источники не дают.

Существует предание, согласно которому Александр (Пересвет) принял монашеский постриг в Ростовском Борисоглебовском монастыре, что на реке Устье, среди величавой красоты сосновых боров (где впоследствии прославился преп. Иринарх Затворник, носивший великие вериги). Обитель была основана монахами Федором и Павлом по благословению Сергия Радонежского в 1363 году.

Остается только догадываться, как Пересвет и Ослябя перешли в Троице-Сергиев монастырь. Когда литовский князь Дмитрий Оль-

⁹ Жития русских святых. Март—август. С. 508.

¹⁰ Богуславский В. В. Тульские древности: энцикл. слов.-справ.: [А—Я]. — Тула: Рус. лексикон, 1995. С. 12.

гердович перешел на службу к московскому князю в декабре 1379 года и великий князь Дмитрий Иоаннович посылал «вои свои» на Брянск, чтобы вернуть это княжество из-под власти Литвы, вот тогда Пересвет и Ослябя и могли перейти вместе с ним из Брянска. Троице-Сергиева иноческая «пристань» находилась как раз на границе земель московских и переяславских. Брянское же княжество осталось в руках Ягайло.

Ясно достоверно то, что когда князь Дмитрий (будущий Донской) в 1380 году приехал за благословением к Преподобному Сергию, они уже были его послушниками. Это все было промыслительно и не случайно.

Появление среди русского воинства двух всадников в черных монашеских одеяниях, идущих по благословению самого Сергия на брань, чтобы пострадать за веру и обрести вечное спасение, неизбежно должно было произвести на ратников огромное впечатление, послужить им примером, стать залогом справедливости битвы.

В это время из Владимира пришла и быстро распространилась повсюду весть о чудесном видении в Рождественском монастыре у гроба великого витязя Александра Невского. Июльской ночью, накануне годовщины победы князя над шведами на Неве, инок-пономарь спал на паперти монастырского собора. Неожиданно в храме сами собой зажглись все свечи. Тогда монах увидел, как из алтаря вышли «два старца честна» (очевидно, это были святые Борис и Глеб) и, подойдя к гробу Александра Невского, воззвали к князю восстать и прийти на помощь его правнуку, Дмитрию Иоанновичу, «одолеваему сушу от иноплеменник». Тотчас же из гроба поднялся воитель, и все трое сделались невидимыми.

Выезд от кремля в Коломну войск Москвы, Белозерского, Ярославского, Ростовского, Холмского, Серпуховско-Боровского княжеств. Общевойсковой сбор русских войск в Коломне

Из русских князей не хотел соединяться с Москвой один потомок Святослава Черниговского – Олег Рязанский: более других князей русских он был напуган татарами. Еще недавно княжество его подвергалось страшному опустошению от незначительного отряда татар, а теперь Мамай стоит на границах с громадным войском, которого пограничная Рязань будет первою добычею в случае сопротивления. Не надеясь, чтоб и Дмитрий Московский дерзнул выйти против татар, Олег послал сказать ему о движениях Мамая, а сам спешил войти в переговоры с последним и с Ягайлом Литовским. Очевидно, что Олег и Ягайло рассуждали так: «Как скоро князь Дмитрий услышит о нашествии Мамая и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места, или в Великий Новгород, или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами с его согласия разделим Московское княжество на две части – одну к Вильне, а другую к Рязани и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего»¹.

Но Дмитрий не думал бежать ни в Новгород Великий, ни на Двину, а назначил всем полкам собираться в Коломну к 15 августа.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. / [Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев]. Кн. 3: Т. 5-6 / [Коммент. А. М. Сахарова и др.]. — 1989. С. 275.

План Дмитрия Иоанновича был прост и ясен – упредить неприятеля на Оке, первым занять этот важнейший стратегический рубеж, не дав Мамаю преодолеть его. Лишь две сильные крепости защищали тогда южную границу Московского княжества: Серпухов и Коломна. Выбор последней в качестве места сосредоточения войска был очевиден. Коломна располагалась на наиболее вероятном направлении главного удара Мамаю.

О самом Мамае в Москве имелись пока еще очень туманные сведения. Не ясны были ни его намерения, ни численность и точное местонахождение его войска, ни то, с кем в союзе он выступает. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», на военном совете в Москве было принято решение выслать в Поле дальний дозор, «крепкую сторожу» – отборных великокняжеских оружничих Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика, Якова Ослябятъева и «иных крепких юношей» – всего числом семьдесят человек. Им было велено «ехати близ орды до Быстрая Сосны... языка добывать, дабы истинно слышамо царева хотения». Предприятие это требовало отчаянной смелости и поистине нечеловеческой ловкости. Горстке удальцов предстояло захватить не просто пленного, а обязательно приближенного Мамаю, способного поведать о планах своего повелителя. Для этого надо было проникнуть сквозь плотную завесу татарских разъездов, в открытой степи пробраться в самую гущу Мамаева войска. Не теряя ни минуты, «сторожа» спешно ускакала на юг и затерялась в безбрежных просторах Дикого Поля. Мамай двигался по степи на запад, рассчитывая на встречу с войсками Ягайло, который тоже выступил в поход. Сторожевые дозоры, высланные Дмитрием Иоанновичем в степь, на Красивую Мечу, на Быструю Сосну доносили о продвижении противника, который, по-видимому, еще не выбрал направления главного удара.

Вернувшись из Троицы, великий князь Дмитрий Иоаннович немедленно собрался в поход. Пора было выдвигать пришедшие в Москву рати к Коломне, месту сбора всего русского войска. О том, как провожали воинов в поход, повествует «Сказание о Мамаевом побоище».

Другие источники Куликовского цикла позволяют с редкостной для русского средневековья, почти уникальной полнотой определить последовательность сбора войска, его состав, район мобилизации, построение и численность. По призыву разосланных во все концы страны гонцов с грамотами сбор войска, объявленный на 15 августа 1380 года в Коломне, фактически начался еще раньше, в Москве. В середине августа в дополнение к, по-видимому, уже съехавшимся московским «воям» туда прибыли во главе своих отрядов князья Белозерские (Федор Романович и Семен Михайлович), Андрей Кемский (удел в районе реки Кеми к северу от Белого озера), Глеб Карголомский (село Карголома в трех километрах к юго-востоку от Белоозера), Андожские (или Андомские; волость Андога на реке Суде к югу от Белого озера), Ярославские (Андрей Ярославский и Роман Прозоровский; село Прозорово на реке Редьме, впадающей в Мологу), Лев Курбский (село Курба в 25 км от Ярославля), а также Дмитрий Ростовский. Никоновская летопись добавляет к этому списку посланца великого тверского князя Ивана Всеволодовича Холмского, князя Владимира Андреевича Серпуховско-Боровского, устюжских князей и других, не названных по именам военачальников².

Карта первых мобилизованных контингентов обнаруживает характерную «звездчатую» систему их сбора. Вассальные дружины из городов и сел съезжались в стольный город под стяг своего князя. Из областных столиц собранные «вои» двигались в Москву. Белозерско-ярославские и ростовский отряды прибыли в столицу, пройдя расстояние 150–600 км. Учитывая короткие сроки сбора и то, что путь дальних «воев» занял не менее 7–10 дней, они проходили в сутки 60–85 км, что в 2–3 раза превышало обычную норму дневного перехода. Такой темп марша соответствовал срочности сбора. Как сообщалось в мобилизационной грамоте: «Вы бы чяса того лезли воедин день и ночь, а других бы есте грамот не дожидались».

Ранним утром августовского дня, на который был назначен выход войска из Москвы, великий князь Дмитрий Иоаннович, дру-

² Кирпичников А. Н. Куликовская битва. С. 27.

гие князья и воеводы с семьями собрались под белокаменными сводами главной московской святыни, Успенского собора. Площадь вокруг храма, улицы и закоулки кремля – все свободные пространства были запружены воинами, уходившими в поход, и провожающими их москвичами. Дмитрий Иоаннович прежде всего помолился перед образом Спаса, призывая Господа помочь русскому воинству, даровать ему победу. Затем великий князь преклонил колена перед чудотворной иконой Божьей Матери, написанной святым митрополитом Петром.

В храме перед иконами среди близких людей этот сильный, суровый, подчас крутой человек не скрывал слез. Чувство, испытанное им в Троице, не оставляло его. Помолившись Богородице, Дмитрий вошел в жертвенник алтаря собора, туда, где в каменной гробнице-раке покоились мощи митрополита Петра, чудотворца Московского. «Святитель Петр, – говорил князь, – по милости Божией ты непрестанно чудодействуешь. Ныне пришло для тебя время молиться за нас общему владыке, царю, милостивому Спасу. Ныне ведь ополчились на меня супостаты поганые и на град твой Москву крепко вооружаются. Тебя ведь Господь показал роду нашему и зажег тебя, светлую свечу и поставил на подсвечнике высоком, чтобы светить всей земле Русской. И тебе подобает ныне о нас грешных молиться, чтобы не пришла на нас смертная опасность и сила грешников нас не погубила. Ты ведь страж наш крепкий от вражеских нападений, потому что мы твоя паства».

Память этого святителя особо чтили в Москве. Помолившись в Успенском соборе, великий князь пошел в соседний Архангельский храм. Михаил Архангел, предводитель небесного воинства, победитель темных сил, почитался на Руси символом воинской мощи и доблести. Уходя на брань, и князья, и простые ратники непременно молились перед его образом. Перед походом не мог не поклониться «небесному воеводе» и великий князь Дмитрий Иоаннович. Помнил он и о другом святом Михаиле, о князе Черниговском, мученике за веру, убитом в Орде за отказ перед встречей с Батыем исполнить унижительный для христианина обряд очищения и поклонения изображению Чингисхана.

Как говорится в Основной редакции «Сказания»: «...князь же великий Дмитрий Иоаннович с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем пошел в церковь небесного воеводы архистратига Михаила и преклонялся перед святым образом его».

Московский Архангельский собор был своеобразным памятником праведнику. Освящение храма состоялось 20 сентября 1333 года, как раз в день памяти Михаила Черниговского и погибшего вместе с ним его боярина Федора. Теперь, много лет спустя, когда русское войско шло на бой с Мамаевой Ордой, память о мучениках взывала к подвигу самопожертвования. В Архангельском соборе Дмитрий Иоаннович поклонился гробам своих предков, московских князей, похороненных здесь: Ивана Калиты, Симеона Гордого, Ивана Красного. Их неусыпными многолетними трудами Москва возвысилась силой и богатством над остальными русскими княжествами. Завет пращуров – хранить и умножать «отчину» – вошел в кровь и плоть их потомка, Дмитрия Иоанновича. Выступая как защитник всей Русской земли, он тем не менее всегда помнил, что прежде всего он московский князь. Для него битва с Ордой стала таким же исполнением родового долга, каким был для его предков мир с ней³.

Он говорил перед гробницами со слезами: «Истинные хранители, русские князья, поборники православной веры христианской, прародители наши! Если имеете смелость просить Христа, то ныне помолитесь о нашем унынии, потому что ныне приключилось великое нашествие на нас, детей ваших. И ныне сражайтесь вместе с нами». И вышел из церкви.

Из тихого полумрака собора Дмитрий вышел на площадь, пронизанную ослепительным солнечным светом, заполненную людьми. Здесь уже стоял его боевой конь. Наступила горькая минута прощания. Послышался женский плач. Великая княгиня Евдокия, обняв мужа, рыдала. Плакали супруга Владимира Андреевича Елена (в православном крещении Мария, в монашестве Евпраксия), жены князей, воевод, простых ратников, предчувствуя раннее вдовство, сиротство детей. Сам Дмитрий Иоаннович удержался

³ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 116.

от слез лишь «народа ради». Последними словами, сказанными им перед разлукой Евдокии, были слова апостола Павла: «Аще Бог по нас, то кто на ны!» («Если Бог за нас, то кто против нас!»).

Расставшись с нежной супругой, Димитрий подъехал к войскам и громко сказал: «Братия моя милая, не пощадим живота своего за веру христианскую, за святые церкви и за Землю Русскую!»

«Готовы сложить свои головы за веру Христову и за тебя, государь, великий князь!» – восторженно отвечали ему из рядов. С высоты терема княгини провожали уходящее войско. Тогда рядом с Успенским и Архангельским соборами из массы разнообразных зданий выделялся «златоверхий терем» великого князя Дмитрия (Донского). Самой красивой частью деревянного дворца были выходившие на Москву-реку Набережные сени: спускавшиеся от них лестницы к рундукам придавали терему живописный вид. Хотя и построенный из дерева, великокняжеский дворец представлял собой великолепное для своего времени здание, соответствующее высокому статусу московских князей и их столицы.

Полки представляли величественное зрелище. Их доспехи и оружие ярко блистали на утреннем солнце. Кольчатые железные брони или стальные панцири из блях, шлемы с остроконечными верхушками, продолговатые щиты, окрашенные в красный цвет, тугие луки и колчаны со стрелами, острые копья, частью кривые булатные сабли, частью прямые составляли вооружение и снаряжение русских воинов. Над их рядами во множестве развевались знамена или стяги на высоких древках, а поднятые вверх копья имели подобие целого леса. Князья и воеводы отличались наиболее нарядными, большею частью позлащенными доспехами, а также яркими, наброшенными поверх них плащами⁴.

Из кремля, по «Сказанию о Мамаевом побоище», войско выходило тремя воротами: Никольскими, Фроловскими (Спасскими) и Тимофеевскими (Константиноеленинскими). В их белокаменных арках священники благословляли ратников иконами и крестами, окропляли святой водой. Войско, покидавшее Москву, было

⁴ Нечволодов А. Д. Сказания о Русской Земле. Кн. I. Ч. 2. — СПб.: Царское Дело, 2003. С. 776.

велико. Даже по самым скромным подсчетам, его численность превышала 10–15 тысяч. К тому же каждый всадник имел не по одной лошади. Если же учесть еще и необходимые в дальнем походе обозы, то становится очевидным, что провести всю эту массу через узкие улицы московского посада было непросто. Да и на открытой местности такое войско, сведенное в одну колонну, растянулось бы на десятки верст. Это могло значительно усложнить управление им и резко замедлить скорость движения.

Поэтому вполне достоверным представляется сообщение «Сказания о Мамаевом побоище» о том, что рать Дмитрия Иоанновича уходила из Москвы тремя колоннами. Сегодня можно лишь приблизительно представить себе маршруты движения войска. В древнейшей летописной повести о Куликовском походе не содержится практически никаких подробностей этого марша. В ней говорится только о том, что Дмитрий Иоаннович «поиде вборзе с Москвы, хотя боронити своя отчины и прииде на Коломну». Несколько больше сведений содержится в более позднем «Сказании о Мамаевом побоище». Если сопоставить их с данными, увы, скудными и приблизительными, о топографии города и его окрестностей в конце XIV века, можно примерно представить себе, как шли ратники на Куликово поле.

Полки, выходявшие из кремля через Никольские и Фроловские ворота, попадали в Загородье – район, занимавший верхнюю часть нынешнего Китайгородского холма, где пролегают улицы Никольская и Ильинка. Здесь в древности начиналась дорога на Переяславль-Залесский. Но ратникам надо было сворачивать южнее, чтобы вдоль кремлевской стены или где-нибудь далее спуститься под крутую в те времена гору в долину Москвы-реки и выйти на пути, ведущие в Коломну.

Прямо на коломенскую дорогу можно было попасть через Тимофеевские ворота Кремля. За белокаменной стеной простиралась небольшая болотистая низина, а чуть далее начинался Великий посад. Это был давно, еще с домонгольских времен обжитый район. Во второй половине XIV века Великий посад занимал уже весь южный склон и подножие Китайгородского холма, от совре-

менной Варварки до Москвы-реки. Впоследствии, после того как на Красной площади и Васильевском спуске выстроили торговые ряды, за этой местностью утвердилось название, по которому мы знаем ее сегодня, – Зарядье.

Великий посад в XIV веке был не самым престижным районом Москвы. Он не имел тогда надежных укреплений. Во время осад Москвы Ольгердом в 1368 и 1370 годах посады сначала были выжжены самими защитниками города, а затем то, что от них еще оставалось, разорили литовцы. Жителям приходилось покидать свои дома и пережидать лихую пору за прочными кремлевскими стенами. Страдал Великий посад, расположенный на береговой низине Москвы-реки, и от наводнений, но всякий раз после бедствий отстраивался вновь. Местность привлекала людей своей близостью к ядру города – кремлю и к реке – основной транспортной артерии Московского княжества; важнейшему звену системы международных торговых путей. Ремесленники и торговцы составляли большинство населения Великого посада. Здесь жили кузнецы и литейщики, ювелиры и кожевники, сапожники и гончары. Технология многих производств требовала большого расхода воды. В то же время всякое связанное с огнем ремесло в деревянном городе было чрезвычайно пожароопасным. Вот и селились мастера поближе к Москве-реке, невзирая ни на ее капризы, ни на незащищенность своих дворов в случае нападения врага.

Великий посад был тогда сплошь деревянным. Ни одного каменного строения того времени в этом районе нам неизвестно. Дворы, на которых жил посадский люд, состояли из жилых изб и хозяйственных строений. Почти в каждой усадьбе был еще и огород. Многие жители держали разнообразный скот. Он пасся неподалеку на москворецких лугах⁵.

Главной улицей предместья издревле считалась Великая, или Большая. Она тянулась от Тимофеевских ворот кремля параллельно Москве-реке, по линии позднейшего Мокринского переулочка. Примерно на середине улицы стояла с давних времен церковь Николы Мокрого, покровителя путешественников по водам. Мо-

⁵ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 119.

сковская пристань находилась совсем рядом, и каждый, кто прибывал в город рекой или отправлялся в путь речным путем, не мог не зайти в Николо-Мокринский храм, чтобы помолиться.

По сообщению «Сказания о Мамаевом побоище», великий князь московский Дмитрий Иоаннович взял с собой в поход на Куликово поле десять купцов, торговавших с Крымом. Согласно «Сказанию», это были Василий Капица, Исидор Олферев, Костянтин, Козма Ковырь, Онтон Елбузин, Михаил Саларев, Тимофей Весяков, Дмитрий Черный, Дементий Саларев, Иван Ших.

Не только в качестве добрых воинов понадобились гости-сурожане Дмитрию Иоанновичу. Купцы, под контролем которых находилась торговля с Причерноморьем, прекрасно знали все пути на юг, весь театр будущих военных действий. Торговцы проникали в такие места, куда заказана была дорога кому-либо другому. Поскольку русские войска шли к Дону, а именно по Дону пролегал торговый путь в Сурож (ныне Судак в Крыму), сурожане являлись идеальными разведчиками. И в Орде, и в итальянских колониях Крыма они имели обширные связи, многочисленные каналы информации. Их осведомленность была очень нужна Дмитрию Иоанновичу.

Проводники, разведчики, финансовые советники, кредиторы, дипломатические агенты – гости-сурожане могли выступать во всех этих качествах. По «Сказанию о Мамаевом побоище», Дмитрий Иоаннович отводил им и такую роль: купцы должны были «поведати в далних землях» о событиях похода. Выражаясь современным языком, московский князь предпринял умелую акцию по созданию благоприятного для себя международного общественного мнения. Поход против «безбожного Мамая», несомненно, должен был высоко поднять его престиж во всем христианском мире. Гостям-сурожанам отводилась особая роль в этом деле.

За посадом дорога лежала через Кулишки. Она шла примерно по линии современного Солянского проезда и улицы Солянки, оставляя справа мокрый москворецкий луг, а слева – холмистое урочище Глинищи. Это была уже почти сельская местность: заливные и нагорные луга с остатками соснового бора, овражки, ручейки,

болотца. Жилая застройка располагалась здесь лишь отдельными островками вокруг нескольких храмов. Тогда уже существовала деревянная церковь Всех святых на Кулишках. Ее великолепное кирпичное здание, построенное в XVII веке, и сегодня украшает Славянскую площадь столицы.

Далее при дороге стоял храм Параскевы Пятницы на Кулишках. Впоследствии бок о бок с ним была выстроена церковь Кира и Иоанна. В 1694 году оба храма соединили в один. В середине следующего столетия его каменное здание, пострадавшее от пожара, было разобрано. Освящение нового храма во имя Кира и Иоанна, возведенного видным зодчим К. И. Бланком в ознаменование восшествия на престол Екатерины II, состоялось в 1768 году. Это была одна из красивейших московских церквей, редкий образец позднего барокко. В 1930-х годах храм закрыли, а затем разрушили.

На развилке современных Яузской и Николоямской улиц недавно установленный закладной крест предполагаемого памятника Дмитрию Донскому напоминает о том, что в 1380 году в этих местах проходило навстречу Мамаю русское воинство. Невдалеке отсюда начинались две большие дороги на Коломну: Болвановская и Брашевская. По этой Болвановской дороге, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», в августе 1380 года шли ратники князей Белозерских: «Урядно убо видети, войско их». Отважные князья стремились навстречу славе Руси, где пали как герои.

По соседней, Брашевской дороге двинулся к Коломне князь Владимир Андреевич Серпуховской со своей дружиной. Путь этот пролегал чуть южнее. Начинаясь у Болвановья, на левом берегу Москвы-реки, он через несколько десятков верст переходил на берег правый и шел на Коломну через городок Брашеву и одноименную волость⁶.

За Крутицами на том же левом, возвышенном берегу Москвы-реки лежало Симоново с двумя недавно основанными монастырями. Надо думать, их братия с особенным чувством и особым усердием молилась в те дни о победе. Рождественский и Успен-

⁶ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 129.

ский монастыри на Симонове в последние годы превратились в центры духовного сопротивления чужеземному владычеству. Симоновский игумен Федор во всех испытаниях оставался верен пути своего учителя и родного дяди Сергия Радонежского.

Предание гласит, что здесь, в благодатном бору, Дмитрий Иоаннович устроил своему войску, вышедшему в поход на Мамая, отдых после утомительного дневного перехода. Ночь была тихой и ясной. Из бездонной черноты неба сквозь кроны вековых сосен на спящих ратников взирали далекие звезды. Сон не шел к великому князю. Дмитрий не мог прогнать тяжелые думы и тревожные сомнения. О них он забывал в дневных заботах и трудах среди своего войска, но они вновь воскресали в ночном одиночестве. На пороге судьбы, когда ценой поступков и решений становилась победа или гибель, когда ответственность за всех ложилась на плечи одного, неуверенность и страх невольно вкрадываются даже в души неустрашимых и привыкших властвовать. Силясь побороть в себе эту гнетущую слабость, Дмитрий Иоаннович молился, вспоминая благословение, полученное от Сергия, и пророчество старца. Постепенно душевное смятение уходило. Внезапно что-то заставило князя открыть глаза. В ночной вышине среди торжественного сияния звезд он увидел светлый лик, паривший над мачтовой сосной. Дмитрий узнал икону святого Николая. Икона укрепила князя верой и надеждой и «сия вся угреша (т. е. согрела) сердце его!» С тех пор урочище, где произошло это чудесное явление, стало зваться Угрешей. Дмитрий Иоаннович дал обет по возвращении из похода с победой основать на этом месте монашескую обитель. Обещанное Богу было исполнено вскоре. Так получил свое начало знаменитый Николо-Угрешский монастырь.

Это предание, казалось бы, не подтверждается историческими источниками. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», Дмитрий Иоаннович шел на Коломну Котловской дорогой, пролегавшей в стороне от Угреши. Учтем, однако, что русская рать двигалась тремя путями в сравнительно неширокой полосе, на расстоянии 10–15 верст между колоннами. Дмитрий Иоаннович

мог перемещаться с дороги на дорогу, наблюдая за движением войск. Вскоре за Угрешей Брашевская дорога переходит с левого берега на правый, в районе Боровского кургана, где князь Владимир Андреевич перешел с войском на правый берег. Далее рать Владимира Андреевича на Коломну шла правым берегом.

В то время как дружины князей Белозерских и Владимира Андреевича выступили из Москвы по Болвановской и Брашевской дорогам, третья колонна под водительством самого великого князя Дмитрия Иоанновича двинулась на Коломну иным путем. Выйдя из Тимофеевских ворот кремля, ратники сразу же поворачивали к Москве-реке. Они проходили по деревянному мосту, настланному на плотам и колебавшемуся при движении людей, коней, повозок. Такие мосты назывались живыми. Их наводили после паводков каждую весну.

Старая дорога на село Котел, по которой шел с войском на Коломну Дмитрий Иоаннович, пролежала по восточному Заречью. Великая княгиня Евдокия, провожая взглядом с высоты кремлевских теремов уходившую рать, видела «конечным зрением» своего князя «грядуща лугом подле Москвы-реки».

Все безотрывно смотрели туда, где по обоим берегам Москвы-реки нескончаемыми потоками текли и текли уходящие полки. Каждая женщина старалась высмотреть в людской гуще своих близких, каждая понимала, что проводила их на смертный бой. От этого разрывалось сердце, холодела душа. Плач стоял над крыльцом кремлевского златоверхого терема.

Великая княгиня в слезах молила Господа сподобить ее вновь увидеть своего государя, просила о даровании победы: «Не сотвори, Господи, яко же прежде сего за мало лет велика брань была русским князем на Калках с погаными половци с агаряны. И ныне избави, Господи, погыбнути оставшему христианству...» Молилась Евдокия и о малолетних своих сыновьях Василии и Юрии, о возвращении живым и невредимым их отца, о продолжении рода княжеского: «То и земля их спасется, а они в веки царствуют». Рыдания и молитвы раздавались тогда по всей Москве. И в теремах, и на убогих дворах, и во всех храмах. Вместе с войском,

казалось, уходила из города и сама жизнь. Москва замерла в тревожном ожидании⁷.

Когда великокняжеское войско ушло на Коломну, Москва не осталась без защиты. Несмотря на то что в будущей битве с несметными полчищами Мамая каждый ратник был на счету, Дмитрий Иоаннович пошел на ослабление своих главных сил и оставил в столице многочисленный гарнизон под началом нескольких воевод. Общее же командование обороной города великий князь, согласно летописному сообщению, поручил боярину Федору Андреевичу Свибло. Это был один из опытейших московских воевод, строитель белокаменного кремля.

Иное настроение царило в войске. На брань шли как на пир: «Грядут русские сынове успешно, яко медвяныа чяши пити и сътебля виннаго ясти, хотять себе чести добыти и славнаго имени». Война была для многих выступивших в тот поход образом жизни, потехой молодецкой, а ратная доблесть, слава и честь – смыслом существования. И ко всему этому теперь добавился и иной, высший смысл. Воины шли испить чашу жертвенную, пострадать за отечество и веру, умереть за Русь, чтобы она осталась жива.

В Москве временно оставался также воевода великого князя Тимофей Васильевич Вельяминов, один из героев битвы на Воже. Он должен был продолжить сбор ратей, прибывавших из отдаленных мест в столицу, завершить формирование городского ополчения, а затем с этими силами выступить вдогонку войску Дмитрия Иоанновича. Если бы обстановка вдруг изменилась и враг неожиданно появился у стен Москвы, воины Тимофея Вельяминова встали бы на защиту столицы.

Все дальше по дороге на Котел удалялось от города войско Дмитрия Иоанновича. Вот уже скрылись белокаменные стены и башни, потухли купола соборов. Уже проехали запустевший Даниловский монастырь, основанный святым Даниилом Александровичем с церковью святого Даниила Столпника. За селом Даниловским поднялись наверх к селу Котел, стоящему на одной из Поклонных гор, где открывался вид на Москву. Дальше были

⁷ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 149.

села Ногашинское, Коломенское, которые принадлежали князю Андрею Иоанновичу. Древняя Коломенская дорога в более поздние времена имела другое название – Шубинская.

Дорога проходила через стан Маковец на реке Северке и заканчивалась в Коломне. В том, что Дмитрий Иоаннович повел основные силы русского войска именно этим путем, был серьезный стратегический расчет. Из трех дорог, соединявших Москву и Коломну, Шубинская являлась кратчайшей и самой удобной. Двигаясь по ней, не надо было, как на Брашевке, совершать переправу через широкую и полноводную в те времена Москву-реку, преодолевать топкие, болотистые заливные луга, форсировать овраги многочисленных москворецких притоков. Шубинская дорога проходила по ровной, сухой, слабопересеченной местности. Не было здесь ни обширных болот, ни дремучих чащоб. За этим хлебородным, давно освоенным и обжитым краем впоследствии утвердилось историческое название Польшина.

Движение главных сил русского воинства по Шубинской дороге, самой западной из трех, диктовалось и военной обстановкой, которая по-прежнему была не до конца ясной. Дмитрию Иоанновичу и его воеводам приходилось считаться с опасностью неожиданного прорыва Мамай через рубеж Оки не у Коломны, а где-нибудь выше по течению – у Каширы или у Серпухова. С этого же юго-западного направления мог внезапно появиться и Ягайло. В обоих случаях русское войско оказывалось в крайне сложном положении. Противник мог отрезать его от Москвы или даже атаковать в момент, когда оно находилось на марше и было рассредоточено по трем дорогам. Татары не раз доказывали свою способность действовать быстро, внезапно, заставить врага врасплох⁸.

В 1380 году Дмитрий Иоаннович был более предусмотрителен. Даже в самом начале похода, не сблизившись еще с неприятелем, он принял все меры предосторожности и всегда оставался начеку: идя на Коломну, великий князь держал свои главные силы на правом, наиболее угрожаемом фланге, откуда можно было ожидать удара. Прорвись Мамай или Ягайло через рубеж Оки

⁸ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 154.

западнее Коломны – и сильная русская рать свернула бы с Шубинской дороги направо, быстро заступив путь неприятелю, став надежным щитом для Москвы и всего остального войска. Однако попытки прорыва тогда не последовало. И Мамай, и Ягайло были еще далеко и не спешили переходить к решительным действиям. Все три колонны русского войска, вышедшие из Москвы, к середине августа благополучно достигли Коломны. Здесь же сосредоточились рати, направлявшиеся к месту общего сбора, минуя стольный град. Полки из Владимира и Юрьева-Польского, Костромы и Переяславля-Залесского возглавляли воеводы великого князя. Рати из Мещерского, Муромского, Брянского и Елецкого княжеств прибыли под водительством своих князей. Ближайшие и ответственные задачи военной кампании были выполнены: войска собраны, южная граница прикрыта. Это вселяло надежду на успех похода. Новгородский хронограф так определяет силы трех отрядов: с Владимиром Андреевичем шло 30 тысяч, с Белозерскими князьями – 25 тысяч, с великим князем – 50 тысяч воинов. Общее число воинов, двинувшихся из Москвы в поход против Мамай, по этому свидетельству несколько превышала 100 тысяч человек⁹.

Въезд великого князя в Коломну был торжествен. Воеводы, князья, множество ратных людей встречали Дмитрия Иоанновича еще на дальних подступах к городу, на берегу речки Северки. Отсюда процессия двинулась к городским воротам, где великого князя уже ждало все коломенское духовенство с крестами и иконами. Епископ Герасим отслужил молебен и осенил воинов крестом.

Движение армии в Коломну, где уже дожидались другие отряды, заняло около четырех дней. Войско, нагруженное обозом, подбирая встретившиеся по дороге части, проходило примерно 25 км в день.

Общевойсковое походное построение армии произошло в Коломне, на Девичьем поле. «Князь же великий, выехав на высокое место з братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, видя-

⁹ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. С. 364.

Живописная иллюстрация благословения Дмитрия Донского преподобным Сергием Радонежским

Проводы войска. Художник И. С. Глазунов

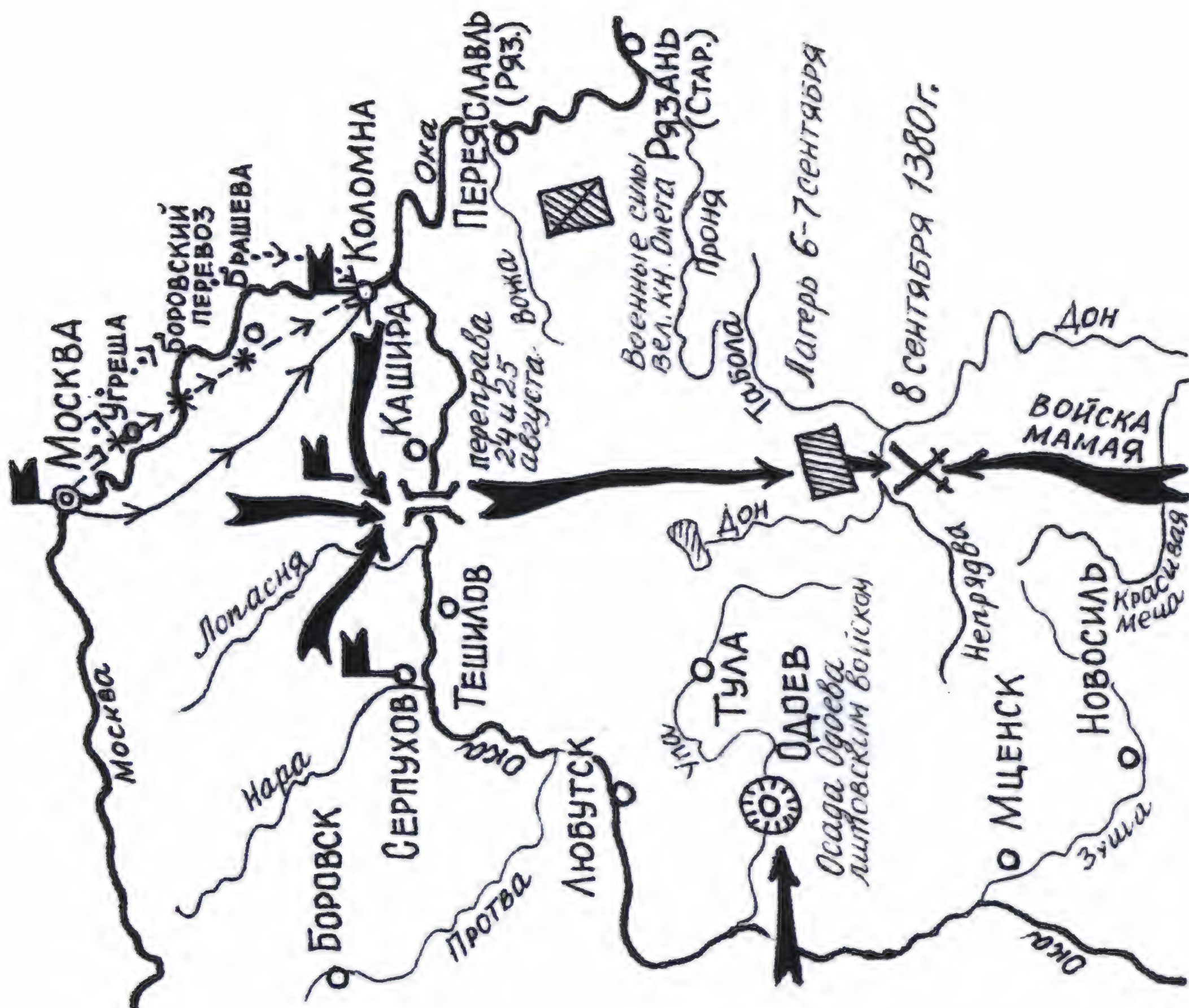

Какъ явилъ Икона Святителя Николая Чудотворца,
Благочестивому Великому Князю Дмитрию Ивановичу Донскому,
на мѣстѣ называемомъ Угреша, ГЛАГОЛАЕ
Епископъ на Мамѣ.

Явление иконы свт. Николая Чудотворца вел. кн. Дмитрию Иоанновичу на Угреше. Икона. XIX в. (ЦАК МДА)

«Явление иконы Николы Чудотворца на древе князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой» из Николо-Угрешского монастыря

Путь дружин вел. кн. Дмитрия
Ивановича из Москвы в Коломну
по Котловской дороге

Подход русских ратей
к основным силам

Путь дружин вел. кн. Владимира
Андреевича Серпуховского из
Москвы в Колому по Брашевской
дороге

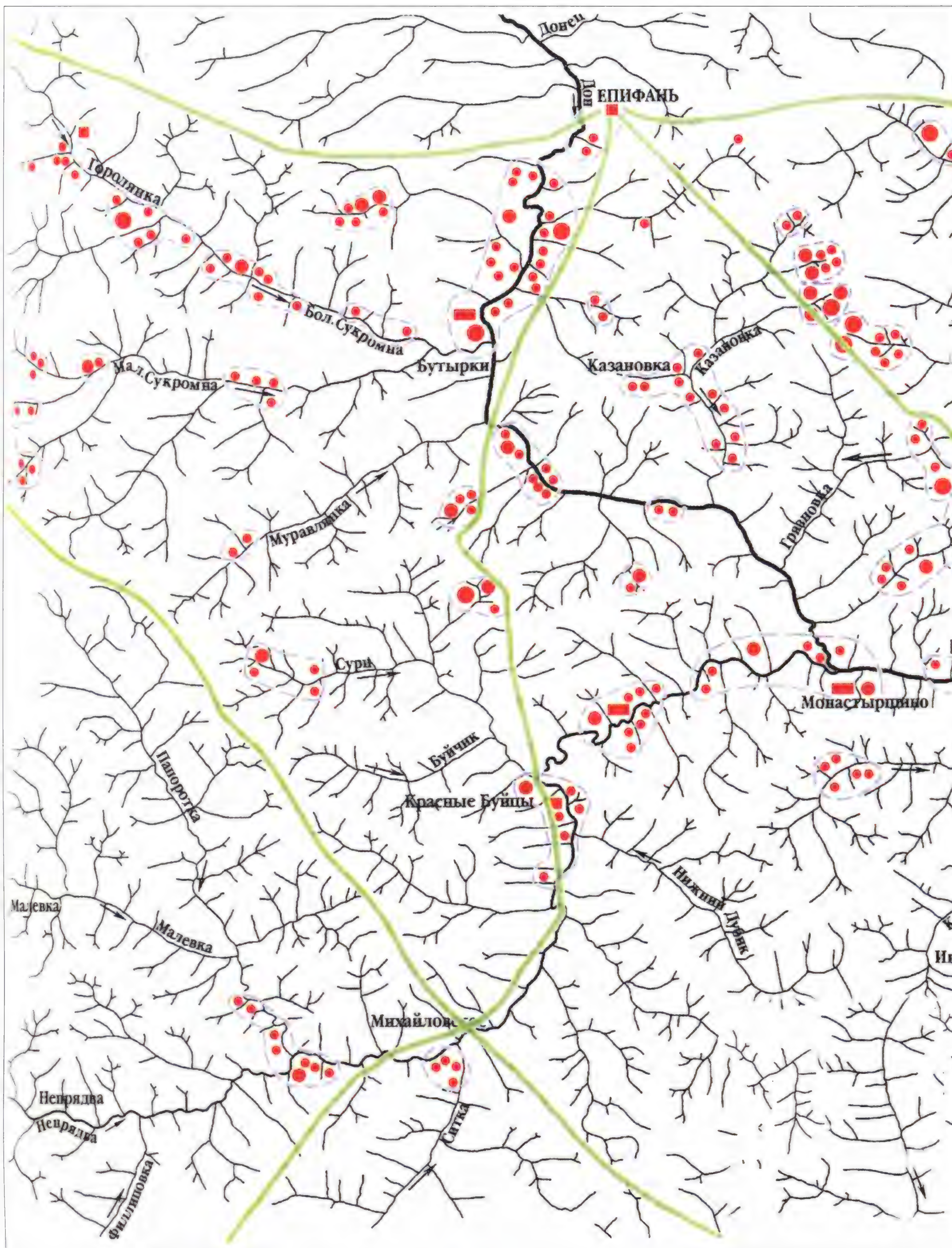
Места сбора сил
Дмитрия Ивановича

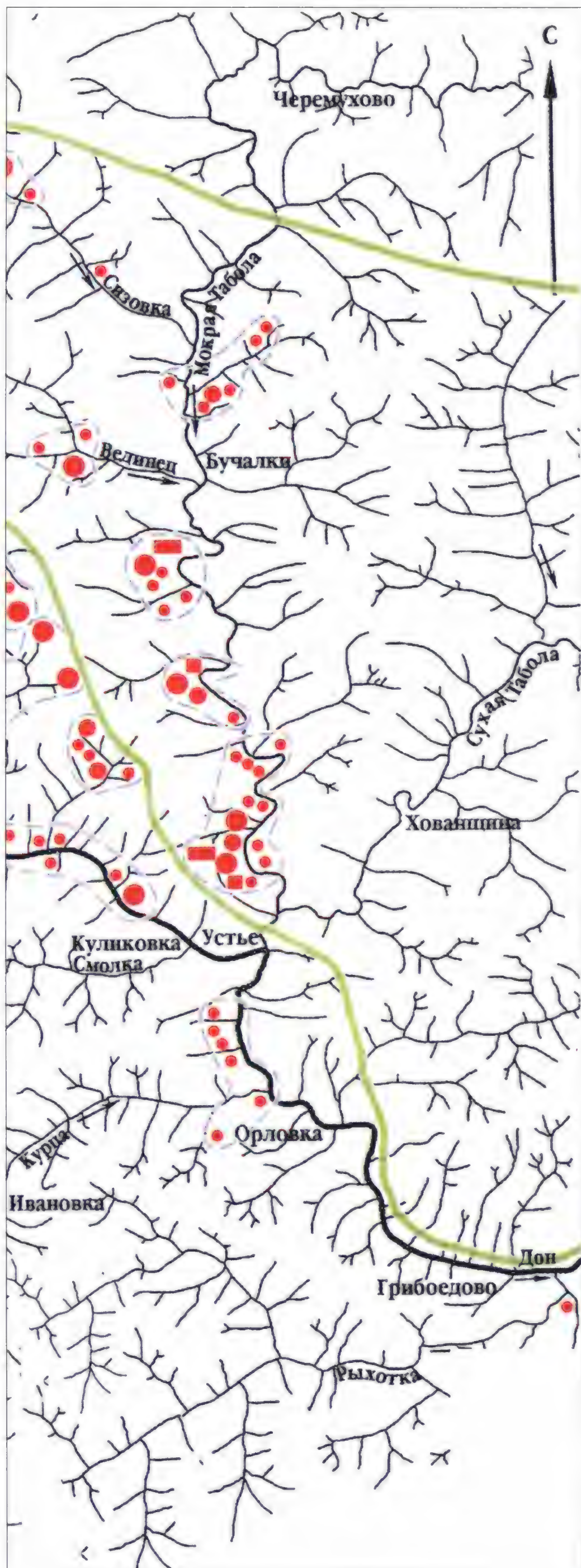

Путь русских дружин
из Москвы в Колому по
Болвановской дороге

Карта похода великого князя Дмитрия Донского на Куликово поле

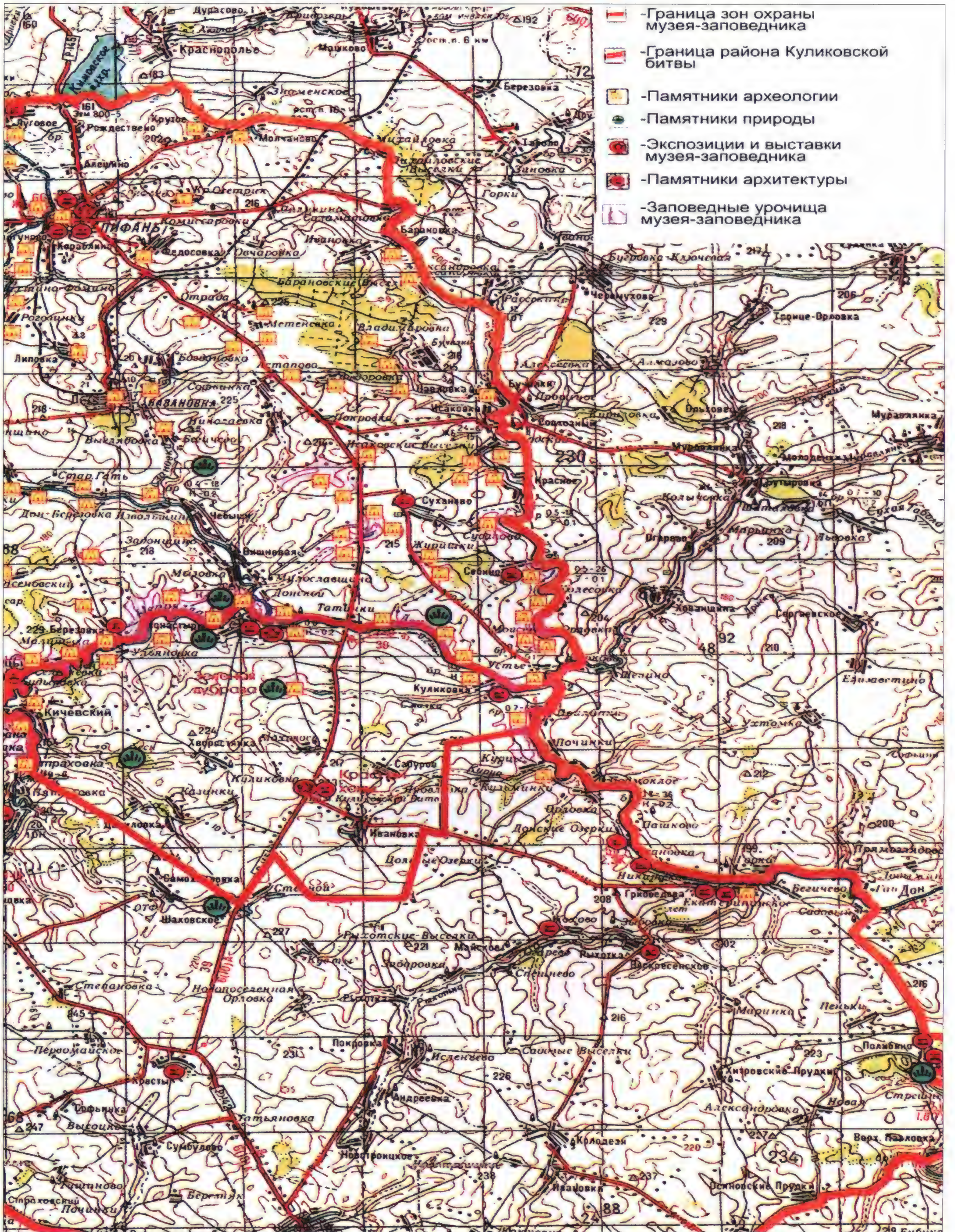
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- -Селища до 1 га
 - -Селища 1-2 га
 - -Селища более 2га
 - -Грунтовые могильники
 - -Городища
 - -Границы гнезд селищ
 - -Сухопутные дороги
- ХІІ-ХІV вв.

Карта поселений Куликова поля
в конце ХІІ – первой трети ХІІІ вв.

Карта района Куликовской битвы

Смотр русских полков в Коломне великим князем Дмитрием Иоанновичем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем. Миниатюра из «Сказания о Мамаевом побоище». XVII в. (ГИМ. Барс. № 1798)

Поле Куликово (1).

Река Ока. Место переправы войска великого князя Дмитрия Иоанновича (2)

Место переправы русского войска через Дон у с. Татинки (1).
У Зеленой дубравы, виднеющейся справа на горизонте, расположились большой полк и полк левой руки (2)

XXX

Вид на Красный холм от с. Хворостянка. Место битвы передовых полков (1).
Куликово поле за Хворостянкой. Место битвы большого полка (2)

XXXI

Куликовская битва. Миниатюра из «Сказания о Мамаевом побоище». XVII в.
(ГИМ. Барс. № 1798)

ще множество людей урядных и възрадовався, и урядиша кое-муждо плъку въеводу».

На Девичьем поле все русское войско было разделено на пять полков. Один из них назывался сторожевым. В походе он должен был выполнять задачу авангарда армии, а в сражении – ее боевого охранения. Первым воеводой сторожевого полка при «уряжении» стал предводитель коломенской рати Микула Васильевич Вельяминов. Сын последнего московского тысяцкого, брат казненного Ивана Вельяминова оставался в чести и доверии у Дмитрия Иоанновича. С великим князем Микулу Васильевича связывали и родственные, и дружеские отношения. Они были женаты, как мы знаем, на сестрах, дочерях суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Согласно «Задонщине», первую весть о нашествии Мамай Дмитрий Иоаннович получил на пиру от Микулы Вельяминова.

В сторожевой полк вошли также рати из Владимира и Юрьева-Польского под водительством великокняжеского воеводы Тимофея Валуевича. (О Тимофее Васильевиче Акатьевиче, по прозвищу Валуи, сообщает и летописная повесть о Куликовском походе.) Костромичи же прибыли к Коломне под началом великокняжеского воеводы Ивана Родионовича из московского рода Квашниных. Они, вероятно, тоже были включены в сторожевой полк. Его ряды пополнили и переяславцы. Их привел воевода Андрей Иванович Серкизов, сын крещеного выходца из Орды (владельца села Черкизова, ныне района современной Москвы).

Первую линию построения русского войска в будущем сражении должен был составить передовой полк. В «Сказании о Мамаевом побоище» его военачальниками указаны «Дмитрий и Иван Всеволожи» (Всеволодовичи).

Главные силы русского воинства были сведены в большой (великий) полк. В сражении ему отводилось место в центре боевой линии. По обычаю он находился под рукой самого великого князя. Большой полк состоял из испытанных воинов великокняжеского двора – бояр, дворян, детей боярских, вольных слуг. В него должно было входить и московское пешее городовое ополчение. Сюда

же Дмитрий Иоаннович присоединил рати князей Белозерских. Вторым по значению, после большого полка, считался полк правой руки. Водительствовать им было доверено двоюродному брату и ближайшему сподвижнику Дмитрия Иоанновича, Владимиру Андреевичу Серпуховскому. В полку правой руки состояли воеводы удельного князя Данило Белоус и Константин Кононович, а также князя Федор Елецкий, Юрий Мещерский, Андрей Муромский. К себе Владимир Андреевич взял и ярославских князей. Наконец, полк левой руки, фланг русской боевой линии, был поручен Глебу Брянскому. Этого князя иногда отождествляют с Глебом Друцким, чей небольшой удел входил в великое княжество Литовское. Ожидался подход дружин и других владельцев литовского княжеского дома – Андрея Полоцкого и Дмитрия Трубчевского.

По данным распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», в Коломне в те же дни к русскому воинству присоединились «мужи новгородцы» во главе с шестью посадниками. «Все люди нарядны, пансири, доспехи давали з города», – замечает повествование. Действительно, рать Великого Новгорода обычно составлялась из ополчений пяти городских «концов», которые возглавляли пять военачальников. Шестой осуществлял общее командование. Вооружение для воинов частью выдавалось из городских арсеналов – «з города».

В Коломенском походном построении «мужики новгородские» занимали место в полку левой руки. Участие новгородцев в Куликовской битве историками оспаривалось, но ныне убедительно доказано С. Н. Азбелевым¹⁰. Он прояснил реальные подробности новгородской помощи. Так, новгородский контингент, если верить распространенной редакции «Сказания», возглавляли шесть командиров, что соответствовало принятой во второй половине XIV века практике отправке в поход новгородской рати, выставленной пятью городскими концами, иногда под общим руководством степенного посадника. К тому же имена двух посланных на

¹⁰ Азбелев С. Н. Новгород и Куликовская битва // История и археология Новгорода. Вып. 21. — Новгород: Новгород. государ. объединен. музей-заповедник, 2007.-URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/168.htm>

Дон военачальников удалось опознать как достоверные. Далее, новгородские посадники упомянуты в списке боярских потерь на Куликовом поле, воспроизведенном «Сказанием» и «Задонщиной». Этот факт проверяется записью о павших в битве новгородцах, которая сохранилась в рукописном синодике XVI века новгородской Борисоглебской церкви (в Плотниках).

Известный исследователь новгородской древности В. Л. Янин в свое время обратил внимание на рукописный синодик церкви Бориса и Глеба в Плотниках, составленный, видимо, после 1456 года. В нем, в частности, говорится: «Покои, Господи... на Дону избиенных братии нашей при велицем князе Дмитреи Иоаннови-чи». Историк считает эту запись «в высшей степени любопытным свидетельством участия новгородцев в Куликовской битве». Памятником победы на Дону традиционно почитается храм святого Дмитрия Солунского на Славковой улице в Новгороде.

Новгородская сила откликнулась на призыв Москвы о помощи не случайно. Как раз в год Куликовской битвы великий князь Дмитрий перезаключил с новгородцами союзный договор о совместной борьбе с врагами Московской Руси. Эти обязательства северный союзник Москвы как в 1375, так и в 1380 году, видимо, точно выполнил. Характерно, что сообщение о битве на Дону приведено новгородским летописцем в подчеркнуто торжественном тоне, как общерусское свершение.

Кстати, мы здесь можем сказать, что участие нижегородцев в Куликовской битве также оспаривается некоторыми историками советского периода, академиком Б. А. Рыбаковым и историками настоящего времени. Они объясняют это тем, что Нижний Новгород не мог послать свои полки на битву, так как сам был разрушен в то время. Но полки мог послать Городец как самый крупный город после Нижнего Новгорода. Более детальное изучение Куликовской битвы обнаруживает участие в ней нижегородцев. В основной редакции «Сказания» и «Повести о Куликовской битве» говорится о павших боярах нижегородских. Кроме того, в списках В. Н. Ундольского, И. Ф. Хворостина и Е. И. Забелина основной редакции указано количество павших на Куликовом поле бояр-нижегородцев.

Об участии нижегородцев в битве пишут в своих трудах историки В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, А. Д. Нечволодов.

Коломенский смотр был не просто военным парадом, впечатляющим, укрепляющим воинский дух зрелищем. Он стал важнейшим организационным мероприятием, которое значительно повысило боеспособность русского войска. Как единое целое армия, по сути дела, и была сформирована во время смотра на Девичьем поле. До этого огромная вооруженная масса, собравшаяся в Коломне со всех концов раздробленной Руси, представляла собой смесь местных ратей разной численности, разного качества единой структуры и системы командования. Каждый отряд держался обособленно.

Между тем точных сведений о противнике, его намерениях и планах Дмитрий Иоаннович ожидал, пожалуй, с большим нетерпением, чем подхода новых ратей. Вслед исчезнувшей первой «стороже» он посылает вторую: Климента Полянина, Ивана Святослава Всеславича, Григория Судокова и «иных с ними». Всего более трех десятков воинов. Им было строго предписано во что бы то ни стало и как можно быстрее взять «языка», разведать противника и вернуться назад.

Однако ожидать еще много дней, пока новая «сторожа» выполнит задачу, великому князю не пришлось. По дороге в Поле разведчики встретили Василия Тупика, которого уже и не чаяли видеть в живых. Он возвращался не с пустыми руками, вез с собой «языка» «царева двора», «сановитого мужа». На допросе знатный татарин сообщил Дмитрию Иоанновичу важнейшие сведения: Мамай не изменил своих планов идти на Русь, в союзе с ним выступает не только великий князь Литовский, но и Олег Рязанский, тем не менее «не спешит бо царь того ради итти – осени ожидает».

Литовское войско продолжало свое движение для соединения с Мамаем. Однако Ягайло направлять свою армию вместо Оки к Дону явно не торопился. На соединение с Мамаем выступило не грозное многочисленное литовско-русское войско, а сравнительно небольшие отряды вооруженных людей, с трудом собранных и думавших больше о том, как уклониться от битвы. С таким воинством

и в такой обстановке Ягайле не приходилось и думать о смелых и решительных действиях. Он долго собирался в поход, продвигался медленно, с оглядкой, на ощупь. Понимая недостаточность своих сил, он постарался переложить основную тяжесть войны на союзника, Мамаю. Сам же готов был довольствоваться захватом союзных Москве княжеств в верховьях Оки. Через их территорию и направилось на соединение с татарами войско Ягайлы.

Олег Рязанский, до последнего момента надеявшийся, что великий князь уйдет от ордынских полчищ на Двину или Новгород Великий, «устрашился и возтрепета зело».

Тем временем к великому князю в Коломну прибыли послы Мамаю. Древнейший и наиболее достоверный источник, «Летописная повесть», пишет, что в Коломну приехали послы от Мамаю и предъявили великому князю московскому категорическое требование – возобновить выплату дани Мамаевой Орде и впредь «давать выход», «како было при Чанибеке цари, а не по своему докончанию». Согласиться на это значило полностью покориться Мамаю. Имя хана Джанибека (Чанибека) не случайно прозвучало в ультиматуме. При этом правителе дань, собиравшаяся с русских земель в пользу Орды, достигала наивысших размеров. Кроме того, согласие московского князя выплачивать узурпатору Мамаю такой же «выход», какой брал с Руси полноправный Чингисид Джанибек, фактически означало признание безродного темника законным ханом.

Прием в Коломне татарских послов должен был породить у Мамаю впечатление, что московский князь колеблется, что еще остается возможность успешного дипломатического давления на него, не прибегая к силе оружия. Тем самым Дмитрий Иоаннович рассчитывал оттянуть срок вторжения, выиграть время для подготовки отпора.

Перед этой силой Дмитрий Иоаннович не дрогнул. Он не разорвал в клочья ханскую грамоту, как сделает это ровно через сто лет его правнук Иван III, не приказал казнить послов или с позором отослать их восвояси. Дмитрий принял в Коломне ордынское посольство с почетом и вступил с ним в переговоры. Он даже

пошел на огромную уступку, согласившись возобновить выплату дани, прерванную после «розмирья» с Мамаем. Однако дальнейшее показало: это был лишь тактический ход. Условия соглашения, выдвинутые московским князем, оказались заведомо неприемлемыми для Орды¹¹.

Дмитрий Иоаннович готов был «дать выход», но не в размерах, установленных при Джанибеке, а всего лишь «по христианской силе» и прежнему «докончанию». Здесь, вероятно, имелся в виду договор («докончание»), заключенный московским князем во время поездки в Орду в 1371 году, по которому предусматривалась выплата весьма умеренной дани. Слова же «по христианской силе» и вовсе звучали как: «Дам столько, сколько сам сочту нужным». Условия Москвы не сулили, таким образом, Мамаю ни столь необходимых ему денег, ни признания статуса законного хана, ни славы покорителя Руси. В той ситуации они звучали попросту оскорбительно, издевательски.

Московский князь не думал смиряться перед Мамаем. Он и не властен был в этом. Войско, решившее победить или умереть, Русская земля, поднявшаяся в небывалом порыве на недругов, восприняли бы отступление как отступничество. Однако долг христианского смирения и миролюбия предписывал Дмитрию Иоанновичу до последней возможности избегать кровопролития и не отвергать с ходу переговоры.

Отвергнув ультиматум, он продолжал вести дипломатическую игру. Вослед выехавшим из Коломны послам Мамаю великий князь отправил в стан противника собственное посольство. В «Сказании о Мамаевом побоище» есть эпизод, в котором повествуется о миссии Захарии Тютчева. Этот «избранный юноша» в сопровождении двух толмачей, знавших «язык половецкий», был послан Дмитрием Иоанновичем к Мамаю. Он вез богатые подарки, «много злата», дабы задобрить ордынского правителя. Добравшись до Рязани, Захария проведал о союзе Олега с Мамаем и литовским князем и тотчас же направил в Москву скорого вестника.

¹¹ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 166.

Поход Дмитрия Иоанновича на Дон. Куликово поле. Темник Мамай

митрий Иоаннович с войском покинул Коломну 20 августа. Перед этим князь испросил у коломенского епископа Герасима благословения. В Успенском соборе он торжественно благословил князя и все войско.

Вместо того чтобы, переправившись здесь же, у Коломны, через пограничную Оку, ударить превосходящими силами на юг по союзному Мамаю Рязанскому княжеству, а затем кратчайшим и удобнейшим путем броситься на татар, великий князь повернул полки круто на запад. Он не стал переходить границу. Войско двинулось вдоль левого, московского берега Оки, проходя границы своего княжества, готовое к внезапному нападению и встречному бою.

У великого князя Дмитрия Иоанновича появились две возможности: оборонять всеми силами «традиционный» рубеж берега Оки или выступить «в поле» навстречу ордынцам. Оборонительная тактика в этом случае была стратегически невыгодной. Упустив инициативу, великому князю пришлось бы иметь дело с объединенными ордынско-литовскими силами. Наступательная операция позволяла разбить врагов поодиночке, но представлялась сложной и опасной.

Русское войско во время похода на Мамая могло подвергнуться фланговым ударам со стороны союзников Орды – Литвы или Рязани.

Великий князь Дмитрий Иоаннович решился на активные наступательные действия. Так был задуман поход «к Дону-реке», который привел русское войско на Куликово поле¹.

Войско переместилось из Коломны в центр пограничной линии, откуда оно могло действовать в любом направлении, с какого бы ни исходила опасность прорыва неприятеля. Но укрепление обороны на Оке было лишь второстепенной задачей маневра, поскольку Дмитрий уже твердо решил идти за реку, в Поле. При этом он рассчитывал еще пополнить свое воинство новыми подкреплениями, часть из которых подходила с запада. В этом направлении он и двинулся.

Войско шло безостановочно вдоль Оки по зыбучим прибрежным пескам, по разнотравью заливных лугов, обходя многочисленные старицы и болота. Порой приходилось взбираться на высокие, круто обрывающиеся к реке холмы, поросшие тронутыми первой желтизной березняками или могучими вечнозелеными сосновыми борами. Внизу гигантской изогнутой саблей блестела на солнце Ока. Три дня рать двигалась по кромке необъятного приокского леса, который испокон века служил щитом, отделяющим Залесскую Русь от Великой Степи. То была не просто граница, то была грань двух миров, которым вскоре предстояло сойтись лицом к лицу в небывалой битве.

Войско миновало устье реки Осетр, где окский простор открывался во всю свою необъятную ширь, прошло через великокняжескую волость Горки. На противоположном, правом берегу Оки мелькнул на холме укрепленный рязанский городок Ростиславль. Наверное, в нем уже готовились к осаде, вооружались, молились в храме о спасении от неминуемой гибели. Но московская рать прошла мимо, не останавливаясь, не предав город русского князя, хотя и не согласного, огню и мечу.

Вскоре на левом, принадлежащем Москве берегу Оки показалась Кашира. Дмитрий Иоаннович получил ее во владение от своего отца Ивана Красного. Именно в духовной грамоте этого князя Кашира упоминается в первый раз. Считается, что названи-

¹ Каргалов В. В. Конец ордынского ига. — М.: Наука, 1980. С. 42.

ем своим она обязана тюркскому слову «кошара» (загон для скота), перекочевавшему в южнорусские говоры в форме «кашира». Из Великой Степи приходили не только имена, оттуда нападали враги-хищники, там по дороге встречались знаки времен, которые и для людей конца XIV века были отдаленным прошлым, – курганы, городища.

Одно из таких городищ виднелось на правом берегу Оки не-вдалеке за Каширой. Оплывшие земляные валы, деревянный храм, убогие избы вокруг – это все, что осталось от древнего города Колтеска. В летописи он упоминается раньше Москвы – под 1146 годом! Значимые для современников и достойные памяти потомков события не обходили Колтеск стороной. Здесь умер сын Юрия Долгорукого Иван. Город на большой реке среди изобильного лугами и пашнями края мог пережить многие века. Но, как и сотни его собратьев, так и не восстал из пепла после татарских разорений. Город Колтеск превратился в село Колтово. Оно и поныне венчает своими домами, старинным храмом Рождества Богородицы и остатками древнего городища высокий, открытый берег Оки.

Через два-три дневных перехода от Коломны войско достигло места, куда вели его Дмитрий Иоаннович и воеводы. Здесь прибрежные леса расступаются и выпускают из своих теснин на простор окской поймы быструю речку Лопасню. Сделав по заливным лугам среди песчаных дюн, камышовых зарослей и болотистых стариц несколько прихотливых петель, она впадает в широкую Оку. У устья Лопасни войско остановилось лагерем после 20 августа. Тем самым оно вышло к месту предполагаемого соединения Мамаю, литовцев и рязанцев и перерезало главный Муравский шлях, которым татары обычно ходили на Москву. Задача начального этапа похода, заключавшаяся в упреждающем выдвижении к месту объединения вражеских сил на Оке, была выполнена².

Предстояли переправа через Оку и дерзкий выход далеко в «Поле», навстречу Мамаю. Несколько дней оставался Дмитрий Иоаннович на Усть-Лопасне, «перенимая вести от поганных». Ве-

² Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 170.

сти эти говорили об одном: Мамай все еще медлит в ожидании подхода Ягайлы, а литовский князь не торопится на соединение с союзником. Таким образом, для русского полководца сохранялась возможность упредить неприятеля в его сосредоточении.

На устье Лопасни Дмитрий Иоаннович продолжал получать подкрепления. «Ту бо наехал Володимер, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич и вси вои остаточныи, что были оставлены на Москве», – повествует летописец. Сообщение это, казалось бы, противоречит сведениям другого основного источника о событиях 1380 года – «Сказания о Мамаевом побоище», где говорится, что Дмитрий Иоаннович и Владимир Андреевич одновременно вышли из столицы и оба участвовали в смотре войска на коломенском Девичьем поле³.

Это дает историкам основания строить различные версии. Согласно одной, когда Дмитрий выступил в Коломне, Владимир и воевода Тимофей Вельяминов были оставлены в Москве с войском для защиты столицы от возможного нападения. Они покинули город только тогда, когда опасность миновала, и кратчайшим путем направились прямо к устью Лопасни на соединение с основными силами, что согласуется с данными историка С. М. Соловьева.

Бытует и версия о том, что маршрут войска Владимира Андреевича пролегал не на Коломну, а на юго-запад, через города его удельного княжества Боровск и Серпухов. Поход был призван предотвратить возможное именно с этой стороны вторжение Ягайлы. Устрашив литовское войско и одновременно собрав по дороге все военные силы своего удела, Владимир пришел к устью Лопасни с запада, из Серпухова.

Изъян этих версий состоит в том, что обе они не слишком вписываются в логику событий августа 1380 года. Вряд ли Дмитрий Иоаннович допустил бы такое распыление своих сил, надолго оставляя Владимира Андреевича с большим войском в Москве или посылая его в далекий поход к Боровску и Серпухову в то время, когда обстановка требовала быстрее всего сосредоточения всех ратей, создания мощного военного кулака.

³ Там же. С. 174.

Логично сделать иное предположение, согласующее показания основных источников. Владимир Андреевич пришел со своими полками по Брашевской дороге в Коломну, участвовал в смотре на Девичьем поле и был оставлен великим князем в городе, чтобы продолжить сбор ратей, которые все еще подтягивались сюда после ухода главного войска.

В Москве тем же делом занимался воевода Тимофей Вельяминов. Когда запоздавшие ратники были собраны, московские «остаточные вои» двинулись к Коломне, соединились там с отрядами, сформированными Владимиром Андреевичем, и вместе поспешили вдогон великокняжескому воинству. Соединение состоялось на Усть-Лопасне. Все это, конечно, не исключает подхода сюда новых дружин из Серпухова. Город был, по-видимому, одним из трех основных мест сбора русского войска. Не на это ли указывают знаменитые строки «Задонщины»: «На Москве кони ржут, звенит слава русская по всей земли Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове...»

Разведав неприятеля и присоединив подкрепления, великий князь приказал переходить Оку. Первыми на правый берег переправились полки Владимира Андреевича. Это случилось в последнее воскресенье августа. На следующий день, в понедельник, сам Дмитрий Иоаннович «перебреле своим двором» Оку. Как происходила переправа, можно только предполагать. Едва ли за время короткой остановки на устье Лопасни удалось построить мосты через широкую и бурную Оку. Слова летописца: «начаша возитися за Оку», «переехавши за реку» – наводят на мысль о том, что для переправы были использованы лодки и плоты. В то же время двор великого князя «перебреле» водный поток – видимо, перешел вброд.

При переправе через Оку, чтобы двигаться к Куликову полю, были посланы разведчики. Дмитрий «отпустил в поле третью сторожевую заставу избранных своих витязей, чтобы они встретились с татарскими сторожевыми в степи: Семена Мелика, Игнатия Креня, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Олексина, Петрушу Чурикова и иных многих с ними известных поляниц» (поляницы –

воины, привычные к сторожевой службе в поле). Задание было смертельно опасным⁴.

Правый берег Оки встретил ратников Дмитрия Иоанновича пологими увалами холмов, овражистыми, поросшими лесом кручами. Почти напротив места переправы на горе стоял укрепленный городок, последний на пути в Поле. Согласно предположениям некоторых историков, именно он известен в письменных источниках под названием Лопасна, впервые встречающимся в летописи под 1176 годом. Вереница таких городков-крепостей тянулась по всему среднему течению Оки. Иван Калита завещал, как мы знаем, Лопасну в удел сыну Андрею Ивановичу вместе с Серпуховом и другими населенными местами. От него владение должно было перейти к наследнику, Владимиру Андреевичу. Но Лопасну захватило войско тогда еще малолетнего князя Олега Рязанского. И в дальнейшем она оставалась предметом пограничных споров Москвы и Рязани. Впоследствии Дмитрий Иоаннович вынужден будет признать Лопасну рязанским владением.

Городок напротив устья Лопасни постепенно запустел. В XVII веке на его месте оставался лишь монастырь Николы Чудотворца «четырех церквей». Все храмы – Никольский, Пятницкий, Преображенский и Троицкий – были деревянными. Скромная обитель никогда не могла позволить себе каменное строительство. С течением времени запустел и монастырь. Лишь погост на древнем городище с рубленой Пятницкой церковью 1677 года постройки отмечал место крепости, видевшей под своими стенами историческую переправу войска Дмитрия Иоанновича. В 1930-х годах

⁴ Каргалов В. В. Под Московским стягом: (К 600-летию Куликовской битвы) / Каргалов В. В., Шамаро А. А. — М., 1980. С. 21.

В распространенной редакции «Сказания» об этом пишется более подробно: «Князь великий повелел передовым полкам переходить через реку Оку и заповедал каждому полку: "Если кто пойдет по земле Рязанской, пусть никто не прикоснется ни к единому волосу". И сам князь великий, взяв благословение от епископа Евфимия Коломенского, перешел реку и тут послал третий сторожевой отряд избранных витязей, и повелел им увидеть татарские сторожевые отряды. Послал он Семена Мелика, Игнатия Крену, Фому Тынину, Петра Горского, Карпа Алексина, Петрушу Чирикова и иных много с ним известных воинов».

исчез и храм. Его разобрали по бревнышку и перевезли в соседнюю деревню для строительства клуба.

Ныне древнее место тихо и пусто. Если у Боровского перевоза, где Владимир Андреевич переправлял свои полки через Москву-реку, стоит памятный знак, то на окских берегах ничто не говорит о событии, произошедшем близ устья Лопасни в последнюю неделю августа 1380 года. Между тем выход на Оку, в Поле, знаменовал собой тот решительный, бесповоротный шаг, который определил весь дальнейший ход войны; во многом повлиявшей на исторические судьбы России. Была перейдена не просто река, а черта векового страха, сброшено его тягостное иго, одержана первая победа – победа над самим собой.

Весть о том, что рать Дмитрия Иоанновича вышла за Оку, в мгновение ока разнеслась по городам и весям Залесской Руси. «И бысть в граде Москве туга велика и по всем его пределам плачь горек и глас рыдания... – повествует летопись, – зане пошли с великим князем за всю землю Рускую на острая копья». Жены и матери были неутешны. Ушедших в Поле, за Оку, заранее оплакивали, глубоко тая в сердце надежду на чудесное спасение. Вдруг прояснилась вся мера мужества и решимости воинов, их готовности к самопожертвованию, борьбе до последнего. Из-за Оки, со страшного Дикого Поля, можно было вернуться только с победой. Поражение означало гибель. Ведь в случае неудачи отступать было некуда. Крепостей, где могло бы укрыться израненное войско, Москва за Окой не имела. В рязанские же города путь был заказан. Просто спастись бегством за Оку Мамай бы не дал – нагнал бы отступавших своей стремительной конницей, опрокинул бы в реку, потопил в окских водах. После перехода через Оку Дмитрию Иоанновичу оставалось либо погибнуть с честью, либо одолеть грозного врага. Но такая победа могла быть одержана лишь большой кровью, ценой тысяч и тысяч жертв⁵.

В решении Дмитрия Иоанновича перейти границу, встретиться с врагом лицом к лицу в чистом поле была и отвага князя-ратоборца, бросившего вызов опасности во имя доблести и че-

⁵ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 177.

сти, и жертвенность сына церкви, пошедшего за веру на «острые копья». Но прежде всего это был смелый и вполне трезвый расчет полководца. Немедленное наступление на Мамая, до того как к нему подойдут союзные войска, круто меняло ход войны, открывало едва ли не единственно возможный путь к победе. Остаться в обороне, ожидая неприятеля под прикрытием Оки, значило отдать инициативу в руки врага. Каждый день такого пассивного выжидания приближал срок соединения Мамая, Ягайлы и Олега. Произойди это – и соотношение сил еще больше изменилось бы в их пользу. На сторону неприятеля тогда переходило и моральное превосходство. Нерешительность Дмитрия Иоанновича неизбежно была бы воспринята как слабость. Это положило бы конец разногласиям и колебаниям в стане врагов, укрепило бы их уверенность в победе. Дух же русского войска ослабел бы. Священный огонь, что горел в сердцах ратников, угасал бы в бездействии, не находя себе выхода. Вслед за упадком боевого духа мог начаться и общий распад союза русских князей.

Поэтому движение Дмитрия Иоанновича не было слепым и безоглядным, он ясно предвидел все опасности, подстерегавшие войско в Поле. Войско шло не быстро, осторожно, выверяя каждый шаг. Далеко впереди главных сил действовали разведывательные дозоры, внимательно наблюдавшие за противником. Из их донесений Дмитрий Иоаннович узнал, что Мамай уже за Доном, на реке Мече.

С каждым днем, с каждым часом расстояние между двумя огромными воинствами сокращалось. Близилась развязка. Дмитрий и его воеводы вели рать по западным окраинам Рязанского княжества, в котором правил враждебный князь Олег. Тем не менее был дан строжайший приказ, чтобы ни один волос не упал с головы кого-либо в Рязанской земле. Дмитрий Иоаннович не хотел давать повод Олегу для начала военных действий. «Мой враг – Орда, а не Рязань», – как бы говорил он. И Олег Рязанский отлично понял это. Он никак не препятствовал движению войска московского князя. Переправа рати Дмитрия Иоанновича за Оку и решительный марш на юг произвели на Олега ошеломляющее

впечатление. Расчетливый, но далеко не трусливый, он способен был оценить мужественную решимость своего соперника. Имел рязанский князь и достаточно полные сведения о большой численности, высокой боеспособности и небывалом наступательном духе общерусской рати. Вставать на ее пути означало быть раздавленным в одночасье. Даже в непобедимость могущественного «царя» Мамай Олег уже не верил так, как прежде.

Между московским молотом и ордынской наковальней рязанский князь чувствовал себя не очень уютно. Он удвоил свою осторожность, постоянно переходил с войском с места на место. Не давала ему покоя и мысль о том, что сама Русская церковь в лице всенародно чтимого старца Сергия благословила Дмитрия на Священную войну. Олег боялся прослыть вероотступником. Наконец, он твердо решил выжидать, не оказывая помощи ни одной из противоборствующих сторон: «Которому их Господь поможет, тому и аз приложуся». Таким образом, рязанский князь решил ждать исхода сражения между Дмитрием и Мамаем, чтобы присоединиться к победителю.

Позиция Олега повлияла и на действия его союзника, великого князя литовского Ягайлы, который впал в еще большие колебания. Он замедлил свой и без того неспешный марш на соединение с Мамаем и в конце концов остановился, начав осаду города Одоева – столицы союзного Москве Новосильского княжества.

В то время как Ягайло со своим войском в нерешительности топтался где-то на юго-западе, в стан его врага, Дмитрия Иоанновича, явились его братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. Московский князь встретил их «радостью великою». Событие было действительно воодушевляющим. Сыновья воинственного Ольгерда под стать отцу преуспели на ратном поприще. «Под трубами и под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены в Литовской земле», – восхищенно отзывается о них «Задонщина». Ольгердовичи в глазах современников являли собой образцы князей-воинов отважных, неукротимых, ставивших честь и доблесть превыше всего. Обаяние это не могло развеять ни участие их в грабительских набегах, в том числе на Москву, ни неоднократные переходы на

службу от одного сюзерена к другому. Агрессивная воинственность воспринималась как отвага, наличие своего удела – как гордая независимость. Все это вполне вписывалось в образ князя, каким ему по понятиям того времени подобало быть.

Ольгердовичи привели Дмитрию Иоанновичу свои дружины, грозную «кованую рать». С 55-летним Андреем, княжившим в то время в Пскове, пришли псковичи и, вероятно, воины из Полоцка, в котором он правил прежде, до того как Ягайло изгнал его с полоцкого стола. Дружина молодого Дмитрия Ольгердовича состояла, по-видимому, из брянцев и трубчевцев, набранных еще в бытность его князем в этих землях. Новые подданные Дмитрия, переяславцы, влились в русскую рать отдельным полком под водительством великокняжеского воеводы Андрея Ивановича Серкизова⁶.

Приход литовско-русских ратей, несомненно, укрепил войско накануне решающей битвы. В еще большей степени он усилил политические позиции Москвы. Появление в рядах ее армии знатных Ольгердовичей, сохранивших влияние и связи в Литве и после перехода на московскую службу, вносило глубокий раскол в литовскую правящую элиту. К голосам Андрея Полоцкого и Дмитрия Трубчевского чутко прислушивались православные князья Малой Руси. Братьям доверял и их дядя, могущественный Кейстут Гедиминович, вокруг которого группировались противники Ягайлы. В такой ситуации война против Москвы в союзе с Мамаем, затеянная великим князем Литовским, грозила обернуться междоусобицей в самой Литве. Эта угроза должна была отрезвить Ягайлу, еще больше сковать его действия.

Радуюсь «великою радостью» приходу братьев Ольгердовичей, Дмитрий Иоаннович не мог не вспомнить об их духовном отце, митрополите Литовском и Малой Руси Киприане, все еще пребывавшем в Киеве. Вспоминал великий князь о судьбе своего недавнего наставника и любимца Михаила-Митяя. Всего несколько дней назад, когда войско переправлялось через Оку, оно прошло совсем рядом с городком Тешиловом, где родился несостоявшийся митрополит всея Руси. Дмитрий Иоаннович с высоты прибрежного хол-

⁶ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 180.

ма мог видеть на западе очертания тешиловских крепостных башен и деревянного храма, в котором некогда служил отец Митяй. Какие споры, какие волнения кипели совсем еще недавно вокруг митрополичьего престола, опустевшего после смерти Алексия!

Русское войско, вступившее 25 августа в пределы Рязанской земли, вероятно, сошло с Муравского шляха и уклонилось в юго-восточном направлении. Очередная остановка была сделана у города Березуя, находившегося в 23 поприщах (около 30 км) от истока Дона.

Ольгердовичи присоединились к нему 5 сентября, в день святого пророка Захарии. На современной карте Тульской области близ города Венева можно найти деревню Березово. Березовка существует и в 40 километрах к юго-востоку. Деревня с тем же названием есть еще в нескольких десятках километров на юго-восток. Вопрос о том, какое из этих мест следует отождествлять с загадочным Березуем, упомянутым в «Сказании о Мамаевом побоище», остается предметом споров историков и краеведов. Существует, впрочем, и такая версия: Березуй – это не название конкретной местности, а лишь искаженное переписчиком «Сказания» выражение «на березе» – на берегу Дона.

Действительно, войско Дмитрия Иоанновича проходило в районе истоков великой реки. Нешироким потоком вытекал Дон из крошечного Иван-озера. Отсюда же брала начало и река Шат, относящаяся к совсем другому, Окско-Волжскому речному бассейну. (В 1930-е годы на месте болотистого озерца широко расплескалось Шатское водохранилище, «похоронив» под своей восьмиметровой толщей древний природный исток Дона.) В своих верховьях Дон весьма неширок и совсем не глубокий, кое-где в русле реки обнажаются перекаты, много мелей. Но пейзаж вокруг поистине былинный – необъятные волнистые дали, пространство, распахнутое на версты и версты вокруг, суровое надмирное величие. Воинам 1380 года, в большинстве своем уроженцам чащобной Залесской земли, вид этих мест был, наверное, непривычен. Чем дальше продвигались они на юг, тем реже встречались леса. Темные хвойные боры давно сменились солнечными березняками и

свободными величественными дубравами. Местность становилась все более открытой, чем-то напоминала владимирцам, юрьевцам и переяславцам родное Владимиро-Суздальское ополье. В Березуе рать пробыла несколько дней, поджидая отставших и «перенимая вестей» из мест, где кочевала Орда. Вернулись воины-«сторожи» Петр Горский и Карп Олексин. Вернулись не с пустыми руками – везли с собой «языка», знатного татарина «царева двора».

Разведчики сообщили о движении Мамаю, не знавшего о местонахождении русского войска, к верховьям Дона, «доколе приспеет нам Ягайло». Как это было сделано, автор «Сказания» не писал, но можно себе представить, как невероятно сложно было выхватить из ордынского войска «языка», да не простого воина, а «из сановников царева двора». Но сведения, полученные от него, искупали все труды.

Тот пленник поведал: «Уже царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, ожидает Ягайло Литовского и Олега Рязанского, а о твоём войске царь не знает, не ждет и встречи с тобой, а после трех дней будет он на Дону». Было это 5 сентября 1380 года, три дня оставалось до Куликовской битвы⁷. Удивительно, но в Орде, как показал пленный, не знали о приближении рати Дмитрия Иоанновича. Видимо, Мамай проникся уверенностью, что русские будут придерживаться обычной оборонительной тактики, и не осмелятся выйти за Оку. Он чувствовал себя в донских степях спокойно и даже не озаботился организовать дальнюю разведку.

Впрочем – и это тоже сообщил «язык» – через три дня ордынский властитель подойдет к Дону. Великий князь спросил о численности войска Мамаю. «Неисчетно многое множество воинства его силы, никак же мощно исчети», – отвечал татарин. Так передает этот эпизод «Сказание о Мамаевом побоище».

Теперь стало окончательно ясно: до решающего столкновения остались считанные дни. Смелый маневр, начатый в Коломне, завершился на Дону и достиг цели. Русское войско упредило соединение сил неприятелей. Теперь можно было рассчитывать на бой с Ордой один на один.

⁷ Каргалов В. В. Под Московским стягом. С. 21.

Осторожно, непрерывно «вести переимая» от сторожевых отрядов, Дмитрий двигался к Дону. Утром 6 сентября он остановился на донском берегу, неподалеку от устья Непрядвы. В. Н. Ашурков предполагает, что русский стан был разбит у впадения в реку Дон реки Себинки, близ современного села Себино⁸. Только здесь основное войско наконец догнала «пешая рать» – тысяцкий Тимофей Вельяминов выполнил поручение великого князя и вовремя подоспел с пехотой. Своевременное соединение на берегу Дона «пешей рати» и остальных полков стало большим успехом русских воевод. И на этой заключительной стадии похода соединения литовцев и татар так и не произошло. Инициативу прочно удерживало русское командование. На берегу Дона к армии присоединилась пехота. «И ту приидоша много пешаго воиинства, и житейстии мнози людие, и купци со всех земель и градов». Это сообщение указывает на участие в войске «черного люда» и использование (кроме сохранявшей решающее значение конницы) значительных масс пехоты, видимо необходимой в широком антитатарском походе. Не следует представлять пехотинцев как обязательно обездоленных, нищих людей.

Итак, за 20 дней похода русская рать прошла 300–350 км. С учетом остановок в Коломне, у устья реки Лопасни, в Березуе путь к Дону занял 12–13 дней. Движение русского войска можно назвать маршем. На каждой остановке в его состав вливались новые пополнения. Следование к Дону не отличалось особой быстротой. Зато оно позволило подтянуть отставших и осуществить планомерный сбор не только ближних, но и дальних «воев»⁹.

Четыре главных пункта видим мы на зигзагообразном маршруте: Москва, Коломна, переправа через Оку и верховья Дона, при впадении в него реки Непрядвы. Четыре вехи – пункт исходный, пункт конечный и между ними – два поворота. И все они стали пунктами сбора русского войска. Можно сказать, что оно собиралось в движении на Мамая. Кому было ближе и удобнее идти в Москву – пришел в Москву. Кому было ближе и удобнее в Ко-

⁸ Каргалов В. В. *Конец ордынского ига*. С. 48.

⁹ Кирпичников А. Н. *Куликовская битва*. С. 40.

ломну – пришел в Коломну. Кому было ближе и удобнее выйти сразу на переправу через Оку – шел к переправе; сюда пришли дружины князя Владимира Андреевича Серпуховского, сюда подошел и с московской пешей ратью воевода Тимофей Васильевич Вельяминов. И, наконец, тот, кто не успевал соединиться с войском даже на переправе через Оку, догонял его уже по пути через Дикое поле, вплоть до донских берегов. Для содействия этим дружинам и отрядам Дмитрий Иоаннович оставил на переправе воеводу Вельяминова с поручением помогать переправляться через реку и двигаться вдогонку основным силам. Считают, что это была первая в истории русского военного искусства комендатура на речной переправе. Отряд боярина Вельяминова не опоздал к битве и сражался в составе большого полка¹⁰.

Придя на Дон, великий князь принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох и встретить врага во всеоружии.

Необходимо было заново «урядить» войско. Со времени его первого «уряжения» в Коломне на Девичьем поле многое изменилось. Продвигаясь к Дону, войско Дмитрия Иоанновича вбирало в себя все новые и новые рати из многих княжеств, земель и городов: псковские и стародубские, оболенские и тарусские, новосильские и брянские, полоцкие и дорогобужские... Прибыли дружины из Углича и Галича. Из Тверской земли пришли кашинцы. «Сказание о Мамаевом побоище» сохранило известие об участии в походе ратей нижегородской, суздальской, муромской. Никонская летопись говорит о многочисленной пешей рати, догнавшей основные силы у Дона. Достоверность сведений источников о присоединении к русскому войску тех или иных местных отрядов подчас спорна, но несомненно, что к донским берегам подошло значительно больше воинов, чем покинуло Коломну. По определению исследователя военного дела средневековой Руси А. Н. Кирпичникова, это был «марш-мобилизация».

Войско не только возросло численно. Пополнился командный состав. Прибывшие рати возглавляли знатные князья и бояре, бывалые воеводы. Каждому из них необходимо было найти место в общей

¹⁰ Каргалов В. В. Под Московским стягом. С. 70.

структуре командования в соответствии с уделом, родовитостью, искушенностью в ратном деле. Следовало учитывать и взаимоотношения князей между собой, порой весьма сложные. Тем не менее в ходе боевого построения на левом берегу Дона войско было заново «уряжено». Здесь пригодился опыт воеводы Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. Именно ему было доверено строить полки, распределять по ним местные рати во главе с их военачальниками, наставлять командиров, как взаимодействовать в бою.

О том, в каком боевом порядке русское воинство готовилось встретить врага, а затем сражалось в битве, сегодня, шестьсот лет спустя, можно судить лишь с определенной долей вероятности. Древнейшие летописные источники очень лаконичны на этот счет. В более позднем «Сказании о Мамаевом побоище» приведена роспись войска по полкам, как они были «уряжены» в Коломне во время смотра на Девичьем поле. Присоединившиеся во время похода к Дону рати здесь не учтены. Еще одна, наиболее полная роспись сохранилась в составе Новгородского летописного свода. Этот свод создавался в 40-е годы XVI века, то есть, спустя более полутора столетий после описываемых событий, и среди историков нет единого мнения по поводу достоверности этого источника. Но и полностью отвергать его сведения оснований тоже нет. Острый дефицит наших знаний об эпохе заставляет ценить на вес золота каждую подробность, отказываясь от нее только под давлением неопровержимых аргументов.

Согласно росписи, приведенной в Новгородском летописном своде 1542–1546 годов, русское войско на Дону было «уряжено» в шесть полков. В сторожевом полку первым воеводой показан Михаил Иванович Акинфов. Здесь же были со своими ратями князь Семен Константинович Оболенский и Иван Тарусский, а также воевода Андрей Серкизов. Передовой полк состоял под началом братьев Ольгердовичей – Андрея Полоцкого и Дмитрия Трубчевского, воеводы Микулы Васильевича Вельяминова и князя Федора Романовича Белозерского. В полку левой руки были князь Василий Ярославский, великокняжеский воевода Лев Морозов и князь Федор Михайлович Моложский. Главные силы войска, центр его

боевого порядка – большой полк – оставался под рукой самого великого князя Дмитрия Иоанновича. Здесь должны были находиться также Иван Родионович Квашня, Михаил Бренк и князь Иван Васильевич Смоленский. Полк правой руки оказался под командованием князя Андрея Федоровича Ростовского, боярина Федора Грунки и князя Андрея Стародубского. Наконец, немалая и едва ли не самая боеспособная часть войска была выделена в главный резерв, который предстояло ввести в сражение в решающий момент. В историю он вошел как засадный полк. Им водительствовали князь Владимир Андреевич Серпуховской, воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский и князья Роман Брянский, Василий Михайлович Кашинский и Роман Семенович Новосильский.

Каждый полк и каждый «стяг» получили свои знамена. Они должны были служить ориентирами в гуще боя, указывать ратникам место их отряда. Над большим полком реяло огромное багряно-красное знамя великого князя с образом Спаса Нерукотворного. Его должны были видеть отовсюду. Пока оно пламенело над полем, каждый знал – стоит русская рать, не поддается врагу.

Когда войско еще выходило из Москвы, оно казалось небывало огромным. В Коломне рать едва поместилась на обширном Девичьем поле, так что трудно было окинуть взглядом ее бесконечные стальные ряды. Но только тут, на Дону, войско собралось в своем полном боевом составе. О численности сил великого князя московского, как и о многом другом в истории Куликовской эпопеи, сегодня приходится лишь строить предположения. Если и вели в те времена счет ратникам, то никаких официальных документов об этом не сохранилось. Летописцы и создатели литературных произведений о Донском походе непосредственными участниками событий не являлись. Не были они и людьми военными. Монахов, книжников точные выкладки интересовали не в первую очередь. Им важнее было смысловое и эмоциональное постижение событий. Кроме того, дошедшие до нас рукописи – это результат неоднократного переписывания и пересказывания первоисточников, в результате чего многие факты подверглись искажению¹¹.

¹¹ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 187.

Но письменные памятники донесли из прошлого много ценного, и прежде всего смысл и масштаб событий.

Вот и относительно численности русского войска все источники сходятся в одном: она была небывалой дотоле на Руси.

Приведем данные о количестве русских войск, принявших участие в битве на Куликовом поле, по источникам и литературе:

- в «Задонщине» – 300 тыс. человек;
- в «Пространной летописной повести» – 150–200 тыс. человек;
- в основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» – свыше 300 тыс. человек;
- в Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище» – свыше 400 тыс. человек;
- в распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» – 300 тыс. человек.

В списках извода Михайловского основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» помещено количество войск великого князя Дмитрия Иоанновича.

«В большом полку 70 000 человек.

В правом полку 8 000 человек.

В левом полку 20 000 человек.

В сторожевом полку 34 000 человек.

В передовом полку 25 000 человек, и еще дворян и выборных голов 20 000 человек.

С литовскими князьями Ольгердовичами пришло 30 000 человек.

Из Новгорода Великого приехали посадники Яков Ивачев, сын Зельци, Тимофей Константинович Микулин к великому князю Дмитрию Иоанновичу на помощь, и с ними новгородские силы 30 000 князей и бояр и всяких людей».

Следует отметить, что Михайловский извод основной редакции сказания представлен поздними списками XVII века.

Численность войск по летописным известиям:

- по Львовской летописи в битве приняли участие около 200 тыс. человек;
- по Ермолинской летописи – около 200 тыс. человек;
- по Устюжинскому летописцу – 300 тыс. человек;

- Никоновской летописи – 150–200 тыс. человек;
- по Московскому летописному своду – 150–200 тыс. человек.

По данным историков:

- по В. Н. Татищеву – свыше 40 тыс. человек;
- по Н. М. Карамзину – более 150 тыс. человек;
- по С. М. Соловьеву – 150 тыс. человек;
- по В. В. Богуславскому – до 60 тыс. человек;
- по А. Н. Кирпичникову – около 40 тыс. человек;
- по Е. А. Строкову – 100 тыс. человек;
- по М. Н. Тихомирову – 100–150 тыс. человек;
- по Б. А. Рыбакову – 150 тыс. человек;
- по А. Н. Куропаткину – 150 тыс. человек;
- по Ю. К. Бегунову – 150 тыс. человек;
- по В. В. Каргалову – 100–150 тыс. человек.

По житию Преподобного Сергия – 150 тыс. человек.

По житию святого Дмитрия Донского – 150 тыс. человек.

Некоторые историки постсоветского периода, умаляя значение Куликовской битвы, считают цифру в 150 тысяч человек фантастической и выдвигают мнение, что это число не превышало нескольких десятков тысяч. Историки из военного музея Москвы подсчитали, что на Куликовом поле пали всего около 10–11 тысяч воинов¹².

Совсем недавно сотрудники музея «Куликово поле» получили новые данные о количестве русских войск, участвовавших в Куликовской битве, – это ни много ни мало 15 тысяч человек. Дальше идти некуда. По последним данным, которые нам известны из материалов Всероссийской научной конференции 2005 года, посвященной Куликовской битве, войско Мамая состояло из 80 тысяч человек. Как мы видели, на стороне Мамая стояли и другие народности, кроме татар. Сверх того, там находились посланные от болгарского эмира Азана две тысячи черешманцев, одна тысяча башкордов, одна тысяча каштанцев, одна тысяча буртасов под командой бека Сабана.

Основное русское войско на Куликовом поле имело в своем составе 60 тысяч человек. Кроме того, там было 10 тысяч человек

¹² Щербаков А. Куликовская битва. С. 69.

во главе с Андреем Ольгердовичем Полоцким и Дмитрием Ольгердовичем Брянским и 20 тысяч всадников засадного полка под командой Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. Из общего числа войска сторожевой полк, который был разбит Ордой в начале сражения, имел в своем составе 10 тысяч пехотинцев¹³.

У большинства современных историков и историков XIX–XX веков цифры в 150–170 тысяч не вызывают сомнения. Такую же цифру называют, как мы видели, жития Преподобного Сергия и святого Дмитрия Донского. Принимая во внимание вышеизложенное, мы считаем, что в Куликовской битве участвовало не менее 150 тысяч человек, в то же время понимая, что военные ресурсы раздробленной Руси XIV века были скромными. Под стягом Дмитрия Иоанновича на битву с Мамаем вышла не вся Русская земля. Великий князь не мог собрать 300-тысячную армию. Следует также понимать, что в те времена война была делом профессионалов, а крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, лишь в редких случаях набирались в ополчения.

Есть еще один довод против преувеличения численности русского войска свыше 200 тысяч человек. На той позиции, которую отстаивала рать Дмитрия Иоанновича в сражении у берегов Дона и Непрядвы, 300-тысячная и более масса не только не смогла бы маневрировать, сходиться и расходиться с противником, но не давала свободы действий. Она, казалось, обрекала их на пассивную оборону, а в случае неудачи – на гибель в водах Непрядвы и Дона, куда татары неизбежно сбросили бы отступавших. Нет, такого случая Мамай упустить не мог. Да и непомерная гордыня восточного владыки, помноженная на ярость, вспыхнувшую при виде дерзости бывшего данника, побуждала к немедленному наступлению.

У Дмитрия Иоанновича и его воевод были основания рассчитывать, что Мамай, осматривая позицию, не разгадает истинных замыслов русских и в конце концов попадет в приготовленную ему ловушку. Великий князь стремился не просто отбиться от врага, но и разгромить его.

¹³ Гагин И. А. Булгары на Куликовом поле // Куликовская битва в истории России: Сб. статей / Под ред. А. Н. Наумова. — Тула: Левша, 2006. С. 138, 139.

Тем временем в шатре Дмитрия Иоанновича на левом берегу Дона в придонской деревне Черново собрался военный совет. На него прибыли князья и воеводы. Обсуждался единственный вопрос: переправляться ли за Дон или остаться по эту сторону реки. По сути же речь шла о том, какой образ действий избрать: пассивную оборону за водной преградой либо прямой бой насмерть в открытом поле. Совет продолжался долго. Единодушия не было.

Некоторые из собравшихся считали, что переходить Дон слишком опасно, поскольку Мамай обладает большим численным превосходством. В так называемой Забелинской редакции «Сказания о Мамаевом побоище» есть указания на то, кто был противником решительных действий. Против переправы через Дон выступали «московские бояре». Эта деталь повествования выглядит достаточно правдоподобно. Московское боярство сложилось в своей основе в годы «тишины великой», мирных отношений с Ордой.

В плоть и кровь многих его представителей вошло смирение перед могущественным «восточным царем». Оно стало традицией, глубоко укоренившейся в сознании нескольких поколений. Старо-московское боярство неплохо уживалось с Ордой в течение многих лет. Татары не мешали ему богатеть. Ордынское владычество, способствуя сохранению феодальных вольностей, препятствовало дальнейшему укреплению великокняжеской власти. Среди московских бояр сильны были настроения в пользу возвращения к миру с Ордой. После казни Ивана Вельяминова и под влиянием военно-политических успехов Дмитрия Иоанновича эти настроения утихли, и, казалось, исчезли навсегда. Теперь же, в канун решающего столкновения, они неожиданно проявились вновь.

Сторонники лояльности Орде ухватились за предложение не переходить Дон. Оно давало призрачную надежду на мирный исход противостояния. Расчет мог строиться на том, что Мамай, подойдя к реке и увидев большое русское войско на крепкой позиции, не решится атаковать его. А значит, останется возможность дипломатического торга, переговоров. Конечно, Мамай вновь потребовал бы покорности Москвы. Но некоторые бояре, похоже, готовы были на любые уступки, лишь бы вернуть мир.

Вероятно, не все, кто выступал на совете против выхода за Дон, руководствовались такими далеко идущими расчетами. В иных просто говорил страх перед ордынской силой, вбитый в поколения русских людей со времен Калки, Батыя и Дюденевой рати. Другие бояре проявляли осторожность, свойственную ответственным государственным мужам. Третьи готовы были умереть в битве, но искренне полагали, что в военном отношении выгоднее встретить врага под прикрытием Дона, чем вступать в бой на открытом поле, имея реку в своем тылу. Ведь именно так была одержана победа на Воже.

Самыми решительными противниками выжидания за Доном выступили на совете братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи¹⁴. Они не имели тесных связей ни со старомосковским боярством, ни тем более с Ордой.

Им, выходцам из Литвы, не знавшей ордынского ига, был чужд вековой страх перед татарами. Ольгердовичи прониклись идеями своего духовного наставника митрополита Киприана о непримиримой борьбе христианского и мусульманского миров. В братьях горел рыцарский дух, побуждавший не ждать нападения врага, а бросаться на него первыми, лишь только завидев.

В пылу спора на военном совете Ольгердовичи обвинили московских бояр в крамоле против Дмитрия Иоанновича. Они настаивали на немедленном переходе Дона и решительной битве с Мамаем. Братья убеждали великого князя: войско, имея за собой реку и сознавая невозможность отступления, будет держаться стойко, биться насмерть. Ольгердовичи приводили исторические примеры: Ярослав Мудрый, перейдя реку, победил Святополка Окаянного, Александр Невский за Невой разгромил шведов. Так подобает поступить и Дмитрию Иоанновичу. Андрей и Дмитрий Ольгердовичи указывали на небывалую численность великокняжеского войска, его высокий боевой дух, готовность умереть за великого князя. Если победим, то все спасемся, восклицали братья, если же потерпим поражение, то «все общую смерть приимем от князей до простых людей».

¹⁴ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 192.

Этим словам Дмитрий Иоаннович внял, по-видимому, далеко не сразу. Он долго раздумывал, перебирая все доводы «за» и «против». И, казалось, склонялся к осторожности. Тогда неукротимые Ольгердовичи решились на крайний шаг. Они покинули военный совет, ударили по коням и вместе со своими полками вброд переправились через Дон, не дожидаясь приказа великого князя.

Конечно, можно предположить, что роль Ольгердовичей здесь преувеличена. (Братья вообще любимцы и «Задонщины», и «Сказания», чему могли быть вполне конкретные причины, например их близость к митрополиту Киприану, московским старцам и Владимиру Серпуховскому – той среде, настроения и оценки которой, по мнению многих исследователей, отразили эти произведения.) Несомненно, за переход через Дон выступали и другие участники совета. Сторонниками наступления могли быть и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, и удалые князья Белозерские, и храбрый князь Владимир Андреевич Серпуховской, женатый на родной сестре братьев Ольгердовичей Елене, а также часть московских бояр. Большим подспорьем им послужила грамота Сергия, призывавшая смело идти на врага и предсказывавшая победу.

И все-таки последнее решающее слово оставалось за великим князем. Вновь каменная тяжесть ответственности за судьбу войска, своей «отчины», всей Русской земли навалилась на его плечи. Спор на военном совете и самовольный уход Ольгердовичей за Дон ясно показали Дмитрию: уклонение от боя, выжидание под прикрытием реки чреваты упадком боевого духа ратников, расколом среди князей и воевод.

Выгоды позиции на левом берегу при ближайшем рассмотрении тоже оказывались сомнительными. Следовало рассчитывать на то, что Мамай учел уроки поражения на Воже и не даст заманить себя в подобную ловушку. Он не станет безрассудно атаковать русских за Доном, если сочтет свои силы недостаточными, а просто дождется подхода Ягайлы и Олега. И тогда его преимущество станет подавляющим. По поводу решения военного совета В. В. Каргалов писал: «Летописцы, уделившие этому совету очень много внимания, выдвигали в качестве инициатора похода за Дон и самого

великого князя, и коллективно “князей и воевод великих”, и литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, и воеводу Дмитрия Боброк-Волынца. Думаю, спор об “авторстве” наступательной тактики, к которому позднее присоединились и историки, не является принципиальным. Ясно, что решительные действия отражали настроения всего русского войска и, больше того, естественно вытекали из общего плана войны»¹⁵.

Оставаясь за Доном, русские не могли помешать такому преимуществу. Они, таким образом, отдавали инициативу противнику, теряли все преимущества, завоеванные в результате блестящего марша-маневра от Коломны до берегов Дона, попадали в опаснейшее положение вдали от родины перед лицом превосходящего врага, угрожающего со всех сторон. Военные соображения говорили: надо искать немедленного, решительного сражения, тем более что позиция, разведанная на левом берегу Дона, позволяла дать такой бой. И был еще один довод, который, возможно, окончательно перевесил чашу весов. Наступал великий праздник Рождества Богородицы, небесной заступницы Русской земли, покровительницы великих князей Владимирских и Московских. И войско, и сам Дмитрий Иоаннович верили – в такой день победа неизбежно будет на их стороне: «Приспе, братие, время брани наша...»

На исходе дня 7 сентября и в наступивших сумерках первый воевода Дмитрия Иоанновича, «нарочитый полководец» Боброк-Волынский «уряжал» войска, «елико где кому подобает стоять». Главные силы заняли дефиле между Смолкой и Рыбьим Верхом, опираясь флангами на их лесистые долины. Перед основным боевым порядком были выдвинуты вперед конные отряды сторожевого полка, состоявшие из проверенных и сметливых воинов. Им предстояло завязать бой и заставить противника обозначить направление главного удара. Сторожевой полк должен был также стать заслоном для основных сил от атаки конных лучников, с которой татары обычно начинали сражение. Таким образом, войско Мамая, лишенное по условиям местности возможности свободно и быстро маневрировать, теряло и второе свое преимущество –

¹⁵ Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 49.

способность массовой стрельбой из луков истощать противника еще до решающей схватки.

За завесой «сторож» выстроились «великие полки» – главные силы русского войска. Первую линию их боевого порядка составлял передовой полк. Он должен был принять на себя удар еще не обескровленного неприятеля, нанести атакующим как можно большие потери, заставить их израсходовать резервы раньше времени. Передовой полк состоял не только из конницы, но и из пеших ратей. Наиболее мощной была вторая линия основных сил войска. Центр ее составлял большой полк – поистине тело армии. При нем находилась ставка великого князя. Здесь реял великокняжеский стяг. Большой полк был самым многочисленным соединением войска. В него входили и конные, и пешие рати. К большому полку примыкали на флангах полк левой руки и полк правой руки. Расстояние между полками правой и левой руки было около пяти километров. Позади второй боевой линии находился еще и конный резерв.

Боевой порядок русского войска на Куликовом поле историки реконструируют по весьма лаконичным и разноречивым данным источников, допускающих различные толкования. Отсюда приблизительность такой реконструкции. Предлагаются и иные версии построения ратей перед сражением. Так, А. Н. Кирпичников считает, что в первую линию помимо передового полка был выдвинут и примкнул к нему своим левым флангом еще и полк правой руки. Некоторые историки отрицают размещение позади большого полка особого резерва. Спорным остается и вопрос о соотношении конницы и пехоты в русском войске, об их распределении по полкам. Однако большинство исследователей включают в нее оба рода войск.

Правый фланг русской позиции был совершенно неприступен. Его прикрывали лесисто-овражистые долины речек Нижний Дубик и Рыбий Верх, труднопроходимые не только для конницы, но и для пешего войска. Столь же надежно укрепила природа и левый фланг. Атаковать его конной массой мешали речка Смолка и целая система оврагов, спускавшихся к ней. Склоны балок и край поля здесь тоже покрывал лес, Зеленая дубрава, которой пришлось сы-

грать столь огромную роль в битве. Ее площадь составляла 30 га. Этот лесной массив занимал обширное водораздельное пространство в долине реки Смолки и простирался до балки Верходуб. Левобережье Непрядвы близ ее впадения в Дон, ныне представляющее собой совершенно открытую местность, почти голое поле, во времена Мамаева побоища было покрыто густым лесом, в котором открывались лишь сравнительно небольшие поляны.

Подступиться к позиции русских большими силами ордынцы могли лишь в одном месте – там, где верховья Смолки, Курцы и Рыбьего Верха, Верхнего и Нижнего Дубика сближались и между ними оставался перешеек шириной в 4–5 километров. Это и была горловина мешка, в который Дмитрий Иоаннович заманивал неприятеля. Он как бы приглашал Мамай атаковать в лоб, сразиться лицом к лицу в прямом, фронтальном бою, где русские, обладавшие лучшим оружием ближнего действия и защитным вооружением, более сильные физически и устойчивые эмоционально, имели преимущество над изворотливыми, быстрыми степняками. Мамай мог только наступать с юга, со стороны красного холма, отлогой возвышенности посередине Куликова поля.

Как мы видим, основные силы русских были выстроены на Куликовом поле в достаточно плотном и глубоком боевом порядке. Его ширина по фронту составляла, по разным оценкам, от полутора до шести и даже до 10 километров. Глубина достигала полутора–трех километров. Разделение войск на полки позволяло сделать бой сложным, применять разнообразные тактические приемы, маневрировать на поле сражения. Но полки были слишком громоздкими и трудноуправляемыми боевыми единицами. Каждый из них насчитывал от нескольких тысяч до полутора-двух десятков тысяч воинов. Действовать такими огромными массами было нелегко. Поэтому, как предполагается, каждый полк имел свой расчлененный боевой порядок. Его отдельные отряды, «стяги», выстраивались в виде клина. Один «стяг» выдвигался вперед, два других оставались сзади по сторонам. В зависимости от обстоятельств они могли вступать в бой последовательно или все сразу. Это придавало тактическому построению гибкость, давало

возможность совершать быстрые, выверенные действия, мгновенно реагировать на все изменения обстановки. Сражение той эпохи отнюдь не являло собой общую рукопашную свалку двух вооруженных толп. Оно состояло из множества боевых эпизодов, участники которых, искушенные воины-профессионалы, старались применять весь немалый арсенал тактики.

Позиция русского войска на Куликовом поле, его глубоко эшелонированное построение давали ему возможность при меньшей численности оказать врагу достойное сопротивление, нанести неприятелю большие потери, измотать и обескровить его. Но не разгромить. Между тем именно разгром Мамай был главной целью Дмитрия Московского и соратников князя. Оборона на выгодных рубежах являлась лишь частью общего замысла сражения. После того как противник крепко увязнет в кровопролитном бою, израсходует все силы и резервы, русские намеревались нанести ему неожиданный и смертельный удар. Для этого в ночь накануне сражения под покровом темноты главный резерв войска, засадный полк, был скрытно сосредоточен за левым флангом в Зеленой дубраве, что росла по берегам речки Смолки. Здесь, в стороне от главных сил, ему предстояло оставаться до того момента, когда наступит кризис сражения, а затем стремительной атакой решить исход боя.

Такое дело можно было доверить только самым испытанным военачальникам. От их железной выдержки и хладнокровия, от полководческого глазомера и наступательного порыва зависело все. Поэтому в Зеленую дубраву он послал своих лучших полководцев и ближайших сподвижников – князя Владимира Андреевича Серпуховского и воеводу Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. Ряды засадного полка были пополнены «удалыми воинами», «крепкими витязями» великокняжеского двора. Рать, тайно укрывшаяся в Зеленой дубраве, могла пригодиться не только для решающего удара во фланг и тыл татарам, наступавшим в лоб на русскую позицию. Она стала бы надежной защитой, если бы противник появился с северо-востока, со стороны донских бродов.

На исходе дня 7 сентября Дмитрий Иоаннович наблюдал, как строятся полки к завтрашнему грозному дню¹⁶. Лучи закатного солнца огненными языками играли на доспехах ратников, тихо реяли золоченые стяги, трепетали лики святых на их полотнищах, будто хотели что-то промолвить. В полках царили спокойствие и порядок. Все, казалось, были готовы встретить грядущий день, «умереть един за единого, друг за друга». Великий князь подъехал к своему знамени, возвышавшемуся посреди большого полка, слез с коня, тяжело опустился на колени прямо на степной ковыль и стал молиться перед образом Спаса. Окончив молитву, он поехал по полкам. Останавливаясь перед ними, великий князь обращался к воеводам и воинам, давая наставления, призывая к бдительности и мужеству. «Уже, братие, ночь приспе, и день грозный приближися, – говорил он. – В сию ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, силен в бранех. Зде пребудите, братие, на местех своих, немятущеся». Дмитрий наставлял сегодня же, не дожидаясь утра, привести полки в полную готовность, ибо «гости наши приближаются». «Ныне, братие, уповайте на Бога жива, мир вам буди о Христе», – взывал он к воинам своим.

Еще один день той необыкновенной светлой, сияющей осени померк. Настала ночь. Была она тиха и тепла, но росы уже пали на травы. В эту последнюю перед битвой ночь в русском войске не спали. В темноте через донские броды и по мостам все еще шли не успевшие переправиться накануне рати. Постепенно военный шум затих. Все утонуло в бездонной тишине. И каждый остался наедине с собой и вечностью, бездонной, которая вдруг разверзлась впереди и от взгляда в которую, содрогалась душа. И надо было побороть этот страх и эту тьму внутри себя, чтобы назавтра одолеть врага. В ту ночь воины молились, напряженно вслушивались в тишину, всматривались в черноту пространства, ожидая предзнаменований, силясь распознать знаки судьбы.

В основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» повествуется о том, что когда наступила ночь, воины прилегли на ночлег. Ночь эта приходилась под Рождество Богородицы, была

¹⁶ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 208.

тихая, звездная, только с одной стороны неба подымалась мгла, предвещавшая на утро туман. Великая была эта ночь: много потом рассказывалось чудного, что под покровом ее совершилось. Дмитрий, удаляясь в шатер свой, то молился, то высылал сделать какое-нибудь распоряжение. Ему не спалось: он чувствовал, что в завтрашний день один он в ответе за судьбы России... Не спалось и многим ратным людям и военачальникам. Был, между прочим, у Дмитрия знаменитый боярин, пришел он к нему из Южной Руси, с Волыни, именем Боброк. Ночью он поехал по рядам, а в полночь заехал к великому князю, видя у него свет. Боброк понимал его беспокойство и хотел сообщить ему свои кой-какие добрые приметы о завтрашнем дне. Он пригласил князя сесть на коня и поехать с ним. Сели они на коней, выехали из лагеря и поскакали по полю Куликову; на середине между русских и татарских полков Боброк остановился. «Слушай и скажи, что ты услышишь на татарской стороне», – сказал он князю. Прислушался великий князь и отвечал: «Слышу стук и клик, словно базар идет; слышу еще, словно волки воют и птицы летают, вороны каркают и орлы клекчут». «Послушай теперь на русскую сторону», – сказал Боброк. Дмитрий послушал и сказал: «Тишина великая, только от огней словно зарево». «Знаменья добрые, – объяснил Боброк, – это значит, что волки воют, и птицы степные в непривычную пору всполошились – значит, чуют добычу, быть великому побоищу. Шум со стороны татар значит нестроение, тишина с нашей стороны – порядок и благодать Божия в сердцах людей, а где благодать Божия, там и победа... Есть у меня и другие приметы, и по ним выходит, что будет тебе на врага одоление, но много падет воинства христианского...»

Разъехались они по своим шатрам; воины спали в поле. Иноки Сергиевы под открытым небом всю ночь стояли на молитве над спящим лагерем. Но не всем воинам спалось. С некоторыми приключилось нечто такое, что они, потолковав с товарищами, решили прямо пойти к великому князю и объявить ему. И докладываю Дмитрию, что трое ратников пришли к нему за очень важным делом, и велел их допустить великий князь. И стал один рассказывать: «Меня зовут Фома Коцюгей, стоял я в сторожевых про-

тив татарского стана, и было мне видение: от восточной стороны, вижу я, идет словно воинство великое; вдруг на это воинство с полуденной стороны идут два светлых юноши в доспехах воинских и с мечами; и начали они воинство это рубить и словно восклицали: “Кто вам велел погубляти отечество наше?” И кого изрубили, а прочих отогнали». «А мы, – стал рассказывать другой, – прилегли было, и вдруг я взглянул на небо и вижу, что в воздухе со стороны степи идет словно великое множество черных эфиопов на конях и на колесницах, и вдруг появился словно в святительских ризах муж с огненным жезлом в руке и тоже словно воскликнул: “Почто пришли вы погублять стадо мое”, – и устремился на них с жезлом своим, и всех их разогнал. Я толкнул товарища, он тоже увидел и сказал мне: “Это не кто иной, как угодник Божий святой Петр митрополит”. И оба мы испугались, и пока толковали, подходит к нам Фома Коцюгей и рассказал, что ему привиделось. Мы и положили о таком деле прямо пойти и доложить тебе». И выслушал их великий князь, перекрестился и сказал: «Пращуру моему святому Александру Невскому помогли победить шведскую рать святые угодники Божии, убиенные нечестивым Святополком, благоверные князья святые Борис и Глеб; не они ли подвиглись и ныне нам на спасение? А святой Петр митрополит неусыпно молится за Русь перед престолом Всевышняго. Помолимся и мы им, братья, чтобы помогли они нам в сей великий день. Ступайте теперь с Богом, отдохните и никому не рассказывайте, что видели».

Этот эпизод «Сказания о Мамаевом побоище» кто-то считает красивым литературным вымыслом, проявлением яркой, образной символики произведения. И впрямь, разве накануне решающего сражения двум главным полководцам русского войска не было чем заняться, кроме как гаданием! Тем не менее в этом рассказе ощущаются отголоски исторической реальности. Ту ночь великий князь и его первый воевода, должно быть, провели в седлах, наедине друг с другом. Им было что обсудить. На их плечи ложилась главная тяжесть руководства завтрашним боем, огромная ответственность. Одному предстояло выдержать основной натиск врага, второму – нанести этому врагу смертельный удар.

Возможно, в последнюю ночь Дмитрий Иоаннович и Боброк вдвоем объезжали позиции, уточняли планы, обговаривали детали взаимодействия войск. Им, несомненно, хотелось предугадать ход событий. Полной уверенности в победе быть не могло, несмотря ни на какие приготовления. Слишком могучим казался неприятель. Оставалось уповать на Бога, на ратную удачу и стараться преодолеть естественный человеческий страх перед неизбежным поворотом судьбы с помощью древних, возможно, еще дохристианских воинских обычаев, таких, как «испытание» примет. Известно, что люди, постоянно рискующие, часто попадающие в ситуации между жизнью и смертью, склонны верить в приметы. В средневековье вера эта была еще сильнее.

Звуки ночи могли навести опытного полководца Боброка-Волынского и на вполне рациональные выводы. Шум, стук, грохот, дальний топот свидетельствовали о скором приближении орды, ее огромной численности, а также о неустойчивом эмоциональном состоянии татарского войска, беспечной самоуверенности неприятеля, пренебрежении им мерами безопасности. Тишина на русской стороне говорила о спокойной решимости, высокой дисциплине и организованности, предусмотрительной осторожности. Все это прямо наводило на мысль о вероятности победы в завтрашнем сражении. Так что Боброк выступает в этом эпизоде не столько ведун, сколько опытным разведчиком, способным по косвенным данным представить общую военную обстановку.

Ночь, полная тревоги, таинственных предзнаменований, внутренних борений многих душ, подходила к концу. Вот уже засветлел восток. Забрезжило тусклое утро 8 сентября 1380 года, великого праздника Рождества Пресвятой Богородицы.

У всех на устах было тогда имя Преподобного Сергия. Здесь, на Дону, войско догнал посланец троцкого игумена. Он привез грамоту великому князю. Сергей слал Дмитрию Иоанновичу благословение и вновь предсказывал победу и великую славу русскому воинству. Вместе с грамотой гонец доставил от преподобного старца «Богородицын хлеб» – богородичную просфору. Великий князь тут же вкусил ее. Весть о новом благословении

Сергия стала известна всему войску. О грядущем часе подвига во имя веры и земли Русской напоминали ратникам две могучие черные фигуры в монашеских схимах. Воины-иноки Пересвет и Ослябя готовились вместе со всеми выйти на бой и принять смерть «за други своя».

С высот донского левобережья, где расположилось русское войско, за тихой Непрядвой открывалась бескрайняя степная даль.

7 сентября, в канун праздника, великий князь повелел наводить мосты и искать броды на реке. Войско начало переправу через неширокий и глубокий Дон.

О времени переправы через Дон летописцы сообщали противоречивые сведения, нет единого мнения и в исторической литературе. Историки называли и 6 сентября, и 7 сентября, и ночь с 7 на 8 сентября, и даже утро непосредственно перед битвой. Наиболее вероятным представляется, что 6 сентября через Дон переправились только сторожевые отряды, которые потом вернулись к войску с «прямыми вестями» о неприятеле. Переправа же главных сил могла начаться ночью на 8 сентября. Только в этом случае полки успевали переправиться и изготавиться к сражению, которое, как известно, началось утром 8 сентября. К тому же, по свидетельству летописцев, утром был сильный туман. В тумане войско в 150 тысяч человек не успело бы занять свое место в боевом строю.

Русское войско переправлялось через Дон в одном-двух километрах от устья реки Непрядвы, где-то близ современной деревни Татинки Куркинского района Тульской области. Полки великого князя Дмитрия «вышли в поле чисто в Ордынской земле на устье Непрядвы», совсем немного опередив Мамая.

Броды на Дону кипели под копытами тысяч боевых коней, бревенчатые мосты прогибались под тяжестью «окаванной рати». Войско великого князя переходило реку и занимало позицию для сражения, которое ожидалось назавтра. Это место, где предстояло сойтись с неприятелем, было выбрано заранее, после тщательной рекогносцировки, и признано Дмитрием Ивановичем и его воеводами подходящим для решительного боя. После перехода войск мосты были разрушены. Из низины речной поймы русские

ратники поднимались пологим склоном на открытое возвышенное плато. Русское войско вступало на Куликово поле¹⁷.

Первыми вышли за Дон, на Куликово поле, как мы увидим, полевые разведчики и схватились с ордынцами еще до начала битвы.

Куликово поле... Непрядва и Дон, Смолка и Зеленая дубрава, Красный Холм, Монастырщина. Кто хоть раз побывал в этих местах, навсегда унес с собой частичку торжественного, печального и в то же время светлого чувства этого святого для каждого русского поля. Казалось бы, что нам до битвы, прошедшей здесь более шести веков назад? И до нее, и после сколько было сражений в истории России, знаменитых, славных своими победами и подвигами, масштабами и героями! Почему на протяжении веков русские люди всегда хранили память об этом событии? Почему и сегодня, когда кости героев Донского побоища и их потомков уже давно превратились в прах, Куликовская битва продолжает волновать умы, заставляет вновь возвращаться к великому событию?

Почему сегодня сотни тысяч людей ежегодно приезжают поклониться подвигу русских князей и безымянных ратников, сложивших свои головы за Доном и Непрядвой? И, наконец, почему сегодня кому-то очень хочется вычеркнуть из нашей истории это сражение, извратить его сущность и значение, перенести его на другое место и время?

Любой читатель, который хорошо знаком с историей своей Родины, удивится этим вопросам. Но пока есть те, кому хочется переписать нашу историю, кто пытается в своих интересах выдвигать новые и новые фантастические версии событий, и находятся люди, которые не задумываясь и с какой-то непонятной легкостью подхватывают их, считая себя находящимися на передовой линии науки, на эти вопросы надо отвечать снова и снова.

Можно манипулировать историческими фактами, выискивать несуществующие противоречия в летописных рассказах, переписывать хронологию, но есть то, что нельзя опровергнуть никакими домыслами. Это память земли, память народа, воплощенная в православной и фольклорной традициях, памятниках древнерус-

¹⁷ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 195.

ской литературы и искусства, на страницах летописей и в поминальных синодиках храмов монастырей, в музее «Куликово поле», поисковых работах на поле битвы¹⁸.

В более широком смысле слова Куликово поле – географическая территория на севере лесостепи Русской равнины, охватывающая территорию бассейна Верхнего Дона и его наиболее крупного притока реки Непрядвы. Сам топоним «Куликово», вероятно, произошел от славянского слова «кулига», которым, по В. Далю, обозначали ровное, безлесное место с богатой растительностью. Имелось и второе значение: покос, сенокос на пойменных лугах и по долинам рек и наконец – дальнее заброшенное поле (по Д. С. Лихачеву).

Пристальное внимание к битве 1380 года не могло не привлечь интереса и к месту замечательного события. Если обычно места сражений привязываются к каким-либо населенным пунктам, вблизи которых они происходили, то в данном случае такая локализация невозможна. Битва происходила в местности, которую население покинуло, как установили археологи, лет за 15–20 до нее и вернулось через 300 лет, когда прекратились набеги «крымских людей». К тому же место битвы находилось в значительном удалении от административных и культурных центров Руси и было практически не известно книжникам. В наиболее ранних летописях упоминается только то, что сражение произошло на Дону. Первое упоминание о Куликовом поле как определенном топониме находится в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины», созданном в начале 60-х годов XV века, где указано: «Тогда же не туры возрыкают на поле Куликове на речке Непрядве». После Куликовской битвы в связи с распадом Золотой Орды и образованием новых татарских ханств усиливается давление Степи на южные окраины Московского и Рязанского княжеств. Происходит отток русского населения из района Непрядвы. Пашня забрасывается, деревни и села превращаются в селища, а остроги – в городища¹⁹.

Новые сведения о топониме «Куликово поле» относятся к собы-

¹⁸ Двуреченский О. В. *Реликвии Донского побоища: находки на Куликовом поле.* — М.: Квадрига, 2008. С. 79.

¹⁹ Богуславский В. В. *Указ. соч.* С. 119.

тиям августа 1542 года, когда в этой местности произошло столкновение русских отрядов с крымскими татарами: «...И дошли сторожи татарскихъ сторожей на Куликове...» В Александро-Невской летописи дано полное его название: «Куликово поле». Разрядная книга 1475–1598 годов хотя и не называет Куликова поля, но указывает более точное место сражения: «И дошли сторожи татарских сторожей между Непрядвой и Мечею». В середине XVI века Куликово поле упоминается в хозяйственных документах, связанных с землями князей Воротынских около Одоева. Наиболее полное и ясное описание размеров Куликова поля дано в «Книге Большому чертежу»: «Река Упа вытекла ис Куликова поля по Муравскому шляху»; «А ниже Соловы верст с 5 и больши пала в Упу река Плова; а река Солова и река Плова вытекли с верху реки Мечи ис Куликова поля от Муравского шляху... А ниже Мценска пала в Зушу 15 верст речка Снежедь, а вытекла речка Снежедь из Куликова поля, изпод Новосильские дороги, что лежит дорога с Ливен и с Новосили на старую Кропивну от Черни верст з 12... А ниже Березуя верст с 4 с правые стороны пала речка Иста в Оку, а вытекла ис Куликова поля от Пловы». Писцовые книги и актовые хозяйственные документы также определяют Куликово поле как весьма значительную территорию. 18 июля 1674 года воевода города Богородицка С. Е. Нелединский отводил земли преосвященному Ионе, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, из земель, «что примерено сверх дач Фомы Бибикова со товарищи», «что примерел за рекою Непрядвою по Куликову полю писец Андрей Щепотев да подьячей Авдей Федоров ис тринатцати тысяч четьи», т. е. для раздачи разным владельцам в этой части Куликова поля было предназначено около 20 тысяч десятин или 22 тысячи гектаров земли.

Таким образом, источники XV–XVII веков понимали под Куликовым полем весьма обширную лесостепную незаселенную территорию, простирающуюся с востока на запад от Дона до земель Одоевского и Белевского княжеств и с юга на север от реки Красивая Меча до тульских засечных лесов. Постепенно эта территория осваивалась и переставала быть «полем». На большом пространстве, начиная от берегов Непрядвы и впада-

ющей в нее речки Ситки до истоков вливающихся в Дон рек Смолки и Курцы, местные жители в XIX веке выпаживали наиболее древнее оружие, бердыши, мечи, наконечники стрел, также медные и серебряные кресты и складни. Создание Чернского, Крапивенского, Дедиловского, а затем Ефремовского и Богородицкого уездов сокращало размеры Куликова поля, которое к XIX веку уменьшилось до территории, расположенной между реками Непрядвой и Красивой Мечей. Однако географический словарь Щекатова еще определял Куликово поле как весьма обширную территорию: «...во поле Куликово простирается от вершин рек Упы и Зуши к востоку до самого Дона и вмещает в себя, кроме оных рек, множество других, равно как и вершины и все течение реки Непрядвы со впадающими в нее речками. На сем пространстве мы видим ныне следующие уезды: Богородицкий и Епифанский и части уездов Ефремовского, Новосильского, Чернского и Крапивенского Тульской губернии; часть Данковского Рязанской и часть Лебедянского Тамбовской губерний».

Основываясь на понимании топонима в суженном смысле, декабрист, поэт, деятель образования и просвещения, краевед С. Д. Нечаев первым провел локализацию Куликовской битвы, привязав ее к своему поместью, располагавшемуся в районе Красного холма. Правительство и научная общественность посчитали локализацию места битвы С. Д. Нечаева достаточным основанием для сооружения на Красном холме памятника Дмитрию Донскому.

В советское время под Куликовым полем стали понимать только территорию, непосредственно примыкающую к памятнику. В решении Тульского облисполкома от 10 февраля 1969 года дано следующее определение границ Куликова поля: «Вся территория Куликова поля, включая памятные места битвы, которая проходит на севере и востоке по рекам Непрядве и Дону, на юге по линии населенных пунктов Орловка – Ивановка – Шаховское – Самохваловка и далее по Дубику, на западе до впадения его в реку Непрядву утверждается зоной регулируемой застройки». С этого времени на бытовом уровне Куликовым полем называют только поле битвы. Однако это в корне неверно. Наиболее взвешенная

позиция в отношении границ Куликова поля имеется в проектных материалах о границах музея-заповедника «Куликово поля», выполненных под руководством В. Ю. Кеслера, где к территории Куликова поля отнесены бассейны реки Непрядвы и верховьев Дона, включая и водоразделы²⁰.

После категорического отказа князя Дмитрия платить дань полностью Мамай в июне 1380 года с войсками выступил на север, заходя с низовьев Волги. Исходной точкой движения войск Мамай были Крым и Северный Кавказ. В Москве об этом узнали 23 июля. Но он ждал осени, чтобы соединиться с Ягайло Литовским и Олегом, князем Рязанским. У южных границ Рязанского княжества, в районе реки Воронеж, Мамай остановился на три недели. По наиболее распространенной версии, на которую указывают письменные источники, он должен был на Оке соединиться с армиями Ягайло и князя Олега Рязанского 1 сентября. В это время с востока в направлении владений Мамай уже двигалось войско Тохтамыша²¹.

Вероятно, стратегическая обстановка была настолько сложной, что Мамай не только ожидал усиления своей армии, но определялся с направлением удара. Движение войск князя Дмитрия не осталось без внимания. «Слышав приход» московского войска к Дону, Мамай был удивлен смелостью Дмитрия и готовностью русских принять сражение. Обращаясь к своим командирам, Мамай говорил: «Двигнемся силою своею и станем у Дону противу князя Дмитрея, доколе приспеет к нам съветник наш Ягайло со всею силою литовскою». Из этого следует, что Мамай решил не дожидаться литовской рати и добиться победы собственными силами. Между тем Ягайло колебался и не проявлял особого жела-

²⁰ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 297.

²¹ Тохтамыш (?— 1406), хан Синей и Золотой Орды (1380—1406) — Чингизид, потомок Тукай-Тимура, тринадцатого сына хана Джучи, сына Чингисхана, сын Туи-Ходжи. Первоначально владел уделом по р. Сыр-Дарье с г. Сыгнаком. Начиная с 1376 г., Тохтамыш активно боролся с Мамаем, захватившим в 70-х гг. XIV века власть в западной части Орды. При поддержке правителя Средней Азии Тимура (Тамерлана) он вел борьбу за объединение под своей властью всей Золотой Орды. В ходе борьбы с сарайскими ханами несколько раз захватывал столицу Сарай-ал-Джедид, но вынужден был отступить. Укрепить в столице Золотой Орды Тохтамышу удалось весной—летом 1380 г.

ния принять непосредственное участие в сражении. Возможно, Ягайло выжидал исхода столкновения войск князя Дмитрия и Мамай и находился в 35 км от Куликова поля около Одоева²².

Мамай перешел Дон у реки Воронеж и двигался со своими силами к верховью Дона по правой его стороне для сражения с войсками Дмитрия Иоанновича на Куликово поле. Он пылал яростью и нетерпением отомстить Дмитрию за разгром ханских полков на берегах Вожи. Видя, что русские уже не трепещут перед именем монгольских ханов, не идут на уплату дани, как прежде, он долго медлил, готовясь к крупномасштабной войне. Летописцы сообщают, что он набирал войска из татар, половцев, турок, черкесов, ясов, жителей Северного Кавказа, осетин, армян, итальянцев из Крыма и даже буртанов – кавказских иудеев. При этом одни служили ему как подданные, а другие – как наемники. Ободренный многочисленностью рати (200–300 тыс. человек и более), Мамай призвал на Совет князей ордынских и торжественно объявил им, что он «идет по древним следам Батыя истребить государство Российское». «Казним рабов строптивых, да будут пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом».

При хане Бирдибеке (1357–1359) Мамай занимал самую высшую военно-административную должность в Золотой Орде – был беклярибеком (беклярибеку подчинялся верховный суд, он ведал внешней политикой государства, был высшим военачальником, темником). Он был женат на дочери Бирдибека. После смерти Бирдибека в истории Золотой Орды наступил период «замятни» – разгорелась междоусобная борьба за ханский престол. Мамай не мог стать ханом, так как не был чингизидом – прямым потомком Чингисхана, но уже при хане Бирдибеке он стал основной политической фигурой в Орде и по существу ханы являлись его марионетками. В 60-е годы XIV века Золотая Орда раскололась на две враждующие части, границей между которыми стала Волга. Районы между Волгой и Доном, Северный Кавказ, Причерноморские степи и Крым находились под властью Мамай и его марионетки.

В 1373, 1378 годах, как мы знаем, он нанес тяжелый удар по

²² Куликовская битва. Сб. статей. С. 234–246.

Рязанскому и Нижегородскому княжествам. В 70-е годы Мамаю удалось «объединить под своей властью всю территорию Золотой Орды западнее Волги вплоть до Днепра». Он несколько раз захватывал Сарай-ал-Джадид (Новый Сарай) – столицу Золотой Орды того времени, находившуюся на левом берегу Волги. Как считает В. А. Егоров, «не исключено, что с 1380 года Мамай начал править от своего имени, не прикрываясь больше властью других ханов»²³.

На берегу Дона, когда великий князь Дмитрий получил «прямые вести» о наступлении Мамая, то, по словам летописца, «6 сентября прибежали семь сторожей в шесть часов дня, Семен Мелик с дружиною своею». За ним гналось много ордынцев, «мало его не догнали, столкнулись с полками нашими и возвратились вспять и сказали царю Мамаю, что русские, ополчившись, стоят у Дона... множество людей. И повелел своим воинам вооружаться».

Главные силы Мамая, по свидетельству летописца, находились всего в восьми-девяти километрах от устья Непрядвы, «на Гуснице на броне стоят». Утром следующего дня ордынцы уже могли быть на Куликовом поле. Противники сблизились вплотную.

В ночь с 7 на 8 сентября ордынцы подошли к Красному холму, откуда до места переправы было всего шесть-семь километров. Но Мамай опоздал. Русские войска уже успели без помех закончить переправу и первыми выйти на Куликово поле. Они сосредоточивались и принимали боевой порядок за холмами, невидимые для ордынских «сторожей», чтобы утром спуститься в низину между долинами реки Смолки и Нижнего Дубяка²⁴.

²³ Дмитриев Л. А., Лихачева О. П. Сказания и повести о Куликовской битве. Приложения. Л. 1982 г., с. 380.

²⁴ Красный холм, естественное всхолмление в юго-восточной части места Куликовской битвы на водораздельном пространстве между речками Курца и Смолка (правые притоки Дона). Водораздел занимает узкое, шириной до 2-х км, пространство. Он имеет северо-восточное простирание и протяженность около 6 км. В южной части этой территории участки водоразделов имеют самые большие отметки высот. Это обусловлено особенностями геологического строения. В настоящее время на Красном холме мемориальный комплекс Куликовской битвы.

Куликовская битва

*Доколь нам, други, пред Тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов!
За нас и Сергия Молитва,
И прах замученных отцов!*

К. Ф. Рылеев, 1822 г.

еликое сражение на берегах Непрядвы и Дона – одно из самых памятных событий в отечественной истории. «Мамаево побоище», или «Побоище на Дону», – так называлось вначале сражение между общерусским войском во главе с московским князем Дмитрием Иоанновичем и войсками темника Мамая и его марионеточного хана Тюляка (Тулунбека). Термин «Куликовская битва» был впервые применен русским историком Н. М. Карамзиным. Об этом сражении мы знаем и много, и мало. Первые летописные повести о Куликовской битве и «Задонщина», созданные практически сразу после сражения, содержат минимум информации о событии. Наоборот, литературные произведения XV–XVII веков, «Сказание о Мамаевом побоище» обладают различными подробностями, где имеются исторические ошибки. В то же время ни одно событие средневековой истории России не нашло столь широкого отражения в летописной, литературной и живописной традиции¹.

¹ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 314.

Туманным утром 8 (21) сентября, в субботу, русские полки, еще накануне занявшие позицию, на рассвете выстроились в боевой порядок лицом на юг. К сражению, будто к празднику, ратники надели лучшие одежды, вычистили до блеска оружие и доспехи. Над каждым отрядом реяло знамя. Великий князь вновь объехал войско. В этот час он стремился вселить мужество в души своих воинов и самому укрепиться их решимостью. «Подвизайтесь и святых ради церквей, и веры ради христианской», – обращался Дмитрий к полкам. Он призывал не страшиться смерти и помнить о жизни вечной, о спасении душ погибших за правое дело. Воины все как один отвечали, что готовы «померети или победити».

Вернувшись в большой полк к своему знамени, Дмитрий Иоаннович, как передает «Сказание о Мамаевом побоище», снял с себя богатое княжеское облачение, весьма приметное, выделяющее его среди остальных воинов, и отдал одному из самых близких людей своего окружения, любимому «паче меры» Михаилу Бренку. К нему же великий князь подвел и своего боевого коня. Отныне под главным стягом с образом Спаса в сражении должен был находиться не Дмитрий Московский, а его двойник. Сам великий князь облачился в другую, не столь заметную одежду, пересел на нового коня. Михаилу Бренку выпала горькая и славная участь: «Под тем знаменем и убиен бысть за великого князя».

Этот эпизод давно вызывал и вызывает поныне самые разные комментарии историков. Безвестных авторов «Сказания» подчас упрекают в нелепом литературном вымысле или даже в стремлении бросить тень на Дмитрия Иоанновича намеком на его желание уклониться от командования. Действительно, мог ли великий князь в день битвы отдать кому-либо своего боевого коня, специально обученного и привыкшего к всаднику, свой доспех, изготовленный по фигуре? Ведь от этого прямо зависела жизнь воина в бою. Не стоит, однако, забывать, что у князя был не один-единственный конь и тем более не один доспех. Нельзя упрекать Дмитрия в трусости, в желании подставить вместо себя под татарские стрелы и сабли близкого друга. Место в глубине боевого порядка, в середине большого полка под великокняжеским зна-

менем, где предстояло оставаться Михаилу Бренку, было едва ли не самым защищенным на поле битвы. От противника его отделяли десятки рядов воинов. И каждый ратник готов был пуще собственной жизни оборонять великого князя (или его двойника) и главный стяг русского воинства. То, что на поле Куликовом вскоре не останется безопасных мест, едва ли кто предвидел заранее.

В переодевании великого князя, в изменении его привычного всем облика был здравый смысл². Дмитрий Иоаннович решил не оставаться в большом полку, сердцевине армии, а выехать в передовую линию и лично принять участие в бою с мечом в руке. Об этом единодушно говорят источники. Сражаться в первых рядах в роскошном, заметном отовсюду великокняжеском облачении было бы не просто крайне опасно, а самоубийственно. На всадника в золоченых доспехах, в яркой приволоке нацелились бы все стрелы и копья, к нему бы устремились толпы врагов. Но, даже переодевшись в платье и доспехи простого воина и слившись с основной массой тяжеловооруженных ратников, князь подвергал себя большой опасности. Не случайно воеводы долго пытались уговорить Дмитрия не ехать вперед, остаться позади войска или стоять где-нибудь на крыле боевого порядка в безопасном месте. Не государево дело биться простым ратником, говорили они. Гибель предводителя повлечет за собой гибель войска, и даже победа в этом случае потеряет свою ценность: «Тебе, государю, подобает себе спасти, да и нас». Однако Дмитрий был неумолим. Он остался тверд в намерении сражаться на первом же «соступе» с врагом.

У Дмитрия Иоанновича были веские мотивы поступать именно так. В нем жили древние дружинные традиции, предписывающие предводителю, князю храбро рубиться во главе своих воинов, увлекать за собой. К такому бою Дмитрий был способен, как ни один другой из его предшественников или будущих правителей Московского государства. «Крепок зело и мужественен, и телом велик и широк, плечист и чреват велми, и тяжек собою зело», – описывает его Никоновская летопись. Он прекрасно владел оружием, был отважен и неустрашим перед лицом врага.

² Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 214.

«Князь же великий стал на месте своем и, вынув с груди своей живоносный крест, на котором были изображены страдания Христовы и в котором находился кусочек живоносного древа, заплакал горько и сказал: “Лишь на Тебя надеемся, живоносный Господен Крест, тем же образом, явившийся греческому царю Константину, когда он вышел на бой с нечестивыми и чудесным твоим видом победил их. Ибо не могут поганые нечестивые половцы Твоему образу противостоять, так, Господи, и покажи милость свою на рабе твоём!”»³

В самую гущу сражения, навстречу смертельной опасности вел Дмитрия Иоанновича и нравственный долг, глубоко им осознанный и прочувствованный. Князь верил в правоту своего дела, но совесть его была неспокойна, душа разрывалась в предчувствии небывалого кровопролития. Дмитрий понимал, что кровь эта, тысячи жертв, горе вдов и сирот лягут на него. Ведь именно он прервал «тишину великую» на Руси, бросил вызов Орде, предпочел войну унижительной, но давно привычной покорности. Теперь тысячи и тысячи людей, которых он, Дмитрий, привел в чужое далекое поле под татарские стрелы, будут умирать не только за Русь, но и за него. Внутренне он не мог с этим смириться. В этом его отличие от сонма полководцев всех времен и народов, с холодным равнодушием мостивших пути к победе телами своих воинов и видевших в них лишь «боевые единицы».

Искупить кровь ратников великий князь мог, только сражаясь бок о бок с ними, победив или умерев вместе со своими воинами. Он отдавал себя на высший, Божий суд. В ответ на увещевания приближенных не подвергать себя опасности, Дмитрий Иоаннович говорил: «Хощу с вами ту же общую чашу испити и тою же смертию умрети за святую Веру христианскую! Аще ли умру – с вами, аще ли спасуся – с вами!»

Наконец, находиться в самых жарких местах сражения великого князя заставляла военная необходимость. Поле битвы было обширно, и притом рельеф его повышался в сторону неприятеля. На

³ «Сказание о Мамаевом побоище». Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 166.

позиции русского войска не оказалось ни одного места, удобного для обозрения всей картины боя. Полководцу приходилось перемещаться, чтобы следить за сражениями. Да и управлять боем с высокоманевренным, применявшим разнообразные тактические приемы ордынским войском издалика было невозможно. Необходимость мгновенно реагировать на все изменения обстановки, на все неожиданности требовала личного присутствия военачальника на месте схватки, в ее самых ответственных точках. Дмитрий Иоаннович так и поступил.

В начале сражения он выехал в сторожевой полк. Только отсюда можно было собственными глазами увидеть, как развертываются войска противника, составить представление о его намерениях, о направлении ударов. Вероятно, великий князь учитывал и моральное состояние своих воинов, которым предстояло впервые встретиться со столь грозным врагом. От того, как поведет себя сторожевой полк на первой «сшибке», во многом зависела боевая устойчивость всего русского войска. Ратники, видя в своих рядах великого князя, чувствовали себя увереннее, действовали смелее.

Однако и традиционное место полководца в большом полку под главным стягом не могло пустовать. Что бы ни случилось, и свое войско, и неприятель должны были видеть: полководец жив и руководит боем. Поэтому и встал под знамя с образом Спаса Нерукотворного облаченный в великокняжеские одежды и внешне похожий на своего государя Михаил Бренк.

В третьем часу после рассвета солнце наконец пробило туманную пелену, ветер рассеял ее последние клочья: «И повеле Господь тме уступити, а пришествие свету дарова». Но оба войска все еще скрывало друг от друга немалое расстояние. Русские стояли на занятой накануне позиции, ордынцы же развертывали боевой порядок в движении, намереваясь атаковать с ходу. Мамай с многочисленной свитой выехал на небольшую пологую возвышенность, откуда открывался обзор всего поля. Здесь, на Красном холме, он приказал раскинуть огромный пестрый шатер. К этому времени Мамай, по-видимому, уже совладал с приступом гнева и ярости,

который испытал при известии о неожиданном появлении русских на берегах Дона. Он изменил свое первоначальное намерение немедленно атаковать противника. Мамай мог сделать это еще накануне, 7 сентября, но предпочел осмотреться, собрать сведения о русском войске, лучше подготовиться к сражению.

Оглядев с высоты Красного холма поле предстоящего сражения, Мамай и его полководцы пришли именно к тем выводам, на которые их хотели навести Дмитрий Иоаннович со своими воеводами. Ордынские военачальники убедились, что их войско численно превосходит противника, что позиция русских крепка, но уязвима и в случае ее прорыва грозит стать для московитов смертельной западней. Удивительно, опытный Мамай и его эмиры проглядели главное – скрытый в Зеленой дубраве засадный полк. Конечно, с большого расстояния сквозь густую поросль, окаймлявшую рощу, рассмотреть что-либо было нелегко. Но Мамай мог бы послать туда разведку. Она наверняка обнаружила бы, что мирный с виду лесок кишит вооруженными всадниками. Однако этого не случилось. По-видимому, русское командование приняло какие-то меры предосторожности на сей счет. Возможно, к Зеленой дубраве татарские разъезды не подпустила завеса «сторож», выдвинутых перед всей боевой линией великокняжеского войска. Так или иначе, Мамай до последнего момента не подозревал о существовании засадного полка. Все его внимание было приковано к тому месту, где он решил нанести свой главный удар – удар в лоб по центру русской позиции.

О боевом построении орды в Куликовском сражении можно судить лишь предположительно по скудным и косвенным данным источников и по аналогии с другими битвами эпохи. Вероятно, впереди, как обычно, шли массы конных лучников. В центре Мамай поставил свою пехоту. Она состояла в основном из «фрязов» – наемных и союзных воинов итальянских колоний Причерноморья – и была немногочисленна. Между тем на Куликовом поле, пересеченном лощинами, поросшем лесами, где коннице оказалось нелегко развернуться, пехота приобретала для Мамая важное значение. Предполагается, что он приказал части всадников спешиться. На

флангах Мамаева войска выдвигались отряды тяжеловооруженных конных воинов – главная ударная сила орды. В подходящий момент именно она должна была решить исход боя. Наконец, позади основного боевого порядка расположился главный резерв – «гвардия» Мамая, лучшее, отборное войско. Оно окружало ставку на Красном холме.

В шестом часу дня (по современному времясчислению между 10.30 и 11.30) русские воины увидели вдали надвигающуюся темную массу, тучей облегающую горизонт. Орда шла во всей своей страшной силе. Впереди скакали многочисленные передовые отряды легкой конницы. Вскоре они вошли в соприкосновение с русскими «сторожами». Завязались мелкие стычки, поединки. Обе стороны прощупывали друг друга, испытывая на силу, стараясь заставить противника раскрыть свои намерения. В этих первых схватках в боевых порядках сторожевого полка принял участие и сам великий князь. Он бился лицом к лицу с врагом «на соступе» и получил несколько ударов мечом и копьем. Убедившись, что Мамай нацеливает таран своих главных сил туда, куда и предполагали русские полководцы, Дмитрий Иоаннович вышел из боя и отъехал к большому полку. Его присутствие в сторожевой линии теперь стало ненужным⁴.

Между тем отчаянные храбрецы с обеих сторон продолжали меряться удалью и силой в поединках. Из ордынского войска выехал богатырь, которого в русских источниках называют то Челубеем, то Телебеем или Темир-Мурзой. Он резко выделялся своей статью и самоуверенностью. «Сказание о Мамаевом побоище» уподобляет его библейскому Голиафу.

На Куликовом поле словно бы воочию виделось противоборство тьмы и света: ордынцы в серых военных кафтанах, прикрывающиеся черными щитами, – и русичи в ярких плащах и светлых доспехах.

Так началась и сама битва: схваткой грубой животной силы с высокой духовностью. Богатырь Челубей, гигант свирепого вида в железной броне, начал похвастаться собою, вызывая русских ви-

⁴ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 220.

тязей на поединок. Вызов принял ученик Преподобного Сергия схимонах Александр (Пересвет), высокий не ростом, а духом, одетый не в железо, а в ткань священной схимы, крепкий не гордыней, а смиренной верой.

Согласно «Сказанию», монах Александр Пересвет, который был в полку Владимира Всеволодовича, выехал из полка и сказал: «Этот человек ищет равного себе, я хочу встретиться с ним». Был на голове Пересвета шлем архангельского образа, вооружен он схимою по повелению игумена Сергия. И сказал: «Отцы и братья, простите меня, грешного. Брат Андрей Ослабя, моли бога за меня, сыну моему Иакову мир и благословение». Бросился он на печенег, говоря: «Игумен Сергий, помогай мне молитвою». Печенег же устремился против него. Христиане же все воскликнули: «Боже, помоги рабу своему!» И ударились крепко копьями, едва земля не проломилась под ними, и упали оба с коней на землю и скончались. Поединок, за которым затаив дыхание следили два войска, стал своеобразным сигналом к началу общего боя.

Когда князь великий увидел, что настал третий час дня, он сказал: «Вот уже гости наши приблизились и ведут между собою поведеную, первые уже испили и веселы стали и уснули. Пришло время, и час пришел каждому свою храбрость показать». И подхлестнул каждый воин своего коня, и воскликнули единогласно: «С нами бог!» И снова: «Боже христианский, помоги нам!» Поганные же половцы начали своих богов призывать. Дмитрий скакал впереди, читая псалом: «Бог нам прибежище и сила»...

Какими глазами видели Куликовскую битву источники и ряд историков?

Основная редакция «Сказания о Мамаевом побоище»⁵:

И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от большой тесноты под конскими копытами испускали дух, ибо невозможно было вместиться на том поле Куликове: было поле то тесное, между Доном и Мечею. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был шум и гром ве-

⁵ Цит. по: Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 168.

ликий от треска копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час оглядеть никак это свирепое побоище. Ибо в один только час, в мгновение ока, о сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий божьих! Воля Господня свершается: час, и третий, и четвертый, и пятый, и шестой твердо бьются неослабно христиане с погаными половцами.

Когда же настал седьмой час дня, по Божьему попущению и за наши грехи начали поганые одолевать. Вот уже из знатных мужей многие перебиты, богатыри же русские и воеводы, и удалые люди, будто деревья дубравные, клонятся к земле под конские копыта: многие сыны русские сокрушены. И самого великого князя ранили сильно и с коня его сбросили, он с трудом выбрался с поля, ибо не мог уже биться, и укрылся в чаще и Божьею силою сохранен был. Много раз стяги великого князя подсекали, но не истребили их: Божьею милостью они еще больше укрепились.

Это мы слышали от верного очевидца, который находился в полку Владимира Андреевича, он поведал великому князю, говоря: «В шестой час этого дня видел я, как над вами разверзлось небо, из которого вышло облако, будто багряная заря над войском великого князя, скользя низко. Облако же то было наполнено руками человеческими, и те руки распростерлись над великим полком как бы проповеднически или пророчески. В седьмой час дня облако то много венцов держало и опустило их на войско, на головы христиан».

Поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели — уже мало христиан, а все поганые. Увидев же такую гибель русских сынов, князь Владимир Андреевич не смог сдержаться и сказал Дмитрию Волынцу: «Так какая же польза в стоянии нашем? Какой успех у нас будет? Кому нам пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают от поганых, будто трава клонится!» И ответил Дмитрий: «Беда, княже, велика, но еще не пришел наш час: начинающий раньше времени вред себе принесет; ибо колосья пшеничные подавляются, а сорняки растут и буйствуют над благородными. Так что немного потерпим до времени удобного и в тот час воздадим по заслугам противникам нашим. Ныне только повели каждому воину богу молиться прилежно и призывать святых на помощь, и с этих пор снизойдет благодать божья и помощь христианам». И князь Владимир Андреевич, воздев руки к небу,

прослезился горько и сказал: «Боже, отец наш, сотворивший небо и землю, помоги народу христианскому! Не допусти, господи, порадоваться врагам нашим победе, мало накажи и много помилуй, ибо милосердие твое бесконечно». Сыны же русские в его полку горько плакали, видя друзей своих, поражаемых погаными, непрестанно порывались в бой, словно званные на свадьбу сладкого вина испить. Но Волынец запрещал им это, говоря: «Подождите немного, буйные сыны русские, наступит ваше время, когда вы утешитесь, ибо есть вам с кем повеселиться!»

И вот наступил восьмой час дня, когда ветер южный потянул из-за спины нам, и воскликнул Волынец голосом громким: «Княже Владимир, наше время настало, и час удобный пришел! — и прибавил: — Братья моя, друзья, смелее: сила святого духа помогает нам!»

Соратники же друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Воынцем; и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно.

Поганые же половцы увидели свою погибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы нам, Русь снова перехитрила, младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!» И повернули поганые, и показали спины, и побежали. Сыны же русские, силою святого духа и помощью святых мучеников Бориса и Глеба, разгоняя, посекали их, точно лес вырубали, будто трава под косой подстилается за русскими сынами под конские копыта. Поганые же на бегу кричали, говоря: «Увы нам, чтимый нами царь Мамай! Вознесся ты высоко — и в ад сошел ты!» И многие раненые наши и те помогали, посекая поганых без милости: один русский сто поганых гонит. Безбожный же царь Мамай, увидев свою погибель, стал призывать богов своих: Перуна и Салавата, и Раклия и Хорса, и своего пособника Магомета. И не было ему помощи от них, ибо сила святого духа, точно огонь, пожигает их.

И Мамай, увидев новых воинов, что точно лютые звери скакали и разрывали, будто овечье стадо, сказал своим: «Бежим, ибо ничего доброго нам не дожидаться, так хотя бы головы свои унесем!» И тотчас побежал поганый Мамай с четырьмя мужами в излучину моря, скрежеща зубами

своими, плача горько, говоря: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и дружиной своей уже нам не видеться, ни с князьями, ни с боярами!»

И многие погнались за ними и не догнали их, потому что кони их утомились, а у Мамаю свежи кони его, и ушел от погони.

По Василию Никитичу Татищеву⁶:

Перед рассветом 8 дня пришли сторожевые, возвещая, что татары идут, слышан был топот конский и шум великий. Тогда князь великий созвал всех князей; и уложили, что князю великому быть в середине и смотреть на все полки, куда потребно будет помогать; на правой стороне стать. Ольгердовичам с северскими, новгородским полками и псковичами; на левой белозерским и ярославским; впереди тверскому, а князю Владимиру Андреевичу и князю Дмитрию нижегородскому позади, и когда увидит татар наступающих, то ему стать в засаде в дуброву у реки Дон, а на его место стать Дмитрию, на правую ж руку пришел Микула Васильевич, да князь Семен Иванович, да Семен Мелик со многими силами. И так запланировав, начали вооружаться. Когда же взошло солнце, была мгла великая до третьего часа и потом начала опадать, тогда вышли и устроились все полки христианские в доспехах и стали на поле Куликовом, на устье реки Непрядвы; было же то поле велико и ровно. И князь великий поехал по всем полкам, увещевая все воинства постоять за святую, христианскую веру, и за всю землю Русскую, и за свою честь. И всюду отвечали ему, что «готовы мы помереть или победить». И все вооружались на брань, один другого желая в храбрости преуспеть и себя с друзьями ободрить. И после сего князь великий видел, что передние уже в нетерпении, придя под своим белым знаменем, сошел с коня, сошел с себя поволоку князю и возложил оную на любезного своего Михаила Александровича брянского, и посадил его на своего коня, повелев быть ему во свое место под большим знаменем; а сам желая полками управлять и, где потреба явится, помощь подавать и рындам (телохранителям) своим повелел при брянском быть. Затем повелел всем полкам своим вперед двинуться. И был уже час шестой, около самого полдня, и внезапно сила великая татарская спешно с холма пришла, и тут, не двигаясь далее, стали, ибо не было места, где им расступиться; и так стали, копья выставили, стена у стены, каждый их на плечи

⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 173 и далее.

передних своих опирал, передние покороче, а задние подлиннее. А князь великий также с великою своею силою русскою с другого холма пошел против них. И было страшно видеть две силы великие снимающиеся на кровопролитие, на скорую смерть. Но татарская была сила видна была мрачной потемненной, а русская сила видна во светлых доспехах, как некая великая река льющаяся или море колеблющееся, и солнце светлое сияло на них и лучи испускало, и как светильники издалика видны были. Нечестивый ж царь Мамай с пятью князьями старшими взошел на место высоко на холме, и тут стали, желая видеть кровопролитие человеческое и скорую смерть. И уже каждому урок жития пришел и конец приблизился. И начали прежде съезжаться сторожевые полки русские с татарскими. Сам же князь великий наперед в сторожевых полках ездил и, мало там пребыв, возвратился снова в великий полк. И так пошли обе силы вместе сходить, оттуда татарская сила великая, а отсюда сам князь великий Дмитрий Иоаннович со всеми князьями русскими. И было видно, что русская сила несказанно многая, что более четырехсот тысяч конной и пешей рати. Также и татарская сила многочисленна весьма. И уже близко сошлись обе силы, и выехал из полка татарского богатырь великий очень, и широту великую имел, мужество великое воплощая; и был всем страшен весьма, и никто не смел против него выйти, и говорил каждый друг ко другу своему, чтобы кто против него вышел, и не шел никто. Тогда же преподобного игумена Сергия Радонежского изящный его послушник инок Пересвет начал говорить великому князю и всем князьям: «Нисколько о сем не смущайтесь, велик Бог наш и великая крепость от него. Я хочу Божиею помощию, и пречистой его матери, и всех святых его, и преподобного игумена Сергия молитвами с ним встретиться». Был же сей Пересвет, когда в мире был, славный богатырь, великую силу и крепость имел, ростом и широтою плеч всех превосходил, и смьшлен был весьма к воинскому делу; и так по повелению преподобного игумена Сергия возложил на себя святой схимы ангельский образ, и знаменовался святым крестом, и окропился святою водою, и простился у духовного отца, затем у великого князя и у всех князей, и у всего христианского воинства, и у брата своего Ослебя. И восплакал князь великий, и все князи, и все воинство великим плачем, со многими слезами говоря: «Помоги ему, Боже, молитвами пречистой твоей матери и всех святых, как в древ-

ности Давиду на Голиафа». И так инок Пересвет, послушник преподобного игумена Сергия, пошел против татарского богатыря Темир-мурзы (Челубея). И ударили оба копьями крепко настолько громко и сильно, что земля сотряслась, и упали оба на землю мертвы, и тут конец приняли оба; также и кони их тотчас мертвы были. Князь же великий пошел сам в передовой полк, и было им сражение на долгое время, но не мог никто кого одолеть. И около часа седьмого сошлись вместе крепко всеми силами и долгое время бились. Русским же тяжело было, так как солнце было в лицо и ветер. Тогда можно видеть было храбрость многих тысяч воинов, ибо один пред другим преуспевал и всяк хотел славу победою обрести. Ломались копья, как солома, стрел множество, как дождя, и пыль закрыла лучи солнечные, а мечи только, как молнии, блистали. И падали люди, как трава под косяю, лилась кровь, как вода, и протекали ручьи. От ржания же и топота конского и стенания раненых не слышать было никакого речения, и князи и воеводы, что ездили по полкам, не могли ничто устраивать, так как их не могли слышать. На чело же избрались мужи храбрейшие, между которыми инок Пересвет, который прежде иночества весьма прославился в воинстве и убил великого татарского наездника, и сам при этом убит был. И многие иные храбрые мужи, побеждая нечестивых, сами пали; и многие трупы христианские и басурманские грудami лежали. И был тяжчайший бой у реки Мечи. Тогда убили под великим князем коня, он же пересел на другого коня, и того вскоре убили, и самого великого князя тяжело ранили, он же едва с побоища смог уйти⁷. Тогда же около него все падали или раненые уходили на сторону, и сам князь великий, отойдя в дубраву, лег под деревом многолиственным. Большой полк владимирский и суздальский, бившись на одном месте, не мог одолеть татар, так как многие побитые пред ними лежали; ни татары не могли сломить их, ибо князь Глеб брянский и тысяцкий великого князя Тимофей Васильевич храбрые и сильные весьма крепко бились и не давали татарам одолевать. На правой стороне князь Андрей Ольгердович не единожды на татар нападал и многих убил, но не смел вдаль гнаться, видя, что большой полк не движется и что вся сила татарская идет на средину, имея намерение разорвать. Когда же татары начали левую руку князей белозерских одолевать и миновали

⁷ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 175.

дубраву, там где стояли князь Владимир Андреевич и воевода литовский Дмитрий Волинец с засадою, те, увидев сие, ударили со стороны и в тыл татарам. А князь Дмитрий Ольгердович сзади большого полку вступил на то место, где оторвался левый полк, и напал с северянами и псковичами на больший полк татарский. Тогда же и князь Глеб брянский с полком владимирским и суздальским перешел чрез трупы мертвых, и тут был бой тяжкий. Было же уже девять часов, и была такая сумятица, что не могли разбирать своих, ибо татары въезжали в русские полки; а русские в полки татарские. И когда ветер потянул русским с тыла, и солнце позади стало, а татарам в очи, начали татары на месте топтаться, а Мамай подгонял и укреплял сзади. И не могли уже более сдержать, тотчас побежал сам и бывшие с ним, русские же полки погнались во след их; и догнали у станов, тут снова татары сопротивление оказали, однако и тут вскоре сломили и все таборы их взяли, богатства их разнесли, и гнались до реки Мечи; где множество татар утонуло.

По Николаю Михайловичу Карамзину⁸:

Войско тронулось, и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон Вожди наблюдали друг друга, и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников: сила Татар еще превосходили нашу. Дмитрий, пылая ревностью служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг Князя, — говорили они, — смотреть на битву, видеть подвиги Воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Но Дмитрий отвечивал: «Где вы, там и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вам: братья! умрем за отечество? Слово мое да будет делом! Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим». Он не изменил себе и великодушию: громогласно читая Псалом: Бог нам прибежище и сила, первый ударил на врагов, и бился мужественно как рядовой воин; наконец отъехал в середину полков, когда битва сделалась общею.

На пространстве десяти верст лилася кровь Христиан и неверных. Ряды смешались: инде Россияне теснили Моголов, инде Моголы Россиян; с обе-

⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. С. 40.

их сторон храбрые падали на месте, а малодушные бежали: так некоторые Московские неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тыл. Неприятель открыл себе путь к Большим и Княжеским знаменам и едва не овладел ими: верная дружина отстояла их с напряжением всех сил. Еще Князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Дмитрием Волынским. Настал девятый час дня: сей Дмитрий, с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей, вдруг извлек меч и сказал Владимиру: «Теперь наше время». Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля, и быстро устремился на Моголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: враги изумленные, рассеянные, не могли противиться новому строю войска свежего, бодрого, и Мамай, с высокого кургана смотря на кровопролитие, увидел общее бегство своих; терзаемый гневом, тоскою, воскликнул: «Велик Бог Христианский!» и бежал в след за другими. Полки Российские гнали их до самой реки Мечи, убивали, топили, взяв стан неприятельский и несметную добычу, множество телег, коней, вельблюдов, навьюченных всякими драгоценностями.

По В. Н. Ашуркову⁹:

С запада и северо-запада Куликово поле ограничивается правым притоком Дона — рекой Непрядвой, с севера — Доном, с востока и северо-востока — впадающей в него речкой Рыхоткой.

Местность когда-то выглядела по-иному. Обширная, несколько сырая равнина, поросшая степной растительностью — полынью, перистым ковылем и другими пышными травами, издавна называлась в народе Куликовым полем. Его прорезали крутые склоны речных долин и оврагов, и отчасти заметные сейчас.

С востока близ современной деревни Куликовки в Дон впадала речка Смолка (долина ее прослеживается и сейчас по оврагам, сохранившим воду), ниже в нее впадала речка Курца. С запада Непрядва принимала правые притоки: Верхний, Средний и Нижний Дубики; они стали теперь пересыхающими ручьями, и только Верхний Дубик сохранился в своем нижнем течении. По берегам этих рек и оврагов тянулись густые леса, которых давно уже не стало...

⁹ Ашурков В. Н. Избранное: История тульского края: Статьи и очерки / В. Н. Ашурков; Предисл. А. П. Плотникова. — Тула: Приок. кн. изд-во, 2003. С. 272 и далее.

К югу поле постепенно повышалось, переходя в господствующую над местностью высоту — Красный (т. е. красивый) холм.

Ранним утром 8 сентября 1380 года, когда стало всходить солнце и был густой туман «по всей земле яко тьма», русские войска стояли близ реки Непрядвы несколько западнее современного села Монастырщина (за Большим и Рыбным оврагами).

Затрубили «многи трубы», и войска в предутренней мгле, «полк с полком не видясь», приготовились к бою. Первым стал передовой полк под начальством князей Всеволожских, в составе которого была преимущественно пешая рать. За ним стал большой полк — основа всего боевого порядка — под командой самого князя; полк правой руки расположился близ обрывистого берега Нижнего Дубика, полк левой руки — близ речки Смолки. Здесь, по условиям местности, враги могли попытаться нанести удар во фланг, поэтому за левым флангом большого полка стоял резерв Андрея Ольгердовича, а в дубраве — засадный полк под командой Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка. Им предстояло решить исход боя в случае неожиданной опасности.

Боевой порядок русских войск, отвечая традициям русского военного искусства, свидетельствовал о полководческом таланте Дмитрия. Этот порядок соответствовал замыслу князя: в решающем бою уничтожить живую силу врага. Лишенные возможности удара по флангам, враги должны были атаковать конницей центр русского расположения, где пехота, изматывая силы врага, подготавливала возможность разгрома его ударом резервов.

Битва началась боем сторожевого полка с передовыми отрядами противника.

В то время как шел бой между передовыми частями, около полудня показались основные силы Орды, быстро двигавшиеся со стороны Красного холма. На черных конях, в темных доспехах из буйволодой кожи они казались черной тучей, которая несла смерть и разрушение. В центре, необычно для тактики Орды, шла генуэзская пехота в плотном строю, положив копья на плечи идущих впереди. Но вражеские войска вскоре остановились: не было места, «где им расступиться». Мамай, не участвуя лично в бою, руководил действиями войск с Красного холма. Под бледными лучами осеннего солнца вдали виднелись русские войска: «Ше-

ломы же на головах и как утренняя заря, доспехи же аки вода сильно колеблюща, еловицы же шеломов их аки пламя огненное пышутся». И страшно было видеть, говорит летописец, «две силы великие сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть».

Пока полки медленно сближались, из вражеских рядов выехал Темир-Мурза — богатырь «велик и страшен зело» (в некоторых источниках он назван Челубей, Телебей). Он вызывал смельчака, готового помериться с ним силою. Навстречу ему выехал бывалый воин Александр Пересвет. Разогнав лихих коней, в смертной схватке сииблись богатыри и, пронзенные копьями, «спадоша на землю мертви и ту конец прияша оба».

Там, где сейчас за деревней Хворостянка лежит поле, находился центр расположения русских войск; где-то поблизости и произошел этот замечательный поединок, навсегда памятный не только по сказаниям, но и по исторически правдивой, наполненной стремительным движением картине советского художника М. И. Авилова (1943 г.), ярко выразившего в ней несокрушимую волю к победе, свойственную русскому богатырю. Картина была написана им по завету отца, уроженца этих мест. Деревня Хворостянка в XVI веке называлась Дубики по названию реки (потом обврага) Нижний Дубик. В XIX веке деревня получила свое название по фамилии князя Хворостинина¹⁰.

Поединок явился началом общего сражения. Около 11 часов утра (6 часов дня по древнерусскому счету) «наехали русские сыны на сильную рать татарскую, ударили копьями о доспехи татарские, взгремели мечи булатные о шеломах татарские на поле Куликове, на реке Непрядве» («Задоницина»).

Ордынцы, ударив в центр русских войск; вступили в ожесточенный бой с передовым полком. Огромные силы, более 200 тысяч воинов, сражались на поле, многие гибли под конскими копытами, задыхались от «великия тесноты».

Передовой полк — пехота — состоял преимущественно из простых «молодых» людей: крестьян и ремесленников. Они с особым упорством

¹⁰ Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Сб. статей в 2-х т. Т. I. Природа. Археология. Музейное дело / Гласко М. П., Сычева С. А., Данилов В. И. и др.; Предисл. В. П. Гриценко; Под ред. А. Н. Наумова. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2003. С. 134.

боролись против врага, не щадя жизни, самоотверженно, до конца, сражаясь простым оружием — копьями, кистенями, а то и дубинами.

«В первом соступе» (схватке) храбро сражался «лицом к лицу с татарами» князь Дмитрий. Ему нанесли немало ударов, доспехи были все избиты, но он продолжал разить врагов. Пехота понесла большие потери: «пешая русская великая рать ака древеса сломишася, и аки сено посечено лежаху», но лучшие сыны народа бесстрашно свершили свой великий подвиг — сдержали яростный порыв врага. Битва продолжалась с новым ожесточением.

Немыми свидетелями беспримерного мужества пешей рати остались обломки оружия, наскоро сделанного руками сельских и городских кузнецов, которые были найдены много столетий спустя на поле великой битвы. Их можно видеть сейчас в наших музеях (Московский государственный исторический, Тульский областной краеведческий).

Пробившись через ряды передового полка, ордынцы вступили в бой с большим полком. Воины мужественно сражались с врагом, но все же он стал одолевать. Был подрублен великокняжеский стяг, под ним пали Михаил Бренк и другие воеводы, бояре и воины. Владимирские, суздальские, брянские дружины под командой Тимофея Вельяминова и Дмитрия Брянского вскоре восстановили положение. Вновь гордо реяло княжье знамя: «паче еще укрепишася стяг». Большой полк непоколебимо встретил жестокий натиск врагов.

На правом фланге атака врага также была отбита. Враги перенесли удар на левый фланг, рассчитывая в случае успеха отрезать русских от переправ и охватить их полки с тыла.

Полк левой руки, неся огромные потери, стал отходить под напором врага; создалась угроза для фланга большого полка. Много воинов и воевод, среди них и князья Белозерские, пали, геройски сражаясь. Стремясь восстановить положение, в бой вступил полк князя Дмитрия Ольгердовича. Но ордынская конница с воинственными криками рвалась дальше в тыл к переправам, преследуя отходивших русских. Дозорные засадного полка зорко следили за ней с деревьев Зеленой дубравы. Воины рвались на выручку, в бой, и Дмитрию Боброку стоило немало труда сдерживать их. Только в конце 1-го часа дня (8-го по древнерусскому счету) Боброк, «мудрый воевода и удалой богатырь», сказал князю Владимиру и воинам:

«Час прииде и время приближеся. Дерзайте, братья и други!» Засадный полк как «соколы на стада гусиные», стремительно ударил во фланг и тыл татарской коннице.

Удар свежих русских сил сразу изменил обстановку на поле боя. Еще раз проявились здесь предусмотрительность, военное искусство князя Дмитрия и его боевых соратников.

В памяти народа перелом в ходе битвы остался навсегда связанным с Зеленой дубравой.

Утомленных длительным боем врагов ужаснуло появление новых русских сил. Они пытались сопротивляться, но не устояли перед русскими полками, дружно перешедшими в наступление.

Враги обратились в беспорядочное бегство, «розно побегоша, неготовыми дорогами». Мамай, видя полное поражение своих войск, поспешно скрылся с приближенными и охраной. Победители взяли богатые трофеи, «полониша богатства и имение многое». В западноевропейских войнах того времени противнику обычно давали «золотой мост» — возможность отхода без нового сражения. Но русские войска почти 50 километров неотступно преследовали врагов до реки Красивой Мечи, и множество их «избиено бысть».

По А. Г. Бескровному¹¹:

«К 11 часам утра густой туман, покрывавший Куликово поле, стал рассеиваться. Противники были готовы начать боевые действия. «И было страшно видети, — указывает летописец, — две силы великие, сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть».

Столкновению главных сил предшествовало единоборство двух богатырей — Пересвета и Темир-Мурзы (Челубея). Этот поединок имел целью воодушевить войска обеих сторон. Гибель богатырей в результате одновременного удара копьями произвела сильное впечатление на наблюдавших за традиционным поединком.

Характер оружия обуславливал плотное расположение пехоты и свободное положение конницы. Пехота была построена тесно, глубиной до 20 рядов. Центр боевого порядка составляли копейщики. Лучники располагались на флангах. Крепость строя пехоты заключалась в его монолитности и взаимодействии с конницей. Конница строилась в несколько

¹¹ Куликовская битва. Сб. статей. С. 237.

рядов и старалась сохранять строй для нанесения удара по противнику. Управление войсками осуществлялось стягами и сигналами труб. Поскольку пехоты в рати Дмитрия Донского было больше, чем конницы, то именно ее действия решили исход сражения.

Боевые действия включают три этапа борьбы и преследование. Первый этап составил бой авангардов: русских Сторожевого и Передового полков с легкой конницей Золотой Орды. Летопись указывает, что столкновение уже на этом этапе носило ожесточенный характер «и бысть брань крепка и сеча зла зело». Почти вся пехота этих полков «аки древеса сломишася, и аки сено посечено лежаху...» Часть легкой конницы Сторожевого полка отошла к частному резерву стоящему за полком Левой руки. Великий князь Дмитрий «еха наперед во сторожевом полку», затем возвратился к Большому полку, однако командование им оставил за Бренком, который переоделся в княжеские доспехи и даже сел на его коня.

Следующим этапом было фронтальное столкновение основных сил противников. Несмотря на гибель Передового полка, князь Дмитрий оставил главные силы на месте и не направил их на помощь своему авангарду. Он хорошо представлял, что если бы русские полки двинулись вперед, то пехота Большого полка открыла бы свои фланги. Главные силы по-прежнему ожидали монголо-татар на занятой позиции¹².

Фронт борьбы не превышал 5—6 км. Главный удар Мамай наносил по центру русского боевого порядка. И хотя оба фланга русских войск были прикрыты справа обрагами речки Нижний Дубяк, а слева речкой Смолкой, все же более слабым являлся левый фланг. Это установил Мамай, наблюдавший за ходом сражения с Красного Холма, господствующего над всей местностью. Он решил нанести главный удар по Большому полку и полку Левой руки, чтобы оттеснить их от переправ и сбросить в Непрядву и Дон.

¹² По поводу фронтального столкновения сил противников В. В. Каргалов дополняет: «Само Куликово поле имело ширину примерно 8 км, однако его ровная низинная часть, собственно поле боя, была значительно уже. Ширина удобного для боя места не превышала 4—5 км, и русские полки могли прикрыть его сплошным глубоким строем. Сами условия местности вынуждали Мамай предпринимать фронтальное наступление, которого ордынцы не любили и в котором были слабее русских полков. Мамай имел возможность наступать только с юга, со стороны Красного холма, отлогой возвышенности посередине Куликова поля (См.: Каргалов В. В. Конец ордынского ига. С. 49).

Дмитрий Боброк-Волынский и полководец
Копель : и поймав его в плен каго и
и в бѣхаша на поле коулицко .

Великий князь Дмитрий Иоаннович и воевода Боброк-Волынский осматривают поле будущего сражения. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Сторожевой полк

Михаил Иванович Окинфович (Акинфович) • Кн. Семен Константинович Оболенский
Кн. Иван Тарусский • Андрей Серкизов

Передовой полк

Кн. Андрей Ольгердович • Кн. Дмитрий Ольгердович
Микула Васильевич • Кн. Федор Романович Белозерский

Полк левой руки

Кн. Василий
Васильевич Ярославский
•
Лев Морозов
•
Федор Михайлович
Моложский

Большой полк

Вел. кн. Дмитрий Иванович
•
Иван Родионович
•
Михаил Бреко
•
Кн. Иван Васильевич
Смоленский

Полк правой руки

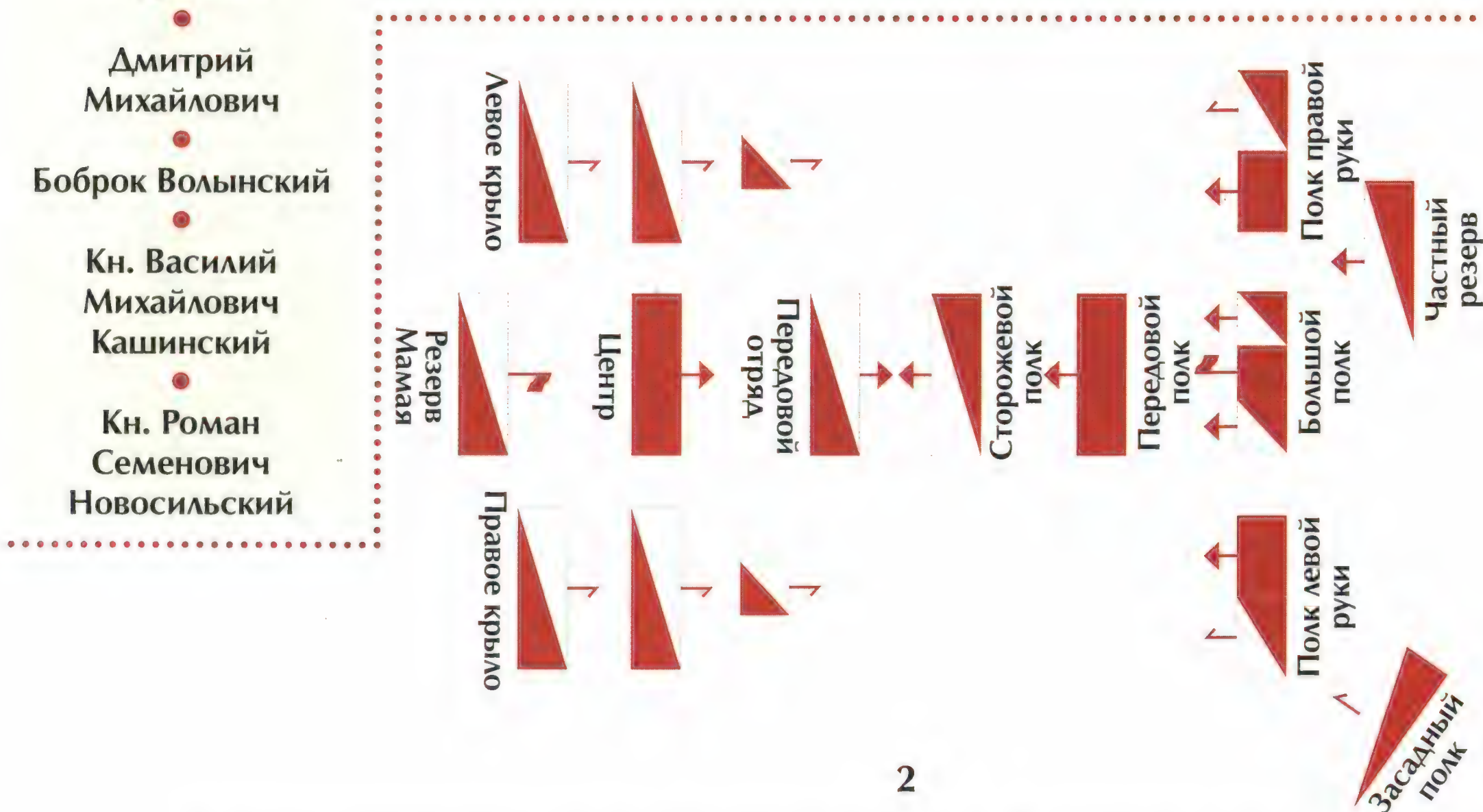
Кн. Андрей Федорович
Ростовский
•
Федор Грунка
•
Кн. Андрей Федорович
Стародубский

Засадный полк

Кн. Владимир
Андреевич
•
Дмитрий
Михайлович
•
Боброк Волынский
•
Кн. Василий
Михайлович
Кашинский
•
Кн. Роман
Семенович
Новосильский

Частный резерв

1

2

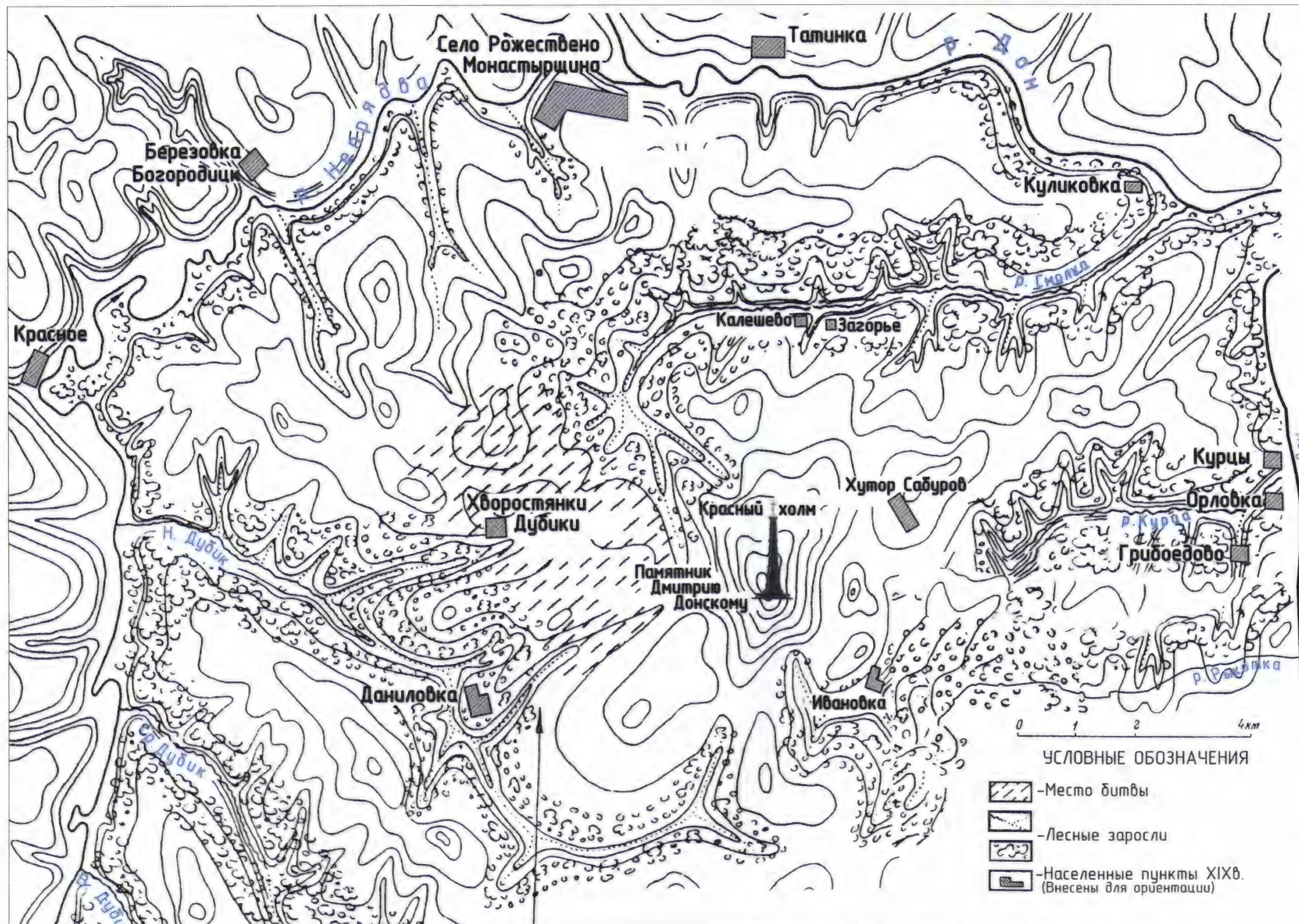
Боевое построение полков русского войска на Куликовом поле.
По А. Н. Кирпичникову (1). Боевой порядок русского войска и войска Золотой
Орды на Куликовом поле, по А. Г. Бескровному (2)

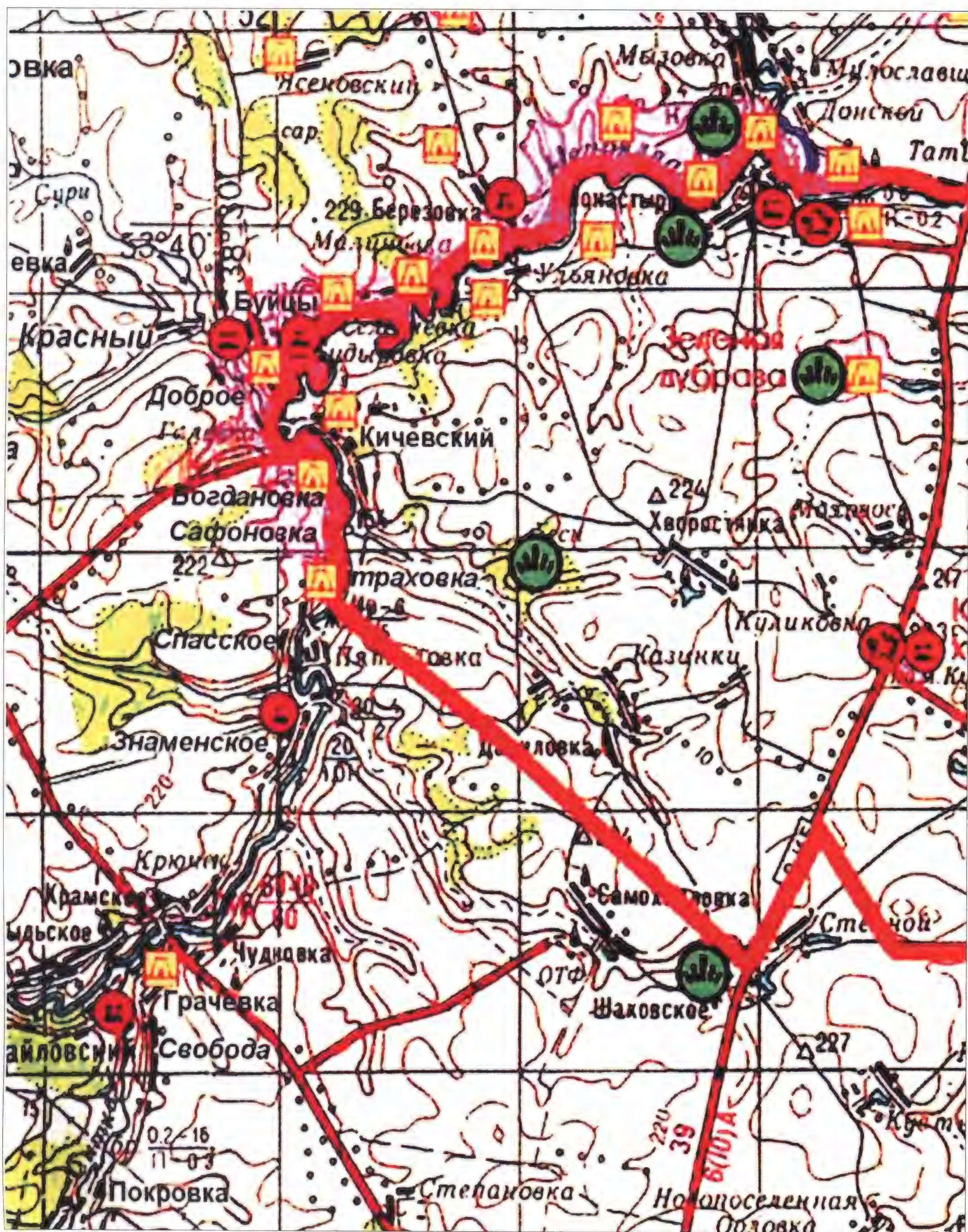
Место слияния рек Непрявды и Дона у с. Монастырщина. Храм Рождества Пресвятой Богородицы

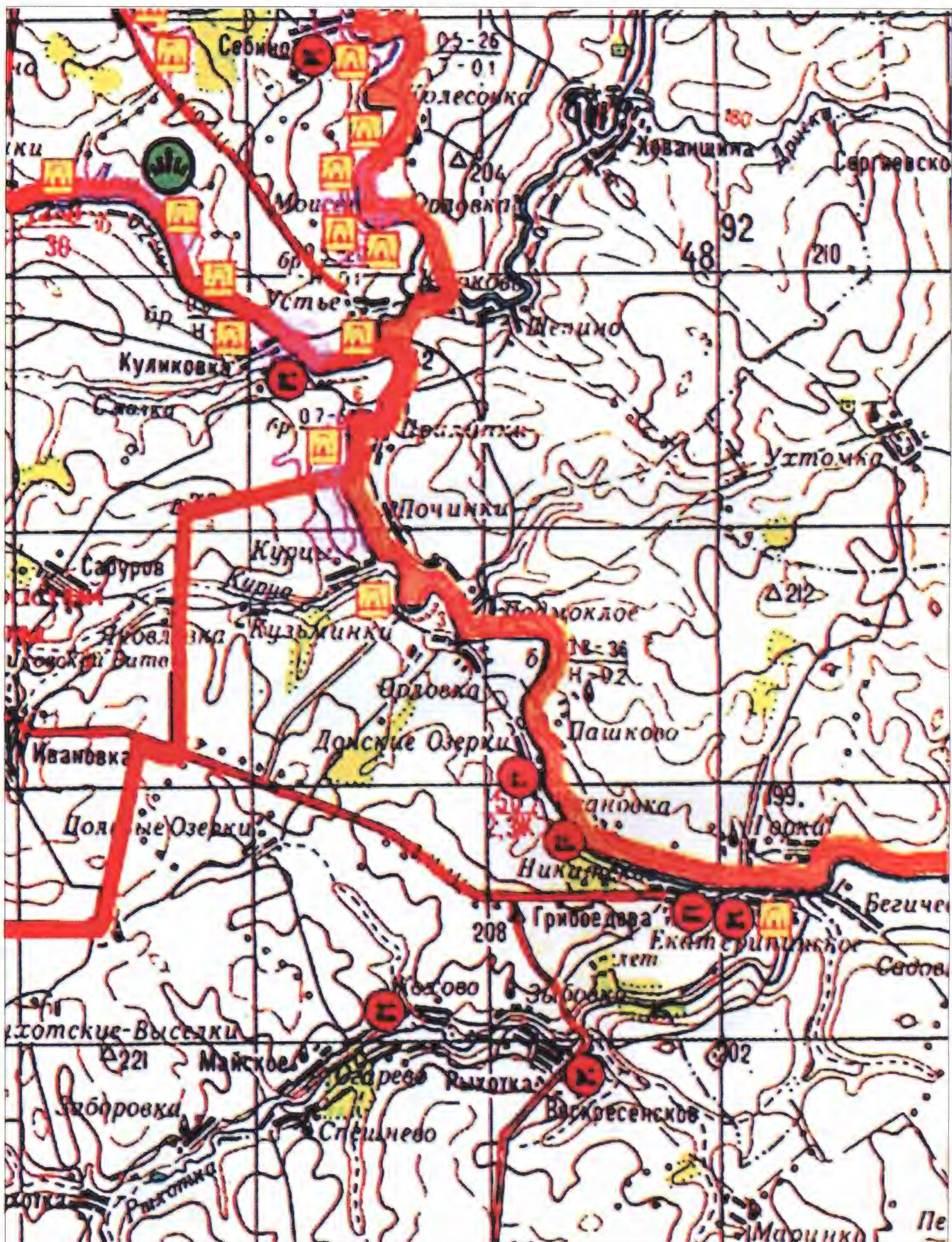
Великий князь Дмитрий Иоаннович возглавляет войско в Куликовской битве.
Миниатюра из Жития прп. Сергия Радонежского. Конец XVI в. (РГБ. Ф. 304/III.
№ 21/М. 8663. Л. 245)

Куликово поле с предполагаемым обозначением места битвы. План-реконструкция.
По данным военного музея Москвы

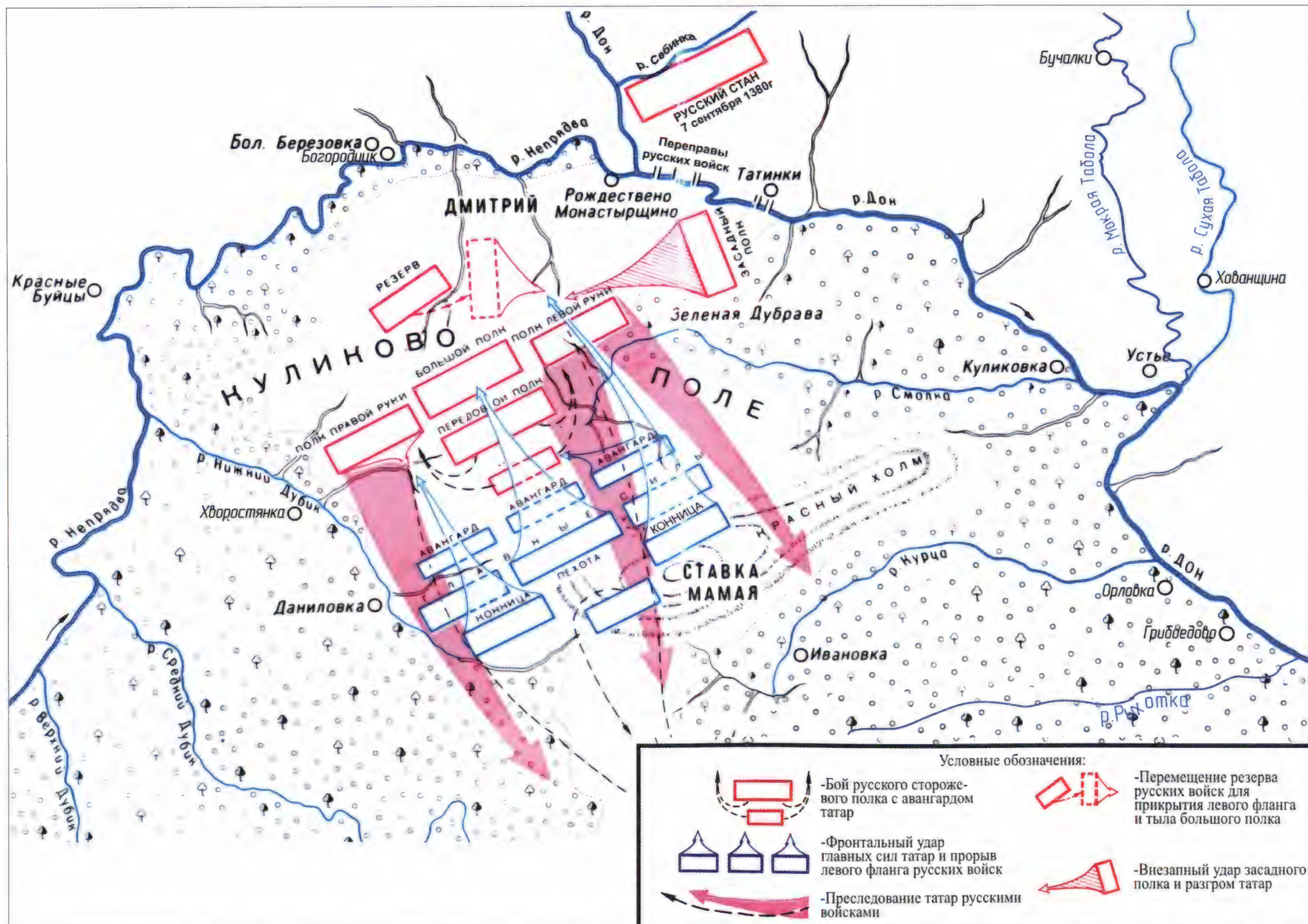

Границы района Куликовской битвы

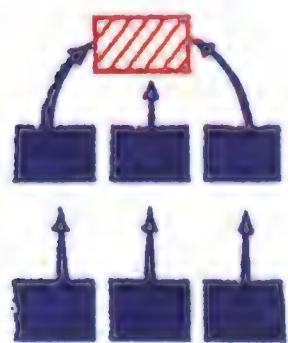
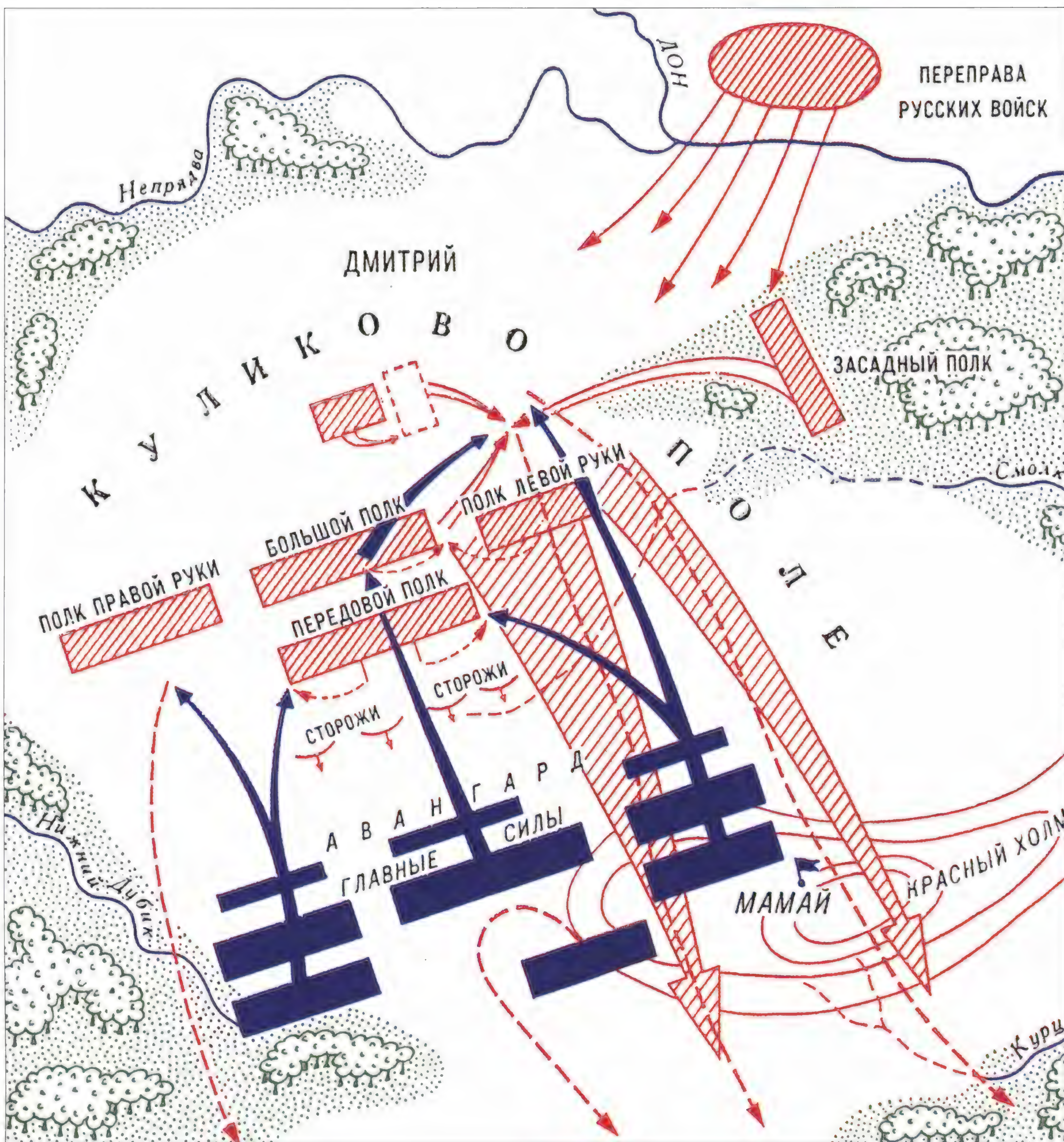

Поединок на Куликовом поле. С картины М. И. Авилова, 1943 г.

Куликовская битва. По материалам музея-заповедника «Куликово поле». Художник-составитель Э. В. Якубенко

Бой русского передового полка с авангардом татар

Фронтальный удар главных сил татар и прорыв левого фланга русских войск

Перемещение резерва русских войск для прикрытия левого фланга русских войск

Внезапный удар запасного полка и разгром татар

Преследование татар русскими войсками

Куликовская битва 8 сентября 1380 г. По В. В. Каргалову и А. А. Шамаро

Икона «Спас Нерукотворный»

Поле битвы. Зеленая дубрава. Памятный крест на месте, где находился засадный полк (1). Панорама Куликова поля (2)

Поле битвы. Ковыль в июне (1). Ковыль в конце лета (2)

Запруда реки Смолки, где находился левый фланг русского войска.
Здесь весной теперь собирается вода со всего Куликова поля

Утро на Куликовом поле. Художник А. П. Бубнов

2

Памятник Александру Пересвету в Брянске (1).
Посох Пересвета (2)

ХІІІ

Огромные силы сгрудились на тесном поле. Сначала пехота противника атаковала русский центр. Она действовала в плотном строю: «И тако стаиша, копиа покладаше, стена у стены, каждо их на плещи предних своих имущее, преднии краче, а заднии должае». Пехота противника нанесла сильный удар по центру Большого полка, стремясь нарушить его строй и подрубить великокняжеский стяг, что было равносильно потере управления сражением. Она добилась некоторого успеха и даже подсекла великокняжеское знамя, но Глеб Брянский и Тимофей Вельяминов силами Владимирского и Суздальского полков «каждо, под своим знаменем» контратаковали противника и восстановили положение.

Борьба продолжалась. Сражение распалось на ряд единоборств. «И бяше видети Русин за Татариным гоняшеся, а Татарин Русина състигоиша; смятяше бос я и смесишася кождо бы искаше своего съпротивника победити». Сам великий князь сражался, как простой воин. Израненный, он выбыл из строя и укрылся под срубленным деревом.

Одновременно конница Мама атаковала полки Правой илевой руки. Атака русского правого фланга была отбита. Легкая конница Орды отошла и более не решалась действовать на пересеченной местности. Более успешной была атака монгольской конницы против левого фланга русского войска. Почти все воеводы полкалевой руки были убиты. Полк стал подаваться назад, освобождая место для атакующей татарской конницы. Сражающиеся отошли до берега Непрядвы. Путь отхода к переправам был отрезан. «Москвичи же мнози небывалци (молодые неопытные воины. — А. С.), видевише множество рати татарьской устраишиася и живота отцаявишеся, а инеи на беги обратишася...» Натиск татарской конницы, стремившейся выйти в тыл Большому полку, некоторое время сдерживал частный резерв Дмитрия Ольгердовича, но вскоре и он был смят свежими силами, направленными Мамаем для закрепления успеха. Мамаю казалось, что достаточно совершить последнее усилие, чтобы считать победу полной. Но для этого усилия у него больше не доставало свежих войск. Все его силы уже были включены в сражение.

Именно в это время воевода Дмитрий Боброк, наблюдавший из Зеленой Дубравы за ходом сражения, решил включить в него Засадный полк, состоящий из отборной, хорошо вооруженной конницы. Боброку немало труда стоило удержать князя Владимира Андреевича от преждевременной ата-

ки. Последний проявлял нетерпение и говорил Боброку: «Брате Дмитрий, что пользуеть наше сторание и что пакы успех будет, кому имам пособити?» Однако Боброк справедливо указывал ему: «Да, княже, несть же и пришла година, начинаем бо без времени, собе вред прийдем». Но когда Боброк увидел, что противник, увлекшись маневром обхода русского Большого полка, поставил под удар свой тыл, он закричал: «Княже Владимире, час прииде, а время приближися!» Своевременный ввод в сражение крупного резерва, изменивший соотношение сил на направлении главного удара Орды, послужил поворотным моментом всего сражения. Не ожидавшая появления свежих сил русских, ордынская конница пришла в смятение.

Сначала легкая конница противника попыталась оказать сопротивление, но не смогла устоять перед натиском тяжелой конницы русских и стала подаваться назад. В это время перешли в наступление Большой полк и полк Левой руки. «Князь Дмитрий Ольгердович сзади Большого полку вступи на то место, где оторвася Левый полк, и нападе с северяны и псковичи на большой полк татарский. Тогда же и князь Глеб Брянский с полками Владимирским и Суздальским поступи чрез трупы мертвым, и ту бысть бои тяжкий». Контрудар главной линии русского боевого порядка сначала остановил порыв золотоордынской пехоты, «и бысть такая смятня, яко не можаху разбирати своих, татаре бы въезжаху в русские полки, а русские в полки татарские». Улучшению обстановки способствовало также изменение условий боя: «Солнце позади ста (русским. — А. С.), а татарове в очи». Затем наступил перелом. Отступая под ударами русских, монголо-татарская конница опрокинула свою пехоту и увлекла ее за собой. Так завершился третий этап сражения.

Последний этап включает преследование разбитого войска Мамая. Враги «розно побегии неуготованными дорогами...» В ходе преследования множество бегущих было истреблено. У Красной Мечи русские остановились и возвратились назад к Куликову полю. Бежал с поля боя и Мамай. Он «прибежа в землю свою, не во мнозе дружине».

По Борису Вячеславовичу Арсеньеву¹³:

Как только всадники, ударившись в копья, рухнули с коней замертво, противники начали сходиться главными силами. Со стороны орды раздался тысячеголосый леденящий душу крик. Татары устремились

¹³ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 221—225.

вперед. Русские с возгласом: «С нами Бог!» — двинулись навстречу. Оба войска спускались с возвышенностей, «с шеломяни», в пологую лощину между Рыбьим Верхом и Смолкой. Здесь они и сошлись: «На том бо поле силнии плъцы съступишися. Из них же выступили кровавые зори, а в них трепеталися силнии мълнии от блистания мечного. И бысть труск и звук велик от копейного ломления и от мечнаго сечения, яко немоуно бе сего грѣкого часа зрети никако же, и сего грознаго побоища. В един бо час, в мегновении ока, о колико тысящ погыбе дуишь человечьских, създания Божиа!»

Уже в самом начале сражения обнаружилось, что легкая конница татар не в состоянии в прямом рукопашном бою опрокинуть русскую «окованную рать». На тесном пространстве поля ордынцы не могли применить свою излюбленную тактику «осинового роя» — стремительно наскакивать на противника с разных направлений и столь же быстро уклоняться от ответных ударов, мгновенно рассеиваться и тут же, собравшись вновь, неожиданно жалить врага в другом месте. Первым натиском ордынской коннице удалось лишь оттеснить русское боевое охранение, Сторожевой полк, к линии главных сил. Но вступивший в сражение Передовой полк дал ей мощный отпор. Мамай вынужден был выдвинуть вперед свою пехоту. Никоновская летопись повествует о том, что пехотинцы выстроились в несколько «стен». Задние ряды положили свои более длинные копья на плечи передних, воины которых были вооружены копьями меньшей длины.

Под прикрытием этого неприступного, оцетинившегося грозным боевым железом пехотного строя легкая татарская конница смогла выйти из боя и перегруппироваться.

Этот эпизод битвы в его летописном изложении не раз комментировался историками. Некоторые из них считали его малодостоверным, ссылаясь на позднее происхождение Никоновской летописи. Другим же сообщение источника казалось вполне заслуживающим доверия. Отмечалось также, что Мамай применил редкую для татар тактику действий пеших копейщиков — фалангой. В таком строю могли сражаться только «фрязи». Возможно также, что подобная тактика была заимствована из военного искусства Руси или Средней Азии, где к тому времени уже хорошо оценили значение пехоты.

Татарам удалось быстро справиться с замешательством, вызванным неудачным для них началом боя. Очень скоро, перегруппировавшись и подтянув подкрепления, они возобновили натиск с удвоенной силой. Татарский таран раз за разом бил в русскую стену. Она трещала, но пока держалась. То тут, то там татарам удавалось вклиниваться в боевой порядок русских, и воины смешивались в жестокой рукопашной схватке. В страшной тесноте многие погибали не только от оружия, но и от давки, под копытами коней, под громоздившимися кучами мертвых тел: «И бысть сеча зла и велика, и брань крепка, трус велик зело... пролияся кровь аки дождева туча, обоих, русских сынов и поганных, множество бесчисленное падоша трупья мертвых обоих, и много Руси побьени быша от татар, и от Руси татары паде труп на труп, и паде тело татарское на телеси крестьянскаи».

Столкнувшись плотными, сосредоточенными массами, смешав в рукопашной ряды, полки противников дробились и рассеивались. Общій бой распадался на множество отдельных стычек и поединков. «И можно было видеть, — повествует летопись, — русин за татаринѡм гонящеся, а татарин сии настигише». Все смешалось и перепуталось, каждый «своего супротивника искаше победити». К месту боя подходили новые подкрепления, расстроенные отряды собирались под знамена, и следовал новый общій «соступ». Гигантская битва, словно страшная мельница, перемалывала рать за ратью, полк за полком. Над тучами пыли, поднятой тысячами ног и копыт стоял лязг оружия, треск ломавшихся копий, разносилось конское ржание, раздавались предсмертные крики людей. Поле покрылось трупами, по нему метались лошади без седоков, раненые брели и ползли к спасительным роцам и оврагам.

Прошел только час с небольшим после начала битвы, а передовые полки русских были уже расстроены. Они понесли тяжелые потери. Погибли воеводы Михаил Иванович Акинфов и Микула Вельяминов. Пал Андрей Серкизов. Один за другим падали убитыми князья Белозерские. Татары усиливали напор. Их потери были не меньшими, но у Мамае еще оставались под рукой свежие силы. Сотню за сотней, тысячу за тысячей, тумен за туменом бросал он в горнило сражения. Главный удар нацеливался по-прежнему в лоб, в центр русской позиции. О фланговых обходах пока не могло быть и речи. Даже после тяжелых ударов, испытанных велико-

княжеским войском, его боевой порядок стоял непоколебимо, опираясь на труднодоступные долины Смолки и Рыбьего Верха.

Теперь вся тяжесть боя легла на Большой полк. Татарская тяжелая конница навалилась на него всей своей мощью. Удар, по-видимому, пришелся на пешую рать, приведенную на Куликово поле Тимофеем Вельяминовым. Ратники встретили атакующих, оцетинившись строем длинных копий. Татарские кони останавливались перед страшной преградой, отворачивали, вставали на дыбы, падали, напоревшись на острия. Но сзади первые ряды всадников подпирала такая масса, что они были просто опрокинуты на русские копья. Вломившись по трупам в строй пеищев, татары рубили их мечами, саблями, топорами, топтали конями.

Ратникам приходилось, отбросив бесполезные в такой тесноте длинные копья, отбиваться мечами и кинжалами, крюками стаскивать всадников с седел, вспарывать брюха лошадей рогатинами, подрубать им ноги боевыми серпами. Пеищы понесли ужасные потери. «Аки дрeвеса сломишася и аки сeно посечено лежаху», — говорит об этом Никоновская летопись. Несколько раз оказать помощь Большому полку пытался князь Андрей Ольгердович. Он атаковал наступающих татар в их левый фланг, неоднократно опрокидывал противника, но преследовать не решился, опасаясь отрываться от главных сил. Такие контратаки могли лишь ненадолго ослабить натиск на Большой полк. Он изнемогал под ударами превосходящего неприятеля, уже чувствовавшего запах победы. На третьем часу битвы полк едва держался. В его рядах зияли бреши. Татарам несколько раз удавалось разрывать строй русских и проникать в глубину его. Бой кипел уже в самом сердце Большого полка, у великокняжеского стяга. Сражаясь под ним, погиб Михаил Бренк. В схватке за знамя полегло много воинов. Не раз огромное полотнище с образом Спаса Нерукотворного падало, подсеченное татарскими саблями и топорами. Казалось, еще мгновение — и все русское войско дрогнет, рассыпется, обратится в беспорядочное бегство. Но стяг вновь поднимался над гуцей боя, полк смыкал ряды. Татары отходили, чтобы через короткое время, собравшись с силами, напасть опять.

Светлый образ Христа Спасителя вдохновлял воинов на поле битвы, которые защищали свою веру. Поэт Александр Блок в своем известном цикле стихов «На поле Куликовом» (1908 г.) писал:

*Когда наутро, черной тучей
Двинулась Орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.*

Великий князь находился в самом пекле боя. Он пытался следить за ходом сражения, руководить войсками. Но уже не было на поле мест, где не свистели бы стрелы, не звенели мечи, не лилась кровь. Вокруг Дмитрия кипели схватки, погибала его дружина. Не единожды татары обступали великого князя со всех сторон. Его шлем и доспех приняли немало ударов. Несмотря на это, как повествует летопись, сам князь не получил ни одной раны и до конца сражения остался в строю.

Об отваге Дмитрия Иоанновича в рукопашной схватке говорит и «Сказание о Мамаевом побоище». В нем приводятся свидетельства «самовидцев» о том, что великий князь бился крепко своей палицей, отражая нападение сразу четырех татар. Однако дальнейшие события излагаются иначе, чем в летописной повести. По «Сказанию», Дмитрий Иоаннович был тяжело ранен и сбит с коня. Ему едва удалось спастись и укрыться в лесных дебрях. Князь Стефан Новосильский якобы видел, как Дмитрий, уже пеший, брел с поля боя и на него наехали три конных татарина. Одному из них, старому воину, удалось нанести великому князю еще одну рану копьем. Стефан Новосильский ничем не мог помочь Дмитрию Иоанновичу – за ним самим гнались три всадника. Однако великий князь все же спасся, хотя и выбыл из строя до конца битвы.

Остался ли полководец на поле брани или, раненый, покинул его – вряд ли это могло в тот момент существенно повлиять на ход событий. И в этой кровавой неразберихе все более заметным становился перевес татар. «И начаша погании одолевати». Ордынцы нащупали слабое место в русском боевом порядке на стыке большого полка и полка левой руки. Здесь большинство воинов уже выбыло из строя, а оставшиеся держались на пределе сил. Невозможно было подкрепить их свежим войском. Его просто не осталось. В сражение были втянуты уже все полки главных сил. И повсюду русские с большим трудом сдерживали бешеный напор

татар. По-видимому, к этому времени управление войском нарушилось. Среди воинского начальства всех степеней многие были убиты или ранены. Погибли Тимофей Валуй и Семен Мелик. Казалось, сама воля русского воинства к сопротивлению дала трещину, надломилась. Летопись повествует, что при виде небывалого кровопролития неопытные воины, «мнози небывальцы», дрогнули «и на бег обратишася и побегоша».

Три часа невероятно тяжелого боя дорого обошлись и Орде. Татарское войско поредело наполовину, было истощено и физически, и морально. Не случайно летописец вложил в уста Мамаю, наблюдавшего за сражением, такую жалобу: «Власы наши растерзаются, очи наши не могут огненных слез источати, языцы наши связаются, гортань ми пересыхает и сердце раставает, чресла ми растерзаются, колени ми изнемогають, а руце оцепенивають». Как и в русском войске, среди татар далеко не все выдерживали невероятное напряжение боя. Многие «на бег устремишася от крича велика, зряще злаго убийства».

Но численное превосходство и инициатива оставались на стороне Орды. Мамай решил: настала пора последней атакой в стык центра и левого фланга русских сокрушить противника. В этот удар татары вложили весь остаток сил, весь еще не до конца растраченный наступательный порыв. Мамай бросил в бой свой резерв – тяжеловооруженную «гвардию», могучих воинов в сверкающих черными молниями доспехах на конях, забранных в стеганные и металлические латы.

С копьями наперевес татары лавиной обрушились на обессиленные русские полки и после жестокой сечи прорвали их линию. В сражении наметился коренной перелом. Попавшие под этот всесокрушающий удар отряды русских были частью перебиты, частью рассеяны. Между большим полком и полком левой руки образовался разрыв, в который устремлялись все новые и новые татарские тысячи, расширяя брешь в русском строю, дробя его на части. Ордынцы вышли к Непрядве. Остатки полка левой руки были оттеснены в сторону Дона. Его воевода Лев Морозов погиб. Остальная часть русского войска сгрудилась на сравнительно не-

большом пространстве, на правом фланге. Смертельно утомленные полки и «стяги», лишившиеся многих командиров, перемешались. Их боеспособность упала.

А в тыл уже заходила татарская конница. Близился полный разгром. Должно быть, Мамай уже торжествовал победу. Он не мог предвидеть, как все изменится вскоре...

В то время как на поле между Смолкой, Дубиком и Непрядвой разворачивалось сражение главных сил двух воинств, чуть поодаль, в Зеленой дубраве, скрытно и тихо дожидался своего часа свежий отборный засадный полк Его воеводам удалось в течение почти трех часов ничем не выдать пребывания здесь многочисленного конного войска. От князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского требовались большая выдержка и точный расчет в выборе момента вступления в бой. Ударить преждевременно значило сорвать весь замысел сражения. Атака одним полком, пусть и весьма сильным, еще не обескровленного войска противника могла привести лишь к временному тактическому успеху, но не внесла бы перелом в общий ход битвы. Перегруппировав силы, подтянув резервы, Мамай быстро восстановил бы свое преимущество. Но и запоздание с вводом в бой засадного полка было смерти подобно. Никакой удар свежих сил не смог бы уже поправить дело, если бы ордынцы успели полностью разгромить главные силы русских.

О том, что происходило в Зеленой дубраве в самый напряженный момент сражения, повествует «Сказание о Мамаевом побоище», где события излагаются со слов «самовидца», воина полка Владимира Серпуховского. По мнению многих историков, свидетельству этому можно вполне доверять. Когда в бою главных сил наметился перевес татар и они «начаша одолевати», а русские полки «оскудеша», князь Владимир Андреевич в нетерпении обратился к Боброку. Какая польза в дальнейшем стоянии здесь, говорил он, кому нужна будет помощь, «если наши князе и бояре, вси русские сынове напрасно погибают от поганных, аки трава клонится!» Но выдержка и хладнокровие Боброка остались неколебимы. Он призвал князя подождать еще. Условия для успешной атаки пока

не созрели, а преждевременные действия принесли бы только вред. Воеводе с трудом удавалось сдерживать воинов, рвавшихся в бой на помощь гибнувшим товарищам и рыдавших от бессилия спасти их. «Подождите, придет ваш час», – подбадривал Боброк.

Согласно «Сказанию», час этот пришел, когда позади полка потянул южный ветер. Возможно, это литературная метафора и под теплым дуновением с юга следует понимать Божий дух, который сошел на русских воинов, усердно молившихся под сенью дубравы и повел их в бой. Иногда этот эпизод «Сказания» толкуется по-иному: опытный воевода и отличный конник, Боброк-Волынский ждал, когда переменится ветер, который до этого дул в лицо русским. Он знал, что с попутным ветром лошади идут гораздо лучше и сила конной атаки значительно возрастает.

Время для удара и его направление военачальники засадного полка, несомненно, выбрали, оценив общее положение на поле битвы. Боброк ждал не просто перемены ветра, а того момента, когда Мамай израсходует свои последние резервы и ему нечем будет отразить наступление русских. Татары, пробиваясь на пределе сил вперед к Непрядве, оставляли скрытый в дубраве засадный полк сначала на своем правом фланге, а затем и вовсе в тылу. Они не ждали отсюда нападения. Засадный полк, чтобы оставаться лицом к неприятелю, должен был менять свое построение. В начале битвы он стоял фронтом на юг, откуда шла орда. Затем, когда татары вклинились в центре главных сил русских, полку пришлось повернуться лицом на запад. Прорыв конницы Мамая к Непрядве должен был заставить войска Владимира Серпуховского и Боброка-Волынского обратить фронт на север. Вот тогда-то южный ветер, не менявшийся весь день, стал дуть русским воинам в затылок. Он показался им поистине Духом Божиим, указующим путь к победе.

Лучшего момента для решительной атаки быть не могло. Углубившись далеко в оборону русских, утомленные, но опьяненные предвкушением близкой удачи, татары подставили свой тыл под удар засадного полка. Скорее чутье полководца, чем холодный расчет, подсказали Боброку: пора! В ту же минуту воевода, словно сбросив личину внешнего спокойствия, закричал «гласом ве-

ликим»: «Княже Владимир, наше время приспе, и час подобный прииде!.. Братья мои, друзи, дръзайте, сила бо святаго духа помогаеть нам!» Свежие кони в мгновение ока вынесли тысячи полных сил и жажды схватиться с врагом всадников из зеленой гущи в чистое поле. Атака засадного полка была внезапна, стремительна и всесокрушающа. Она пришлась в тыл и фланг Мамаевым туменам, прорвавшимся к Непрядве. Едва ли татары смогли оказать здесь серьезное сопротивление. Все, что попало под удар, было смято и опрокинуто.

Полк Владимира Серпуховского и Боброка-Волынского, словно меч, рассек надвое клин, вогнанный Мамаем в оборону русских. Часть ордынского войска была отрезана от основной его массы и отброшена к Непрядве. В считанные минуты все на поле битвы изменилось так, что это могло быть воспринято не иначе как чудо. Те, кто уже торжествовал победу, теперь метались в замешательстве, ища спасения. Тем же, кому была уготована неизбежная гибель, блистало солнце победы. Летописец утверждал, будто многие видели тогда великое знамение: небесный трехсолнечный полк ангелов и святых мучеников, Георгия и Дмитрия, Бориса и Глеба, во главе с самим архистратигом Михаилом помогал русскому воинству, слал огненные стрелы во врагов, повергал их ниц страхом Божиим. Ошеломленным воинам Мамаю казалось, что небо обрушилось на них. Во время битвы на Куликовом поле Сергей собрал братию в церкви Святой Троицы и «подвижашася ученики своя непрестанно на молитву о воинстве православных».

В сражении произошел решительный перелом. Успех засадного полка вдохнул силы в изможденное русское войско. Оно словно возродилось к жизни. Даже раненые поднимались с кровавого поля и вновь вступали в бой. Так велико было общее воодушевление. Из-за левого фланга большого полка навстречу засадному полку ударил по неприятелю князь Дмитрий Ольгердович с псковичами и северцами. Ордынцы в этом месте оказались в окружении и были прижаты к Непрядве. Многие пытались спастись, переправившись через реку, но и там их ожидала гибель. Оба берега Непрядвы покрылись трупами татарских воинов.

Остальное войско Мамай стало распадаться под ударами русских. Отдельные очаги сопротивления быстро подавлялись. Наконец оборона рухнула и началось повальное бегство. «Задонщина» повествует, как татары, «разлучишася боръзо, розно побегши неуготованными дорогами в Лукоморье». Преследование было жестоким и неумолимым. Оно осуществлялось главным образом силами засадного полка, лошади и воины которого еще не успели утомиться от долгого сражения. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что ни один ратник из войска Владимира Андреевича не остался в тот момент у княжеского знамени – все гнались за татарами. Бегущих секли саблями и мечами, поражали копьями, давили конями.

Какие-то татарские отряды все же пытались организовать отпор. Они укрепились в походных станах-таборах среди повозок и шатров и отчаянно отбивались. Но перевес сил и инициатива уже полностью находились на стороне русских. Сопротивление было быстро сломлено. Однако задержка преследователей у таборов позволила, видимо, многим из отступавших оторваться от погони. Среди них был и Мамай со своей свитой. По словам русского летописца, перелом в сражении настолько ошеломил ордынского правителя, что он одним из первых покинул поле боя, подав, таким образом, сигнал к бегству остального войска. Думается все же, Мамай не был просто трусом. Оценив ситуацию, он понял: битва проиграна окончательно и личной отвагой дело уже не поправишь. А значит, целесообразнее быстрее вернуться в Орду и собрать новое войско. Судьба погибающего у него на глазах на Куликовом поле войска Мамай уже не интересовала. Спасти войско он все равно не мог, а ответственности за десятки тысяч жертв не чувствовал никакой. Свежие, неистомленные кони позволили Мамаю и его окружению далеко оторваться.

Куликовская битва длилась около четырех часов. Весь остаток дня русские преследовали бегущих ордынцев, уничтожая их. Кровавая погоня продолжалась десятки верст, вплоть до реки Мечи. Здесь произошел последний акт трагедии. Многие татары погибли на переправе от русских сабель и стрел, потонули в полноводной

реке. И сегодня на берегу Мечи лежит огромный, причудливого вида валун. «Конь-камень» называли его в народе. Существует поверье, что это татарский воин, окаменевший в ужасе при виде речной преграды, вдруг оказавшейся на пути к спасению.

На Мече русские прекратили преследование. После сорокаверстной скачки лошади были обессилены вконец. Прекратить погоню и как можно скорее возвратиться под свои полковые и отрядные стяги вынуждало русских и другое обстоятельство. Где-то совсем недалеко от Куликова поля уже стоял союзник Мамая, великий князь Литовский Ягайло со свежим войском. И какими будут его действия, предсказать никто не мог. Поэтому русскому войску необходимо было немедленно сосредоточиться, привести себя в порядок, чтобы оказаться в состоянии принять новое сражение.

День 8 сентября клонился к закату. В стане русских трубили трубы, призывая уцелевших воинов под стяги полков. На этот зов собирались ратники, еще не остывшие от боя, возбужденные, только что заглянувшие в лицо смерти. Посреди Куликова поля по-прежнему возвышалось изрубленное и избитое великокняжеское знамя с образом Спаса Нерукотворного. А вокруг, сколько видел глаз, расстиралось огромное побоище: «...трупы чело́вечья, аки сенныа громады: борз конь не может скочити, а в крови по колени бродяху...» Как повествует «Сказание о Мамаевом побоище», под великокняжеским стягом «на костех» встал Владимир Серпуховской, приняв, таким образом, верховное командование русским войском. К нему явились братья Ольгердовичи.

Первым делом необходимо было выяснить судьбу великого князя. Из расспросов очевидцев следовало, что Дмитрий Иоаннович крепко бился с врагами, получил тяжкие раны, но, скорее всего, остался жив. Начались поиски. По полю разъехались специально высланные люди¹⁴.

В распространенной редакции «Сказания» о поисках великого князя говорится: «А князь Владимир встал на поле битвы под черным знаменем. И не нашел полку брата своего, великого князя Дмитрия Иоанновича. И повелел трубить в сборную трубу. И по-

¹⁴ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 237.

дождал час, и не нашел великого князя, и стал с плачем говорить: «Братья мои милые, кто видел и кто слышал своего пастыря, великого князя?» И стал он рыдать и кричать и по полкам ездить, говоря: «Поражен пастырь – овцы разбредутся. Для кого же эта честь? Кто победителем явится?»

И сказали ему литовские князья: «Мы думаем, что он жив, но тяжело ранен. Может быть, он среди мертвых лежит». Другой воин сказал: Я видел его в пятом часу, он крепко бился с врагом своей палицей». Еще один сказал: «Я видел его позднее, он бился, и четыре печенега налегали на него». Юрьевский юноша, некий князь по имени Стефан Новосильский, сказал: «Я видел его перед самым твоим приходом, пешим шел он с побоища, был тяжко ранен. Я не помог ему, потому что гнались за мной три татарина, но милостью божьей я едва от них спасся и очень от них натерпелся». Князь Владимир сказал: «Знайте, друзья и братья, если кто найдет живым брата моего, воистину будет первый его рачитель».

Дружинники рассыпались по огромному побоищу, ища победителя. И нашли Михаила Андреевича Бренка, убитого, в одежде и шлеме великого князя. Другие же нашли князя Федора Семеновича Белозерского, приняв его за великого князя, потому что он был на него похож.

А два неких воина отклонились направо, один из них по имени Сабур, а другой – Григорий Холопищев, родом оба костромичи. Они чуть отъехали с побоища и нашли великого князя раненого, лежащего под срубленным деревом березовым.

Войско вновь обрело своего полководца. В древнейших летописях нет никаких сведений о том, что Дмитрий Иоаннович был ранен и покинул поле сражения.

За эти дни стояния за Доном «на костях» на поле битвы русские могли воочию убедиться в масштабе побоища. Тысячи и тысячи мертвых татарских тел устилали громадное пространство от Непрядвы до Мечи. Их никто не хоронил, они истлевали на солнце, становились добычей хищных зверей и птиц, во множестве собравшихся на страшное пиршество. В один день огромное, внушавшее ужас своей силой войско Мамай перестало существовать.

Жалкие остатки его растворились где-то в степных просторах. Русским достались внушительные трофеи: ордынские таборы со всем их содержимым – драгоценной казной, богатыми одеждами, утварью, а главное, оружием и доспехами, ценившимися больше всего. Воины получили достойное вознаграждение за тяжкие ратные труды. Они обрели «корысть многу», обогатились за счет военной добычи. Целые табуны лошадей, стада волов и верблюдов достались победителям.

В первые же часы после битвы стала очевидной ужасающая, ни с чем не сравнимая цена одержанной победы. Один из самых сильных эпизодов «Сказания о Мамаевом побоище» – объезд великим князем поля только что завершившегося сражения. С трудом поднялся великий князь. Доспехи его были иссечены, но смертельной раны на теле не оказалось, сознание же потерял он от излишнего напряжения и усталости. «И уже вечер был, – говорит В. Н. Татащев, – он же, забыв болезнь свою, послал всюду искать приятелей своих раненых, опасаясь, что без помощи изомрут. И тут пребывал ночь ту. На следующее же утро, отдохнув от удара своего и от поту своего и от болей своих утешившись, призвал брата своего князя Владимира Андреевича и прочих князей и все воинство сладкими словами возвеселил, похвалил и возвеличил их, что так постояли за православную веру и за все православное христианство. И пошел на побоище с братом своим и прочими князи и воеводами, которых мало осталось. И видел мертвых, лежащих, как копны, и смешались христиане с татарами, кровь христианская сливалась с татарскою кровию, и было видеть это страшно и очень ужасно.

То, что он увидел, глубоко потрясло его, заставило вновь пережить весь ужас прошедших событий. Перед князем предстало «велико, грозно, сильно побоище». Дмитрий узрел «войска своего бита вельми многа», а татар – гораздо больше. И вспомнив о ночи накануне битвы, о вещих предсказаниях Боброка-Волынского, он сказал воеводе: «Не ложна есть примета твоя».

Согласно основной редакции «Сказания», великий князь «отъехав на новое место, повелел трубить в сборные трубы, созывать людей.

Храбрые же витязи достаточно испытав оружие свое над погаными половцами, со всех сторон бредут под трубный звук. Шли весело, ликуя, песни пели: те пели богородичные, другие – мученические, иные же псалмы, – все христианские песни. Каждый воин едет, радуясь, на звук трубы.

Когда же собрались все люди, князь великий стал посреди них, плача и радуясь: об убитых плачет, а о здоровых радуется. Говорил же: «Братья мои, князья русские и бояре поместные, и служилые люди всей земли! Подобаает вам так послужить, а мне – по достоинству восхвалить вас. Если же сбережет меня господь и буду на своем престоле, на великом княжении, в граде Москве, тогда по достоинству одарю вас. Теперь же вот что сделаем: каждый ближнего своего похороним, да не будут зверям на съедение тела христианские».

Стоял князь великий за Доном на костях восемь дней, пока не отделили христиан от нечестивых. Тела христиан в землю погребли, а нечестивых тела брошены зверям и птицам на растерзание¹⁵.

И сказал князь великий Дмитрий Иоаннович: «Сосчитайте, братья, скольких воевод нет, скольких служилых людей». Говорит боярин московский, именем Михаил Александрович, а был он в полку у Николая у Васильевича, счетчик был гораздый: «Нет у нас, государь, 40 бояр московских, да 12 князей Белозерских, да 13 бояр посадников новгородских, да 50 бояр Новгорода Нижнего, 40 бояр серпуховских, да 20 бояр переяславских, да 25 бояр костромских, да 35 бояр владимирских, да 50 бояр суздальских, да 40 бояр муромских, да 33 бояр ростовских, да 20 бояр дмитровских, да 70 бояр Можайских, да 60 бояр звенигородских, да 15 бояр угличских, да 20 бояр галичских, а младшим дружинникам и счета нет; но только знаем: погибло у нас дружины всей двести пятьдесят тысяч и три тысячи, а осталось у нас дружины пятьдесят тысяч».

И сказал князь великий: «Слава тебе, высший творец, царь небесный, милостивый Спас, что помиловал нас, грешных, не отдал нас в руки врагам нашим, поганым сыроядцам. А вам, братья, кня-

¹⁵ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 48.

зья и бояре, и воеводы, и младшая дружина, русские сыны, суждено место гибели: между Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю Русскую, за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в сей жизни и в будущей!». И плакал долгое время, и сказал князьям и воеводам своим: «Поедем, братья, в свою землю Залескую, к славному граду Москве, вернемся в свои вотчины и дединцы: чести мы себе добыли и славного имени!»¹⁶

Объезжая поле Куликово, великий князь делал все новые и новые страшные открытия. Вот лежат все вместе князья Белозерские, «яко един за единого умре». Рядом – воевода Михайло Васильевич. На месте самой жестокой сечи, где стоял под ударами татар большой полк, великий князь увидел тело своего двойника Михаила Бренка, погибшего за него. Поблизости лежал «твердый страж» Семен Мелик, тут же Дмитрий Иоаннович обнаружил тело Микулы Вельяминова, мужа сестры Марии, супруги Дмитрия Иоанновича и брата казненного Ивана. Затем великий князь подъехал к месту поединка Пересвета с татарским богатырем. Они лежали рядом. «Видите, братие, починальника своего, яко сий Александр Пересвет, пособник наш, благословен игуменом Сергием, и победы велика, сильна, зла татарина, от него же было пити многим людям смертнаа чаша», – сказал тогда Дмитрий Иоаннович своим спутникам. На другой день был отслужен благодарственный молебен и совершена панихида по убитым.

«И воспели священники, – говорит летописец, – вечную память избиенным от татар на Куликовом поле, князь великий с братом своим и все воинство пропели вечную память с плачем и слезами».

Потери русского войска на Куликовом поле были огромны. Число потерь на Куликовом поле источники называют не одинаково. От 253 тысяч и выше, что не соответствует действительности. Поскольку большинство историков до постсоветского периода придерживались мнения, что в битве принимали участие около 150 000 человек, то можно сказать на поле битвы пали десятки и десятки тысяч человек, две трети всего войска.

¹⁶ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 48.

И тем не менее они не дрогнули, нашли в себе мужество и волю продолжать бой. Войско до конца сохраняло боевую устойчивость, несмотря на тяжелейшие, поистине невосполнимые потери среди его командного состава.

В числе погибших героев Куликова поля разные источники упоминают князей Федора и Ивана Белозерских, воевод Тимофея Васильевича Валуя, Микулу Васильевича Вельяминова, Андрея Ивановича Серкизова, Михаила Ивановича Акинфова, Льва Морозова, Константина Кононова, Семена Михайловича, Михаила Ивановича, боярина Михаила Бренка, разведчика Семена Мелика, монахов Пересвета и Ослябю, князей Федора и Мстислава Тарусских, Владимира Дорогобужского, Ивана Моложского, Юрия Мещерского, а также князей Углицких, ростово-ярославских князей. Особенно отличились в битве ростовские князья. Они стояли крылом своим у Большого оврага, идущего к реке Непрядве и селу Рождественскому, потом перешли ручей Верходубье и Липовой, впадающие в реку Смолку, где и бились с татарами, имея позади себя реку Непрядву и лес. В самой кровавой сече бились с татарами у Рыбного оврага, дошли до устья Утиног, тоже впадающего в Смолку, дошли, наконец, и до Красного холма.

По данным военного музея Москвы, в битве участвовало 44 князя. Из них погибли 24. Существует и так называемый список боярских потерь, включивший, очевидно, не только бояр, но и детей боярских. По данным редакции «Сказания», в числе избитых князей было 15 князей Белозерских. В отношении числа погибших бояр А. Н. Кирпичников считал, что их погибло от 697 до 873 человек, с учетом пропусков, дополнений и некоторого различия в цифрах. В книге мы помещаем сведения о потерях бояр согласно данным церкви Рождества Пресвятой Богородицы в старом Симонове (см. приложение III). Никоновская летопись подводит следующий мрачный итог битвы: «Оскуде бо отнюдь вся земля Руская воеводами, и слугами, и всем воиньством, и о сем велий страх бысть на всей земле Русей». Цену кровавой Куликовской победе пришлось измерить уже через два года, когда Москва не смогла выставить полноценного войска против полчищ Тохтамыша.

Восемь дней русские хоронили своих убитых на Куликовом поле. Несмотря на то что тел было без счету, а сил у воинов уже не оставалось, Дмитрий Иоаннович приказал похоронить всех: «Да не будут зверем на снедение телеса христианьскаа».

Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», Дмитрий Иоаннович «повеле ямы копати великие на превысоцем месте». Предание гласит, что похоронили павших воинов там, где ныне располагается село Монастырщина. Место это действительно «превысокое», просторное, исполненное духом вечности. Здесь, над слиянием Дона и Непрядвы, берег поднимается «отлогом великим» почти на 40 метров, словно гигантский могильный курган. Невольно верится в старинное предание о том, что именно на этом холме, наедине с небом, нашли последнее пристанище павшие в битве, и на костях их была поставлена церковь Рождества Богородицы, срубленная из дубов Зеленой дубравы. Само название села Монастырщина свидетельствует о существовании здесь когда-то монашеской обители. Она была основана еще до Куликовской битвы. Потом стали поминать здесь павших в битве воинов. По другим данным, согласно преданию, название свое село получило потому, что оно было вотчиной монастыря, основанного еще Дмитрием Донским¹⁷.

Древнего монастыря давно нет. Но над вечным покоем вот уже полтора столетия, с 1865 года, стоит краснокирпичный сельский храм Рождества Богородицы – как знак вечной памяти о великой битве. Массовые же захоронения на Куликовом поле не обнаружены до сих пор, так как очевидно за давностью битвы кости превратились в прах. Известно, однако, что останки некоторых знатных и видных участников битвы были положены в дубовые колоды и вывезены для погребения в другие места. Немало подвод с этим скорбным грузом разъехалось тогда по храмам и монастырям Руси. С поля битвы были собраны копья, панцири, кольчуги, шлемы, щиты и отправлены в Москву ввиду дороговизны металла в тогдашнее время.

О времени кончины и месте погребения Андрея-Осляби вкралась ошибка, которая вошла в научный оборот. В некоторых из-

¹⁷ Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. С. 124.

даниях о Куликовской битве, в частности в русском биографическом словаре А. А. Половцова, говорится, что через несколько лет после битвы, в 1398 году Ослябя был послан в Константинополь к императору, очевидно к Иоанну V Палеологу, с милостынею «оскудения их ради»¹⁸. Дело в том, что послать старца-схимонаха в далекий Константинополь было невозможно. Ослябя, участвуя в битве, был опытным воином, следовательно, в 1398 году уже находился в зрелом возрасте. Оба брата – Пересвет и Ослябя – боевой опыт получили в кампании против литовцев в конце 60-х годов. Через 18 лет после битвы он был почти стариком, и посылать его, схимонаха, с милостыней было бы странно.

Очевидно, что погибшего Андрея (Ослябю) из-за созвучности имен со временем могли, полагая, что речь идет об одном и том же лице, перепутать со здравствующим сродником его, также чернецом Иродионом Ослябтей, которого послали в Константинополь. После этого упоминания стало фигурировать имя Иродион (Родион)¹⁹ и занимать место настоящего Осляби – святого Андрея. Имя же Адриан созвучно настоящему имени Андрей и могло занять ненадлежащее место. Таким образом, неумышленно однажды могла вкратиться ошибка, которая автоматически тиражировалась с тех времён и дошла до наших дней. Последние же писатели не вдавались глубоко в исследование и переписывали то, что видели.

В труде «Живая вода Непрядвы» говорится о том, что помимо того, что Ослябя – родной брат Александра Пересвета, у него, оказывается, было два сына: «один – Иаков – погиб на Куликовом поле, а другой – Родион – упоминается в летописи в 1395 году, как московский (возможно, симоновский) монах»²⁰.

Приведем некоторые данные, свидетельствующие о том, что Ослябя пал на Куликовом поле. По «Сказанию о Мамаевом побоище» в редакции летописца князя И. Ф. Хворостина: «...старцы

¹⁸ Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. общ-ва А. А. Половцова. Т. 6. Дабелов-Дядьковский. — СПб., Имп. Рус. ист. общ-во, 1905. С. 393.

¹⁹ Видимо, так впервые появляется имя Родион (от Иродиона).

²⁰ Живая вода Непрядвы / Сост., коммент. и пер. с древнерус. текстов А. И. Плигузова. — М.: Молодая гвардия, 1988. С. 608.

Пересвет да Ослябя убиенны быша». Естественно, что монах шел в бой умирать в самую горячую точку сражения.

В книге действительного советника, члена Императорского Русского военно-исторического общества, маститого историка Александра Нечволодова сообщается не только о том, что «Пересвет и Ослябя шли в передовом полку», но и что «кроме Пересвета, погиб и славный инок Ослябя»²¹.

Отец Иаков Остроумов в книге о церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Симонове (1912 г.), утверждает: «...князь распорядился хоронить тела павших русских, а тела иноков Пересвета и Осляби он отправил в дубовых колодах в Москву для погребения в церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что на Старом Симонове...»

И. М. Снегирев в «Русской Старине» приводит из рукописной книги XVII века, содержащей сказание о всех российских святых чудотворцах, выписку: «Зде, на старомъ, что Симонове, положены у церкви деревянные Рождества Пресвятыя Богородицы ученики Сергия Радонежского: 1) в иноцехъ Адриан, 2) в иноцех Александр, что были посланы от святаго Сергия Великому Князю Дмитрию Иоанновичу на безбожного царя Мамай, еже победити его, еже и бысть: последи же и сами убиении быша на Дону от татар в лето 6888 (1380) и оттоле мощи их взяты и положены в палатке каменной под колокольнею и дски каменные». В той же книге говорится также вполне определенно: «Много же в этой кровавой битве погибло Русских воинов, погиб и другой инок-воин Сергиевой обители – Ослябя»²².

В книге Ю. М. Лощица «Дмитрий Донской» приводится очередное подтверждение: «С. К. Шамбинаго упоминает о рукописных святцах XVII века, в которых записано, что «воины Адриан Ослябя и Александр Пересвет, принесенные с битвы, были схо-

²¹ Нечволодов А. Д. Сказания о Русской Земле. С. 792.

²² Мартынов А. А., Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Тетр. 5. — М., 1848. С. 32—35; Мартынов А. А., Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Т. II / 2-е изд. с доп. — М., 1850. С. 60—74.

ронены в Симоновом монастыре близ деревянной церкви Рождества Богородицы в каменной палатке под колокольной, и над ними были поставлены каменные плиты без надписей»²³.

В прошении к преосвященному Платону о разрешении построить теплую трапезную, к делу о постройке был представлен план, в разъяснении к которому иноки-воины названы страсто-терпцами. Член Археологического общества Николай Розанов пишет об этом в своей книге, посвященной 500-летию основания этой церкви, замечая: «...иноки воины, привезенные с Куликовской битвы, положены, как выше сказано, “при церкви деревянная Рождества Пресвятыя Богородицы в палатке каменной под колокольною”»²⁴.

Митрополит Московский Платон в 1794 году устроил два каменных надгробия, написав: «В надежде воскресения, здесь преданы земле тела блаженных иноков Александра Пересвета и Родиона Осляби, которые в 1380 году... положили за отечество живот свой...»

К 500-летнему юбилею была изготовлена уникальная серебряная позлащенная лампада по рисунку Корсунского паникадила, что находилось в Новгородском Софийском соборе. Обод лампы был украшен шестью иконами, а между ними вставлено 30 сибирских рубинов и изумрудов. В нижней же части лампы на трех щитках имелись надписи годов: 1370 – обретение места для Симонова монастыря, 1380 – погребение иноков Пересвета и Осляби.

Наконец, в православном церковном календаре 2009 года за 7 (20) сентября указано время кончины Андрея Осляби – 1380 год, хотя не сказано о том, что он пал на Куликовом поле. Очевидно, он умер в дороге или Андрея Ослябя привезли тяжело раненного в Москву, где он в скором времени и скончался. Память схимонахов-воинов Александра Пересвета и Андрея Осляби цер-

²³ Лоциц Ю. М. *Дмитрий Донской: Сборник / Авт.-сост. Ю. М. Лоциц.* — М.: Новатор: Кренов, 1996. С. 243.

²⁴ Розанов Н. П. *История Церкви рождества пресвятыя богородицы на старом Симонове, в Москве. К ее пятисотлетию (1370—1870).* Соч. Н. Розанова. — М.: тип. Т. Рис, 1883. С. 21.

ковью празднуется во второе воскресенье после праздника святой Троицы и 7 (20) сентября.

Согласно основной редакции «Сказания», старое Симоново было родным для Троице-Сергиевой пустыни. Архимандрит Феодор, как мы знаем, тоже подвизался у святого Сергия в обители. Он и назначил братьям место покоя у церкви Рождества Богородицы в старом Симонове. По достоверному преданию, Архимандрит Феодор отдал в обитель образ Спасителя, сопутствовавший войску в битве на Куликовом поле, и пожаловал монастырю землю на месте битвы – село Рождествино, иначе Монастырщина.

«"Поганый" Мамай побежал тогда с побоища и прибежал к граду Кафе²⁵. Утаив свое имя, он прибежал в свою землю и не мог терпеть, видя себя побежденным, посрамленным и поруганным. И снова гневался и разъярялся и замышлял злое против Русской земли, рыча, как лев, как неутолимая ехидна. И, собрав оставшиеся свои силы, хотел набегом идти на Русскую землю. И когда он так замышлял, внезапно пришла к нему весть, что царь именем Тохтамыш с востока, из Синей Орды, идет на него. Мамай же приготовился идти с войском на Русскую землю, и он с тем войском пошел против царя Тохтамыша. И встретились они на Калках, и был великий бой. И царь Тохтамыш победил царя Мамая и прогнал его. Мамаевы же князья и вельможи, есаулы и алпауты били челом Тохтамышу. Он принял их и захватил Орду и сел на царство. Мамай же прибежал один в Кафу, утаив свое имя, и пребывал тут. Был опознан неким купцом и тут убит был от итальянцев и потерял свою жизнь.

Услышал Ольгерд Литовский, что князь великий Дмитрий Иоаннович победил Мамая, и возвратился восвояси со многим стыдом.

Олег Рязанский, услышав, что князь великий хочет послать против него войско, убоялся и побежал из своей отчины с княгиней и с боярами. И рязанцы били челом великому князю, и князь великий посадил на Рязани своих наместников»²⁶.

²⁵ Ныне город Феодосия в Крыму.

²⁶ Дмитриев Л. А., Лихачева О. П. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982, с. 48.

Покинув место проигранной битвы, оставив своих воинов погибать под русскими копьями и стрелами, Мамай вовсе не смирился с участью неудачника. Он жаждал реванша. Военные ресурсы Мамаевой Орды не были исчерпаны даже после потери многотысячного войска на Дону. Остались у Мамаю и достаточные средства на войну.

Итальянские колонии в Причерноморье продолжали финансировать его, получив взамен обширные земли на крымском побережье от Судака до Балаклавы и во внутренних областях полуострова. Быстро собрав «остаточную силу», Мамай решил вновь идти на Русь. Он извлек урок из поражения и не собирался повторять прежних ошибок. Теперь Мамай намеревался напасть стремительно и внезапно – «изгоном». Но время для набега было уже безнадежно упущено. Главный соперник Мамаю в борьбе за владычество над всей Ордой хан Белой и Синей Орды Тохтамыш перешел Волгу и повел свое войско в половецкую степь. Мамаева «остаточная сила» вынуждена была выступить навстречу.

Две армии сошлись на реке Калке, той самой, на берегах которой полтора столетия назад ордынцы наголову разбили русско-половецкую рать. В битве Мамай потерпел поражение. Его «остаточная сила» оказалась лишь блеклой тенью былого военного могущества. Все лучшее, самое боеспособное осталось на Куликовом поле пищей для степных хищников. От неудачливого правителя отвернулись его приближенные. Они явились в стан Тохтамыша и, присягнув на верность, поступили на службу к новому владыке. Мамай с несколькими верными нукерами бежал на юг. С собой он не забыл захватить «множество имения, злата и сребра». Тохтамыш немедля снарядил погоню. Он хорошо знал: выигранная война еще не победа, пока жив его опасный соперник. Ведь когда-то и сам Тохтамыш в борьбе за власть над Белой Ордой потерпел страшное поражение, потерял войско, был ранен и спасся, лишь бросившись в бурную Сырдарью и переплыв ее под стрелами врагов. Тогда с помощью Тимура ему удалось возродить свою военную мощь. Теперь хан не хотел, чтобы его враг смог повторить нечто подобное.

Мамай бежал в те места, откуда началось его восхождение к власти, – в Крым. Здесь, в генуэзской Кафе, связанной с ним договором, он попросил убежища, рассчитывая поправить свои дела, чтобы в будущем вновь вступить в борьбу. Кафинцы согласились принять беглеца.

Однако суровые законы политики, как всегда, оказались сильнее и обычаев гостеприимства, и договорных обязательств, и благодарности за прежнее покровительство. Посовещавшись, правители Кафы решили, что неразумно ссориться с новым властителем Орды из-за неудачника. В результате Мамай был обманут и убит, вернее, казнен на площади Кафы 28 ноября 1380 года. Судьба сильной личности, претендовавший на роль «нового Батыя», завершилась бесславно. Расчеты колонистов полностью оправдались: поставленный Тохтамышем правитель крымского Салхата в договоре с консулом Кафы подтвердил все территориальные уступки, сделанные Мамаем генуэзцам.

Огромная степная держава, которую много лет трудами и кровью строил безродный темник и которая могла стать ядром возрождения единой могучей Золотой Орды, рухнула в считанные недели. Смертельную рану ей нанесла Куликовская битва. Тохтамышу оставалось лишь добить тяжело раненного врага. Новый хан, прирожденный Чингизид, неукротимый воитель и коварный политик, завладев остатками империи Мамая, объединил под своей властью основные части Золотой Орды. Но это единство было ущербным: из войны с Москвой и последовавшей за нею вспышкой междоусобицы Орда вышла ослабленной, обескровленной. Слабости этой она так до конца и не смогла преодолеть. Не восстановила она и во всей былой полноте свое владычество над Русью.

Но и русским дорого обошелся решительный шаг к независимости, сделанный на Куликовом поле²⁷. Огромные потери еще долго не были восполнены. На первых порах между объединенной Тохтамышем Ордой и союзом русских княжеств во главе с Москвой создалось примерное равновесие сил. Это способствовало

²⁷ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 251.

установлению отношений, которые можно было назвать добрососедскими и даже союзническими. Еще до гибели Мамаю Дмитрий Иоаннович послал к Тохтамышу своих «киличеев» – Толбугу и Мокшею «с дары и поминки». Борьба с общим врагом временно объединила потомков Александра Невского и Чингисхана. Конечно, Москве было невыгодно, чтобы Орда вновь объединилась под твердой рукой одного хана и обрела прежнее могущество. Но Дмитрия Иоанновича беспокоила возможность нового нашествия Мамаю, да и вряд ли думал он, что ордынские междоусобицы закончатся так быстро. Поэтому московский князь поддержал «законного царя».

Воцарившись в Сарай-Берке и покончив с главным соперником, Тохтамыш первым делом отправил в русские княжества посольства, возвещая о своем восшествии на ханский престол и о победе над общим врагом – Мамаем. Хан напоминал о единстве интересов. Он не требовал ни дани, ни изъявлений покорности. Это можно было понять так, что Русь из рабыни Орды превращается в ее младшую союзницу.

Послы Тохтамыша повсюду встретили достойный прием. Им была оказана подобающая честь, поднесены богатые дары. Зимой–весной 1381 года в Сарай-Берке направились ответные посольства из русских княжеств. Казалось, во взаимоотношениях Орды и ее вассалов наступает новая эпоха. Но так продолжалось недолго. Пока Русь оставалась де-факто независимой и не платила регулярной дани, Тохтамыш не мог считаться в глазах своих подданных и сам себя считать подлинным наследником великих ханов Золотой Орды. Москва страшила его возросшей мощью, раздражала славой победительницы татар. Кроме того, на юго-востоке владений Тохтамыша назревала война с его бывшим покровителем – могущественным Тимуром. Хану нужны были деньги и спокойный тыл. Добиться того и другого можно было за счет восстановления ордынского владычества над Русью.

Возвращение великого князя в Москву

огда до русского стана дошли вести, что войско Ягайлы повернуло вспять и опасность нападения миновала, погибшие были похоронены и оплаканы, настала пора покинуть Куликово поле. Воздав хвалу воинам за самоотверженную службу и пообещав достойные награды, Дмитрий Иоаннович отпустил по домам ратников, которых было от 40 до 50 тысяч человек. Роспуск войска происходил так же, как и его сбор, – в ходе возвратного марша. Те отряды и отдельные ратники, кому было не по пути с основными силами, добирались до родных мест самостоятельно. В дороге их поджидало немало опасностей. Несмотря на разгром Мамая, его союзник Ягайло продолжал находиться в состоянии войны с Москвой. Его отряды нападали на ратников, возвращавшихся с Куликова поля домой, в литовские и западнорусские земли и отклонившихся от пути следования войска Дмитрия Иоанновича. Многие были ограблены, взяты в плен и проданы в рабство. Об этом сообщают прусские хроники. Опрометчиво поступили и те, кто решил пробираться на родину самостоятельно, через владения Олега Рязанского. Отношения Москвы и Рязани оставались недружественными. Рязанцы и литовцы организовали настоящую охоту на возвращавшихся с Донского побоища, их «имали, и грабили, и нагих пущали»¹.

¹ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 242.

Вадим Николаевич Ашурков (†1990) дополняет, что в стремительных, жестоких схватках были новые потери. Народное предание и сейчас связывает родник «Двенадцать ключей», который находится близ деревни Свиридово (Веневский район Тульской области), с героической гибелью в неравном бою с врагом двенадцати русских витязей, возвращавшихся с Куликова поля².

Самым безопасным для ратников было следовать вместе со всем войском. Никто не мог покуситься на истерзанную, но победоносную армию. 14 сентября, в праздник Воздвижения Животворящего Креста, войско Дмитрия Иоанновича перешло Дон. Куликово поле опустело. Обратный путь армии шел через рязанские владения. Угроза отмщения казалась вполне реальной. Олег, не обладая достаточной вооруженной силой для отстаивания своей «отчины», покинул Переславль-Рязанский и с дружиной отъехал поближе к литовской границе, под крыло союзника и покровителя Ягайлы. Однако начинать новую войну и даже обострять отношения с соседом Дмитрий Иоаннович не хотел и оставил в силе строгий приказ, данный им еще на пути к Дону: не трогать никого и не брать ничего в Рязанской земле.

Еще на пути к Куликову полю инок Александр-Пересвет оставил свой посох в часовне святого Дмитрия Солунского, которая находилась примерно в 40 км от поля и в семи – от города Скопина, на левом берегу реки Варды, на горе около деревни Дмитриевки. На обратном пути великий князь здесь останавливался, почтил память своего небесного покровителя, которого в день сражения видели на небе помогающим русскому воинству. Позже на месте часовни построили мужской Дмитриевский Рязский монастырь, основанный Дмитрием Иоанновичем. Уникальный яблоневый посох до 1917 года находился во святой обители, а затем оказался в краеведческом музее Рязани. Посох имеет два аршина длины и 5,5 фунта весу. Снизу он обрезан на шесть вершков, а в рукояти обгрызен. По вере человека посох имеет целительные свойства.

21 сентября великокняжеское войско достигло Коломны. Первый на обратном пути московский город встретил куликовских по-

² Ашурков В. Н. Указ. соч. С. 276.

бедителей звоном церковных колоколов, всеобщим ликованием горожан. Всего месяц назад русское воинство уходило отсюда в полную неизвестность и, как многим казалось, на верную смерть. В Коломне с особым волнением ждали известий из-за Оки. В случае поражения Дмитрия Иоанновича пограничному городу была уготована участь первой жертвы «нового Батыя». Вместе с великокняжеским войском ушла в Поле и многочисленная коломенская рать во главе с воеводой Микулой Вельяминовым. Вероятно, Коломна первой из всех русских городов получила радостное известие о небывалой победе на Дону.

Через несколько дней пришло и само войско победителей. Епископ Герасим, встречая Дмитрия Иоанновича со всем духовенством, крестами и иконами в городских воротах, не скрывал слез. Чувства переполняли и великого князя. Дмитрий напомнил Герасиму о его благословении, данном в самый трудный час.

Четыре дня стояло войско в Коломне. Все это время город радовался и скорбел. Рать коломенская вернулась сильно поредевшей. Она билась в составе передового полка, который принял на себя удар татарской конницы еще в начале сражения и затем не выходил из боя. Как повествуют «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище», «двадцать бояринов коломенских сложили головы на поле Куликовом». Погиб и воевода Микула Вельяминов. Должно быть, тела бояр привезли в Коломну и похоронили с почетом. Микула Васильевич, вероятнее всего, упокоился в московском Бого-явленском монастыре, родовой усыпальнице Вельяминовых. Рядовые воины остались за Доном, в земле Куликова поля.

24 сентября войско оставило гостеприимную Коломну. Епископ Герасим во главе крестного хода проводил рать далеко за город, до берегов Северки, и, благословив, отпустил великого князя. Дмитрий Иоаннович разделил свою армию. От Дона до Коломны она двигалась, по-видимому, одной большой колонной. Путь тогда пролегал через владения Олега Рязанского, и приходилось быть начеку: держать силы сосредоточенными в кулак. Войско значительно уменьшилось численно, но теперь его сопровождали захваченные у татар огромные табуны лошадей, гурты волов

и верблюдов, обозы, тяжело груженные трофеями, множество подвод с убитыми и ранеными. Всей этой массе продвигаться в одной колонне по одной дороге было неудобно. Поэтому, как только войско вступило в московские владения, Дмитрий Иоаннович по-новому организовал марш. С берегов Северки он отпустил Владимира Андреевича с частью полков по Шубинской дороге на Котел. Сам же с братьями Ольгердовичами и главными силами направился в Москву по Брашевке через Боровский перевоз. В столицу был послан гонец с вестью о том, что великий князь жив и с победой возвращается в свою отчину.

За шесть дней войско преодолело путь от Коломны до Москвы. Такая неторопливость объяснялась, видимо, не столько усталостью воинов после дальнего и трудного похода или отягощенностью армии огромными обозами и трофейным скотом, сколько желанием вступить в столицу именно 1 октября, в великий праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Ощущение высокого небесного покровительства Пречистой пронизывало все существо русских людей, вовлеченных в водоворот событий лета–осени 1380 года. Это чувство укрепляло их веру в правоту своего дела и вселяло уверенность в победе. На 15 августа, день Успения Богородицы, пришелся сбор русских ратей в Коломне; 8 сентября, в Рождество Божьей Матери, на Куликовом поле был разбит Мамай. Праздник Покрова предстояло ознаменовать окончанием победоносного похода и торжественным вступлением войска в Москву.

Накануне оба главных военачальника, Дмитрий Иоаннович и Владимир Андреевич, съехались в подмосковном селе Коломенском, вотчине серпуховского князя. Войско в это время подошло к Спасо-Андроникову монастырю и расположилось по берегам Яузы.

1 октября 1380 года Москва встретила героев Куликова поля. Эта встреча описана лишь в позднейших вариантах «Сказания о Мамаевом побоище», и некоторые ее подробности кажутся мало-правдоподобными. Например, участие в событии митрополита Киприана, который, по-видимому, в то время все еще оставался в Киеве. Однако, по мнению академика М. Н. Тихомирова, «в остальном рассказ не внушает особого недоверия». Торжественная це-

ремония началась в Андрониковом монастыре. Дмитрий Иоаннович выслушал немало восхвалений. Его сравнивали с великими предками-воителями, называли вторым Александром Невским и Ярославом Мудрым, победителем врагов своих. Как и подобало смиренному христианину, Дмитрий отвечивал, что «крепко сражался» прежде всего за святые церкви, за веру православную и за землю Русскую и лишь потом за свою «великую обиду», что победа одержана волей и помощью Господа, молитвой святых страсотерпцев Бориса и Глеба и преподобного Сергия.

Спасение Руси от нашествия «второго Батыя» должно было казаться настоящим чудом даже тем, кровью и страданиями которых оно совершилось. Участники похода лучше остальных знали, какая гроза надвигалась на Русскую землю, на каком тонком волоске все держалось и какой переменчивой бывала военная удача. Как никто другой они понимали: ни численность войска, ни его вооружение, ни ратное умение воинов и мудрость полководцев одни лишь не могли привести к такому исходу битвы. Мамаевы полчища были несметны, хорошо сплочены, вооружены не хуже русских, татары не уступали противнику в бесстрашии, боевом мастерстве, в полководческом опыте. Но в тот день на Куликовом поле словно некая сверхсила вселилась в русское войско, заставляя его необоримо стоять под неотразимыми, казалось, ударами и отвечать врагу сторицею. Высокий духовный подъем, внутреннее преображение, чувство победы над собственной слабостью и страхом, над самой смертью – все это воспринималось как свидетельство благодати, снизошедшей свыше. Участники событий глубоко ощущали свою сопричастность небесным силам, Божьему промыслу, считали себя его исполнителями.

Отстояв литургию в Андрониковом монастыре и помолившись затем в одиночестве перед образом Спаса Нерукотворного, привезенным митрополитом Алексием из Царьграда, Дмитрий Иоаннович направился в столицу. С ним ехали Владимир Серпуховский, братья Ольгердовичи и все славное воинство. Московское духовенство, тысячные толпы народа сопровождали шествие в кремль. У Фроловских ворот процессию встретили жены князей, воевод,

простых ратников. Было пролито много слез. Великая княгиня Евдокия Дмитриевна плакала от радости. Тут же голосили жены, матери и сестры погибших: «Уже бо солнце наше закатилось, а зори наша помрачашася; уже бо нам своих государей не видати». Были здесь и вдовы Тимофея Валуевича, Микулы Вельяминова, Андрея Серкизова, Михаила Бренка – Федосья, Марья, Марья и Аксинья. Слезы радости и горя долго не просыхали на Москве.

Великий же князь с княгиней Евдокией, сыновьями Василием и Юрием, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, Андреем и Дмитрием Ольгердовичами прошествовал в Архангельский собор и поклонился святому его образу и сказал: «Заступник наш, всей немощи нашей». И молился у прославленной иконы и потом пошел к образам сродников своих, благоверных князей Бориса и Глеба и сказал: «Воистину вы наши пособники и наши молебники к общему нашему владыке Христу. Вашими молитвами спасся я от наших супостатов, безбожных татар». И потом вышел из церкви с братом своим, с князем Владимиром Андреевичем, и с литовскими князьями и пошел в большую, в соборную церковь честного и славного Успения. И став пред святою иконою, прилежно молился со слезами и благодарственно говорил: «Всенепорочная Владычица Предстательница и Покровительница рода христианского, Твоими молитвами избавил нас Господь Бог от рода татарского, от нечестивых сыроядцев»³.

Потом пришел к образу Пресвятой Богородицы: «Поистине благочестивый евангелист Лука написал эту икону, госпожа, царица, христианская заступница, благодаря тебе познали мы истинного Бога нашего Иисуса Христа». И пошел к гробу преблаженного великого святителя Петра, митрополита Московского и всея Руси, и, став у гроба, начал молиться со слезами и сказал: «Ты преблаженный Петр, святитель наш и учитель, крепкий в битвах, молитвенник Христу, мы ведь из твоего стада, при твоем посредстве показал нам Господь Бог свою милость последнему роду нашему, тобою защитил нас Бог от сильного варвара и нечестивого басур-

³ Поле Куликово: энцикл. [В 2 т.]. Т. 2 / Сост. Г. И. Панишин. — Новомосковск: Тула: Гос. воен.-ист. и природ. заповедник «Куликово поле», 2001. С. 59.

мана, царя Мамаю, избавлены были от его сильной руки, ты зажег нам негасимую свечу, с твоею молитвою я сражался и победил своих врагов».

По преданию, в этот самый час за десятки верст от Москвы, в Троицком монастыре игумен Сергей внезапно прервал монашескую трапезу. Встав из-за стола, он начал читать хвалебную молитву. На общее недоумение Сергей отвечал: «Я вам, братие, говорю, что князь великий Дмитрий Иоаннович вернулся на свой престол невредимым».

Затем, согласно Киприановской редакции «Сказания», князь отправился в монастырь к Живоначальной Троице в Радонеж, к преподобному игумену Сергию, и помолился со слезами господу Богу и Пречистой Его Матери, и всем святым его, и получил благословение у преподобного игумена Сергия. И сказал ему: «Отче, твоими святыми молитвами победили мы измаильтян. А если бы твой чудный послушник, инок Пересвет-Александр, не убил великого татарского богатыря, то пришлось бы многим испить от него смертную чашу. Ныне же, отче, божиим попущением за многие наши грехи многое множество воинства христианского убито татарами». Князь просил, чтобы иноки пели панихиды и служили обедни по убитым. Так и было. Он одарил преподобного игумена Сергия и всю братию. И затем возвратился опять в Москву. И воссел на великом княжении Московском, своим наследстве от отцов и дедов, отдыхая от многих трудов и болезней, которые он претерпел за православную веру и за все христианство.

Главное дело своей жизни он завершил. Впоследствии Дмитрия Иоанновича так и стали называть – «Дмитрий Донской», а Владимира Андреевича – «Храбрый».

После Куликовской битвы, узнав о нападениях на возвращавшихся через рязанские земли воинов, Дмитрий Иоаннович намеревался было послать войско на соседа-недруга. Предвидя это, Олег отъехал вместе с семьей и ближним окружением к литовским границам. Рязанские бояре явились в Москву. Они упросили великого князя отказаться от вторжения и заявили о желании служить ему. В Рязанское княжество были посланы московские наместники,

и оно, таким образом, перешло под руку Москвы. Однако вскоре Дмитрий Иоаннович понял, что поспешил с решением. Нетрудно оказалось водвориться в Рязани, гораздо труднее было удержаться в ней. Слишком глубокие корни имел здесь Олег. Его независимая политика, решительность в отстаивании самостоятельности княжества были по душе рязанцам. Олег не смирился с утратой власти и сделал бы все, чтобы вернуться на княжение. В этом он мог рассчитывать на поддержку союзной Литвы.

Начинать новую войну, едва закончив старую, Дмитрий Иоаннович не хотел. Поэтому Дмитрий предпочел допустить возвращение Олега на княжение в Рязань. Взамен он выговорил выгодные для себя условия нового «докончания». Олег признал старшинство великого князя Московского и Владимирского и свое равенство удельному князю Владимиру Серпуховскому. Рязань соглашалась на территориальные уступки Москве, в числе которых была и Мещера. В договоре особо подчеркивалось: «...А к Литве князю великому Олгу целованье сложити». Зловещий для Москвы рязанско-литовский союз тем самым разрывался. Олег Иванович взял обязательство в отношениях с Литвой, Ордой и русскими княжествами во всем следовать великому князю Московскому. Рязань, таким образом, становилась «подручницей» Москвы, частью общерусского союза под верховенством Дмитрия Донского. Это был еще один шаг к единству Руси. Но Олега Ивановича договор, навязанный ему силой, тяготил. Он считал его временным и ждал лишь удобного момента, чтобы сбросить с себя все обязательства. Ждать пришлось недолго.

Как мы знаем, Москва оставалась без митрополита, и русское войско перед Куликовской битвой благословил Коломенский епископ Герасим. Князь категорически отказался признать Пимена. В этих условиях оставался один выход – обратиться к митрополиту Киприану, который находился в Киеве.

Такой поворот событий назревал давно. Еще до отъезда Михаила-Митяя в Константинополь великий князь был близок с московскими старцами, главой которых был Сергей Радонежский и которые не скрывали своего единомыслия с Киприаном.

Принятию такого решения способствовали и перемены во внешнеполитическом положении Московского княжества: с разгромом Мамай отпала опасность литовско-татарского союза. Напротив, православный митрополит мог стать проводником влияния Москвы, престиж которой резко возрос после одержанных побед. В феврале 1381 года Дмитрий Иоаннович отправил своего духовного отца преподобного Феодора, игумена Симонова Нового Московского в честь Успения Пресвятой Богородицы мужского монастыря, к Киприану в Киев. 23 мая святой Киприан был торжественно принят в Москве как законный общерусский митрополит. Когда осенью того же года Пимен вернулся из Константинополя, он был арестован по приказу великого князя под Коломной и сослан в Чухлому.

Во время нашествия Тохтамыша в августе 1382 года вместе с преподобным Сергием Радонежским митрополит Киприан укрылся в Твери, где пробыл до конца сентября, пока Дмитрий Иоаннович не вызвал его к себе. Прибыв в Москву в октябре, Киприан в том же месяце уехал в Киев (так как великий князь не принял его), вызвал из ссылки Пимена, посадил его на митрополичий стол. О причинах нового конфликта между Дмитрием Иоанновичем и митрополитом Киприаном источники не сообщают. Наиболее правдоподобным, как увидим потом, представляется предположение, что недовольство великого князя было связано с тем, что именно во время пребывания Киприана в Твери ее правитель князь Михаил Александрович уехал в Орду хлопотать о ярлыке на Владимирское великое княжение.

Сложившимся положением дел великий князь был не удовлетворен, о чем свидетельствует поездка летом 1383 года в Константинополь для поставления на митрополичью кафедру Суздальского архиепископа Дионисия, которого сопровождал духовник великого князя архимандрит Феодор. Эту поездку следует связывать с заключением в это время соглашения между Дмитрием Иоанновичем и Ягайло, когда, вероятно, была достигнута договоренность об отстранении и Пимена, и Киприана и возведении на стол третьего, не замешанного в предшествовавших смутах кандидата. Дионисий недавно вернулся из Константинополя, получив сан

архиепископа, и можно было рассчитывать, что его кандидатура будет хорошо принята в Константинополе. Патриарх Нил действительно поставил архиепископа Дионисия «митрополитом на Русь», но, когда в 1384 году он прибыл в Киев, соглашение между Москвой и Литвой было уже разорвано. По приказу киевского князя Владимира (Василия) Ольгердовича святой Дионисий был арестован и спустя полтора года умер в тюрьме.

Пока происходили эти события, митрополит Пимен продолжал управлять той частью Киевской митрополии, которая не подчинялась Киприану. Так, в конце 1383 года в Москве он поставил Михаила во епископа Смоленского – свидетельство, что Пимен признавали законным митрополитом не только на территории владимирского великого княжения, но и в других землях, политически тяготевших к Москве. Тогда же была создана новая кафедра – Пермская, на которую был хиротонисан святой Стефан.

Весной 1381 года митрополит Киприан и преподобный Сергей крестили Ивана – сына князя Владимира Андреевича.

Московский митрополит Киприан с мая 1381 года сразу же показал себя усердным пастырем монастырского общежительного движения. Он стоял за строгую монашескую дисциплину, за обособление братии от всего мирского, превращение ее в «черное воинство». Святой Киприан высказывал нестяжательские взгляды, считая, что «села и люди держати инокам не указано святыми отцами», что землевладение – «погуба чернецам». При новом митрополите активизировалась интеллектуальная жизнь церкви, заметно продвинулось книжное просвещение, укрепились связи с православным Востоком. Из Византии на Русь часто приезжали ученые монахи, стало больше привозиться книг и икон.

Возвратившись с победой с Куликова поля, великий князь Дмитрий Иоаннович исполнил обеты, данные им накануне битвы с Мамаем. Он разрешил преподобному Сергию основать новый общежительный монастырь во имя Успения Богородицы в лесной болотистой местности у впадения речки Дубенки в Дубну. Под самой Москвой, на Угреше, там, где великому князю была явлена икона святителя Николая, началось устройство другой обители –

Николо-Угрешской. Существует предположение, что уже первый храм здесь возвели в белом камне.

Николо-Угрешский мужской монастырь стал одним из любимых мест богомолья русских царей. В середине 1920-х годов он был закрыт советской властью. Особенно интенсивному разорению обитель подверглась в 1940–1960-е годы. За это время был полностью снесен Никольский собор, с глав церковью выломаны кресты, разграблено и утрачено большинство икон и церковно-служебной утвари, явленный Дмитрию Донскому образ Николая Чудотворца (время написания иконы около 1380 г.) изъят из Никольского собора и помещен в хранилище Государственной Третьяковской галереи.

Реставрационные работы в монастыре начались в 1970-е годы. 1 мая 1991 года Патриарх всея Руси Алексий II освятил возобновленную монастырскую церковь Успения Богородицы. С этого же года Николо-Угрешская обитель продолжила свою жизнь по общежительному уставу.

Еще один ближний подмосковный монастырь – Спасо-Андроников, у стен которого проходила торжественная встреча героев Донского побоища, украсился надвратной церковью Рождества Богородицы. В это же время было начато строительство церкви Всех святых на Кулишках (после битвы здесь были похоронены павшие воины).

На берегах Нары, в Серпухове, удельной столице князя Владимира Андреевича, также не прекращалось мемориальное строительство, призванное увековечить победу на Куликовом поле. По преданию, уже в 1381 году в Высоцком монастыре, где игуменом пребывал ближайший сподвижник нового митрополита Киприана Афанасий, были возведены из белого камня собор Зачатия Богородицы и трапезная с церковью Покрова Божьей Матери.

14 августа 1382 года у великокняжеской четы Дмитрия Иоанновича и Евдокии Дмитриевны родился еще один сын. Его нарекли Андреем. Младенца крестил духовник великого князя Феодор, игумен Симоновский. Радовались родители, родичи, вся Москва. Она не знала, что ее ожидало...

Захват ханом Тохтамышем Москвы. Возобновление Русью регулярной выплаты дани Орде. Монеты и печати Москвы и Орды того времени

же летом 1381 года в отношениях Москвы и Орды вновь наметилась напряженность. После отъезда из Сарая московских «киличеев» Толбуги и Мокшея Тохтамыш отправил Дмитрию Иоанновичу и «ко всем князем русским» посольство во главе с царевичем Акходжой (Акходзей), а с ним «дружину 700 татарин». Добравшись до Нижнего Новгорода, посол вдруг «возвратися воспать, а на Москву не дерзнул ити». Акходжа ограничился тем, что отправил к великому князю нескольких «своих товарищей не во мнозе дружине». Но и они въехать в Москву не решились. Такое еще в недавние времена представить было трудно. Раньше ордынские послы вели себя на Руси как полновластные хозяева. Они разъезжали где хотели, делали что хотели, не церемонились с местным населением и не слишком считались с русскими князьями. Проезд ордынских послов, которых всегда сопровождала большая охрана, подчас напоминал военный набег. Попытки перечить представителям Орды, а тем более притеснять их воспринимались как покушение на власть «восточного царя» и жестоко карались. И вот теперь посол великого Тохтамыша не осмеливался даже приблизиться к Москве, с которой хан оставался в мирных, союзнических отношениях. Вероятно, Акходжа побоялся, что русские усмотрят в появлении на своей территории вооруженного татарского отряда претензию на восстановление прежнего

подчинения Орде и предпримут ответные меры. Посол помнил об участии печально известного Сарайки в Нижнем Новгороде, но мужеством предшественника не обладал.

Страх знатных ордынских сановников перед Москвой, даже не враждебной, говорил о многом. После Куликовской битвы в Орде стали опасаться Москвы.

Пока в беззаботной, уверенной в своей безопасности Москве веселились и пировали, отмечая рождение княжича, в нескольких сотнях верст к юго-востоку земля уже дрожала под копытами тысяч степных коней. «Царь» Тохтамыш шел на Русь. Его вожденной целью была Москва. Пришла пора отомстить за Куликово поле, развеять страх, который с тех пор испытывали татары перед Москвой. Тохтамыш не стал повторять ошибок Мамаю. Он не дал русским времени подготовиться к войне и напал неожиданно, «изгоном». Чтобы весть о нашествии не достигла Москвы своевременно, в Волжском Булгаре были захвачены русские купцы. Их ограбили, лишили денег и товаров, а торговые суда послужили ордынцам для переправы через Волгу.

Войско Тохтамыша скрытно и стремительно двигалось по окраине Нижегородского княжества. Тем не менее нижегородский князь Дмитрий Константинович узнал о его появлении. Известие это всполошило его тестя Дмитрия Донского. Нижний Новгород еще жил страхом, внушенным поражением на Пьяне и чередой татарских погромов. Княжество так и не успело оправиться от неоднократных опустошений. Сил сопротивляться не было. Не оставалось времени, чтобы собрать войско. Дмитрий Константинович решил изъять покорность Тохтамышу. В знак этого он послал к хану своих сыновей, Василия и Семена. Они нашли след татарского войска на Серначе и присоединились к нему уже в рязанских пределах.

На границах своего Рязанского княжества Тохтамыша встретил Олег Иванович. У него было еще меньше возможностей и желания сопротивляться «восточному царю». Для рязанского князя Дмитрий Иоаннович продолжал оставаться врагом. Олег упросил Тохтамыша не воевать Рязань и в благодарность за это обвел татарское войско тайными дорогами вокруг своих владений и ука-

зал удобные броды на Оке. Переправившись через пограничную реку, ордынцы обрушились на Московское княжество ураганной мощью. Первым пал Серпухов. Не успевший подготовиться к обороне город был взят «изгоном» и сожжен дотла. Его жители попали в ордынский полон.

Несмотря на все меры предосторожности, Тохтамышу не удалось достичь полной внезапности. Дмитрий Иоаннович все-таки узнал о приближении татар к границам Московского княжества.

У московского князя на ордынской границе («на пределах ордынских») были «поборницы суще земли Русской», они-то и дали знать в Москву о наступлении Тохтамыша. Он спешно приступил к подготовке отпора, «нача полки совокупляти». Но было уже поздно. В князьях «обретесе разность, не хотяху помогати». Рати из дальних городов союзных княжеств не успевали собраться к Москве. Длительный мир и добрососедство с Тохтамышем породили на Руси благодушие и самоуспокоенность. Если в период «розмирия» с Ордой, когда каждый год ожидали прихода Мамаю, Дмитрий Иоаннович, по-видимому, постоянно держал часть войска сосредоточенным в столице и вокруг нее, то теперь он не озаботился мерами предосторожности. После Куликовского кровопролития Москва не успела восстановить свою былую военную мощь. Оскудела Русская земля отважными князьями, искусными воеводами, стойкими воинами. Большинство их осталось на Куликовом поле. Хуже всего было то, что среди князей вновь начались ссоры и пререкания. Одни выступали за вооруженный отпор Тохтамышу, другие не хотели вновь идти в опасный поход.

Среди князей, узнавших о новом походе татар, возникло «неединачество и неимоверство». Они не смогли созвать достаточного войска и уклонились от генерального сражения¹. В этот критический момент отчетливо выявилась горькая истина: Русь, не преодолевшая раздробленности, пока слабее Орды, объединенной под властью сильного правителя. Время сбросить иго еще не настало.

Не успев собрать значительного войска, Дмитрий Иоаннович спешно отъехал сначала в Переяславль, а затем еще дальше

¹ Киртичников А. Н. Куликовская битва. С. 118.

на север, в Кострому. А великая княгиня послала во Владимир за чудотворной Владимирской иконой Божией Матери. Это не было трусливым бегством. Поначалу в Москве оставалась семья великого князя. Татары едва не захватили великую княгиню в Переяславле – она через Ростов удалилась в Кострому. Белокаменный кремль, оснащенный пушками, казался неприступной твердыней. У всех на памяти были две успешно выдержанные им осады в годы «литовщины». По-видимому, намерение Дмитрия Иоанновича состояло в том, чтобы, сковав силы Тохтамыша под стенами Москвы, собрать войско на дальних окраинах княжества и угрожать тылу татар. План был вполне реален: именно так в 1371 году удалось отбить зимний поход Ольгерда. Но теперь все обернулось иначе.

О скромной численности отрядов, которые удалось собрать, можно судить по тому, что пришедший на Волок князь Владимир Андреевич Серпуховской собрал восемь тысяч конных и пеших, а у Дмитрия Иоанновича, укрывшегося в Костроме, оказалось только две тысячи воинов². В Москве не нашлось военачальника, который смог бы хорошо организовать оборону города. Владимир Андреевич Серпуховской, удельное княжество которого было разгромлено, тоже уехал из белокаменной. Он собирал войско у Волока-Ламского. Мать и жену с младенцем-сыном Владимир отправил в Торжок. Таким образом, два главных военачальника Московского княжества оказались вне стольного града. С ними, видимо, уехали и лучшие воеводы.

В Москве воцарилось безвластие, начались беспорядки. «И бысть мятеж велик в граде Москве...» Узнав о приближении татар, жители посадов, дальних и ближних сел бросились со всем скарбом под защиту каменных кремлевских стен. В то же время часть горожан, в особенности знатные и богатые, потянулась из столицы, подальше от опасности. Это вызвало взрыв возмущения у москвичей, решивших защищать свой город с оружием в руках. Они ударили в набатный колокол и сошлись на вече, где постановили вооружиться и никого не выпускать из столицы. Ополченцы

² Там же. С. 113.

перекрыли все ворота кремля. Покидавших Москву они встречали оружием, отнимали имущество, закидывали камнями с высоты башен. Не без труда удалось выехать даже великой княгине Евдокии и митрополиту Киприану.

В те дни в оставленной властями на произвол судьбы столице вовсю разгулялась народная вольница. Неприязнь городских низов к знатым и богатым выплеснулась грабежами боярских и купеческих дворов, а благочестивый народ усердно прибегал к молитве к Богу. По словам летописца, они подбадривали друг друга: «Не устрашимся поганых татар нахождением, селик тверд град имуще, его же суть стены камены и врата железны!» Расчет защитников Москвы был вполне трезвым. Они полагали, что татары не смогут взять каменный город до того, как князь придут на помощь с войсками.

Беспорядки почти прекратились, когда в Москву приехал князь Остей. Он был внуком великого правителя Литвы Ольгерда и сыном героя Куликовской битвы Андрея Ольгердовича Полоцкого. Оборону города, таким образом, возглавил профессиональный военный. За считанные дни Москва основательно подготовилась к осаде. Все строения вплоть до последнего тына вокруг кремля были разрушены и выжжены, дабы татарам не осталось ни укрытий от стрел, ни материала для постройки осадных приспособлений. На крепостных стенах выставлялись пушки. Разношерстная масса защитников города была организована в достаточно боеспособную силу. Примечательно, что в кремле укрылись не только люди и скот. Сюда из окрестных церквей было свезено великое множество книг. Они заполнили кремлевские храмы по самые своды.

23 августа, в понедельник, передовые татарские разъезды показали вблизи Москвы. Несколько всадников, подскакав к городским воротам, прокричали осажденным: «Есть ли князь великий Дмитрий во граде?» Им ответили, что нет. Татары объехали Москву вокруг, тщательно высматривая ее укрепления и местность в поисках удобных подступов для атаки. Всюду простиралось голое поле, выжженное пепелище. Город казался неприступным. Видя малочисленность противника, подвыпившие москвичи

расхрабрились. Они влезали на крепостные стены, выкрикивали оскорбления врагам, плевали в сторону татар. Татары потрясали саблями издали. Вскоре они скрылись из виду. Москвичи в это время усердно молились о спасении града³.

На следующий день, 24 августа, подошел Тохтамыш с войском. Оно было так велико, что защитники города ужаснулись. Со всех сторон обступили татары белокаменный кремль. И вскоре подступили к его стенам. Дождем стрел, от которого померк, казалось, белый свет, осыпали они осажденных. И пешие, и конные татары стреляли непрерывно из разных положений, и очень метко. Им удавалось сбивать многих оборонявшихся со стен, которые еще не были достроены до безопасной высоты. Москвичи встретили татар стрельбой из луков и арбалетов. Вовсю работали камнеметы-«пороки». Над полем боя разносился оглушительный гром «тюфяков». Это был первый отмеченный в источниках случай боевого применения артиллерии русскими. Впрочем, пушечная канонада больше пугала татар и их коней, чем наносила потери. Орудия того времени были еще крайне несовершенны, особенно при стрельбе на дальние дистанции. Зато луки и арбалеты в умелых руках оставались грозным оружием. Так, один из русских «снайперов» – суконник Адам с башни Фроловских ворот – смог метко поразить из самострела знатного татарина, сына приближенного Тохтамыша. «Се же бе велика язва всем татарам, яко и самому царю тужити о том...»

Когда атакующим показалось, что их обстрел достиг цели и сопротивление ослабло, они попытались штурмовать кремлевские стены. Приставив лестницы, татары полезли на забрала. Но сверху на них обрушился град камней, полился кипяток, загодя приготовленный в огромных котлах. Вновь загрохотали «тюфяки». Залпы в упор картечью-«дробом» опустошали ряды атакующих. Татары отхлынули от стен.

Три дня подряд бросал Тохтамыш свое войско на приступы. И все они были отбиты москвичами. Наконец атаки татар выдохлись. Хан понял, что взять штурмом каменный кремль не в его силах. Успеха

³ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 265.

не сулила и осада. В Москве было достаточно припасов, татары же оказались среди выжженной пустыни под все возраставшей угрозой скорого подхода большой русской рати. Великий Тохтамыш стоял на пороге бесславного отступления, Москва – на пороге спасения.

Отчаявшись взять город с бою, хан решил прибегнуть к хитрости. 26 августа к осажденным для переговоров отправились «князья ордынские» и другие «большие татарове». Их речи звучали миролюбиво. «Царь хочет жаловать вас, своих людей и улусников, потому что вы не виноваты и не достойны смерти, – говорили парламентары, – не на вас пришел царь, а на великого князя Дмитрия, вы же достойны милости, и царь требует от вас только, чтобы вы вышли из города с князем Остеем и встретили его с честью и небольшими дарами. Он хочет лишь посмотреть город, посетить его, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ворота градные отворите ему».

Едва ли москвичи верили этим сладким увещеваниям. Однако среди посланцев Тохтамыша оказались суздальские князья Василий и Семен Дмитриевичи, родные братья великой княгини Евдокии. Василий Дмитриевич по прозвищу Кирдяпа в свое время «прославился» тем, что именно по его приказу в Нижнем Новгороде свершилась расправа над ордынским посольством Сарайки, ставшая одним из поводов к «розмирию» с Мамаем. Теперь он вместе с братом был в стане Тохтамыша. Василий и Семен обратились к москвичам: «Верьте нам! Мы, христианские князья, говорим правду, не надо бояться ничего от царя и от татар его». Братья целовали крест, заверяя осажденных в правдивости ханских обещаний. Увы, им поверили! В покинутой князьями, лучшими боярами и митрополитом Москве не осталось ни крупных полководцев, ни достойных дипломатов. Не искушенные в политическом коварстве москвичи во главе с отважным, но недалеким Остеем дали себя обмануть.

Вероятно, среди осажденных верх взяла партия знати, изначально выступавшая против сопротивления ордынцам. Нижегородские князья и москвичи были обмануты.

В тот же день, 26 августа, около полудня открылись городские ворота. Из кремля вышла торжественная процессия. Впереди

шел Остей, за ним следовало московское духовенство во главе с настоятелями монастырей и протопопами кремлевских соборов, неся иконы, кресты и хоругви. Тут же были оставшиеся в Москве бояре, богатые купцы, весь цвет города с богатыми дарами хану. Но как только процессия отошла от Фроловских ворот, татары отделили от нее Остея, увели его в свой стан, где тотчас же и убили. Затем они напали на крестный ход. Изрубив священников, чернецов, игуменов – всех, кто вышел из города, ордынцы ворвались в ворота кремля. Одновременно по приказу Тохтамыша к стенам были приставлены лестницы – и вмиг ловкие степные воины оказались наверху.

Москвичи, ошеломленные внезапностью и вероломством нападения, потерявшие своего военачальника, пытались оказывать сопротивление на улицах и во дворах. Но оно было быстро сломлено. Началась бойня. Ордынцы не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Они рубили всех без разбора, поджигали дома, грабили все, что попадалось под руку. По словам летописца, в городе воцарились «рыдание, и вопль мног, и слезы, и крик неутешаемый, и стенание многое, и печаль горькая, и скорбь неутешимая, беда нестерпимая, нужда ужасная, горесть смертная, страх и ужас, и трепет, и дрожание, и срам, и насмешка над христианами от татар». Жители убегали от меча и попадали в огонь, спасаясь от пламени, тонули в реке. Те, кому удалось уцелеть, были захвачены в плен. Церкви и монастыри Москвы оказались поруганы, разграблены и выжжены. В огне сгорели тысячи книг и икон. В пламени пожарища чудесным образом уцелел лишь Богоявленский монастырь в Загородье. Грабежу подверглись великокняжеская казна, имущество бояр, купцов и всех горожан. «И бысть вьскоре все прах. А в плен поведоша, акы скот...»

Став на московском пепелище, Тохтамыш распустил свои тумыны по городам и весям грабить и разорять Русскую землю. Были взяты Владимир и Юрьев-Польский, Звенигород и Можайск, Боровск, Руза, Дмитров, повоєваны многие села и волости. Жители Переяславля-Залесского на лодках уплыли на середину Клещина озера и с ужасом смотрели оттуда, как пылает их город, подо-

жженный татарами. Тверской князь Михаил Александрович, давний недоброжелатель Москвы, поспешил выразить покорность Тохтамышу. Он послал хану своих «киличеев» с дарами, за что получил ярлык на княжение, ханскую милость и пощаду своей земле. Могущество дерзкого московского правителя, казалось, было повергнуто в прах.

Но неожиданно для Тохтамыша события вдруг начали принимать иной оборот. Один из ордынских отрядов в предвкушении легкой добычи подступил к Волоку-Ламскому и здесь наткнулся на московское войско, собранное князем Владимиром Андреевичем Серпуховским. Бой закончился полным разгромом татар. Устрашенные и разбитые, они прибежали к хану с вестью, что на него идет большая русская рать. Тохтамышу стало известно и о войске, которое собирал в Костроме великий князь Дмитрий Иоаннович. И здесь оказалось – страх Орды перед силой Руси, возникший на Куликовом поле, не развеялся окончательно даже после разорения Москвы. Тохтамыш не решился испытывать удачу в открытом бою, спешно стянул к себе войска и поспешил вон из пределов Московского княжества с награбленными богатствами и неисчислимым полоном. Возвращались татары не той же дорогой, которой пришли. По пути они разгромили Коломну и перешли Оку. Раздосадованный отступлением, Тохтамыш не пощадил и Рязанскую землю. На сей раз она не избежала опустошения. Хан явно смотрел на Олега Рязанского лишь как на раба, недостойного даже благодарности за верность.

Вскоре после ухода Тохтамыша из Москвы в нее вернулись Дмитрий Иоаннович и Владимир Андреевич. На своем ратном веку им выпало быть свидетелями многих смертей и бедствий. Но зрелище разгромленной и поруганной Москвы заставило даже суровых князей-воинов горько рыдать. Там, где кипел богатством и славой чудесный многолюдный город, остались только дым, пепел и горелая земля, покрытая трупами. В каменных почерневших снаружи и выгоревших внутри храмах кремля тоже лежали горы мертвых тел в лужах крови. Не слышно было ни церковного пения, ни звона колоколов. Город превратился в пустыню.

«С какою скорбью Дмитрий и Князь Владимир Андреевич, – пишет Н. М. Карамзин, – приехали со своими боярами в Москву, увидели ея хладное пепелище и сведали все бедствия, претерпенныя отечеством, и столь неожиданныя после счастливой Донской битвы! “Отцы наши – говорили они, проливая слезы – не побеждали татар, но были менее нас злополучны!” Действительно менее со времен Калиты, памятных началом устройства, безопасности, и малодушные могли винить Дмитрия в том, что он не следовал правилам Иоанна I и Симеона, которые искали милости в ханах для пользы государственной; но великий князь, чистый в совести пред Богом и народом, не боялся ни жалобы современников, ни суда потомков; хотя скорбел, однакож не терял бодрости, и надеялся умиловить Небо своим великодушием в несчастии»⁴.

Дмитрий Иоаннович велел собрать и похоронить мертвых. Средства на это были выделены из великокняжеской казны. Платили по рублю за похороны каждых семидесяти человек, всего издержав таким образом 150 рублей. По другим, более поздним источникам, князь давал по рублю на захоронение восьмидесяти тел, и в итоге было истрачено 300 рублей. Нетрудно подсчитать, что в московскую землю легло тогда от 10 до 24 тысяч мертвых. Но многих, вероятно, не смогли похоронить. Их тела сгорели в огне, были унесены рекой. О других позаботились родные. В окрестностях Москвы вообще некому было ни считать погибших, ни хоронить их. Трупы долго еще лежали под открытым небом по полям, лесам, на дорогах, на пепелищах сожженных деревень. Если же вспомнить о тысячах угнанных «акы скот» в ордынский плен, то станет ясно, что лишь немногие из москвичей и жителей округи смогли пережить Тохтамышев погром.

В конце XIX века во время строительства в Москве монумента в честь императора Александра II на краю берегового холма, близ места, где в древности стоял двор Владимира Серпуховского, было обнаружено множество сваленных в беспорядке, перемешанных костей и черепов. Возможно, в таких погребальных ямах и хоронили жертв московской трагедии в августе 1382 года.

⁴ Карамзин Н. М. *История государства Российского*. С. 50.

Вторым попечением Дмитрия было возобновление Москвы. Стены и башни кремлевские стояли в целости: хан не имел времени разрушить их. Скоро кучи пепла исчезли, и новые здания явились на их месте, но прежнее многолюдство в столице и в других взятых татарами городах уменьшилось надолго.

Не зря опасался Тохтамыш подхода большого московского войска. Еще не успели совершить печальный обряд, когда Дмитрий послал воевод московских наказать Олега, приписывая ему успех Тохтамышев и бедствие великого княжения. Подданные должны были ответственность за своего князя: он ушел, предав их в жертву мстителям, и войско Дмитриево, остервененное злобой, вконец опустошило Рязань, ставя жителям в вину усердие их к Олегу⁵. Хан смог уйти безнаказанно со всей добычей, но гнев Дмитрия всей тяжестью пал на Олега Рязанского. Из разоренной Москвы великий князь пошел на соседа и «землю всю до остатка взяша, и огнем пожгоша, и пусту сотвориша. Пуще ему и татарские рати!» Возобновление братоубийственных усобиц русских князей стало прямым следствием нашествия Тохтамыша.

Разгром татарами Москвы повлек за собой приостановку объединительных тенденций на Руси. Ослаблением Дмитрия Иоанновича не преминули воспользоваться его давние соперники. Одним из первых начал действовать Михаил Тверской. Нарушив договор с Дмитрием, он выехал в Орду, чтобы добиваться ярлыка на великое княжение Владимирское. Тверского князя сопровождал сын Александр. Они пробирались тайно, обходя московские владения. Даже сокрушенный врагами, Дмитрий внушал страх. В Орду на поклон «царю» Тохтамышу один за другим прибывали русские князья. Среди них был и Борис Константинович Городецкий. Когда князь суздальско-нижегородский Дмитрий Константинович, тесть Дмитрия Донского, умер, Борис получил в Орде ярлык на княжение в Нижнем Новгороде. Он слыл давним недоброжелателем Москвы. Еще раньше произошел новый переворот в Литве. Престол вернул себе Ягайло. Кейстут, дядя Ягайло, был свергнут и погиб. Это грозило возобновлением московско-литовской вражды.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. С. 50.

Тяжелым последствием войны с Тохтамышем стала новая вспышка смуты в русской церкви. Митрополит Киприан, покинув Москву вместе с великой княгиней, как мы знаем, при приближении татар укрылся в Твери. Здесь он задержался. Это навело Дмитрия Иоанновича на подозрение, будто митрополит выжидает исхода попыток Михаила Тверского добиться в Орде ярлыка на великое княжение владимирское.

Значение этой фигуры в новой обстановке резко упало. Потерпев поражение, Москва не могла уже помышлять ни о скором распространении своего влияния в литовских землях, ни о полной независимости от Орды. Осенью 1382 года Дмитрий Иоаннович послал в Тверь своих бояр С. Т. Вельяминова и М. Морозова звать митрополита обратно в столицу. Но когда Киприан вернулся в Москву, великий князь предложил ему покинуть митрополичий престол. Заступничество Сергия Радонежского и других московских старцев ни к чему не привело. Дмитрий Иоаннович был неумолим. Киприан вынужден был покинуть Москву и вернуться в Киев к князю Владимиру Ольгердовичу. Вместе с ним добровольно последовал один из ближайших его сподвижников, игумен Серпуховского Высоцкого монастыря и духовник князя Владимира Андреевича Афанасий. Лишь через семь с половиной лет, уже после смерти Дмитрия Донского, Киприану суждено будет вновь с триумфом вернуться в Москву.

А пока митрополичий престол занял Пимен. После чухломской ссылки он был принят великим князем «с честью и любовью». За Пимена усиленно хлопотал Константинопольский патриарх Нил.

Теперь права на русскую митрополию заявили сразу три претендента: Пимен, Киприан и Дионисий. Все они так или иначе пытались заручиться поддержкой Дмитрия Иоанновича. В 1383 году Дионисию Суздальскому удалось добиться от Константинопольского патриарха утверждения в сане митрополита. Но, как мы знаем, по дороге из Царьграда в Москву он был задержан в Киеве и там умер.

Впоследствии Дионисий Суздальский, один из зачинателей монастырского общежития на Руси, оставивший глубокий след

в душах многих русских людей, удостоился причисления к лику святых.

В мае 1385 года митрополит Пимен уехал в Византию, чтобы оправдаться перед патриархом. Но там оказался Киприан и не позволил Пимену этого сделать. Пимен вернулся в Москву в 1388 году неоправданным. В феврале 1389 года патриархом стал Антоний, который вскоре объявил о низложении Пимена. Великий князь был против поездки Пимена, и большинство архиереев не повиновались ему. Но Пимен тайно покинул Москву за месяц до кончины великого князя и приехал в Константинополь. В конце июня 1389 года в Константинополе узнали о смерти Дмитрия Донского. Патриарх Антоний вызвал Пимена на суд, но тот не явился. После третьей попытки вызвать Пимена на суд патриарший собор отлучил его от церкви. Пимен умер в Константинополе и похоронен был на самом берегу моря в церкви Иоанна Предтечи⁶.

Патриарх Антоний, стремясь покончить со смутой, принял решение в пользу митрополита Киприана как единственного законного митрополита Киевского и всея Руси.

Многолетние споры вокруг митрополии отражали всю сложность духовных исканий общества, запутанность и неоднозначность политической борьбы и международного положения Москвы. При жизни Дмитрия Донского так и не успела сложиться четкая система взаимоотношений светской и духовной власти. Очевидно, однако, что в результате всех споров влияние великого князя на церковные дела значительно возросло, а роль Византии, Константинопольского патриархата понизилась. Росли церковные нестроения. Но благодаря подвижникам, подобным Сергию Радонежскому, и тем, кто, внимая их слову, шел на подвиг самопожертвования «за други своя», свеча духовная не угасла, не иссякла живая душа Руси.

А дела мирские вершились своим чередом. Весной 1383 года двенадцатилетний московский княжич Василий Дмитриевич в сопровождении самых опытных бояр отца отправился из Владимира в дальний и опасный путь по Клязьме, Оке и Волге в ханскую сто-

⁶ *Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия: Т. 2. С. 144.*

лицу Сарай-Берке. Посольству предстояло нелегкое дело – попытаться восстановить после неудачной войны отношения с Ордой. О прежнем, по существу равноправном, партнерстве теперь не могло быть и речи. Москва лежала в руинах, княжество потеряло немалую часть населения и богатства, подняли головы недруги Дмитрия Иоанновича. С Тохтамышем приходилось говорить с позиции слабости. Москва вынуждена была признать верховенство власти ордынского «царя». Более того, Дмитрию теперь приходилось отстаивать свои права на великое княжение владимирское.

Бедою Москвы спешил воспользоваться тверской князь Михаил Александрович, вместе с сыном Александром он поехал в Орду, и поехал не прямой дорогой (не прямыми), но околицами, опасаясь и таясь от великого князя Дмитрия: он хотел искать себе великого княжения владимирского и новгородского. Это было второй причиной, побудившей великого князя отправить в Орду сына своего Василия со старшими боярами, верными и лучшими, тягаться с Михаилом о великом княжении.

Весной 1383 года отправился Василий в Орду. С тяжелым сердцем проводил Дмитрий Иоаннович посольство. Но уже летом из Орды пришли обнадеживающие вести, явился в Москву и посол Тохтамыша. Хан не решился отнять у Дмитрия великое княжение Владимирское. Москва и после поражения внушала почтение к своей силе. Чтобы сломить ее, одного успешного набега казалось недостаточно. К тому же внимание Тохтамыша все больше обращалось на юг и юго-восток, где зрела угроза со стороны Тимура. Обострять отношения с московским князем Орде было опасно и невыгодно. Поэтому Тохтамыш отверг все домогательства Михаила Тверского на владимирский престол. Не достигнув желанной цели, к которой стремился столько лет, князь вернулся в Тверь. В Орде остался его сын Александр, чтобы продолжить тяжбу отца с москвичами. Надолго задержался в ханской столице и княжич Василий Дмитриевич. Но уже не по своей воле. Он был оставлен почетным заложником.

Удерживая Василия в Орде, Тохтамыш рассчитывал, что так удастся заставить Дмитрия Иоанновича соблюдать продиктован-

ные ему условия мира. Условия эти оказались тяжелыми. Великому князю пришлось после многолетнего перерыва возобновить регулярную выплату дани. В 1384 году во Владимире водворился «лютый посол» Тохтамыша Адаш, надзиравший за ее сбором. Платить пришлось всем без исключения. С каждой деревни брали по полтине, то есть по 100 денег (примерно 102 грамма серебром). «Тогда же и златом даваша въ Орду», – отмечает летописец. За княжича Василия татары потребовали колоссальный выкуп в восемь тысяч рублей, что равнялось 1632 килограммам серебра. По-видимому, Москва не смогла быстро собрать такую сумму. Юноше несладко пришлось в заложниках. В конце концов он попытался бежать, но был пойман. Условия его содержания значительно ужесточились. По словам летописи, Василий принял в наказание за побег «истомление велие». Княжич, однако, не смирился с неволей. От отца он унаследовал тягу к личной независимости. Василий бежал вновь. На сей раз успешно. Сначала он укрылся в Подолии у молдавского воеводы Петра, потом перебрался в Пруссию во владения Тевтонского ордена, оттуда – в Литву. В Полоцке Василия встретили бояре его отца, посланные проводить наследника великокняжеского престола в Москву.

Дерзкий побег княжича существенно не повлиял на отношения Московского княжества и Орды. Мир сохранился. Москва признавала верховенство ханской власти, Орда соглашалась со старшинством московских князей над другими русскими владельцами. Такой компромисс стал результатом двух самых значимых событий эпохи – Куликовского побоища и Тохтамышева разорения. В Москве в те годы впервые начали чеканить собственную серебряную монету. Это свидетельствовало и о том, что военное лихолетье не смогло подорвать экономическую силу княжества, и о том, что московский князь не отказался от претензий на политическую самостоятельность⁷.

Серебряные русские средневековые монеты начали чеканить в 1382 году, после сожжения Москвы Тохтамышем. Несмотря на разорение Москвы и других русских городов, хану пришлось счи-

⁷ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 276.

таться с возросшим авторитетом великого князя Дмитрия Иоанновича Донского, особенно после Куликовской битвы. Тохтамыш дал Дмитрию право монетной чеканки при условии помещения на одной из сторон монеты ханского имени, так как фактически Русь продолжала оставаться улусом Орды.

На лицевой стороне монет был изображен воин с мечом и секирой – символ власти и доблести. Здесь же красовалась горделивая надпись: «Печать князя великого». На оборотной стороне читалось четкой арабской вязью: «Султан Тохтамыш. Да продлится». Надпись эта была заимствована у золотоордынских дирхемов. Тем самым выражался вассалитет Москвы по отношению к Орде. Примечательно, что на монетах других русских княжеств подражания арабским надписям были чрезвычайно небрежны, практически нечитаемы. Чеканить имя великого Тохтамыша считалось привилегией «первого вассала» хана – московского князя. О тесной взаимосвязи с Ордой говорит и название русской монеты – деньга (денга), происходящее от арабского (и персидского) слова, означающего «данник».

Московские монеты отличались от ордынских и по весу. Из серебряного рубля-слитка весом 196–205 г получалось 200 московских денег, т. е. вес одной денги Дмитрия Донского был около одного грамма. Три московские денги по весу были равны двум ордынским. После понижения веса ордынского дирхема до 1,37–1,43 г в результате денежной реформы Тохтамыша 1380 года московская монета после 1386 года тоже «полегчала», чтобы сохранить соотношение равенства веса русских и ордынских денег. В результате началась чеканка монет весом 0,91–0,95 г. При этом из 200 г серебра в Москве получалось уже около 216 монет. Одновременно с официальным понижением веса монет вес рубля-слитка также официально понизили до 182–190 г, а для того, чтобы отличить эти слитки от более тяжелых старых, двухсотграммовых, их начали рубить пополам, считая с этого времени московским рублем две полтины весом 91–95 г каждая, а также клеймить. Полтина стала доминирующим номиналом в московских землях.

Одновременно с понижением веса монет великий князь решается еще на один шаг. Воспользовавшись тем, что Тохтамыш совершил завоевательный поход по Закавказью и «отвлёкся» от русских дел, Дмитрий Донской помещает на лицевых сторонах монет свое имя и титул. В 1386 году после военного похода на Новгород, Дмитрий Донской получает с города огромную по тем временам сумму – восемь тысяч рублей. Получив значительное количество серебра и перестав беспокоиться за жизнь сына Василия (тот был в Орде заложником, но в 1385 году бежал), московский князь делает еще один шаг на пути к самостоятельности. Он выпускает в обращение монеты без имени ордынского хана. На оборотных сторонах московских денег вместо арабской надписи появляются различные изображения. Но, чтобы поубавить гнев хана, князь убирает с монет свое имя, оставляя только титул великого князя. Таким образом, повысив статус чеканки реверса на своих денгах, то есть введя «чисто русские» оборотные стороны, Дмитрий одновременно с этим несколько понизил статус чеканки аверса – отказался от помещения своего имени на лицевых сторонах денег, ограничившись только титулом.

К концу своего княжения Дмитрию Донскому полностью удастся избавиться от ордынских элементов в оформлении московских монет. Особенностью этого периода было то, что монетных дворов как таковых тогда не было. Монетная чеканка начиналась с ремесленников-серебряников, которые получали у князя разрешение на изготовление монеты. Такой серебряник-денежник мог время от времени приглашаться в резиденции удельных князей для чеканки денег из запасов имеющегося у них серебра. Постоянные денежные дворы, уже полностью контролируемые государством, возникают позднее, в правление Василия Дмитриевича.

На монетах Дмитрия Донского было несколько изображений. Одно из них – воин в профиль с оружием в руках – довольно распространенный именно в Московском княжестве в 80-е годы XIV века сюжет. Кроме того, изображение в поле монет звездочек и точек – характерная черта именно московской чеканки времени Дмитрия Донского. Эти второстепенные знаки встречаются на

многих его монетах, особенно на последних – с ордынской оборотной стороной и изображением петуха. Изображение святого Иоанна Крестителя – патрона Ивана Калиты, – вероятно, могло быть в 80-х годах XIV века только на монетах Московского княжества и использовалось для обозначения имени Ивана как символа единства потомков Калиты.

С XIV века на княжеских печатях изображали на лицевой стороне святого покровителя, на оборотной наносилась строчная надпись, содержащая имя и титул владельца. Сохранилось несколько подобных печатей, принадлежащих Дмитрию Иоанновичу Донскому. Одна была подвешена к первой духовной грамоте князя (ок. 1375 г.) вместе с позолоченной печатью митрополита Алексия (обе привешены на красных шелковых шнурках). Печать хранится в Российском государственном архиве древних актов. Другая печать сохранилась на второй духовной грамоте Дмитрия Донского (1389 г.) и привешена на желтом шелковом шнурке. Хранится в Государственном историческом музее.

В изображениях на печатях есть оттиск. На лицевой стороне одной печати изображен стоящий Дмитрий Солунский со стягом в правой руке и овальным щитом в опущенной левой руке. Справа видна буква Д (Дмитрий). На оборотной стороне – четырехстрочная (пятистрочная) надпись. Читаются буквы: «...Ъ К... ЛИ... ГО... Д... ИТ...». На лицевой стороне печати изображен стоящий Дмитрий Солунский, который в правой руке держит копье, в опущенной левой – каплевидный щит. На уровне его бедра изображен меч. Слева видны буквы «ОА Г ОС», соединенные в «ОАГИОС», справа в три строки читается: «ТРИ І». На оборотной стороне пятистрочная (шестистрочная?) надпись: «КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ВСЕЯ РУС СІИ».

Сохранилась еще одна свинцовая печать великого князя Дмитрия Иоанновича, которая находится в Государственном историческом музее. На лицевой стороне ее изображена человеческая голова анфас, с бородой и длинными волосами, заплетенными в косички, выходящими из-под короны. Корона с тремя зубцами, оканчивающимися бусинами (по В. Л. Янину – это голова царя

Давида). По кругу реконструируется (по В. Л. Янину) надпись: «ВСЕ СЯ НЕТЪ». На оборотной стороне в пять строк представлена надпись: «ПЕЧА ТЬ ВЕЛИКОГО КНЯ ЗЯ Дмитрия Иванов(ича)».

Денежное дело в Золотой Орде было весьма развитым. Чеканка серебряной и медной монеты производилась в огромных масштабах. Наиболее ранние монеты Золотой Орды относятся к периоду 1240–1250-х годов. Они чеканились в Болгаре сначала с именем халифа ан-Насир-лид-Дина, потом великих ханов Менгу (1251–1253) и Ариг Буги (1259–1264). В конце XIII века появляется еще несколько центров чеканки монет. Правители «наследства чингизидов» исходили из реалий завоеванных областей. Наиболее экономически перспективные районы – Хорезм, Болгар, частично Крым – уже несколько веков исповедовали религию Пророка, поэтому правительство выпускало деньги, привычные и приемлемые для жителей названных регионов, в соответствии с принятыми весовыми и законодательными системами на местах.

Золотоордынские монеты чеканились на расплющенных кусочках проволоки. После расплющивания молотком получившуюся пластину клали между монетными штемпелями. В течение второй половины XIII века вес монет постепенно уменьшался. Серебряные монеты с именем ан-Насира дают очень большой разброс весов в пределах 1,2–2,5 г. Внешне серебряные и медные монеты Золотой Орды оформлялись весьма разнообразно, причем одновременно чеканенные в разных городах монеты выглядели по-разному и были легко отличимы друг от друга. Лицевой стороной принято считать ту сторону монеты, на которой есть имя хана, обратной – сторону, имеющую имя монетного центра и дату. Этот принцип принимается даже при наличии религиозных надписей. На монетах XIII века помещали тамгу рода Бату как символ единства правящего рода, а также как знак того, что государство – достояние всего рода. На ранних монетах тамга имеет вид двузубца с перекладинами, кружками или черточками наверху. Весьма разнообразны на ранних золотоордынских монетах религиозные надписи. Наиболее часто встречаются фразы: «Царство Богу, единому, всемогущему», «Жизнь есть час, употреби

его на дела благочестия», «Бог един, Победоносец, правосуден. Хвала ему!», «Он есть живой, который не умирает, все живущее умрет». Отдельную группу составляют монеты с изображениями и орнаментами. Несмотря на арабский язык и графику легенд, считать их целиком принадлежностью мусульманской культуры нельзя. Это свидетельствует о низкой исламизации выпускающих их центров. Часто попадаются изображения птиц, рыб, домашних животных, хищников. Хищника с пулов и дирхемов часто называют львом и тигром, а в северо-восточных областях – барсом. Лев (барс) – символ могущества, воплощение небесной силы и власти. Данный знак подразумевал персону правителя, т. к. изображение людей не приветствовалось мусульманскими законоведами. Изображение хищных птиц также достаточно символично. Многие племена производили себя от соколов, кречетов, орлов. Хищные птицы принимают активное участие в эпосе, сказках и мифах этих народов. Большую группу представляют монеты с изображениями цветов, бутонов, побегов. Бурная растительность в сочетании с каллиграфией надписей призвана напомнить верующим о рае, расположенном в пышном саду. Встречаются монеты с изображениями верблюда, осла, козла, петуха и других животных, архитектурных сооружений и множества геометрических фигур.

Серебряные монеты именовались «дирхем», медные – «пул», золотые – «динар». Для обозначения общего понятия «монеты» употреблялось арабское слово «сикке». При хане Тохты в улусе Джучи проводится унификационная денежная реформа. В Сарае ал-Махруса в 1310–1311 годах было выпущено много новых серебряных денег. Старые монеты изъяли из обращения и обменяли на новые с выгодой для казны. Постепенно центры местной чеканки исчезают. Вводится единая по весу серебряная монета, чеканившаяся в Сарае. Монеты из Сарая вытесняют все остальные на рынках большинства улусов Золотой Орды. Весовой максимум этих монет достигает 1,41–1,59 г.

В Золотой Орде XIV века существовал «открытый», или «свободный», чекан серебряной монеты из приносимого частными лицами серебра. При этом люди с определенного количества металла по-

лучали строго определенное количество монет. Этот период характеризуется отсутствием дефицита серебра, которое поступало с русской данью из Руси. В Золотой Орде был создан большой запас серебра как в руках государства, так и в частном владении. Перед государственными чиновниками встала задача повышения курса серебра. Ханы и их финансовые советники решали проблему постоянными манипуляциями с медной монетой, оставляя неизменным курс обращения серебра. Сосредоточение чеканки в столице было нарушено уже в 1360-е годы, когда стали выпускать массовое количество монет в провинциальных центрах.

В 1380–1381 годах начинается реформа Тохтамыша. По единой весовой норме с этого года чеканят все европейские города Золотой Орды и города Закавказья, выпускавшие дирхемы с именем этого хана. Однако вопрос о централизации монетного дела решен не был. После денежной реформы 1399–1400 годов процесс дробления денежного обращения продолжается. Уменьшается вес дирхемов. На рынке появляется большое количество болгарских и русских монет. Получает распространение надчеканка дирхемов ранних выпусков. Появляются обрезанные монеты и подражания. Несмотря на запрет хождения старых денег, они продолжали широко использоваться, что показывает, как сузились границы действия ханской власти в денежном деле XV века.

В фондах музея-заповедника «Куликово поле» хранится небольшая коллекция золотоордынских дирхемов и пулов. Наибольший интерес представляют монеты, обнаруженные непосредственно на Куликовом поле. В 1998 году археологами найден фальшивый дирхем, относящийся к периоду правления Хызр-хана (1360–1361). На медной основе видны остатки посеребрения. Самая ранняя из найденных монет относится к 1330–1331 годам – времени правления Узбек-хана – и отчеканена в Азаке (Азове. – А. С.). Самая поздняя – времени правления хана Абдуллаха – 1370-е годы⁸.

Дмитрий Иоаннович, хотя и признал после поражения 1382 года главенство над собой ордынского «царя», иногда дерзал идти против его воли. Когда в 1383 году умер Дмитрий Константинович

⁸ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 390.

Нижегородский, Тохтамыш отдал ярлык на княжение в Нижнем Новгороде брату покойного, Борису. Москву это не устроило. У Дмитрия Иоанновича были свои планы насчет наследства тестя. Он поддержал притязания на нижегородский стол сыновей Дмитрия Константиновича – Василия и Семена. Вмешательство московского князя заставило Бориса уступить Нижний Новгород племянникам.

Мы видели, что во время Тохтамышева нашествия Олег Рязанский последовал примеру Дмитрия Нижегородского, вышел навстречу к хану с челобитьем и обвел татар мимо своей области, но следствия этого поступка для Олега были иные, чем для князя нижегородского. Прежде всего татары на обратном пути опустошили Рязанское княжество, но едва Тохтамыш выступил из рязанских пределов, как московские полки явились в волостях Олега и разорили то, что не было тронуте татарами: они ему стали «злее татарской рати», говорит летописец. Олег, собравшись с силами, отомстил за это в 1385 году: он напал нечаянно на Коломну, взял и разграбил ее.

В плен попал коломенский наместник великого князя Александр Остей. Рязанцы, однако, остались в городе ненадолго. Сил удерживать его против московской рати у них не было. Но в богатой Коломне Олег захватил большую добычу: золото, серебро, купеческие товары. Домой он возвратился «с многою корыстию».

Возмущенный Дмитрий Иоаннович быстро собрал войско и отправил его на Рязань. Рать возглавил Владимир Андреевич Серпуховской. Поход оказался неудачным. Рязанцы во главе со своим князем бились отчаянно. Московское войско понесло ощутимые потери. В числе погибших был сын Андрея Ольгердовича Полоцкого Михаил. Война с Рязанью грозила затянуться надолго и быть кровопролитной. Дмитрий Иоаннович решил искать мира. Однако Олег, почувствовав слабость противника и убедившись в собственной силе, упорно отвергал все предложения.

Дмитрий стал хлопотать о мире, отправлял к рязанскому князю послов, но никто не мог уmolить Олега. Наконец по просьбе великого князя отправился в Рязань троицкий игумен святой Сергей. Летописец говорит, что этот чудный старец тихими и кроткими речами

много беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви; князь Олег переменил свирепость свою на кротость, утих и умилился душою, устыдясь такого святого мужа, и заключил с московским князем вечный мир. Этот мир был скреплен даже семейным союзом: сын Олега Федор женился на дочери Дмитрия Софии⁹.

Мир между Москвой и Рязанью, достигнутый стараниями Преподобного Сергия Радонежского, оказался прочным. Оба князя больше не воевали. Олег Рязанский впоследствии не раз вставал на стражу южных рубежей Руси от татарских набегов. Воевал он и с Литвой. Свою бурную, переменчивую, опасную жизнь самый знаменитый рязанский князь закончил в 1402 году. Перед смертью Олег принял постриг в основанном им Солотчинском монастыре. Его похоронили под именем инок Иоакима.

После примирения с Рязанью, обеспечившего защиту южных границ Московского княжества, Дмитрий Иоаннович обратил взор на север, на богатый и вольнолюбивый Великий Новгород, где влияние Москвы, отвлеченной на долгие годы войнами с Ордой, сильно поколебалось. В конце 1386 года великий князь собрал войско, какого у него не было со времен Куликовского похода.

Поводами для похода были выставлены неуплата пошлин великому князю и разбой ушкуйников на Волге и Каме.

Под 1386 годом в летописях есть известие, что Дмитрий Иоаннович «держа гнев на Новгород про Волжан и про княжчины», т. е. за тех молодцов, которые гуляли по Волге и Каме и избивали и грабили гостей и своих, и чужих, а также и за то, что новгородцы не платили княжеских пошлин (княжичинь). Пред Рождеством Христовым Дмитрий выступил в поход вместе с Владимиром Андреевичем; с ними были полки тридцати городов. С Дмитрием шли на Новгород рати: московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимирская, юрьевская, муромская, мещерская, стародубская, суздальская, городецкая, нижегородская, костромская, углицкая, ростовская, ярославская, моложская, галицкая, бежецкая, белозерская, вологодская, устюжская и новоторжская.

⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 282.

Новгородцы выслали послов с челобитьем о мире, но великий князь мира не дал, подступил ближе к Новгороду и остановился в 15 верстах от него. Новгородцы прислали другое посольство, во главе которого стоял владыка Алексий, предлагавший великому князю восемь тысяч рублей. Но и это посольство не имело успеха. Владыка послал к новгородцам сказать, чтобы они держали «опась», потому что великий князь мира не дал. Вследствие этого известия новгородцы сожгли все пригородные постройки и (с благословения владыки) 24 монастыря и поставили острог. Однако новгородцы в третий раз решились испробовать, не удастся ли уладить дело миром: они послали к Дмитрию двух архимандритов, семь священников и пять человек «житых», по человеку с конца (Новгород делился на пять концов). Они понимали, что могли выставить против великого князя лишь небольшую рать во главе с литовским князем Патрикием Наримановичем, князем Романом Юрьевичем и копорскими князьями. Тем не менее Дмитрий Донской решил не осаждать Великий Новгород. Посольству удалось склонить Дмитрия на мир: три тысячи рублей отданы были великому князю из Софийской казны, а пять тысяч рублей новгородцы обещали доправить на Заволочьи, потому что заволочане также участвовали в волжских грабежах. Кроме того, новгородцы дали «черный бор»¹⁰. По заключении мира Дмитрий Иоаннович возвратился в Москву, откуда послал в Новгород своих наместников¹¹.

«К несчастью, – писал Н. М. Карамзин, – этим не приобрели внутреннего спокойствия: ибо Великий Князь, довольный их покорностью, не отнял у них древняго права избирать главных чиновников и решать дела государственных приговором Вече».

Его главная цель была достигнута. Москва полностью восстановила свое влияние на дела новгородские, а заодно вновь показала, что могущество ее не иссякло и первенство ее на Руси по-прежнему непререкаемо.

¹⁰ Подушная подать.

¹¹ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. С. 120.

Поход на Новгород стал последним военным предприятием Дмитрия Иоанновича. В своей недолгой по современным меркам жизни он достаточно повоевал – больше, чем кто-либо из его предков, московских князей. Страшное напряжение многих лет, проведенных в ратных делах, давало о себе знать. Дмитрий устал от бесконечных военных треволнений, да и здоровье его было уже не то, что прежде. Еще в 1380 году, после Куликовского побоища, он впервые ощутил натиск болезни. Понимая, что силы на исходе, последние два года жизни Дмитрий Иоаннович уже не предпринимал решительных, далеко идущих действий. Положение его княжества было прочным, и он больше заботился о том, чтобы оно таким оставалось и впредь, даже после его смерти.

Это во многом зависело от взаимоотношений внутри московского княжеского дома. Одним из залогов побед Москвы, ее силы было удивительное для времен всеобщих усобиц единодушие между старшим князем Дмитрием и его двоюродным братом, удельным князем Владимиром Андреевичем. Союз этот зижделся не только на кровном родстве и крепкой духовной связи, но и на взаимной выгоде. Плоды совместных ратных побед – новые владения, города, волости, села, военную добычу – братья делили по справедливости. Великому князю по старшинству доставалась большая часть. Но и Владимир Андреевич не оставался в обиде. Он смог значительно увеличить свой удел. (К концу жизни Владимир Серпуховской владел 49 волостями, 17 слободами, 44 селами. По размерам владений, а возможно, по богатству и военной мощи московский удельный князь оказался на равных с великим князем тверским.)

Междоусобие было бы страшно и тем, что им обязательно воспользовались бы соперники Москвы, подобно тому как еще недавно сама Москва поддерживала удельный сепаратизм в Тверском и Рязанском княжествах. Все эти вопросы, сомнения и подозрения, вероятно, не раз терзали Дмитрия Иоанновича в последние годы жизни. Иначе трудно понять причины его «розмирия» с братом и верным сподвижником Владимиром Андреевичем, случившегося в самом начале 1389 года. Летописи под 18 (31) января отмечают,

что у Владимира Андреевича с братом его Дмитрием Иоанновичем «розмирье бысть». Видимо, великий князь решил положить предел усилению князя удельного. Он отнял у него два богатых и стратегически важных города – подмосковный Дмитров и северный Галич с волостями. Владимир захватил деревни великокняжеского села Лытчинского. Ссора обострилась до такой степени, что Дмитрий Иоаннович приказал схватить старейших бояр серпуховского князя и разослать их по разным городам под надзор приставов.

Однако через два месяца, в день Благовещения, обнял брата как друга и утвердил искренний с ним союз новой договорной грамотой. В ней сказано, что Владимир признает Дмитрия «отцем, сына его Василия – братом старшим, Георгия Дмитриевича – равным, а меньших сыновей великого князя – младшими братьями»; что они будут жить в любви неразрывной, подобно тому как их отцы жили с Симеоном Гордым, и должны взаимно объявлять друг другу наветы злых людей, желающих поселить в них вражду; что ни Дмитрию, ни Владимиру без общего согласия не заключать договоров с иными владетелями; что первому не мешаться в дела братних городов, второму в дела великого княжения, но судить тяжбы москвитян обоим вместе чрез наместников, а в случае их несогласия прибегать к суду митрополита или третейскому, коего решение остается законом и для князей; что великому князю, ни боярам его, не покупать сел в уделе Владимировом, ни Владимиру в областях, ему не принадлежавших¹².

Владимир Андреевич Серпуховской от брака с Еленой Ольгердовной (†1438) имел семь сыновей. Из них двое – Андрей и Федор – умерли во младенчестве. Свой серпуховской удел он разделил на пять уделов, по числу сыновей.

Свою долю Москвы Владимир Андреевич поделил между пятью сыновьями и женой Еленой Ольгердовной, отдав последней треть и все пошлины, а из сёл московских ей достались Коломенское, Ногатинское, Тайнинское с Киреевым, Косино и др.

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. С. 58.

**Кончина великого князя
Дмитрия Иоанновича Донского.
Великая княгиня Евдокия (инокиня Ефросинья)
Дмитриевна Московская.
Вознесенский и Чудов монастыри в кремле.
Русь в XV веке**

Последние годы жизни великого князя Дмитрия Иоанновича были, вероятно, самыми трудными для него: после Куликовской битвы его ждали многие тяжелые испытания. Осенью 1388 года, свидетельствуют летописи, Дмитрия Иоанновича впервые посетили тяжелые болезни – сказалось нечеловеческое напряжение великого боя. В изнеможении была и вся Русская земля, оно сказалось при новых испытаниях, посетивших ее¹.

Той же весной, вскоре после примирения с двоюродным братом, тридцатидевятилетний князь «разболелся и прискорбен бысть вельми». Предполагают, что это было сердечное заболевание («и стенание прииде ко сердцу его»). Что ж, испытаний и переживаний, выпавших на долю Дмитрия Донского, хватило бы на много жизней. Больному становилось все хуже. По его зову в Москву пришел троицкий игумен Сергей. Он утешал умирающего, давал ему последние напутствия, причастив тела Христова. Дмитрий Иоаннович повелел составить новое завещание. Духовная грамота была скреплена великокняжеской печатью и подписана девятью «боярами старейшими». Первой стояла подпись героя Куликова поля Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. Вторым подписался Тимофей Вельяминов, предводитель московского ополчения в славной битве. Два духовных лица присутствовали

¹ Поле Куликово. С. 14.

при утверждении завещания великого князя – игумены Сергей и Сильвестр.

В браке с Евдокией Дмитриевной, княжной Нижегородской, великий князь имел восьмерых (по другим данным – девятерых) сыновей: Василия (†1425), Иоанна (†1393), Иоасафа-Иоанна (†1393), Симеона (1377–1379), Петра (†1428), Андрея (†1432), Юрия (†1434), Даниила (род. в 1369 г.), Константина (†1434); и четырех дочерей: Анастасию (муж – Иоанн Всеволодович Тверской), Анну (муж – Юрий Патрикеевич Литовский), Софию (муж – Федор Олегович Рязанский), Марию (муж – Симеон-Лугвений Ольгердович Литовский).

Дмитрий Донской оставлял своим наследникам сильную державу. Она была намного обширней той, что получил он сам от отца. Все, что прирастил Дмитрий к своему княжеству, навсегда осталось во владении московских князей. Князь написал завещание в своей духовной грамоте: «...благословляю сына своего Василия своею отчиною великим княжением». Это был, пожалуй, самый весомый результат многолетних трудов и ратных подвигов Дмитрия Донского. Теперь судьба великого княжения владимирского уже не решалась золотоордынским ханом в зависимости от его расчетов и прихотей. Завещание Дмитрия Иоанновича отобразило немалые успехи, достигнутые на пути преодоления раздробленности Руси и обретения ею независимого бытия. Великое княжение Владимирское становилось «отчиной» старшего князя Московского дома. Это закрепляло впредь первенствующее положение Москвы среди русских земель и декларировало большую степень ее самостоятельности по отношению к Орде.

Согласно завещанию Дмитрия Донского, стольный град Москва считался общим нераздельным владением князей – потомков Калиты. Каждый из них мог участвовать в управлении городом через своих наместников и имел собственную долю в доходах от торговых и судебных пошлин. Во владении Москвой Дмитрий Иоаннович, как известно, обладал двумя долями из трех. Один «жеребей» он завещал старшему сыну Василию. Второй был поделен поровну между младшими наследниками – Юрием, Андреем и Петром.

В. Кулеша. Преподобный Сергий Радонежский Чудотворец

Оборона Москвы от хана Тохтамыша. XIV в. Художник А. М. Васнецов. По Б. В. Арсеньеву

Преставление великого князя Дмитрия Иоанновича. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в. (БАН. 31.7.30-2.Л.335 об.)

Погребение великого князя Дмитрия Иоанновича. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в. (РНБ. Ф. IV. 232. Л. 698)

Великий князь Дмитрий Донской утверждает новый порядок наследования, 1389 г.
Литография П. Иванова по рис. Б. А. Чорикова, 1838 г. (ГПБИ)

Святой великий князь Димитрий Иоаннович. Роспись южной стены
Архангельского собора Московского Кремля. XVII–XIX вв.

Вознесенский монастырь в Московском Кремле.
Храм Екатерины Мученицы. Фотография начала XX в. По Б. В. Арсеньеву

Памятник Дмитрию Донскому в г. Дзержинский (Угresha).
Скульптор В. М. Клыков

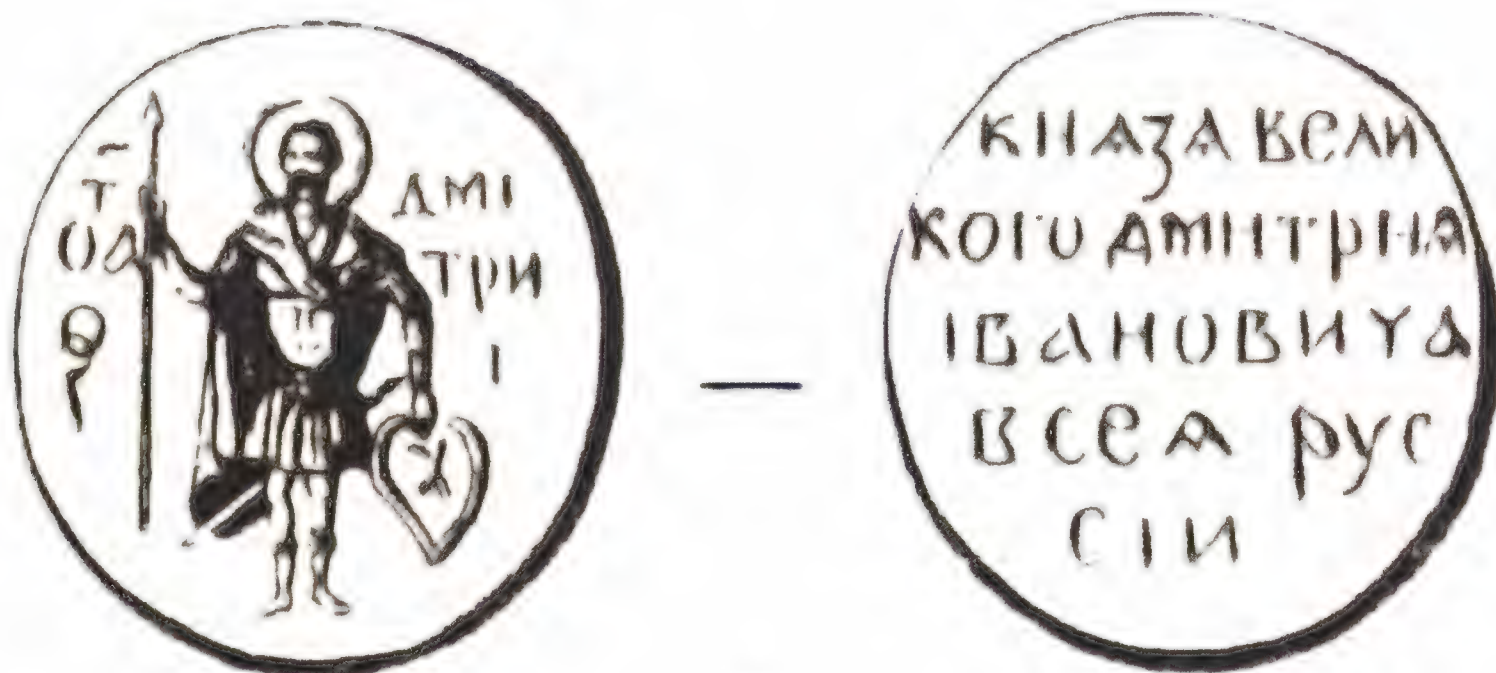
Высоцкий монастырь в Серпухове. Основан в XIV в. По Б. В. Арсеньеву

Великий князь всея Руси Иоанн III Васильевич.
Миниатюра из «Титулярника», XVII в. По В. П. Гриценко

1

2

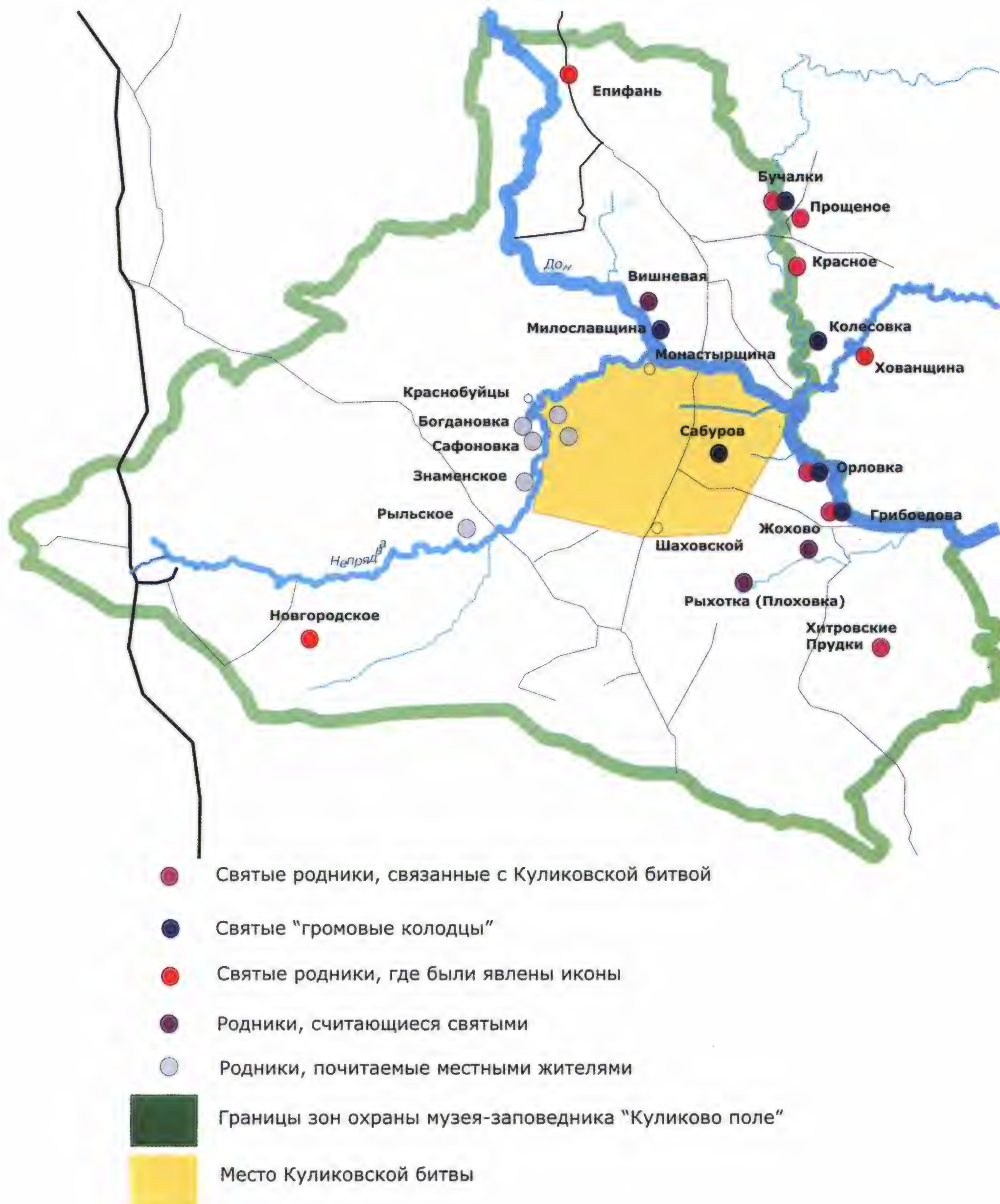
3

Печати Дмитрия Донского: свинцовая вислая печать (1);
прорисовка изображений сторон печати Дмитрия Донского
к первой духовной грамоте, 1375 г. (2);
прорисовка изображений сторон печати Дмитрия Донского
ко второй духовной грамоте, 1389 г. (3).

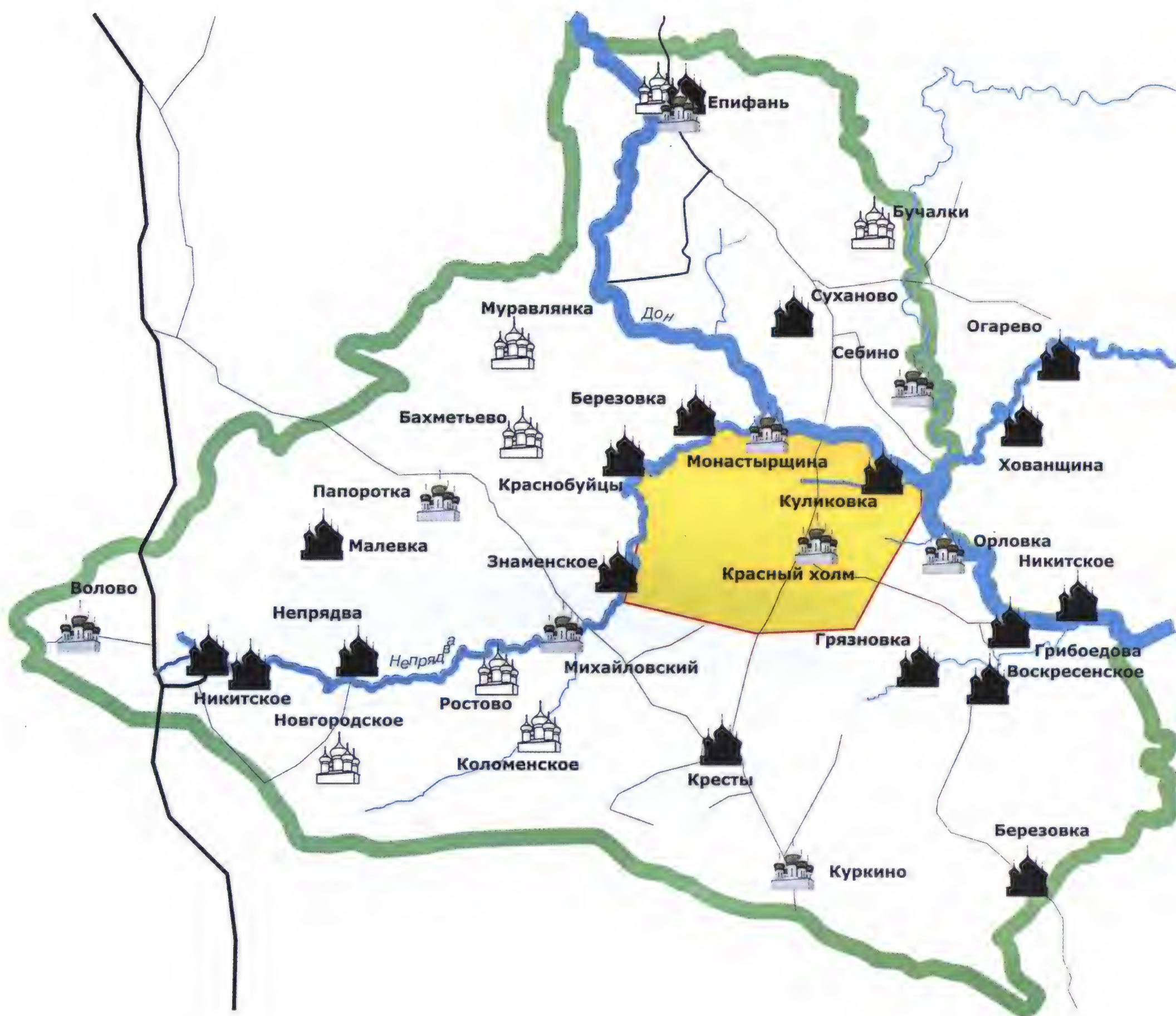
По В. П. Гриценко

Часовня на Прощеном колодце.
Скульптор В. М. Клыков, архитектор М. А. Панкратов

Святые родники Куликова поля. По И. Г. Бурцеву и И. В. Пешехонову

- Действующие храмы
- Недействующие и полуразрушенные храмы
- Утраченные храмы
- Границы зон охраны музея-заповедника "Куликово поле"
- Место Куликовской битвы

Храмы Куликова поля. По И. Г. Бурцеву и И. В. Пешехонову

Смоленская церковь на месте Епифанского Успенского монастыря на Федосьином городище.
Фото начала 1900-х гг.

Кроме того, часть доходов с торговых пошлин «тамги» и «осьмничего» принадлежало великой княгине Евдокии Дмитриевне.

По обычаю Дмитрий Иоаннович наделил своих сыновей уделами. Старший, Василий, получал Коломну с волостями и селами, Юрию доставался Звенигород, а также Галич – «купля» (приобретение) Ивана Калиты. В удел Андрею был завещан Можайск, а с ним – «деда купля» – Белоозеро, окончательно присоединенное к Москве после того, как старшие белозерские князья пали на Куликовом поле. Четвертый сын Дмитрия Донского, Петр, по завещанию получал Дмитров и «куплю Калиты» – Углич. Наконец, младшему из Дмитриевичей, Ивану, была отписана лишь небольшая и небогатая бортная волость Раменейца (район нынешнего Раменского). Не имел он доли в управлении и распределении доходов со столицы. Отец знал, что Иван тяжело болен и уже не жилец, а потому предоставил ему право передать свой удел тому брату, кто пожелает о нем позаботиться. Своей супруге, великой княгине Евдокии, Дмитрий Иоаннович также завещал села и волости. Она получила право перераспределения владений сыновей в случае смерти кого-либо из них. В духовной грамоте великий князь особо оговаривал: «А даст Бог сына, и княгиня моя поделит его, взявши по доли у больших его братьев». В семействе Дмитрия Иоанновича, лежавшего на смертном одре, ожидалось прибавление.

Великий князь еще успел увидеть своего сына, нареченного Константином. Восприемниками новорожденного были его старший брат Василий и Мария, вдова последнего московского тысяцкого, мать казненного Ивана Вельяминова. В какой-то момент умирающий Дмитрий Иоаннович почувствовал облегчение. Казалось, болезнь отступает, князь-ратоборец перебарывает ее: «И возрадовавшеся вси людие о сем». Но улучшение оказалось недолгим. Дмитрию вновь стало хуже. Твердости духа и мужества он не терял и перед лицом надвигавшейся смерти. Позвал жену и детей, долго беседовал с ними, наставляя в последний раз. Затем обратился к своим «боярам старейшим», благодарил за верную службу, просил так же верно служить сыну Василию. 19 мая 1389 года, в среду, в девятом часу вечера великий князь Московский и

Владимирский Дмитрий Иоаннович, прозванный Донским, скрестил руки на груди, тихо смежил очи и больше их не открывал...

Похороны состоялись на следующий день. В Архангельском соборе тело усопшего отпевали Трапезундский митрополит Феогност, гостивший в те дни в Москве и оказавшийся высшим на то время церковным иерархом на Руси; Даниил, епископ Смоленский; Савва, епископ Сарский. Среди тех, кто проводил воителя Куликова поля в последний путь, был и Преподобный Сергей Радонежский.

Дмитрий Донской, чье княжение оказалось столь же судьбоносным и славным, сколь бедственным и кровавым, остался тем не менее в памяти потомков выдающимся правителем и полководцем, героем-воителем, одним из создателей России.

«Нельзя по сказанию Летописцев, – писал Н. М. Карамзин, – изобразить глубокой душевной скорби россиян по поводу кончины великого князя. Долго стонали при его дворе и на посадах. Никто из потомков Ярослава Всеволодовича, кроме Александра Невского, не был столь любим народом и боярами, как Дмитрий Иоаннович... Любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, он не имел знаний, почерпаемых в книгах, но знал Россию и науку правления; силою одного разума и характера заслужил от современников имя орла высокопарного в делах государственных; словами и примером вливал мужество в сердца воинов, и, будучи младенцем незлобием, умел с твердостью казнить злодеев. Современники особенно удивлялись его смирению в счастье. Какая победа в древняя и новья времена была славнее Донской, где каждый Россиянин сражался за отечество и ближних? Но Дмитрий, осыпаемый хвалами признательного народа, опускал глаза вниз и возносился сердцем единственно к Богу всетворящему. Целомудренный в удовольствиях законной любви супружеской, он до конца жизни хранил девическую стыдливость, и ревностный во благочестии подобно Мономаху, ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий пост приобщался Святых Тайн и носил власяницу на голом теле; однакож не хотел следовать обыкновению предков, умиравших всегда Иноками: ибо думал, что несколь-

ко дней или часов Монашества перед кончиною не спасут души, и что Государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье.

Таким образом, Летописцы изображают нам добрыя свойства сего Князя; и славя его как перваго победителя Татар, не ставят ему в вину, что он дал Тохтамышу разорить Великое Княжение, не успев собрать войско сильного, и тем продлить рабство отечества до времени своего правнука Иоанна III».

Никоновская летопись оставила для потомства портрет Дмитрия Иоанновича: «Сам крепок зело и мужественен и телом широк, и плечист, и чреват (дороден) вельми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело... добродетельне и воздержане во всем целомудренне живяше, пустошных же бесед не творяше, глумления играня не любяше, срамных словес отбегаша, злонравных человек отвращашеся, отечество свое, державу свою мужеством своим крепко держаше... а умом совершен муж бяже, во бранех же храбр воин, и врагом своим страшен являшеся, многие ж враги, возстающия на ны победи...»²

В предсмертной духовной грамоте Дмитрия Иоанновича были слова, на которые никто из его предшественников, занимавших великокняжеский престол соизволением татарских ханов, не мог бы решиться: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду...» Так впервые в важнейшем официальном документе московский государь высказал мысль о полной независимости от ханской власти. Не робкая надежда на лучшее будущее, а предначертание потомкам, руководство к действию слышались в этих словах. И трудно было не верить в их весомость после того, что произошло на Воже и на Дону. Победы эти лишь ненадолго разорвали узду вековой ордынской неволи. То был героический прорыв к независимости, потребовавший предельной концентрации и напряжения физических, материальных и духовных сил, стоивший большой крови.

Благодарный князь был похоронен в Архангельском соборе Московского кремля рядом со своими предками.

² *Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия: в 2 т. Т. 1 / Авт.-сост. В. В. Богуславский. — М.: Олма-Пресс, 2002. С. 358.*

Княгиня Евдокия, вдова великого князя, провела свое детство в Суздале и, очевидно, Нижнем Новгороде, так как ее семья в 1350 году переехала из Суздаля в Нижний Новгород. Из-за постоянных междоусобных распрей, которые вели с ее отцом удельные князья, детство ее было беспокойным. С ранних лет княгиня Евдокия привыкла полагать все свое упование на Бога. В 1367 году она вступила в брак с великим князем Московским Дмитрием Иоанновичем. Ее любовь к супругу и детям освящалась ее любовью к Богу. Дела христианского милосердия княгиня и ее супруг сочетали с подвигами поста и молитвы. В своей жизни они опирались на помощь святых, трудами которых была в те времена столь достославна Русская земля. Святитель Алексей, митрополит Московский, был близок княжескому семейству; духовником Евдокии и Дмитрия, был ученик Преподобного Сергия, игумен Симонова монастыря, святой Феодор (впоследствии архиепископ Ростовский). Преподобный Сергий был крестным отцом их двоих детей и крестил одного из сыновей князя Дмитрия и Евдокии. Восприемником других детей благочестивого семейства был преподобный Дмитрий Прилуцкий (память 11 февраля).

Княгиня Евдокия горячими молитвами любви поддерживала великого князя Дмитрия в дни его похода, победоносно завершившегося 8 сентября 1380 года на Куликовом поле, и тем самым разделила его подвиг по освобождению Руси от монголо-татарского ига.

Предав земле любимого супруга, княгиня положила исполнить по всей точности волю его – заменять, сколько может, отца детям, – оберегать и физическую, и духовную жизнь их. Потому-то, без сомнения, оставшись вдовой, она не поступила по примеру других вдов-княгинь, в монастырь, хотя и хотела этого. Предпоследний сын ее Иван скоро умер, но остались кроме Василия – великого князя, Юрий, Андрей, Петр и младенец Константин. В 1390 году вместе со всеми сыновьями своими почтительно встречала она за Москвой в Котле святителя Киприана.

Княгиня щедро расточала свои средства на восстановление и украшение храмов, которых так много было разрушено и опустошено в нашествие Тохтамыша. На ее иждивении построен был Го-

рицкий монастырь в Переяславле. В 1395 году страшный Тамерлан подходил к Туле и готов был сделать то же с Москвой, если не более, что сделал Тохтамыш. Общий ужас не мог не потревожить и набожной княгини как нежной матери детей; вместе со всеми она проливала молитвы к Богоматери, Матерь Божия спасла Москву. Не нужно говорить о том, что княгиня была матерью для всех нищих; она благотворила бедным пустыням, в том числе блаженному Кириллу Белозерскому в его северной, дикой пустыне.

Княгиня Евдокия вела жизнь подвижническую; но это известно было только Господу, а пред людьми она являлась пышною княгинею, носила богатые одежды, украшалась жемчугом, являлась везде с веселым лицом. Такая жизнь вдовы-княгини порождала худые толки. Люди всегда и везде любят судить о других худо. Худая молва о матери, дошедшая до детей, оскорбляла их, и Юрий Дмитриевич не мог скрыть своего беспокойства от матери. Любовь к тайному подвижничеству вступила теперь в борьбу с любовью к детям. Княгиня-мать решилась удовлетворить той и другой, сколько могла. Она созвала детей в свою молельную, сняла часть одежды – сыновья испугались, увидя худобу ее тела, изнуренного постом и измученного веригами. Она просила детей не открывать того другим, что они узнали, и советовала не обращать внимания на людские толки о ней. Явившийся ангел возвестил ей о близкой ее кончине. Она онемела после сего видения и знаками давала знать, чтобы написали ей ангела; два лика ангельские поданы были ей, и она не была довольна; когда же подан был образ архангела Михаила, она обрадовалась и стала говорить. «Он – архистратиг – точно в таком виде являлся мне», – сказала при том княгиня³.

Великая княгиня Евдокия Дмитриевна сделала много, чтобы славное время не забылось потомками.

В 1407 году она основала Вознесенский женский монастырь, в котором постриглась и сама под именем монахини Евфросинии. Монастырь, ставший памятью о великом князе Дмитрие и о Куликовской битве, был украшен иконами и богатой церковной утварью – дарами великой княгини Евдокии. После смерти она была погре-

³ *Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия. Т. 1. С. 417.*

бена в главном соборе монастыря. По преданию, по повелению Евдокии написанный образ архангела Михаила с деяниями находится ныне в иконостасе Архангельского собора Московского кремля.

Великокняжеский собор во имя Михаила Архангела – Архистратига небесного – храм воинский. Ведь князь на Руси – это прежде всего воитель, чей первейший долг поднимать ратный меч на защиту отечества и веры. Не случайно в росписях собора столь большое место занимают батальные сюжеты из Священного Писания. Идеальный образ праведного воина, победителя тьмы, исполненного божественной, необоримой силой, запечатлен на главной храмовой иконе «Михаил Архангел с деяниями». Она датируется концом XIV – началом XV века.

Пришло время княгине заключиться в обители, к которой давно стремилась душа ее. На пути из храма Успения Богоматери слепец кричал ей: «Боголюбивая княгиня, кормилица нас нищих! Ты обещала мне во сне: завтра дам тебе зрение, исполни же обещание твое». Княгиня, не обращая внимания на слепого, как бы случайно опустила рукав рубашки, и слепец, ощутив его в руке, отер им свои глаза и прозрел. На ее иждивении был заложен каменный храм в обители. Но она уже созрела для радостного созерцания небесных жилищ. В том же 1407 году, в котором заложен был каменный храм, она мирно почила 7 июля.

Великая княгиня Евдокия (монахиня Евфросиния) причислена Русской Православной Церковью к лику святых. Ее память отмечается 20 июля (7 июля). В лице святой Евфросинии православные чтили и всех княгинь, помогавших любовью и горячей слезной молитвой своим мужьям мудро править Русской землей. В XVII века у гроба Евфросинии в Вознесенском монастыре постоянно стояли пять молящихся стариц. В 1907 году в монастыре широко отмечалось 500-летие кончины Евфросинии. Великой княгиней Елизаветой Федоровной на раку преподобной Евфросинии были возложены гирлянды из васильков и роз и золотая лампада.

В церковной литературе показано, что брак Дмитрия и Евдокии является примером праведной и счастливой семейной жизни, образцом подражания для людей. Евдокия и Дмитрий прожили в люб-

ви и согласии 22 года. Вместе они стойко переносили все испытания, выпавшие на их долю. В русском народе Евдокия пользовалась большой популярностью и получила прозвание «царица-мать». В такие произведения древнерусской литературы, как «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Иоанновича, царя Русского» (XV век), «Степенная книга» (XVI век), Вологодско-Пермская летопись (XVI век), включен плач Евдокии об умершем муже.

Великая княгиня Евдокия – персонаж многих произведений о Куликовской битве. В пространной летописной повести о побоище на Дону великий князь, переправлявшийся через Оку, оставляет в Москве своих воевод, которые должны охранять княгиню и детей. В «Сказании о Мамаевом побоище» Евдокия вместе с другими княгинями и воеводскими женами провожает русское войско в поход на Мамая. В повесть включен плач Евдокии, написанный в подражание знаменитому плачу Ярославны. В «Сказании» также после победы над Мамаем князь Дмитрий посылает великой княгине весть о победе и о погибших. Она вместе с детьми встречает в Москве русское войско⁴.

Святость преподобной Евфросинии удостоверена чудесными знамениями милости Божией, совершавшимися на ее гробнице в течение нескольких столетий. Много раз видели, что у гроба святой Евфросинии сама возгоралась свеча. И в XIX веке здесь совершилось несколько чудесных исцелений. Так, в 1869 году, приложившись к гробнице с мощами преподобной, исцелился одержимый отрок. В 1870 году преподобная Евфросиния явилась во сне парализованной девице и вернула ей здоровье. Неизлечимо больной был возвращен к жизни через возложение на него пелены с гробницы святой Евфросинии. Ее духовный подвиг свидетельствует о том, что ни богатство, ни высокое общественное положение, ни семейные узы не могут быть непреодолимым препятствием для стяжания благодати Божией и святости.

С тех пор как упокоилась в соборной церкви княгиня, Вознесенская церковь стала усыпальницей жен и дочерей московских князей. Здесь были погребены великие и удельные княгини и

⁴ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 160.

княжны, а позднее царицы и царевны. Среди них и те, кто оставил заметный след в русской истории: супруга Василия I София Витовтовна, жена Ивана III София Палеолог, мать Ивана Грозного Елена Глинская, первая супруга грозного царя Анастасия Романовна, Ирина Годунова – жена царя Федора Ивановича и сестра Бориса Годунова, Марфа Ивановна – мать первого государя династии Романовых Михаила Федоровича, мать Петра I Наталья Кирилловна. Пять с лишним веков простоял в кремле Вознесенский монастырь, многое повидав, накопив огромное духовное, историческое и культурное богатство.

Монастырские строения не раз страдали от пожаров. В 1812 году французы обезобразили, осквернили обитель, и лишь через два года после их изгнания Вознесенский собор был заново освящен и в нем продолжались богослужения.

После 1917 года монастырь был закрыт. Духовные ценности, иконы, церковная утварь, старинные книги, дарения царей, князей и княгинь были расхищены и навсегда утрачены⁵. В 1929-м, в год «великого перелома», он был полностью стерт с лица земли. Погиб собор Вознесения Господня, построенный Алевизом Новым в начале XVI века на месте первого монастырского храма. Разрушению подверглась церковь Михаила Малеина с колокольной – памятник XVII столетия. Разобран был и храм XIX века Екатерины Мученицы. Ныне на месте древней обители – административный корпус кремля. При разрушении Вознесенского монастыря захоронения княгинь и цариц были перенесены в подвалы Архангельского собора. Останки святой Евфросинии (в миру великой княгини Евдокии) вместе с другими княгинями положили в том же храме, где покоится и прах ее супруга – святого благоверного князя Дмитрия.

1929 год стал последним и для другой кремлевской святыни – Чудова монастыря. Он соседствовал с Вознесенской обителью. Основанный митрополитом Алексием в княжение Дмитрия Донского Чудов монастырь был поистине сокровищницей исторической памяти России. Трудно даже перечислить связанные с ним значимые события и громкие имена. Здесь крестили будущих рус-

⁵ Поле Куликово. С. 113.

ских царей и императоров – Алексея Михайловича, Петра Великого, Александра II Освободителя. Беглый монах Чудова монастыря Гришка Отрепьев вошел в историю как царь-самозванец Лжедмитрий I. В чудовской темнице в Смутное время поляки уморили голодом не сломленного ими святого патриарха Гермогена. Другой знаменитый патриарх, Никон, был в Чудовом монастыре лишен своего сана.

В Чудове жили выдающиеся просветители Максим Грек и Епифаний Славенецкий, поэт Корион Истомин. Но настала пора, когда история России до 1917 года была объявлена «проклятым прошлым», а церкви и монастыри – «рассаdnиками религиозного дурмана», мешающими скорее идти в «светлое будущее». Мысль о том, что во имя нового надо безжалостно расправиться со старым, «выбросить его на свалку истории», воплощалась в жизнь буквально. Гибли люди, целые классы и сословия, гибли и памятники старины. Не избежал этой участи и Чудов монастырь. В декабре 1929 года он был взорван. На его месте выстроили административные корпуса.

Но вернемся на Соборную площадь. Ее западную сторону занимают монументальные здания Государева двора. Со времен Ивана Калиты дворцовый комплекс не раз менял облик, постоянно расширялся, достраивался и перестраивался. При Дмитрии Донском почти все строения были еще деревянными. Ни одно из них не сохранилось до наших дней. Давно исчезли палаты, в которых Дмитрий Иоаннович пировал, когда гонец, падающий от усталости после долгой скачки, принес ему весть о том, что Мамай идет на Русь. Нет и возвышавшегося над Москвой-рекой златоверхого набережного терема с диковинными по тому времени стекольчатыми окнами и крыльцом, откуда великая княгиня Евдокия с княжескими и воеводскими женами смотрели на уходившее в дальний поход воинство. Из зданий – свидетелей древней эпохи дольше всех, вплоть до 1933 года, простоял, пусть и не в первоизданном виде, храм Спаса на Бору.

И все же в самой сердцевине огромного комплекса кремлевских дворцов сохранился памятник, вплотную приближающий нас ко

временам Куликовского побоища. В 1393–1394 годах великая княгиня Евдокия Дмитриевна выстроила у своих хором на месте деревянной церкви Воскрешения Лазаря небольшой белокаменный одноглавый храм во имя Рождества Богородицы и украсила его лучшими иконами, книгами, дорогими сосудами и другой утварью. Святитель Киприан (11 февраля 1393 г.) освятил его в присутствии всей семьи великой княгини. По просьбе благочестивой княгини положено было праздновать в Москве 8 сентября с особенной торжественностью, в благодарность за Куликовскую победу.

Расписывать новый храм был приглашен знаменитый, уже успевший прославиться своим искусством и в Константинополе, и в Кафе, и в Новгороде иконописец Феофан Грек, которого в Москве называли почтительно – «философом, зело хитрым». С ним вместе работал другой признанный мастер – Симеон Черный, а также несколько учеников.

По преданию, именно для Рождественской церкви была написана и упоминавшаяся икона Михаила Архангела, перенесенная затем в Архангельский собор. Через сто лет после сооружения храма великокняжеский двор претерпел очередную перестройку. Она затронула и церковь Рождества Богородицы, к тому времени уже изрядно обветшавшую от времени. Зодчий Алевиз Новый в 1514 году возвел прямо над ней новый храм, который стали именовать Рождественским. Старый же опять освятили в честь Воскрешения Лазаря.

А еще через столетие, в XVII веке, древний храм... потеряли! Царские терема и палаты закрыли его со всех сторон. Церковь была упразднена, а затем замурована. Постепенно о ней забыли вовсе. Поэтому легко представить удивление строителей, реконструировавших в 1840-х годах кремлевские дворцы, когда за отваленной кирпичной кладкой вдруг показались мощные белокаменные стены, из пролома повеяло могильным холодом и открылось внутреннее пространство древнего храма с четырьмя столпами, поддерживающими своды. Ныне церковь Воскрешения Лазаря (некогда Рождества Богородицы) считается самым ранним памятником архитектуры не только кремля, но и всей Москвы. Впрочем, к концу XIV века

исследователи относят и белокаменный подклет-основание Благовещенского собора, домового храма московских царей.

Государев двор в кремле был не просто жилищем великих князей и царей. Здесь вершились важнейшие государственные дела. Россия никогда не забывала, откуда есть-пошла ее державность. Даже после переноса официальной столицы в Санкт-Петербург за Москвой сохранилось прозвище первопрестольной. Память о творцах московского могущества не иссякала в потомстве. Не раз возникала и мысль об ее увековечении. Так, в 1817 году, когда Москва как птица Феникс возрождалась после нашествия «двунадесяти языков», выдающийся зодчий О. И. Бове предложил смелый проект – создать перед императорским дворцом в кремле новую площадь, насыпав для этого кремлевский холм, и установить на ней монументы Юрию Долгорукому, Ивану Калите, Ивану III и Дмитрию Донскому. Этот замысел так и не был воплощен. Он оказался слишком грандиозным.

Каждая пядь кремлевской земли имеет свою долгую историю и способна многое поведать⁶. В наши дни пространство к востоку от Архангельского собора и Ивановской колокольни занято тенистым садом. В древности же здесь располагался двор удельного князя Владимира Андреевича Серпуховского, унаследованный им от отца. Владение занимало вершину кремлевского холма и простиралось вниз по пологому тогда склону на подол. Крупнейший полководец своего времени, прозванный за подвиги на поле Куликовом Храбрым и Донским, двоюродный брат и соправитель на Москве великого князя Дмитрия Иоанновича, Владимир Серпуховской владел и обширными землями в окрестностях стольного града. К западу от кремля ему принадлежало село Кудрино, память о котором сохранилась в названии нынешней Кудринской площади. Густые леса, топкие болота, небольшие поля – такова в XIV веке была эта местность. Впоследствии здесь пролегли знаменитые московские улицы: Арбат, Молчановка, Поварская, Никитская, Бронные, Тверская. За Кудрином, на речке Пресне в урочище Три Горы, стоял большой загородный двор Владимира Андреевича, а

⁶ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 311.

невдалеке, на ручье Студенец, находилось его село – Выпрямково. К востоку и юго-востоку от Москвы князю принадлежали села Косино, Коменское и Нагатинское. К югу – Ясенево. Эти названия хорошо знакомы каждому современному москвичу.

В семье Владимира Храброго свято сохранялась память о Куликовской победе. Княгиня Марья, мать героя Донского побоища, около 1386 года основала женский монастырь во имя праздника Рождества Богородицы, на который пришелся день битвы. Среди первых монахинь обители были вдовы воинов, павших на Дону. Незадолго до кончины в Рождественском монастыре постриглась под именем Марфы и сама его основательница. Впоследствии монахиней этой обители стала и вдова Владимира Серпуховского Елена Ольгердовна, дочь великого Ольгерда Литовского. Возможно, Рождественский монастырь первоначально располагался в кремле или вблизи него, «на рву», у восточной стены крепости. Позднее он был перенесен на Кучково поле, на высокий берег Неглинки. Здесь, на улице Рождественке, монастырь находится и по сей день.

После Дмитрия Донского «татарская» власть на Руси резко изменила свой характер. Орда уже не назначала великих князей. Они перестали быть ордынскими ставленниками на Руси. Великие московские князья стали пользоваться традиционным законным наследственным правом и передавать московское великое княжение старшему сыну.

Мы видим, что Дмитрий Донской первым решился благословить старшего своего сына Василия I великим князем Владимирским, так как не боялся соперников ни из Твери, ни из Нижнего Новгорода.

Василий I Дмитриевич не имел твердости на благословение своего десятилетнего сына Василия II на великое княжение. Он делал это, предположительно, с оговорками, так как его родной брат Юрий не хотел признавать Василия II преемником великого княжения до 1428 года.

В третьей духовной грамоте Василий I оставляет на попечение своего тестя Витовта княгиню Софию, своих братьев Андрея и Петра Дмитриевичей и князей Семена и Ярослава Владимировичей. Брат Константин, как и Юрий, не захотевший в 1419 году

«целовать крест на верность сына Василия» (как будущего великого князя), Василием I был лишен всех земельных владений.

В самом начале своего правления он показал, что остается верен отцовскому и дедовскому завету и понимает, что единство Московского княжеского дома было залогом главных успехов в жизни княжества. В начале января 1390 года великий князь увеличил удел Владимира Андреевича, отдав ему Волок и Ржеву как знак доброго расположения к своему дяде. Он продолжает храмовое строительство не только на южном и западном направлениях, но и в Можайске, Звенигороде. В том же году Василий I купил себе в Орде Нижегородское княжество, отняв его у князя Бориса Константиновича Городецкого. Вслед за присоединением Нижегородской земли была присоединена и Вятская. Он подчинил своему влиянию Тверь, Рязань, Псков. Заставил Новгород Великий считаться с интересами Москвы. Остановил дальнейшее стремление Литвы бороться за обладание русскими землями к востоку от Смоленска.

Желая узаконить новый порядок престолонаследия и отнять у претендентов всякий предлог к смуте, его сын Василий II еще при своей жизни назвал сына Иоанна великим князем, считая великое княжение владимирское неразрывно связанным с московским. Остановимся на причинах смуты в годы правления Василия II.

Боярин Иоанн Дмитриевич Всеволожский, потомок смоленских князей, помог в 1432 году Василию II Темному, внуку Дмитрия Донского, получить ярлык на великое княжение, уговорив хана не давать его Юрию. Он надеялся, что Василий женится на его дочери. Василий II Васильевич в Орде давал такое обещание. По приезде из Орды в Москву все изменилось. Его мать София Витовтовна не согласилась на этот брак и настояла, чтобы сын женился на внучке Владимира Андреевича, Марии Ярославне. Иоанн Дмитриевич обиделся и уехал от великого князя к его дядям Константину Дмитриевичу и затем к Юрию Дмитриевичу, который его принял радушно. Боярин Иоанн Дмитриевич подговаривал Юрия возобновить старые притязания на великое княжение, которые он сам в Орде опровергал.

На свадьбе, состоявшейся в 1390 году, сыновья Юрия, внуки Дмитрия Донского – Василий Косой и Дмитрий Шемяка пировали вместе с другими. Василий Косой приехал на свадьбу в богатом золотом поясе. Старый боярин Петр Константинович рассказал Софии Витовтовне историю этого пояса. Пояс был подарен нижегородским князем Дмитрием Константиновичем как приданое своей дочери Евдокии, которая выходила замуж за Дмитрия Донского. Последний тысяцкий Москвы Василий Вельяминов на свадьбе Дмитрия Донского подменил этот пояс другим, менее ценным, а настоящий отдал своему сыну Николаю, женившемуся на сестре Евдокии – Марии. Затем Николай Васильевич и Мария Дмитриевна отдали этот пояс в приданое дочери боярина Иоанна Дмитриевича Елене, вышедшей замуж за Андрея Владимировича Серпуховского (†1426). По смерти Андрея Иоанн Дмитриевич подарил пояс Василию Юрьевичу Косому, женатому на его внучке Анне Андреевне Серпуховской. В этом поясе Василий Косой и прибыл на свадьбу.

Великая княгиня София Витовтовна, узнав, что за пояс был на Василии Косом, при всех сняла его как собственность своей семьи. Василий Косой и Дмитрий Шемяка сразу обиделись и выехали из Москвы. Это было предлогом для войны, фактически же – борьбой за великое княжение, которая продолжалась до 1453 года.

Иоанн III, старший сын Василия II Темного, получил наделы от отца: великое княжество Московское и города Коломну, Владимир, Переяславль, Кострому, Галич, Устюг, Вятку, Нижний Новгород, Муром, Юрьев, Боровск, Калугу, Алексин и другие города. Четыре других сына – Юрий, Андрей, Большой Борис и Андрей Меньшой – получили по два-три второстепенных города и уделы.

Иоанн III Васильевич был высоким человеком, но немного сутуловатым, истинным потомком Иоанна Калиты. Он был умным и необыкновенно трудолюбивым. Усвоив заветы великих предков, он всю свою жизнь стремился приводить их в исполнение. К каждому делу Иоанн III относился с необыкновенной обдуманностью. Он первым из князей совершил поход на Казань в 1467 году. Затем предпринял поход на Новгород Великий и усмирил

его. Часть детей боярских этого крупного города переселил по низовым городам.

В 1471 году был заложен новый Успенский собор в кремле на месте старого. Затем при Иоанне III последовательно были построены другие храмы. На месте деревянных палат великий князь возвел для себя каменные. Среди других построек того времени – знаменитая Грановитая палата.

Со времени второго брака Иоанна III на Софии Фоминичне Палеолог был принят государственный герб – двуглавый орел – бывший герб греческих царей, вместе с изображением святого великомученика и Победоносца Георгия. При Иоанне III были присоединены к Москве Тверь, Ярославское и Тверское княжества.

В XV веке татарские рати не раз нападали на Русь. Так, осенью 1408 года к Москве обманом подступило войско золотоордынского эмира Едигея, основателя Ногайской Орды. Великий князь Василий I Дмитриевич отъехал в Кострому собирать полки, как когда-то его отец Дмитрий Донской при приближении Тохтамыша. Но московская трагедия 1382 года на сей раз не повторилась. Власти не покидали стольного града. Вместе с москвичами в осаде находились 55-летний герой Куликова поля – князь Владимир Андреевич Серпуховской, сыновья Дмитрия Донского Андрей Можайский и Петр Дмитровский. Три недели стоял Едигей у стен Москвы, а высланные им отряды тем временем опустошали Залесскую землю, Ростов, Дмитриев, Серпухов, Нижний Новгород, Городец, Юрьев. Однако Москва осталась неприступной. Все москвичи вынуждены были тогда заплатить откуп в три тысячи рублей. Уходя восвояси, войско Едигея гнало с собой толпы захваченных на Руси пленников.

Через три десятилетия, в 1439 году, Москва вновь отражала натиск ордынцев. На этот раз город осаждал казанский хан Улу-Мухаммед. В 1444 году войска великого князя Василия II успешно бились с татарами под Муромом, Гороховцом и Рязанью. В следующем году Орда сполна расплатилась за поражения. В битве под Суздалем сыновья Улу-Мухаммеда Мамутяк и Ягуп не только разбили великокняжеское войско, но и захватили в полон

самого Василия II. За его выкуп пришлось выплатить огромную, разорительную для населения Московского княжества сумму – 23 тысячи рублей! В 1451 году Москва вновь увидела татар под своими стенами. Набег рати «царевича» Мазовши был стремительным, но неудачным. В памяти москвичей он остался как «скорая татарщина». Помимо больших нашествий за эти десятилетия было немало мелких налетов степной конницы на русские земли со стороны юга. Ордынские правители использовали любые внутренние и внешние неурядицы Руси, чтобы восстановить и упрочить свое влияние на нее.

Тохтамыш, Тимур, Едигей, Улу-Мухаммед – зловещие фигуры в истории. Все же традиции Куликовской битвы жили, и решающим этапом в подготовке победы стала междоусобная война 1425–1462 годов. Это был перелом на пути к централизации страны, хотя Орда и Орден, Литва и Швеция всячески препятствовали победе Московской Руси. Этим в значительной мере объясняется и затяжной характер ее высвобождения.

Но ничто не могло остановить ее государственное дело – соби-
рание русских земель. По словам В. О. Ключевского, Московское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты».

По мере того как поднималась Русь, собираясь вокруг Москвы, а Орда все больше слабела и распадалась, все меньше становилась и зависимость русских княжеств и земель от ханской власти. Зависимость эта стала и вовсе прозрачной, когда великое княжество Московское преодолело внутреннюю смуту, которая терзала его первые 28 лет правления Василия II. Наконец, Иоанн III навсегда прекратил платить ордынскую дань. Попытка хана Большой Орды Ахмата военной силой восстановить былой порядок вещей завершилась знаменитым «стоянием на Угре» и полной неудачей татар. Иго пало в 1480 году, через сто лет после Куликовской битвы.

Народные предания о Куликовской битве. Храмы Куликова поля. Музей-заповедник «Куликово поле»

События 1380 года стимулировали создание на территории Куликова поля значительного количества образцов фольклора, посвященных Куликовской битве. До сих пор жители Куликова поля связывают отдельные природные и культурные объекты региона с историческим сражением и его героями. Как правило, о каждом из этих мест есть старинное предание. Подобные рассказы начали записываться исследователями еще в XIX веке. Население, пришедшее на Куликово поле в XVII–XVIII веках, не связанное историческими и культурными корнями с Куликовым полем, тем не менее сохраняло память об этом сражении русского средневековья. Обживаясь на новом месте и сталкиваясь с природными памятниками-свидетелями Куликовской битвы, новопоселенцы привязывали события той эпохи к определенным объектам и создавали предания о сражении 1380 года¹.

¹ Текст предания с некоторыми сокращениями и дополнениями по книге: Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 306. Автор статьи о преданиях, связанных с Куликовской битвой, и храмах Куликова поля ссылается на труды: Малицкий П. И. Приходы и церкви Тульской епархии. — Тула, 1895. Бурцев И. Г. Топонимия Куликова поля: Общий обзор // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. 2003. Святая блаженная старина. Матрона Московская: житие и акафист. — М., 2002. Сказание о житии блаженной старицы Матроны. — Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993.

Предания о местах, связанных с расположением и движением войск, сохранились в деревне Заборовке на реке Рыхотке, где напротив деревни находится переезд – «переезжали здесь татары, когда шли на битву». В городе Данкове (Липецкая область) рассказывают, что когда шел Мамай «через Баловинки, пыль была по колено, после того как прошла конница. Шли, говорят, по Данковской дороге». В селе Подмоклом рассказывают, что между Прилипками и Подмоклым «есть переход... Там переходил Дмитрий Донской, когда на битву шел... Там и щас ворота есть, тока выросли все...» По преданию, туманным утром накануне битвы Мамай принял лес «Тройня» у села Орловки, который состоит из трех массивов, за три русских полка, и бежал. В деревне Самохваловке рассказывают, что «когда Димитрий Донской воевал... сражались, и вроде бы выходил какой-та лес, вроде как победители накинудись на татар... И татары могли отступить... Так уж, наверно, было Богом дадено...» По мнению жителей села Орловки, Дмитрий Донской шел на битву через Соколюю гору на берегу Дона. В селе Рыльском передают, что на месте села во время Куликовской битвы «войска Дмитрия Донского стояли... Тут река Ситка впадает в Непрядву... Вот здесь у него стоял какой-то полк...» В пяти километрах от села Кресты, на пути к Красному холму существует «Заповедная роща», где, по преданию, во время Куликовской битвы располагался засадный полк князя Владимира Андреевича Серпуховского.

На полпути от села Кресты к поселку Шаховскому (около 3 км) возвышается холм, известный под названием Воробьева гора. По некоторым сведениям, этот холм называется также Мамаев курган из-за того, что отсюда Мамай наблюдал за Куликовской битвой.

Протоиерей Аганов И. Подвижники благочестия тульского края // Листок Тульской духовной семинарии. 2005. № 1 (15).

Бурцев И. Г., Пешехонов И. В. Отчет об этнографической экспедиции в район Куликова поля. — Тула, 2000.

Энциклопедия городов и районов Тульской области. — Тула. 2000.

Чернопятов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. X. Ополчение 1812 г. — М., 1912.

Вся Тула и Тульская губерния. — Тула, 1925.

Макаров М. Н. Село Рождествено-Монастырцино и поле Куликово. — М., 1826.

Многочисленны предания о прощенных колодцах. В селе Подмо-
клом рассказывают, что Прощеным (Прощальным) колодец (турба-
за «Дон») называется потому, что русские воины «там прощались,
када на битву шли с татарами... Ани шли... И вот появился Проще-
ный колодчик... В ночь, говорят, появился». В селе Грибоедово го-
ворят, что Прощеным колодец назван потому, что русские воины
прощались здесь с павшими в Куликовской битве. На Прощеном
колодце русские воины «перед боем с татарским игом пили воду,
штобы сила у них была». В селе Бучалки сохранилось предание,
что недалеко от села, у деревни Прощеное, есть Прощеный ко-
лодец. «В Прощеном Дмитрий Донской у колодца воду пил, когда
прощался после битвы. Уже без ноги, ему в битве ногу отсекли...»
В селе Красном же об этом колодце сообщают, что у этого колод-
ца, по преданию, Дмитрий Донской прощался с братом или род-
ственниками, когда шел на битву или возвращался с нее.

Распространены предания о кровавых реках. В хуторе Сабуро-
ве сообщают, что «по Зимовой лощине, как раньше старики гово-
рили, текла кровь... Битва была Куликовская... сражались татары
с нашими... У них битва была с самой Смолки... Вот там лесок
небольшой, и наши там были в засаде. А татары шли, а пагода
была туманная... Ани как увидели этот лесок – мол, идет русский
этот... И назад. Вот и наши, говорят, и выиграли. Они подумали,
что это войска русские идут».

Кроме того, в книге М. Н. Макарова «Село Рождествено-
Монастырщино и поле Куликово» приводится следующее топони-
мическое предание: «На... берегу Смолки и теперь еще есть де-
ревня Оболенщина (ныне не существует), где, повторивши слова
предания, скажем, что храбрый, могучий вождь своего отряда,
князь Семен Константинович Оболенский, чинил татарам отпор
крепкий, он топил их в Смолке, загонял их к Дону, из-под мечей
витязя валил дым от крови татарской... Место, где сражался Обо-
ленский, названо было Оболенщиною...»

Подобные предания, связывающие топоним с именем какого-
либо героя, достаточно широко распространены на Куликовом
поле, как и по всей России.

В деревне Курцы рассказывают, что во время Куликовской битвы река Курца (рядом с Зимовой лощиной) «текла кровью». В отличие от общепринятого мнения жители деревни считают, что захоронение русских воинов, павших в Куликовской битве, находится близ дороги в село Куликовка, в «Большой ложине», где существует «Курган» – братская могила русских воинов. В селе Шаховском говорят, что «большая там (на Красном холме) была сражения, битва... Там щас нет, все заросло, там была большой-большой, как котлован... В этом вот котловане была вада дастаточно многа, очень красивые водились птицы... невыносимо какие... Там росло, на этом поле, очень красивый ковыль... много цветов было, очень красивых... А другая была ложиночка... щас ее запахали, там, бывалоча идем.., там вода всегда была красная, как кровь... До того насытилась... И там были вроде канавки такие, все равно как копытами выбито, или там оружие было, все там было... Это от битвы все осталось... всегда вода была красная... Там святое место, там всегда числилось святое место... Много нападений всяких после этих татар была, ходють, там, да Богородицка, дальше – и варачиваются назад».

В деревне Даниловке рассказывают: «Раньше река тут протекала, Красная... Когда битва Куликовская была, тут, говорят, кровь из ложины сюда стекла...» По преданию, река Смолка «в день битвы текла кровью убитых». По рассказам жителей деревни Починок, «когда шла Куликовская битва, кровь воинов, которые погибли, выходила в Барский колодец» (в Орловке).

Многие предания говорят о захоронениях русских воинов. В селе Монастырщина, по легенде, был «древний погост... куда в течение нескольких дней после победы над Мамаем свозили убитых в войне русских воинов, которых хоронили по правому берегу Непрядвы, а над костями погребенных тогда же построили из дубов близлежащей Зеленой дубравы деревянную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы». В селе Ивановке (Липецкая обл.) рассказывают, что в Лебедянском районе, в деревне Мамово (ныне не существует) стоит памятник на кургане, под которым похоронены русские воины, павшие во время преследования

Мамая. В деревне Курцы сохранилась легенда, что близ дороги в селе Куликовке есть Большая лощина, в которой находится курган – братская могила русских воинов, павших в Куликовской битве. Считается, что в районе Хворостянки, в лощине, недалеко от Зеленой дубравы, было братское захоронение воинов, павших в 1380 году (впервые упоминается в 1851 году).

Отдельную группу составляют предания о кладах. В Орловке рассказывают, что «где-то Мамай тут плыл и утонул². С золотом утонул. До сих пор в этом месте вода стоит... Километров двадцать от Орловки». По самому старому преданию, «где-то <рядом с Доном> лежит 32 тыщи... Лодка Мамая... Не знаю, что там они награбили... Раньше было озеро, и когда татары начали выплывать на озеро, лодка у них начала тонуть. И они затопили лодку, а на том месте плиты, што ли, положили». В деревне Ляпуновке утверждают, что недалеко от деревни есть лес «Денежная яма»: «Эта когда татары бежали, когда вот эта Куликовская битва была... Вроде татары обозы свои там закапывали... И вроде там раскопки были большие... манеты нахарили, и паэтому “Денежная яма” назвали...» В деревне Хитровские Пруды рассказывают, что в трех километрах от деревни Мамай зарывал свои сокровища в месте под названием «Татов пупок».

Много преданий о Куликовской битве хранится в Епифани. Там рассказывают, что Успенская церковь построена в XVIII веке в честь воинов, погибших на Куликовом поле. В ней якобы захоронены останки погибших воинов. Рассказывают также, что «Епифан, местный житель, мещанин, задержал литовцев. Литовцы дошли, и они этого Епифана повесили за то, что он их задержал. От этого сталась Епифань, ей лет 600». В XIX – начале XX века наиболее популярной была версия, что Епифань получила имя от некоего Епифана Кореева, «известного в истории как главный посредник измены рязанского князя Олега Дмитрию Иоанновичу Донскому». Возможно, подобная точка зрения родилась на основе пространной летописной повести о Куликовской битве (XV–XVI века).

² Соколья гора на берегу Дона у с. Орловки. По народной легенде, по этой горе шли на Куликовскую битву воины Дмитрия Донского.

Сохранилось предание о городище на Мокрой Таболе. Возвышенное место на ее берегу вблизи деревни Исаковки называется Городок, Городище. Считается, что здесь была братская могила русских воинов, павших в Куликовской битве. Рассказывают, что там нашли 12 павших воинов. К этому же Городку относится и название Мамаев курган. Существует также предание, что в этом месте был рязанский город Дорожен, через который проходила большая дорога из города Березуй, находящийся близ города Венева, в город Данков. Московские войска, проходя здесь в 1380 году, заняли это городище, чтобы в случае отступления иметь опору в укрепленном городе. В Татинках рассказывают, что «от Татинок войска Дмитрия Донского шли к Куликову полю. На месте, где стоит столб, был ковчег Мамаю – золото, стан», а «после битвы остались пленные (татары) в Монастырщине. Монастырские ни с кем не смешивались, их зовут “татары”». В Монастырщине говорят, что местные жители – «татары... потому што на татарской земле живем... Вот как Куликовская битва была...» В деревне Владимировке рассказывают, что слобода Тычок названа так потому, что «тут большак был. И у них (русских) тут была последняя стычка с татарами после битвы (Куликовской), когда они тут бежали. Поселились они тут, татары-то... Были, были, да в Бабанином были, от татаров дети тут эти родились». Окрестное население считает, что жители Малевки – потомки татар, а само село возникло сразу после Куликовской битвы.

Предания о камнях занимают большое место в местном фольклоре. В Монастырщине и Богдановке рассказывают, что в лощине Рыбий Верх есть два камня. Там якобы нашли раненого Дмитрия Донского. Один «камень большой... Там Дмитрий Донской оставил руку и ногу... И до сих пор этот камень лежит, там его отпечатки остались...» В этой лощине действительно существуют два камня-следовика, на одном из которых хорошо читается «отпечаток» пальцев гигантской руки. В Знаменском говорят, что в лощине «Бушиха... говорить, красный куст, белый камень... Дмитрий Донской там, говорить, воевал... Засаду, что ль, там делали... И вот за ночь вырос этот куст и вроде бы камень... И вот, када татары шли, увидали

тут очень много войск Дмитрия Донского... И Дмитрий Донской погнал татар... А в лощине и не было никого, из-за этого вот куста и этот камень... За ночь все это образовалось... А войск там мала была, а им, татарам, показалось, что очень там, видамо-невидамо из-за этого камня и из-за этого куста...» В селе Коломенском рассказывают, что недалеко от села есть будто бы «камень Мамая». В начале XX века жители села Андреевки (р. Рыхотка) сообщали о трех камнях большого размера на очень высоком, но сыром месте, которые называются Мамаевы камни.

Отдельные предания о храмах и монастырях также связаны с Мамаевым побоищем. В Никитском рассказывают, что самая старая церковь села стоит со времен Куликовской битвы. Дмитриев день, местный «kozyрный» праздник, установлен в честь Дмитрия Донского. В селе Непрядве говорят, что «церковь... построена после того, как татаров разбили... У них ведь был полумесяц-то... У нас крест вверху стоит на куполе, а полумесяц внизу креста... В XIX – начале XX века среди прихожан храма архистратига Михаила в селе Красные Буйцы пользовалась почитанием икона Божией Матери. По преданию, эта икона была написана после Куликовской битвы в память заступничества Божией Матери за русских воинов во время битвы.

Существует предание о возникновении Дмитриевского монастыря (Рязанская обл., Скопинский район): «Дмитрий Иоаннович... прошедши сорок верст от поля Куликова, расположил войска на обширной возвышенной равнине, по правому берегу реки Вёдра, около Дмитриевской горы; а свой шатер поставил на самой горе. Здесь он праздновал победу и делал некоторые приготовления на случай неприязненных действий со стороны Олега Рязанского. На эту пору явились к нему рязанские бояре с выражением радостных чувств о победе над общим врагом и принесли ему хлеб-соль. Дмитрий Донской очень обрадован был, что устроилось междоусобие с рязанцами, принес благодарность Богу и приказал устроить на этой горе монастырь и церковь во имя своего ангела – Дмитрия Солунского». В этом монастыре вплоть до революции 1917 года хранилась как реликвия – так называемая «Пересве-

това дубинка», якобы дорожный посох Александра Пересвета, который он оставил, идя на Куликовскую битву, проживавшему на Дмитровской горе отшельнику. Ныне посох экспонируется в Рязанском кремле. Подобное предание существует и о возникновении Скопинского Свято-Духова монастыря. На месте будущего монастыря якобы в 1380 году также состоялась встреча Дмитрия Донского с рязанцами. В Папоротке рассказывают такую легенду: «Даже когда Мамай воевал, хотели разрушить Папоротскую церковь. Когда он стал подходить, Мамай, близко, взяли икону Казанской Божией Матери и пошли вокруг церкви. И сделался туман».

Значительная часть топонимов связывает местное население с Куликовской битвой. В селе Ивановке (Липецкая обл.) рассказывают, что «когда гнали с Куликова поля татар, гнали через наши края тут... до Красивой Мечи... Тут есть Крюковка, деревня, километра три... И татарский хан, Мамай, потерял свой позолоченный такой меч, который передавался как власть... И вот река называлась Меча, а народ окрестил ее Красивая Меча... Из-за этого меча...» В селе Непрядве передают, что «тут ведь была битва Куликовская, и вот поговорка была... начальники приказывали: "Не прядь назад, назад не прядь..." Чтоб только отстоять тут все... Здесь была битва... только не у нас, а подальше, у Дона...» По одному из преданий, название села Себино происходит «от татарского князя Сабина (или хана Себана). Ему Дмитрий Донской дал здесь вотчину». В XIX веке название села Монастырщина связывали с монастырем, якобы основанным на этом месте самим Дмитрием Донским. В это же время считалось, что деревня Оболенщина (ныне не существует), которая находилась на берегу реки Смолки, названа по имени князя Семена Константиновича Оболенского, потому что находилась на месте, где он сражался. Название хутора Сабурова связывали с именем героя Куликовской битвы: «Федор Сабуров и Григорий Холопищев нашли Дмитрия Донского в роще... Сабуров получил долю за Красным холмом, где и теперь есть селение его имени». По преданию, название села Красные Буйцы произошло «со времени Куликовской битвы, когда на этой местности находились будто бы красные, или хорошие, бойцы великого князя Дмитрия Донского».

В Скопинском районе Рязанской области существуют предания о том, что село Победное и поселок Побединка названы так потому, что недалеко от них Дмитрий Донской дал отдых войскам, чтобы отпраздновать победу над Ордой на Куликовом поле. С Куликовской битвой связано также название села Секирово. А село Дмитриево названо якобы по имени великого князя московского. В том же районе существует предание о связи названия села Вослебово с героем Куликовской битвы Андреем Ослябей.

Храмы Куликова поля

На Куликовом поле в начале XX века существовало более 30 действующих церквей (ныне действуют около 10 храмов). Большинство церквей построено не ранее XVII века, многие перестраивались в XIX – начале XX века. Преобладали храмы, выстроенные из камня, при некоторых были деревянные колокольни, деревянные храмы встречались редко. Как правило, храм был огражден кирпичной или чугунной оградой³.

Папоротский Казанской иконы Божией Матери храм. Расположен в селе Папоротка Богородицкого района Тульской области. Когда возник приход – неизвестно. До постройки каменного храма в селе существовали два деревянных. О первом храме неизвестно ничего.

Второй храм был построен в 1774 году во имя Покрова Божией Матери. Приобретение в 1846 году колокола весом в 155 пудов (2480 кг) послужило причиной строительства каменного храма и колокольни, которое было закончено в 1870 году. В 1880 году в храме был устроен алтарь во имя Вознесения Господня в память спасения царской семьи во время взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года.

Храм Казанской иконы Божией Матери является одним из немногих на Куликовом поле, не подвергшихся разорению в советский период. Сегодня храм является действующим.

³ Бурцев И. Г., Пешехонов И. В. Священные места Куликова поля. — Тула, 2005. С. 8.

Себинский Успения Пресвятой Богородицы храм. Расположен в селе Себино Кимовского района Тульской области. Приходский каменный храм, сохранившийся до наших дней, был построен в 1881 году на средства помещика Ильи Муромцева. В храме имелся придел во имя святого Александра Невского, устроенный в 1881 году на средства помещицы Яньковой и прихожан. Придел был освящен в 1892 году. Иконостас церкви был обновлен в 1894 году. В селе родилась святая блаженная старица Матрона Московская. В житии матушки Матроны говорится, что храм, освященный за несколько месяцев до ее рождения, был построен помещиком по провидению Господню. Здесь же мы находим историю, связанную с попыткой построить колокольню при храме. Жители села рассказывали, что перед самой революцией одна барыня задумала в Себине строить колокольню. Пришла она с этой задумкой к Матроне, а та ей отвечает: «Что ты задумала делать, то не сбудется». Удивилась барыня, мол, как не сбудется, коль уже все есть: и деньги, и материалы, даже известь наведена. Но ничего с той постройкой не вышло, наступил 1917 год. Особо чтимой иконой в храме считался образ Божией Матери «Взыскание погибших», написанный по просьбе матушки Матроны. 16 февраля 1947 года в дьяконы церкви Успения был рукоположен Евгений Леонидович Никольский (схиархимандрит Христофор), с 16 июля того же года пресвитер, ставший затем известным тульским духовником. Икона Божией Матери «Взыскание погибших» сохранена местными жителями в годы советской власти. Матрона, святая предсказательница, канонизированная в 1999 году, родилась и долгое время жила в селе Себино. До сих пор среди местных жителей бытуют рассказы о ее неизменно сбывавшихся предсказаниях и прозорливости. В 1997 году в Москве была издана книга «О жизни и чудесах блаженной Матроны», в которой собрано большинство подобных рассказов. В настоящее время в храме Успения Пресвятыя Богородицы находится икона святой Матрены (Матроны)⁴.

Храм Успения Пресвятой Богородицы – один из немногих храмов региона Куликова поля, не пострадавших в советское время. Ни

⁴ О жизни и чудесах блаженной Матроны. — М., 1997.

архитектурный облик, ни внутреннее убранство его практически не менялись с XIX века. Сегодня храм является действующим, это место паломничества на родину старицы Матроны Московской.

Муравлянский храм святителя Николая Чудотворца. Расположен на правом берегу реки Дон в центре села Муравлянка Кимовского района Тульской области. Достоверных сведений о возникновении села и прихода нет. Первым владельцем Муравлянки являлся помещик Гагарин. Однако уже в 60-х годах XVIII века владельцем села значится Борис Крюков. На его средства в 1763 году был построен каменный храм, освященный во имя святителя Николая Чудотворца.

В настоящее время от храма остались только алтарь и трапезная. Сегодня храм в Муравлянке является старейшим из сохранившихся храмов Куликова поля.

Малевский храм святителя Николая Чудотворца. Расположен в селе Малевка Куркинского района Тульской области, в западной части Куликова поля. Само село получило свое название по речке Малевке, название же реки объясняется ее маловодностью (около 10 км). Местные жители уверены, что село было основано выходцами из города Михайлова (Рязанской обл.) после Куликовской битвы. О возникновении прихода достоверных данных не сохранилось. Скорее всего, первый храм, существовавший в XVIII веке, был освящен во имя Воскресения Господня, т. к. еще в XIX веке село имело двойное название – «Малевка Воскресенское тож». Каменный храм был построен в 1808 году на средства прихожан и освящен во имя святителя Николая Чудотворца. В 1836 году в храме был устроен придел во имя великомучеников Флора и Лавра. В 1930-х годах храм был закрыт, использовался для хозяйственных нужд, а затем брошен и стал медленно разрушаться.

Никитский (на Непрядве) храм великомученика Дмитрия Митроличего. Находится в селе Никитское Куркинского района Тульской области. Первый храм, построенный, вероятно, в XVII веке, был освящен во имя великомученика Никиты, что дало название селу. В XIX веке в селе было два каменных храма. Первый, построенный в 1752 году, располагался на кладбище и до наших

дней не сохранился. Второй был построен в период с 1781 по 1785 год. Он был освящен во имя святого великомученика Дмитрия Мироточивого. До настоящего времени престольным праздником на селе считается Дмитриев день.

В 40-х годах XIX века храм был перестроен. Было значительно расширено внутреннее пространство, появились два придела, во имя святителя Митрофана Воронежского и Святой Троицы. В 1879 году перестройке подверглась колокольня храма.

Храм был действующим до 1953 года. Впоследствии на его территории располагалась машинно-тракторная станция колхоза. Сегодня храм совершенно заброшен.

Грибоедовский храм святой великомученицы Екатерины. Расположен на правом берегу Дона в селе Грибоедово Куркинского района Тульской области. Такое название село получило в советское время.

В XIX веке оно носило название Екатерининское, по храму, построенному в 1800 году на средства генерал-майора Льва Давыдова. При храме был устроен придел во имя Зачатия Иоанна Предтечи. До последнего времени храм использовался в качестве колхозных складов, сейчас пустует и медленно разрушается⁵.

Икона «Явление иконы Николы Чудотворца на древе князю Дмитрию Иоанновичу перед Куликовской битвой». По преданию, во время похода на Куликово поле великому московскому князю Дмитрию Иоанновичу было видение иконы с образом Николы в звездном небе над сосною. В память победы на Куликовом поле недалеко от Коломны, на том месте, где великому князю явилась икона, Дмитрий Донской основал Николо-Угрешский монастырь. В фондах Государственного исторического музея находится пропись «Явление Николы на древе князю Дмитрию Иоанновичу перед Куликовской битвой» конца XVII века с иконы того же времени. В центре показан момент явления иконы Николы на древе, справа – лагерь русских войск; на втором плане, за холмами, показан эпизод битвы; слева на первом плане – сцена посещения князем построенного им монастыря. На дальнем плане – стены

⁵ Куликово поле. Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 444.

и башни кремля, колокольня Ивана Великого, главы московских соборов. В верхней части листа над иконой Николы в кучевых облаках изображен Спас с державой. На обороте листа помещены надписи: «Благословенный и великий князь Дмитрий Иоаннович поиде с Москвы с воинством своим противу безбожного царя Мама-
мая», «И отыде 13 поприщ от царствующего града Москвы и став шатрах на поле. И виде образ Святаго и великаго отца Николы над древом стоящъ», «Благоверный и великий князь Дмитрий Иоаннович побеждая безбожного царя Мама-
мая», «Егда возвратися по победе безбожного царя Мама-
мая на то место монастырь созда во имя Святаго и великаго отца Николы зовомый Угри»⁶.

Епифанский Дмитриевский храм. К благочинию церковей города Епифани относился храм в селе Шевырева слобода. Приход был образован еще в конце XVI века казаками, о чем в писцовой книге 1628–1630 годов говорится: «В Шевыревской же слободе церковь во имя святого великомученика Дмитрия Солунского дре-
вяна...» Построенный в 1796 году, Дмитриевский храм на начало XX века был в Епифани единственным деревянным, что особенно ценно в малолесистой зоне. Он имел выразительную объемную композицию с трехъярусной четырехгранной колокольней, увенчанной шпилем, пятигранным алтарем и широким, но невысоким восьмериком на четверике, завершенным главой на граненом барабане. После закрытия в 30-е годы XX века храм сохранял свой архитектурный облик до конца 40-х годов. После оккупации Епифань испытывала большой недостаток в жилой площади. Церковь была разобрана, и уцелевшие помещения ее нижнего яруса стали использоваться под жилье.

Епифанский Рождественский мужской монастырь. Основан князем И. Ф. Мстиславским в середине 60-х годов XVI века на речке Сукромне под Сукромненским лесом в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Однако уже в 1571 году монастырь был разграблен и сожжен крымскими татарами. Писцовая книга 1571–1572 годов

⁶ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Опыт ист.-худож. классификации. В 2-х т. Т. 1. XI — начало XVI века. — М.: Искусство, 1963.

сообщает, что «старцев всех крымские люди побили, а иных в полон поимали, а осталась в монастыре 1 келья да бойница дубовая, рублена на одну стену на 4 углы, вышина ее 3 саж(ени) по кровлю». К монастырю было приписано «120 четвертей земли в поле, а в дву потому ж», и 500 копен сена в Диком поле. Из отведенной земли обрабатывалось только 20 четвертей. Когда в Епифанском уезде было решено возродить монастырь, население, по всей видимости, уже не помнило его первоначального названия, и монастырь был назван в честь Успения Божией Матери.

Знаменский храм Знамения Пресвятой Богородицы. Расположен на левом берегу реки Непрядвы в селе Знаменское Куркинского района Тульской области. Село традиционно делится на слободы Страховку, Спасовку, Мышенку, Пятиловку. Первоначально село называлось Мышенка. Данных о первом храме, который располагался в селе, нет. Известно только, что он был деревянным, с каменной колокольной. Ни храм, ни колокольная до наших дней не сохранились.

Второй храм (каменный), построенный в 1810 году «тщанием и иждивением» генерала от инфантерии князя Андрея Горчакова и освященный во имя Знамения Пресвятой Богородицы, дал название селу – Знаменка. В 1859 году храм был значительно расширен, у него появились два придела: во имя Преподобного Сергия Радонежского (теплый) и во имя святителя Николая Чудотворца. Престольным праздником округа был день празднования иконе Знамения Пресвятой Богородицы (10 декабря).

Храм в селе был закрыт еще до Великой Отечественной войны и в настоящее время не действует.

Бучальский храм. В честь Тихвинской иконы Божией Матери. Расположен в селе Бучалки Кимовского района Тульской области. Князь П. Ф. Голицын в 1780 году выстроил в селе взамен деревянной каменную церковь в виде продолговатой ладьи. В 1832 году церковь была расширена с южной и северной стороны. Затем была обновлена трапезная, в которой устроили придел во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Перестройка церкви проводилась в 1833–1858 годах. В 1858 году князь Михаил Голицын

распорядился устроить новый иконостас в пять ярусов и расписать купола. В 1863 году в Покровском приделе сооружен новый иконостас с позолоченной резьбой и расписаны стены и потолок. В 1885–1888 годах в церкви было сделано отопление и расширена трапезная. Работы произведены на средства местного землевладельца князя В. М. Голицына, прихожан и церкви. В 1892 году устроен новый придел во имя Святителя и Чудотворца Николая. В это время приход храма состоял из деревень Исаковки, Ивановки, Владимировки, Бобровки (Александровки), Барановки. Среди прихожан было 1700 мужчин и 1725 женщин. На месте бывшей до этого церкви был установлен памятный столп.

В советский период храм был закрыт и в настоящее время продолжает разрушаться.

Куркинский храм святого евангелиста Иоанна Богослова. Первый каменный храм в селе Куркино, освященный в честь апостола и евангелиста Иоанна Богослова, был выстроен в первой половине XVIII века. Церковь неоднократно перестраивалась и расширялась, сохраняя свое первоначальное название. В 1765 году был освящен придел в честь святителя Николая Чудотворца. К 1833 году храм пришел в такое состояние, что архиепископ Тульский и Белевский Дамаскин запретил в нем богослужение. К этому времени часть села перешла к Е. А. Засядько. Управляющий имением, видимо, ее близкий родственник корнет И. Д. Засядько на свои средства отремонтировал храм, и в нем возобновилось богослужение. Однако ремонт не носил капитального характера, и Елена Александровна получила разрешение на возведение новой церкви с прежним наименованием, но с двумя приделами во имя святителя Николая Чудотворца и во имя святого Митрофана Воронежского. Строительство новой церкви было начато в 1839 году и закончено в 1845 году, когда церковь была освящена. В 1849 году был освящен придел во имя святого Митрофана Воронежского. Иконостас для этого придела был создан на средства дворового человека княгини Долгорукой А. Козьмина сына Потапова. В 1889–1890 годах на средства ефремовского купца П. И. Вознесенского был выстроен придел во имя святителя Николая и расширена трапезная. Однако, несмо-

тря на сооружение новой церкви, люди воспротивились разборке прежней церкви, которая просуществовала до начала XX века.

Храм Иоанна Богослова пережил октябрьский переворот, Гражданскую и Великую Отечественную войны. С 1950-х годов в нем возобновилось богослужение. Священником храма стал А. Н. Отраденский, бывший настоятель храма Сергия Радонежского на Красном холме, закрытого в 1940 году. В советское время это был один из немногих действовавших на Куликовом поле храмов.

Куликовский храм архистратига Божия Михаила. Расположен в селе Куликовка Кимовского района Тульской области, при слиянии Дона с рекой Смолкой. В 1819 году вместо деревянного храма во имя архистратига Михаила в Куликовке действительным статским советником Федором Ахлестышевым был сооружен каменный. В 1837 году в церкви частично на средства прихожан устроен придел во имя святителя Николая Чудотворца. До 1895 года храм подвергался обновлениям, но не перестраивался.

В 1930-е годы храм был закрыт, использовался под хозяйственные нужды. В настоящее время медленно разрушается.

Епифанский Никольский собор. Первый храм на месте Никольского собора мог быть построен еще в 70-х годах XVI века, когда был основан Епифанский острог. Народное предание связывает постройку собора со временем Куликовской битвы. В нем говорится: «Когда вся земля Русская горела войною, и поле Куликово покрывалось телами умирающих татар, в это время спешила на войну литва, и в рядах ее больших обозов в повозке везена была икона св. Николая Чудотворца. Перешедши Дон, литва остановилась для отдыха в Епифани, где ждал ее Епифан, и обозами своими раскинулась на выгоне; повозка же с скрытою в ней иконою остановилась на том месте, где ныне стоят соборная церковь и небольшая часовня. После отдыха литвяне хотели поспешить на Куликово поле, но повозка с иконою Николая Чудотворца стала неподвижно, на место волов впрягали было лошадей, но и лошади не двигались с места, как бы вкопанные в землю. Пробовали сдвинуть повозку сами, но не осилили. Наконец к везшим повозку присоединились другие литвяне и, не зная о скрытии в

ней иконы, стали осматривать воз: увидев в нем скрытую икону, вздумали было посмеяться над нею, но поражены были слепотою. Литвяне принуждены были оставить икону (священнику) Епифану с его людьми, а сами поспешно бежали тою дорогою, по которой пришли. Для хранения этой иконы построена была первоначально часовня, а потом и церковь».

В XVII веке документы упоминают соборную церковь в Епифани. Как и крепостные стены, она была деревянной. В 1736–1738 годах строился каменный храм. Собор был обнесен каменной стеной с бойницами и четырьмя угловыми башнями. В настоящее время сохранилась одна из башен. Над воротами располагалась надвратная церковь во имя святого Иоанна Воина. Внутри ограды располагались городская управа (до 1774 г.), Епифанское училище (переведено в г. Венев в 1837 г.), торговые лавки. Среди быстро богатевшего епифанского купечества родилась идея создания монументального собора в классическом стиле по чертежам столичных архитекторов. В начале XIX века старый храм разобрали (кроме колокольни) и в 1810 году начали строить величественный Никольский собор. Первоначально в 1810–1814 годах строилась зимняя придельная церковь во имя иконы Божией Матери Троеручицы. По некоторым данным, ее архитектором был Т. Т. Тимофеев. В 1815 году начали строить сам Никольский собор. В связи со значительными объемами работ и нехваткой средств строительство растянулось на несколько десятилетий и было завершено в 1850 году. Собор имел несколько приделов. Помимо уже упоминавшегося придела иконы Божией Матери Троеручицы, здесь находились приделы пророка Ильи, архистратига Михаила, Иоанна Воина (в колокольне). Собор был освящен 20 июля 1850 года, а спустя полтора месяца состоялось торжественное открытие памятника Дмитрию Донскому на Красном холме.

В 1932 году собор был закрыт. В трапезной храма расположилась местная электростанция. В 1941 году храм сильно пострадал: электростанция была взорвана, трапезная обрушилась. Вплоть до начала XXI века уникальный памятник архитектуры был оставлен без внимания и медленно разрушался. Сегодня храм передан

Русской Православной Церкви, в нем совершаются праздничные богослужения, установлен иконостас, начаты работы по консервации и реставрации.

Епифанский Преображенский храм. Приход храма был основан пешими стрельцами Епифани после возведения острога. Писцовая книга 1571 года упоминает церковь Егория Страстотерпца в стрелецкой слободе. Храм, вероятно, сгорел в конце XVI – начале XVII века в результате набегов поляков и татар. Писцовая книга 1627–1630 годов церковь уже не упоминает.

На планах Епифани второй половины XVIII века показана деревянная церковь Преображения Господня, рядом с которой находилось кладбище. Каменный Преображенский храм был построен в 1835 году «тщанием надворного советника Ивана Илларионовича Савельева с помощью dobroхотных дателей» с придельными алтарями во имя Казанской Божией Матери и великомученика Георгия. В народе эту церковь называли Георгиевской по более раннему приделу, а две улицы, идущие от храма, имели названия Первая и Вторая Георгиевские (в настоящее время Больничная и Комсомольская).

Архитектурный стиль здания с северной и южной сторон четырехгранного основания был подчеркнут фронтоном, опиравшимся на шесть колонн. Десять окон светового барабана украшены декоративными наличниками, а простенки между ними и карниз – штукатурным орнаментом. Сферический купол завершался небольшим глухим фонариком. В основании четырехъярусной колокольни лежал четверик, три стены которого как бы вторили портикам главного объема храма с той лишь разницей, что фронтоны опирались на полуколонны. Второй ярус также четырехгранный, но значительно ниже первого. В его нижней части – полукруглые окна с декоративными наличниками. Третий ярус восьмигранный, ребра его закрыты полуколоннами, выделяющими оконные проемы. Восьмерик переходил в цилиндр с маленькими круглыми окнами. Этот ярус завершался штукатурным орнаментом, схожим с тем, что украшает барабан церкви. Окна, расположенные по одной оси, придавали колокольне облик стремительно возносящейся к небу вертикали.

Преображенская церковь являлась замечательным памятником русского классицизма.

В 1937–1938 годах храм был разобран, очищенный кирпич использовался при строительстве цехов спиртового завода. На месте церкви теперь стоит городская баня.

Епифанский Успенский общежительный монастырь на Федосьином городище. В 1609 году он был разграблен и сожжен во время ногайского (татарского) набега. Писцовые книги Епифанского уезда 1627–1630 годов фиксируют, что «образа, книги и всякое строение» церкви монастыря во имя Успения Пресвятой Богородицы «разорено от татарские войны и старицы побиты». Уцелела только келья игумена. На момент описания она была уже ветхой. К монастырю были приписаны село Болхонино на речке под Болхонинским лесом и деревня Заикино, которые также были разграблены и уничтожены в период ногайского набега 1609 года и литовского похода через Епифанский уезд («от татарские и литовские войны»). В селе числилось «120 четвертей земли в поле, а в дву по тому ж, а в деревне 80 четвертей».

Всего в этих бывших населенных пунктах писцы насчитали 43 дворовых места. С течением времени монастырь был восстановлен, но сколько-нибудь значительным из-за небольшого количества населения в уезде стать не мог. В середине XVII века на земельные владения монастыря стал претендовать Тульский Предтечев монастырь, также не имевший больших земельных владений. В 1653–1654 годах строитель Успенского монастыря Дионисий передал Предтечеву монастырю 100 четвертей земли. Эта сделка была утверждена в 1668 году, и Предтечев монастырь получил на эту землю послушную грамоту. Однако в 1669 году старицы Успенского монастыря подали челобитную, в которой указывали, что Дионисий отдал эту землю по душам своих родителей без согласия братии монастыря. Специальным указом епифанскому воеводе предписывалось разобрать спор и прислать в Москву описи владений Успенского монастыря. Результаты разбирательства неизвестны. По данным П. И. Малицкого, монастырь по малочисленности братии в 1724 году был приписан к Проиков-

ской Успенской пустыни Липецкого уезда Тамбовской губернии и в 1764 году упразднен.

Икона «Богоматерь Донская». С победой князя Дмитрия Донского над ордынцами на Куликовом поле связывается начало широкого почитания чудотворной Донской иконы Богоматери. По преданию, икона была принесена донскими казаками, прибывшими на помощь Дмитрию Иоанновичу в битве с татарами. Она крепилась на древке как хоругвь и была при войске во время Куликовской битвы в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы. После победы на Куликовом поле икону поднесли в дар Дмитрию Иоанновичу, и он привез ее с собой в Москву. Икона была помещена сначала в Успенский, а потом в Благовещенский монастырь.

По другим источникам, в дни Куликовской битвы великий князь получил Донскую икону от казаков из церкви Благовещения Пресвятой Богородицы казачьего городка Сиротин вместе с другой, Гребеневской иконой. По приходе в Москву с поля битвы Дмитрий Иоаннович поставил икону в Успенском соборе Кремля, где она стояла сто лет⁷.

В 1591 году 4 (17) июля под Москвой произошла жестокая битва между войсками крымского хана Казы-Гирея и войсками царя Федора Иоанновича, где хан был разбит. Накануне сражения был совершен крестный ход с иконой вокруг Москвы. В память о битве на том месте, где стояла походная церковь Преподобного Сергия с Донской иконой, был основан в 1593 году Донской монастырь и 19 августа (1 сентября) установлено празднование Донской иконы Богоматери. Великий князь Дмитрий Иоаннович был назван Донским. В этот день совершались крестные ходы от Успенского собора Московского Кремля в Донской монастырь. Исследователи считают, что икона была написана в третьей четверти XIV века. Она хранится в Государственной Третьяковской галерее. Список с иконы, написанный в XVI веке, находится в экспозиции музея-заповедника «Куликово поле» в церкви Преподобного Сергия Ра-

⁷ Богословские труды / Московская патриархия. — М.: Изд-во Моск. патриархии, 1992. С. 316.

донежского на Красном холме. В 1927 году Донской монастырь был закрыт. В мае 1991 года церковная жизнь монастыря снова восстановлена⁸.

Мы видели, что историческую память о Куликовской битве хранят местные топонимы (названия рек, селений, ландшафтных особенностей) и народные предания, передаваемые из поколения в поколение. Память о прошлом хранит нас от самозабвения. События битвы все еще близки и волнуют нас. Но само воплощение дела сохранения, увековечения памяти Куликова поля начал Петр I: посетив поле, он повелел отметить памятным клеймом дубы знаменитой Зеленой дубравы.

Начало XIX века было для России великим временем. Разгром и почти полное истребление дотоле непобедимой армии Наполеона, освобождение Европы, вступление в Париж – все это казалось чудом, непостижимым для ума человеческого. Русская слава гремела повсюду. Русское общество, охваченное патриотическими настроениями, заново открывало для себя историю Отечества. Все зачитывались Н. М. Карамзиным. В стране, только что отстоявшей в войне свою независимость, не мог не возникнуть особо пристальный интерес к временам, когда эта независимость завоевывалась.

В те годы и появилась мысль о возведении монумента на Куликовом поле. Честь первым высказать ее принадлежала Степану Дмитриевичу Нечаеву. Местный помещик, просвещенный чиновник и общественный деятель, человек разносторонних интересов и дарований, он много сделал для воскрешения памяти о великом сражении. В своем поместье Куликовка Нечаев из собранных в окрестностях находок создал первый музей Куликова поля. Здесь хранились наконечники стрел и копий, мечи, нательные крестики,

⁸ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 150; Поле Куликово. С. 151.

По данным «Православной Энциклопедии» (См.: Православная энциклопедия. С. 128), Донская икона была взята в поход на Дон Дмитрием Донским из основанной им накануне Куликовской битвы церкви Успения в Коломне. Донскую икону Иоанн Грозный брал с собой в Казанский поход в 1552 г. Возможно, икона была заказана великой княгиней святой Евдокией Дмитриевной.

складни и другие предметы, которые издавна находили местные крестьяне⁹.

В 1820 году предложение Нечаева о сооружении монумента было поддержано тульским дворянством и губернскими властями. За работу над проектом взялся скульптор И. Л. Мартос. Император Александр I, однако, утвердил более скромное и менее затратное предложение архитектора А. М. Мельникова. По всей России начался сбор средств на сооружение монумента. За четыре года была собрана огромная сумма – 367 тысяч рублей ассигнациями. Но вскоре дело застопорилось. Император Николай I повелел большую часть собранных денег отдать на нужды кадетских корпусов, а на возведение обелиска на Куликовом поле выделить 50–60 тысяч рублей. В 1847 году был высочайше утвержден новый проект монумента в виде столпа, предложенный архитектором А. Л. Брюлловым. В Петербурге на заводе Ф. Берда довольно быстро отлили чугунные детали общим весом 428 тонн. Но доставка их на Куликово поле и сборка заняли почти полтора года. Наконец все работы были завершены. И 8 сентября 1850 года, в день 470-й годовщины Донского побоища и 500-летия рождения Дмитрия Донского, состоялось торжественное освящение и открытие памятника. На церемонию помимо духовенства, тульских властей и дворянства собралась тысячная толпа крестьян из окрестных деревень.

Просторы Куликова поля определяли высоту памятника – 30 метров. Его вес составил 428 т. Внешне формы памятника напоминают триумфальный столб, очень распространенный в архитектуре того времени (колонна Полтавской победы 1811 г., Александровская колонна 1834 г, монумент на Бородинском поле 1839 г.). Но архитектор все же ушел от точного повторения. Памятник-колонна Дмитрию Донскому имеет трехступенчатый базис. В первом ярусе расположены ниши с надписями и барельефами. В промежутках между нишами находятся шлемы, мечи, щиты русских воинов. Второй и третий ярусы – пучки сужающихся кверху колонн. Четвертый ярус украшен дубовыми листьями – символом доблести и ратной

⁹ Арсеньев Б. В. Указ. соч. С. 360.

славы. Венчает колонну золоченая глава с крестом. На памятнике расположены две мемориальные надписи. Одна из них – текст 45-го псалма, который, по преданию, читал князь Дмитрий перед боем: «Бог нам прибежище и сила, Помощник в скорбях обретших Ны зело. Сего ради не убоимся. Господь Сил с нами». Вторая надпись расположена в первом ярусе в одной из ниш: «Победителю татар Великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому признание потомство. Лето от Рождества Христова 1848». Рядом с надписями помещалась икона Смоленской Богоматери, которой благословляли князя в поход¹⁰.

Отсюда ежегодно 8 сентября по старому стилю, в день битвы, крестный ход шествовал к Красному холму, где проходила поминальная служба. Особенно многолюдным и торжественным стало празднование 500-летия Донского побоища. У брюлловской колонны была отслужена панихида, а затем парадным маршем прошли гренадеры, прогарцевали гусары.

На торжества тогда собрались тысячи крестьян ближних и дальних деревень. Тогда же, в XIX веке, были организованы первые выставки, появились первые печатные публикации о месте исторического сражения.

Памятник-колонна Дмитрию Донскому является выдающимся произведением русского литейного искусства середины XIX века.

Пережив все перипетии XIX–XX веков, памятник-колонна без какого-либо ухода простоял до 1970-х годов. Первая реставрация памятника была проведена в 1967–1978 годах. Снаружи он был очищен, покрыт графитовым составом, наиболее крупные трещины были зачеканены свинцом. Были отлиты и установлены некоторые утраченные элементы декора. Однако свинец из трещин вскоре выпал, а чугунные детали с колонны продолжали падать. К 620-летию Куликовской битвы музей-заповедник провел еще один косметический ремонт, но после углубленного обследования колонны в 2000–2003 годах оказалось, что монументу грозит полное разрушение. При обследовании памятника в его теле были выявлены множественные трещины, которые угрожающе

¹⁰ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 491.

разрастались. Стальные болты креплений элементов были полностью коррозированы. Все это неминуемо грозило внезапным лавинообразным разрушением монумента. В ходе обсуждения путей спасения памятника ведущими реставраторами России было решено полностью демонтировать его. Сразу после празднования 625-летия Куликовской битвы (2005 г.) реставрационные работы развернулись полным ходом. Была проведена полная инвентаризация деталей памятника. После снятия каждый элемент проходил всестороннее обследование. Все трещины в них полностью устранялись методом специальной сварки. Недостающие элементы вновь отливались из чугуна. Планируется укрепление фундамента памятника, а затем его сборка с установкой внутри объекта несущего стального каркаса, на который будет опираться каждый ярус колонны. Будет проведено и новое золочение купола и букв надписи на памятнике. Первый воинский монумент Куликовской битвы вновь величественно поднимется над Красным холмом.

В 1880-х годах тульский ученый Н. И. Троицкий развернул масштабные по тому времени археологические изыскания в районе Куликова поля. Сбранного материала хватило на то, чтобы значительно пополнить коллекцию созданного им в Туле «Древлехранилища». Этот музей, действовавший под эгидой местной церковной епархии, был доступен достаточно широкой публике – гимназистам и учащимся духовной семинарии, учителям народных школ, местным жителям. Его посещали даже члены императорской фамилии. При Древлехранилище Н. И. Троицкий организовал Тульское епархиальное историко-археологическое товарищество – кружок знатоков и любителей старины края.

В 1980-х годах началось широкое комплексное изучение Поля сотрудниками Верхне-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея, а затем и Тульской археологической экспедицией. Музейные фонды и экспозиции пополнялись все новыми уникальными находками. Круг наших знаний о памятном месте российской истории неуклонно расширяется.

Был создан государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле».

В состав заповедника вместе с имущественным комплексом и персоналом вошли музейно-мемориальные комплексы Куликовской битвы на Красном холме (1997 г.), в селе Монастырщина (2000 г.), музейно-выставочный центр «Тульские древности» в Туле (1998 г.), историко-этнографический музей в поселке Епифань (1998 г.) и заповедная территория – поле Куликовской битвы. Фондовое собрание заповедника насчитывает 35 тысяч единиц хранения.

Охранная зона музея-заповедника – 16,5 тыс. га. Музей-заповедник расположен на юго-западе Тульской области, на стыке Богородицкого, Кимовского и Куркинского районов. Географически территория музея-заповедника расположена на участке ландшафта северной лесостепи Русской равнины в бассейне Верхнего Дона при слиянии его с Непрядвой. Она включает в себя историческое место битвы с прилегающими участками, а также комплекс уникальных археологических, мемориальных, архитектурных, природно-ландшафтных памятников.

По своему значению музей-заповедник «Куликово поле» является первым ратным полем России. Специфика музея-заповедника определяется его военно-историческим профилем.

По основному общественному значению это комплексный научно-исследовательский и просветительский музей-заповедник. В сферу его деятельности включены вопросы изучения и сохранения военно-исторического, исторического и природного наследия Куликова поля. Главной целью музея-заповедника, согласно его концепции, является сохранение уникального историко-ландшафтного комплекса «Куликово поле», обеспечение целостности природной и исторической среды, изучение и использование этого уникального национального наследия.

Дороги всех путешественников по местам ратной доблести 1380 года неизбежно сходятся на Красном холме.

Мемориал на Красном холме: храм Преподобного Сергия, музей Куликовской битвы расположен в 0,5 км к западу от деревни Ивановка Куркинского района Тульской области, на перекрестке дорог Липецк – Тула и Куркино – Кимовск. Старейший воинский мемориал Куликовской битвы. Его формирование началось соору-

жением памятника-колонны Дмитрию Донскому (арх. А. П. Брюлов) в 1850 году на самой высокой точке холма.

Идея создания храма-памятника Сергию Радонежскому на Красном холме возникла в 20–30-е годы XIX века, когда общество обсуждало планы мемориализации Куликова поля. Было принято решение о создании мемориала русским воинам на Красном холме Куликова поля, который должен был состоять из памятника-колонны Дмитрию Донскому, храма Сергия Радонежского и дома инвалидов для солдат. Однако в XIX веке был сооружен только памятник-колонна.

Начало XX века знаменовало следующий этап в создании мемориала на Красном холме. В 1901 году на праздновании Дня поминовения воинов, павших в Куликовской битве, местные помещики граф А. В. Олсуфьев и князь М. В. Голицын обратились к епископу Тульскому и Белевскому Питириму с инициативой о создании здесь храма-памятника в честь Преподобного Сергия Радонежского. Эта инициатива была поддержана на заседании Синода. В конце 1903 года А. В. Олсуфьев возглавил строительный комитет по сооружению храма-памятника. После его смерти в 1907 году строительный комитет возглавил его сын граф Ю. А. Олсуфьев, который пожертвовал для строительства на Красном холме 36 десятин земли. Архитектором храма стал талантливый молодой зодчий А. В. Щусев.

Церковь была задумана им как храм-памятник, который составлял органичный архитектурный ансамбль с обелиском Дмитрию Донскому. Мемориальность храма подчеркивалась и намерением создать внутри него музейную экспозицию, рассказывающую о битве. Торжественная закладка храма состоялась 16 июня 1913 года. Его строительство продолжалось вплоть до октября 1917 года. Храм был освящен только в 1918 году, но работы по его отделке, убранству интерьера и оформлению иконостаса закончены не были. Особенностью храма стало соединение элементов церковной архитектуры с формами крепостного зодчества. Здание состоит из трех объемов: двух боковых башен и собственно церкви. Башни соединены между собой звонницей новгородско-

псковского типа. Трехчастная композиция храма как бы перекликалась с сюжетом картины известного русского художника В. М. Васнецова «Богатыри». По некоторым данным, А. В. Щусев планировал, что храм на Красном холме должен был расписывать именно этот художник. Архитектор в окончательном варианте проекта храма задал боковым башням различную друг от друга архитектуру. В письме П. И. Нерадовскому Щусев писал: «Что касается Куликовской церкви, то она выходит по архитектуре очень хорошо. Я изменил верх второй башни, вместо купола – шлем... Оставить обе башни одинаковыми – это ложно, классически, робко...»¹¹

Наступали тяжелые годы в жизни России. В пору страшных войн и невиданных революций стало не до «преданий старины глубокой». В стране поначалу воцарилось нигилистическое, враждебное и пренебрежительное отношение к прошлому, к князьям-феодалам. Развернулось гонение на церковь, началась борьба с «религиозным дурманом». Все это не могло не сказаться на судьбе Куликова поля. Туман забвения за клубился над Доном и Непрядвой. О Поле стали чаще вспоминать лишь тогда, когда на горизонте ясно обозначилась неизбежность большой войны и ратные традиции предков снова оказались востребованными. В 1940 году в стране широко отмечалось 560-летие Куликовской битвы. В храме Сергия Радонежского тогда развернули выставку, одновременно закрыв его для богослужений.

А вскоре в судьбу памятника вновь вмешалась война. В 1941 году, во время битвы под Москвой, заснеженное Куликово поле было «ничейной» землей, разделявшей противников. На нем действовали и наши, и гитлеровские разведотряды. Непосредственно от военных действий мемориальные сооружения не пострадали. Но долгое запустение, людское небрежение и равнодушие к собственной истории сказались на них пагубно.

Осенью 1941 года немцы пытались оборудовать на Красном холме огневой опорный пункт. В церкви были выломаны решетки и двери. Быстрое контрнаступление Красной армии сорвало планы оккупантов.

¹¹ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 665.

К середине 1950-х годов храм был практически разрушен, с крыш исчезла кровля, были разобраны полы, стали разрушаться стены.

Разоренное Куликово поле возрождалось медленно. Долгое время его памятники оставались в небрежении – ветшали, разрушались. Но «народная тропа» сюда не зарастала. Люди добирались в эту, тогда почти бездорожную, глушь со всей страны поодиночке и целыми группами. В 1965 году на Красном холме были построены два небольших домика, где разместилась экспозиция, посвященная Куликовской битве, и поселился смотритель-экскурсовод, первый музейный сотрудник Куликова поля К. М. Алексеева.

В 1967 году в храме начались реставрационные работы, которые длились девять лет. В 1970 году экспонаты перенесли в отреставрированную южную башню храма Сергия Радонежского.

Переломным моментом в современной истории Куликова поля можно по праву считать празднование 600-летней годовщины великой битвы. Оно стало событием большого общественного значения, свидетельством роста исторического самосознания народа.

В 1980 году в отреставрированном храме открылся музей, экспозиция которого просуществовала до 2001 года. 21 сентября 2001 года, в праздник годовщины Куликовской битвы, была торжественно открыта новая экспозиция «За землю русскую и веру Христианскую»¹².

В экспозиции использованы последние достижения музейной науки и техники, применены аудио- и видеосредства, современный музейный дизайн. Новая экспозиция была открыта 21 сентября 2002 года во время праздничных торжеств, посвященных 622-й годовщине Куликовской битвы.

Одновременно в 2000–2002 годах на Красном холме был осуществлен значительный объем ремонтных работ. Одним из главных их итогов стало воссоздание звонницы храма, колокола которой были отлиты на средства, собранные во время благотворительной акции «Колокола Куликова поля». В ранее не использовавшихся подвальных помещениях храма были оборудованы выставочный зал и кафе, экспозиционные залы оснащены совре-

¹² Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 668.

менными приборами, освещением, сигнализацией и отоплением. Недалеко от храма была сооружена новая автостоянка. В 2000 году отмечался 150-летний юбилей первого монумента Куликова поля – памятника-колонны Дмитрию Донскому. За истекшие после его реставрации 20 лет состояние памятника заметно ухудшилось. Сейчас ведутся работы по выполнению полного объема реставрационных работ этого величественного монумента Куликовской битвы.

Красный холм сегодня является местом проведения главных торжеств, посвященных годовщинам Куликовской битвы, и других музейных праздников (Краснохолмская ярмарка). С 2003 года в храме возобновлены богослужения. Коллектив мемориального комплекса проводит большую экскурсионную работу и организует циклы музейных уроков и занятий для школьников, тематические вечера.

Мемориал в селе Монастырщина: храм Рождества Пресвятой Богородицы, музей Куликовской битвы расположен при слиянии Дона и Непрядвы. По преданию, здесь на месте села Монастырщина русские воины семь дней хоронили погибших в битве товарищей. Как мы знаем, на месте захоронения тогда же была возведена деревянная церковь из дубов Зеленой дубравы, а царские врата иконостаса для храма, по преданию, были подарены Сергием Радонежским. Отголосок событий, связанных с Куликовской битвой, мы видим в местных преданиях. До сих пор считается, что жители Монастырщины – потомки ордынцев, плененных Дмитрием Донским и поселенных здесь. Возникшее позднее вокруг древнего монастыря село было приписано к московскому Донскому монастырю (основан в 1591 г.) и получило название Монастырщина. Старые курганы близ него и далее, возвышенности вдоль берега Непрядвы, близ деревни Грызловка остались памятниками неизвестным героям великой битвы¹³. Вместе с селом в 80-х годах XVII века возник и деревянный храм Рождества Богородицы – престольного праздника, в день которого и произошла Куликовская битва. Таким образом, местное население уже в то время увековечило память об этом сражении.

¹³ Ашурков В. Н. Указ. соч. С. 276.

Последний деревянный храм был построен здесь в 1791 году. По описанию М. Н. Макарова, храм был дубовый. Он имел два престола – Рождества Богородицы и Михаила Архангела. Император Александр I обратил внимание на древние церковные врата в приделе храма, о которых ему рассказывал С. Д. Нечаев. Среди утвари храма Макаров отметил запрестольный резной позолоченный деревянный крест и большой расписной деревянный подсвечник-свещец. В углу трапезы стояли детали прежних царских врат, на которых были изображения святых Иоанна Златоуста, Никанора, Тимофея, Серафима, Василия, Стефана, Прохора и Григория. Из других достопримечательностей храма Макаров описал оловянные сосуды старинной расписной работы. Евангелие 1605 года, иконы Спасителя, Богоматери, Иоанна Богослова.

К 1850 году деревянный храм пришел в негодность и по прошению прихожан был разобран. В 1865 году на месте старого деревянного храма была заложена каменная церковь. Архитектором храма являлся Александр Гаврилович Бочарников (1833–1886). Храм имел не только культовое значение, гораздо важнее была его мемориальная ценность как памятника Куликовской битвы.

Строительство храма велось на средства местных прихожан, поэтому и растянулось на годы. В 1867 году был выстроен придел во имя архистратига Михаила, освященный 23 октября 1869 года, где и проходили службы. В 1885 году построена колокольня. На большее средств не хватило. Только в 1879 году приступили к сооружению главной части храма. Летом 1880 года, когда шла подготовка к празднованию 500-летия Куликовской битвы, было решено обнести оградой место старого погоста, на котором якобы были захоронены погибшие в Куликовской битве. Ограда была сделана из дубового леса и имела протяженность 101 сажень. Внутри ее были устроены две часовни, отметившие места престолов старой деревянной церкви. Накануне 500-летнего юбилея Куликовской битвы (1880 г.) газета «Русь» обратилась с воззванием о сборе пожертвований на храм, указывая на «историческое значение храма как священного памятника Куликовской победы». В числе жертвователей на строительство были император Александр III (одна

тыс. руб.), Троице-Сергиева Лавра, Тульская губернская земская управа, помещик села Красный Буй граф А. В. Олсуфьев, другие помещики Куликова поля. Иконостас был сооружен по проекту Н. В. Султанова. Наружные работы по сооружению храма были закончены только в 1884 году. Из-за нехватки средств к внутренним работам приступили лишь в 1890 году. Для обогрева храма были изготовлены две круглые железные печи, приспособленные для топки углем. В трапезной церкви был сделан новый придел во имя Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца. 7 сентября 1887 года этот придел был освящен архиепископом Тульским и Белевским Никандром. В храме хранились старинный потир и дискос с медной звездцей, а также Евангелие 1599 года.

После завершения строительства церкви в ней стали проводить регулярные панихиды по погибшим воинам. Храм и церковно-приходская школа (построена в 1899 году) помогали патриотическому воспитанию детей местных крестьян. С 8 сентября 1901 года здесь вошел в практику регулярный крестный ход от храма Рождества Богородицы и «могил воинов» до колонны-памятника Дмитрию Донскому на Красном холме (около 8 км).

В 1930-е годы храм был закрыт, иконы и церковная утварь уничтожены или растащены местными жителями, а помещение стало использоваться местным колхозом как зерновой склад. В 1977 году в связи с подготовкой к 600-летию битвы архитектором О. В. Череватой был выполнен проект реставрации храма Рождества Богородицы и школы рядом с ней. В 1978–1979 годах была проведена реставрация храма. Ее выполнили не полностью, однако это не помешало открыть в здании церкви выставку художественных работ.

В 1997 году здания храма и школы были приняты на баланс Государственного музея-заповедника «Куликово поле». Здесь в 1998–1999 годах к 620-летию сражения были проведены значительные по объему строительные и дорожные работы. В 2000 году была закончена реставрация здания бывшей приходской школы, благоустроена территория вокруг храма Рождества Богородицы, сооружена автостоянка. В здании школы была от-

крыта выставка «Поле русской славы». Так началось формирование нового музейно-мемориального комплекса Куликовской битвы у слияния Дона и Непрядвы.

В 2000 году рядом с храмом был установлен памятник Дмитрию Иоанновичу Донскому (скульптор О. К. Комов). В этом же году жители города Серпухова заложили Аллею памяти и единства, которая начинается у памятника Дмитрию Донскому. Сейчас на аллее установлены памятные доски от городов Ярославля, Липецка, Коломны, Владимира. В октябре 2001 года на закрытии Всероссийской вахты памяти и 22 июня 2005 года, в День памяти и скорби, на территории мемориала были перезахоронены останки воинов Красной армии, павших на Куликовом поле осенью 1941 года.

11 июня 2005 года, в год 625-й годовщины Куликовской битвы, в музее открылась постоянная экспозиция «Руси великое начало», посвященная эпохе Куликовской битвы. Экспозиция рассказывает о Руси и Золотой Орде в XIII–XIV веках, предыстории и событиях Мамаева побоища, его значении в военно-политической истории России, в становлении ее государственности. В залах музея представлены уникальные экспонаты вооружения, найденные на поле сражения. Компьютерный фильм рассказывает о самом событии. В зале «Русь домонгольская» помещена подлинная печь из жилой постройки селища Куликова поля первой половины XIII века. В витринах музея представлены археологические находки, собранные в результате исследований русских и ордынских городов, поселений, могильников XIII–XIV веков.

В планах музея-заповедника – расширение территории мемориального комплекса и его дальнейшее развитие.

К 620-й годовщине Куликовской битвы (в 2000 году) Государственный музей-заповедник «Куликово поле» на территории села Монастырщина провел большие работы по благоустройству. С 2001 года храм стал доступен для экскурсантов, в праздничные дни в нем проводятся богослужения. К 625-летней годовщине Куликовской битвы в храме был проведен капитальный ремонт. Силами заповедника были восстановлены звонницы на колокольне

для одиннадцати колоколов. Патриарх Алексий II освятил колокола 21 сентября 2005 года¹⁴.

В 14 километрах отсюда на берегу Дона находится, как мы знаем, Прощеный колодец. По преданию, на этом месте князя Дмитрий Донской и Владимир Храбрый, воины – победители Мамая, прощались с погибшими соратниками, обмывали тела убитых и раны выживших в сражении в святой воде источника. В наше время, в 1991–1993 годах, здесь была сооружена красивая надкладезная часовня. Авторы проекта памятника – В. М. Клыков и М. А. Панкратов. Инициаторами строительства часовни выступили общественные организации – Международный фонд славянской письменности и культуры и Товарищество «Куликово поле». Добровольные пожертвования стекались со всей страны.

Донское побоище стало кульминацией истории тульской земли. Но это лишь страница, пусть и ярчайшая, в многотомной и поучительной книге судеб древнего края. Исследователи и хранители Поля стремятся прочитать повествование с самого начала и до новейших строк, добраться до истоков реки Времени и проследить все ее полноводное течение. Ведь только так можно уяснить истинный смысл отдельного события, даже такого масштабного, как Куликовская битва. А потому темы экспозиций музея-заповедника охватывают многие века и многие сюжеты. Один из музейных филиалов расположен в Епифани Комовского района на перекрестке дорог Богородицк – Михайлов и Кимовск – Куркино. Этот поселок, некогда уездный город, называют столицей Куликова поля. Несмотря на трудную, изобиловавшую войнами и потрясениями историю, он сохранил обаяние старины, черты исконности. О прошлом Епифани, традициях и достопамятностях округа рассказывает историко-этнографический музей, открывшийся сравнительно недавно в бывшей усадьбе мещан Байбаковых – архитектурном памятнике начала XX века.

Годом основания Епифанского музея принято считать 1888-й. Тогда на полках семейного посудного шкафа С. Н. Савельевой появились два атласа по ботанике и зоологии, являвшиеся соб-

¹⁴ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 678.

ственностью хозяйки, и «волшебный фонарь о трех фитилях» с несколькими диапозитивами, пожертвованный известной ревнительницей народного образования графиней В. Н. Бобринской. Постепенно число экспонатов увеличивалось. Поступали подарки от Бобринских, Олсуфьевых, издателей Поповых и др. В 1902 году в земском доме была выделена светлая и теплая комната, на двери которой появилась вывеска «Школьный музей», а С. Н. Савельева из самозванной превратилась в законную заведующую с окладом в 13 руб. 33 коп.

После революции здание земства было отдано школе II ступени, а музей перебрался на второй этаж бывшего купеческого дома (Красная площадь, д. 7-а). Он стал называться краеведческим. Его фонды значительно пополнились за счет поступлений из бывших помещичьих усадеб Бобринских, Голицыных, Олсуфьевых, Писаревых и других.

В 1942 году музей переехал в Успенскую церковь, где просуществовал до 1958 года, когда после упразднения Епифанского района областные власти посчитали, что для небольшого поселка музей – слишком большая роскошь. Самые ценные экспонаты пополнили фонды областных художественного и краеведческого музеев, а остальное жители растащили по домам¹⁵.

Спустя сорок лет, в 1998 году, Государственный музей-заповедник «Куликово поле» открыл в Епифани новый музей, продолжающий традиции прежнего.

Побродив по уютным залам, посидев на русском чаепитии, побывав в старинной торговой лавочке, любопытствующий посетитель может ощутить давно, казалось бы, исчезнувшую атмосферу старой, патриархальной срединной Руси – страны степенных купцов и трудолюбивых крестьян, уездных городков и дворянских гнезд.

Составная часть музея-заповедника «Куликово поле» – музейно-выставочный центр «Тульские древности». Он находится в Туле. В основе фондов и экспозиции – многочисленные находки, обнаруженные при археологических раскопках на территории области за последнее время. Он был организован в 1993 году как

¹⁵ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 165.

муниципальный музей. Расположен в особняке, построенном в стиле модерн в 1906 году и принадлежавшем тульскому купцу Ермолаеву-Звереву. 18 мая 1995 года, во Всемирный день музеев, здесь была открыта археологическая экспозиция «Поступь веков». Основой экспозиции стали коллекции, собранные в результате научных исследований археологических памятников Тульской области сотрудниками Тульской археологической экспедиции, а также археологические коллекции, переданные Институтом археологии РАН. В 2004 году музейно-выставочный центр «Тульские древности» посетило около 40 тысяч туляков и гостей города. Посетителям музей предлагает обширную программу интерактивных занятий на самые различные темы, касающиеся средневековых ремесел, праздников, быта, традиций и т. п.

Многие предметы вооружения с места Мамаева побоища утрачены безвозвратно. Среди сохранившихся до наших дней находок следует отметить сильно поврежденную кольчугу, которая была передана в Исторический музей в конце XIX века. Ее вес 10,3 кг, кольца уплощенные, диаметром 10–12 мм, попеременно сваренные и склепанные.

Большого внимания заслуживают находки последних лет – четыре наконечника копий и сулицы удлиненно-треугольной, листовидной и двушипной формы XIV века, местонахождение которых на поле известно точно, что является особенно ценным. Два наконечника копья найдены в центре Куликова поля, близ деревни Хворостянки. Из них один наконечник длиной 32 см обнаружен в 1956 году местным жителем Н. Г. Трофимовым, второй, длиной 22,3 см, передан в музей в 1983 году бывшим учителем села Михайловского А. Н. Казанским. Третий наконечник копья длиной 24,7 см найден в верховьях Верхнего Дубика тульским рабочим А. Гладышевым в 1979 году при прополке свеклы в совхозе «Знаменский». Недалеко от переправ русских через Дон, на его левом берегу близ реки Себинки, в 1977 году М. Г. Елисеевой был обнаружен двушипный наконечник сулицы длиной 21,7 см. Перечисленные предметы хранятся в Тульском областном краеведческом музее и музее-заповеднике «Куликово поле». В конце 1980-х годов в районе поля

Куликовской битвы был найден еще один наконечник копья длиной 44 см, описанный А. Н. Кирпичниковым.

В ходе поисковых работ на месте битвы в 1996–2005 годах было обнаружено еще несколько предметов вооружения. Все они найдены на водораздельном участке между балкой Рыбий Верх, рекой Смолкой и Зеленой дубравой. В этой группе находок два наконечника стрелы, которые относятся к типу черешковых наконечников с упором под древко с двухлопастным плоским широким пером. Один из них имел размеры 4,4 на 1,3 см, второй – 10,1 на 3,2 см. Найдена железная пластина ламеллярного доспеха (9,2 на 4,9 см) толщиной 1 мм. Пластина имела шесть отверстий для крепления ремешками к соседним пластинам и к кожаной или матерчатой основе. Среди находок – фрагмент налобной части шлема (10,0 на 9,0 см) с плоским наносником, фрагмент оторочки кольчуги из восьми бронзовых колец округлого сечения (диаметр 1,3 см, толщина 0,1 см), вток копья (11,8 на 2,8 см) из железа, свернутый из пластины трубкой с отверстием для крепления к древку, фрагмент грызла удила (8,1 на 1,7 см) со стремявидным отверстием для крепления к уздечному кольцу, наконечник сулицы (длина 13,5 см) с ромбовидным оформлением пера. Среди других находок надо отметить фрагменты топоров, детали снаряжения коня и всадника¹⁶.

Ныне Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» – это целый комплекс мемориальных объектов и экспозиций, включающий также охранные зоны с особым режимом хозяйственной деятельности. Речь сегодня идет уже не просто о сохранении существующего природного пейзажа, но и о воссоздании исторического ландшафта. Недалеко то будущее, когда вновь зашумит в былом величии легендарная Зеленая дубрава, заколосятся воспетые предками степные ковыли Куликова поля. Люди XXI века увидят его таким, каким видели его современники XIV века.

¹⁶ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 429.

Историческое значение Куликовской битвы. Прославление и иконография святого благодарного великого князя Дмитрия Иоанновича Донского

ы убедились, что разгром Мамаевой орды не привел к немедленному и полному свержению монголо-татарского гнета. В тот период у Руси для этого не хватало сил. Орда была еще сильнее Москвы. Борьба потребовала большего времени и напряжения, чем можно было предположить. Пройдет еще столетие, прежде чем навсегда будет свергнуто ненавистное чужеземное господство. Куликовская битва, таким образом, ознаменовала начало грядущего освобождения страны.

Был сломлен стереотип предшествующего столетия, о котором точно и красочно сказал писатель А. В. Терещенко: «Мы думали, что нельзя восстать против угнетателей, что одна небесная сила, а не человек могла бороться с врагами веры и народности. Утрата независимости обезоруживала нас, и мы, как низкие поклонники, не смели замышлять о справедливой свободе, деспотизм давил»¹. Куликовская битва показала, что есть предпосылки для окончательного освобождения, что созрели силы для отпора врагу и есть их организатор – московский князь, но при этом, несмотря на победу, наибольшую выгоду от нее получил хан Тохтамыш.

Куликовская битва, по выражению Н. М. Карамзина, «еще не прекратила бедствий России, но доказала возрождение сил ее». Победа на Дону, несмотря на все последующие неудачи и отсту-

¹ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 321.

пления, резко укрепила авторитет Москвы как общерусского военного и политического лидера.

Битва на Куликовом поле необычна по результатам и последствиям. Некоторые из этих последствий имели временный характер, другие по своему воздействию оказались обширными и длительными, третьи – нравственно-патриотические – живут и сегодня². Куликовская битва вызвала национальный подъем, укрепление самой великорусской народности. «И въскипе земля Руская в дне княжения его», – сказано в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Иоанновича».

Битве посвящены летописные повествования. При общей высокой оценке самой битвы они несходны в изложении событий. Дошли эти сочинения во многих списках, которые еще публикуются, форма их изложения затрудняет анализ. Всестороннее исследование этого драгоценного фонда памятников – назревшая задача. Вершиной национального подъема того времени стала бессмертная живопись Андрея Рублева³, в литературе – творчество Епифания Премудрого, в эпосе – завершение создания киевского цикла былин, в политической мысли – обращение к традициям времен независимости Руси, в исторической мысли – создание ряда огромных московских и новгородских летописных сводов, а в письменности вообще – появление многочисленных сложнейших переводов теологической литературы с греческого. Мы можем предполагать, что к этому же времени относится и подъем русской церковной музыки (многие тексты стали в это время не читаться, а петься) и естественнонаучных знаний о мире.

Что самое важное в том культурном подъеме, на гребне которого прошла Куликовская битва, – подъеме, который отчасти предшествовал битве и морально ее подготовил, затем продолжался после победы?

Самым значительным было обращение во всех областях культуры к человеку, к его личности.

² Кирпичников А. Н. Куликовская битва. С. 110.

³ Пауто В. Т. Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 287.

Живопись Рублева не уместается в темных и тесных кельях московских монастырей. Она значительнее, чем только «призыв к единению» испокон века враждующих удельных дядей и племянников. И хотя живопись эта кровно связана со своим временем, историзм ее заключается в том, что она есть прежде всего порождение целого периода истории Руси – периода борьбы против ордынского ига.

Рублев, как и всякий большой художник, нес на своих плечах бремя истории своего народа. И заслуга его в том, что он сумел понять и выразить самый трагический и одновременно самый героический период этой истории. «Троица» Рублева – это произведение духовно свободного человека. И в этом ее огромная историческая ценность.

Искусство Рублева было заложено уже в гордом ответе рязанских князей Батыю. Оно, как семя, брошенное в землю, ждало своего часа. И когда час настал – оно дало всходы. Это преодоление страха смерти, этот спокойный, просветленный взгляд на жизнь, не как на существование, но как на служение, запечатленный в «Троице», в «Звенигородском Спасе», в апостолах из «Страшного суда», не был личным, келейным достижением Рублева. Это был плод полустолетней работы народного духа. Это был взгляд лучших людей целого поколения того времени, которое повело открытую борьбу за освобождение Родины от ненавистного золотоордынского ига.

Вглядываясь в едва различимые черты жизни художника, можно заметить один интересный штрих. Свою знаменитую роспись во Владимире Рублев начинает 25 мая 1408 года. В этот день праздновалось Третье Обретение главы Иоанна Предтечи. История московского строительства первой половины XIV века наглядно показывает, сколь тщательно выбирался день для закладки и освящения храма. Такое же «осмысленное» отношение заметно и в выборе дня для начала живописных работ. Феофан Грек начал роспись церкви Рождества Богородицы 4 июня 1395 года. В этот день праздновалась память первого константинопольского патриарха Митрофана, современника и друга Константина Великого⁴.

⁴ Борисов Н. С. Воздействие Куликовской битвы на культуру конца XIV–XV веков // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 138.

Приурочивая начало работ к 25 мая, преподобный Андрей Рублев, по-видимому, вкладывал в это особый символический смысл. Образ Иоанна Предтечи занимает особое место в мировоззрении художника. К этому образу тянутся многие нити духовных исканий той эпохи.

Конец мая – начало июня – обычное время начала росписи храмов. Однако Рублев, конечно, мог ускорить или замедлить начало работ на несколько дней. По-видимому, его волновала и привлекала именно история долгих «странствий» знаменитой святыни – «главы Иоанна Предтечи», укрываемой от ярости «неверных» и иконоборцев, обретенной, но вновь потерянной из-за лени и небрежения ее хранителей. История святыни, которая была потеряна за их неверие и грехи, но в конце концов отыскана людьми, достойными этой чести, была во многом сродни плачу летописцев по утраченной Русью свободе, вновь обрести которую можно было лишь вернувшись на путь братолюбия и бескорыстного служения добру. В сущности, это была та же идея возвращения к жизни, возрождения, которая в различных формах звучит во многих памятниках литературы и искусства эпохи Куликовской битвы.

Выбор даты начала владимирских росписей отчасти позволяет понять, какие мысли овладели художником, когда он вступил под своды древнего Успенского собора во Владимире и оказался наедине с величавыми образами исчезнувшей в огне ордынских погромов Владимиро-Суздальской Руси. Работа Рублева и Даниила Черного во Владимире была первым случаем, когда художники Московской Руси встали лицом к лицу с произведениями своих великих предшественников. Это обязывало их к осознанию исторического значения почти двух веков, прошедших со времен Всеволода Большое Гнездо и Юрия Владимировского. И, начав свою работу 25 мая, художники тем самым как бы выразили итог своих раздумий – твердую веру в то, что обретенная наконец святыня – свобода родной земли от чужеземного ига – уже никогда не будет потеряна⁵.

⁵ Борисов Н. С. Воздействие Куликовской битвы на культуру конца XIV—XV веков // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины*. С. 139.

Взгляните на фрески Рублева во Владимирском соборе, на его произведения в иконописи, на произведения Феофана Грека, (хоть и грек по происхождению, он был все тем же явлением русской культуры – именно «явлением», потому что такое нечасто встречается в культуре и искусстве), на произведения живописи того времени в целом. Какое поразительное и какое «тихое» чувство собственного достоинства в образе человека того времени! Даже не ум, а мудрость, даже не стойкость, а готовность к самопожертвованию, даже не чувство долга, а готовность нести служение идее. Такое не могло быть выдуманно художником, если его не было в жизни. Сверхличностное начало светится в образе человека, излучается им. А если мы примем во внимание, что тонкий вкус и своеобразный аристократизм духа в цветовых сочетаниях, в композиции и движении линий не могли оставаться без отклика в восприятии современников, то характер человека этого времени, человеческий идеал, к которому стремились люди конца XIV – начала XV века, предстанут перед нами во всем их скромном величии⁶.

Победа способствовала и развитию архитектурного ансамбля столицы. Сама символика посвящения храмов, связанных с Куликовской битвой, становится общевойсцовой, общегосударственной.

Удивительное человеческое и человеческое начало звучит и в произведениях зодчества начала XV века. Собор Андроникова монастыря и церковь Успения в Звенигороде во всем соразмерны человеку, отражают его веру в себя, не пытаются величием и величиной подавить окружающую природу и окружающих людей. Они просты и гармоничны – гармоничны в собственных внутренних пропорциях и линиях и одновременно находятся в гармонии с окружающим миром. В них ощущается обращение к образам Руси времени ее независимости, к храму Покрова на Нерли XII века. Принято говорить, и не без основания, о родстве архитектуры и музыки. Зодчество сравнивают с застывшей музыкой. Древнерусские храмы того времени – это застывшая русская протяжная песнь. Это голос человека – не инструмента. Тогда были нужны личные качества человека.

⁶ Там же. С. 139.

Только они могли обеспечивать полную жертвенности борьбу за национальную независимость. И еще одна черта была свойственна культуре того времени – это время подъема национального самосознания: глубокий интерес к истории. В конце XIV – начале XV века на Руси, а на Балканах в течение всего XIV века возрождались интерес и уважение к своему прошлому⁷.

В «Задонщине» оценивается международный отклик на Куликовскую победу: «Кликнуло Диво в Руской земле, велит послушати грозным землям. Шибла слава к Железным Вратам и к Каранчи, к Риму, и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду на похвалу русским князем: Русь великая одолеша рать татарскую на поле Куликове на речьке Непрядве».

Общность культур восточнославянских и южнославянских народов делает значение Куликовской победы таким широким и всеобъемлющим.

Куликовская битва произошла в момент наибольшего натиска на все славянство Османского государства, с одной стороны, и Золотой Орды – с другой.

15 июля 1389 года войско сербского князя Лазаря потерпело страшное поражение на Косовом поле. Несмотря на мужественное сопротивление, Сербия превратилась в вассала Турции. В 1393 году Турецкая империя уничтожила болгарское Тырновское царство, а в 1396 году – Видинское. И это произошло в тот период, когда и Сербия, и Болгария переживали огромный культурный подъем, когда искусство обогащалось новыми предвозрожденческими принципами, а в литературе появилась и расцвела Тырновская литературная школа⁸.

Поэтому битва на Дону – важная веха в истории взаимоотношений России с южнославянским балканским миром, который стал жертвой Османской империи. Завоевание Болгарии, Сербии, Балкан привело к резкому упадку южнославянской культуры, сопоставимому лишь с последствиями монголо-татарского разо-

⁷ Лихачев Д. С. Мировое значение Куликовской победы // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 260.

⁸ Там же. С. 325.

рения для России. И важно отметить, что в эту пору, сперва особенно тяжелую для России, потом для южных славян, эти страны и народы старались возродить давнее общее достояние, взаимно обогатить его, искали опоры в культуре друг друга (в частности, и в культуре Руси, пережившей свой взлет после Куликовской победы), и в итоге создали такую культурную традицию, значение которой в их последующей многовековой борьбе за национальное возрождение, да и в нынешнем мире, трудно переоценить. Понятно, что и автор «Задонщины» вспомнил недавно разоренную Болгарию. Понятно и то, что Куликовская битва была воспета в сербском народном эпосе, где она вплетается в тему борьбы славянства с османским игом.

Куликовская битва – не только яркая победа русского народа, это и светлая страница в истории народов Белоруссии и Украины, которые остановили литовский меч, занесенный тогда над Великороссией. Ее отношения с Великим княжеством Литовским ныне определялись крахом восточной экспансии литовских князей. Они пытались найти выход в политической и церковной унии с Польшей (1386 г.), возобновляя которую, все более поступались собственным суверенитетом в ее пользу.

Это не спасло их от поражения в решающем столкновении с Золотой Ордой на Ворскле (1399 г.), хотя и принесло победу над Орденом под Грюнвальдом (1410 г.).

Если Литва не раз использовала соглашения с рыцарями в тщетных попытках превратить Новгородскую и Псковскую земли в свои «русские воеводства», то Москва твердой рукой поддерживала сопротивление русских земель немецкому Ордену и в итоге выиграла борьбу с Литвой за земли Великороссии, успешно реализуя патримониальную программу собирания земель своей славянской «отчины»⁹.

В «Задонщине» упомянуты и Рим, и Константинополь – важнейшие церковные центры Европы. Русская церковь – огромная духовная сила – Куликовскую битву освятила, канонизировав спо-

⁹ Паушто В. Т. Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 288.

спешествовавшего победе Преподобного Сергия Радонежского. Будучи хранителем веры и молитвенниками Отечества и опасаясь распространения католичества на Восточную Европу, епископат церкви действовал заодно с московским правительством в политике воссоединения. Москва стала центром Православия.

Отношения с Ордой определялись тем, что отныне московское правительство активизировало военно-дипломатическую подготовку свержения ига. После битвы размер дани уменьшился, достигая, однако, огромной суммы в 10 тысяч рублей (на деньги конца XIX века это составляло 1 миллион рублей), причем на рубль можно было купить 100 пудов ржи. Тяжелые поборы и разорения продолжались.

Русь окончательно освободилось от иноземного ига. Это в значительной мере помогло сохранить культурные ценности южного и восточного славянства. Сюда, на Русь, спасаясь от османского ига, уходили южнославянские книжники, художники и общественные деятели, такие как Киприан, Григорий Цамблак, Арсений Грек, Феофан Грек, Пахомий Серб, сюда еще раньше приехали работать безвестные сербские художники, расписавшие новгородскую церковь Спаса на Ковалеве как раз в год Куликовской победы и изобразившие на стенах ее, в нижнем регистре, большие мужественные фигуры святых воителей. Сюда же на Русь тысячами в течение нескольких веков переносились книги. Здесь они переписывались и тем спасли в значительной степени южнославянскую культуру от полного забвения.

Спустя многие столетия славная Куликовская битва вдохновляла русских людей на подвиги во славу Отечества. Великий русский полководец М. И. Кутузов, собрав армию для контрнаступления против императора Наполеона в 1812 году в Тарутинском лагере на реке Наре, призывал своих солдат: «Река Нара будет для нас так же знаменита, как Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные полчища Мамая!» Подвиги русских воинов на Куликовом поле вдохновили многих поэтов: о славной победе над Мамаем писали В. А. Жуковский, К. Ф. Рылеев, А. А. Блок¹⁰.

¹⁰ Каргалов В. В. Куликово поле. С. 38.

Память об этом событии не угасала никогда: многие русские поэты, писатели, драматурги и композиторы воспевали подвиг воинов Дмитрия Донского. И в дни Великой Отечественной войны наши воины помнили об этом патриотическом подвиге своих далеких прославленных предков. Поэт Сергей Наровчатов писал в 1941 году¹¹:

*Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казненных городов
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.
.....
В своей печали, древним песням равной,
Я села, словно летопись листал.
И в каждой женщине я видел Ярославну,
Во всех ручьях — Непрядву узнавал...*

История всенародной войны с полчищами Мамаю в 1380 году вновь вызвала к жизни великую силу патриотизма, героические традиции и мужество предков вдохновляли наш народ на новые подвиги.

Писатель С. П. Бородин, юность которого прошла в тульских местах, где веками хранилась память о великой победе на поле Куликовом, опубликовал роман «Дмитрий Донской» (1941 г.). Автор в живых художественных образах раскрыл историческое значение Куликовской битвы как великого подвига самого народа. В те трудные и грозные годы страницы романа внушали веру в непобедимость нашей Родины, в торжество правого дела¹².

В трудное для нашей страны время, когда на нашу землю обрушились гитлеровские орды, в воззваниях Предстоятеля Русской Церкви Митрополита Сергия (Страгородского) стояли рядом имена благоверных великих князей Александра Невского и Дмитрия Донского; на средства православных людей была создана танковая колонна «Дмитрий Донской».

¹¹ Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 15.

¹² Ашурков В. Н. Указ. соч. С. 309.

Дмитрий Донской был назван в числе великих предков, которые своим мужественным примером вдохновляли воинов в Великой Отечественной войне. Осенью 1941 года немецко-фашистские войска, пытаясь прорваться к Москве, предприняли обход Тулы с юго-востока. В числе других населенных пунктов были временно оккупированы Епифань и ее округа. Памятникам русской славы грозила гибель. Но путь фашистам преградили части Красной армии. Близ Куликова поля развернулись упорные бои. Один из участников их вспоминает: «Никогда не забуду я те минуты того далекого вечера: сумерки, доску с надписью “Куликово поле”, ленту строя, в строгом молчании идущих и едущих артиллеристов. Мы не подвели в атаке». Метким огнем артиллеристы 346-й стрелковой дивизии уничтожили семь вражеских танков; стойко обороняя занятые рубежи, бойцы наших частей успешно отражали все атаки врага. 5–6 декабря началось грандиозное контрнаступление советских войск под Москвой. Под ударами 10-й армии генерала Ф. И. Голикова, прорвавшей линию немецкой обороны по реке Дон, гитлеровцы в беспорядке бежали, как некогда орды Мамаю...

В этой войне, как частица огромного целого, напомнили о себе и жители окрестностей Куликова поля. Из ушедших на фронт мужчин деревни Монастырщины не вернулся почти никто, и из 600 домов деревни уцелело лишь 150. Герои Куликовской битвы как бы передали своим потомкам эстафету мужества. Образы защитников Родины всегда будут звать к подвигу и напоминать о том, какой ценой нашему народу приходилось отстаивать мир и независимость Отечества¹³.

Память и значимость Куликовской битвы неизбежно повлияла на почитание самого великого князя, особенно в лице Православной церкви, которую князь так старался хранить. Он славил Бога, и Бог его прославил.

Почитание князя Дмитрия как избранника Божия было особым знаком благословения Господня. По свидетельству многочисленных источников – памятников письменности и иконографии,

¹³ В настоящее время в селе Монастырщина около 100 домов, около 200 жителей, из которых 45 являются трудоспособными.

сначала в Москве, а потом повсеместно по всей России началось прославление князя. Уже вскоре после кончины его были написаны «Похвальное слово», текст которого вошел в состав русских летописей, и «Житие». В житии отмечаются христианское великодушие и большая любовь к народу, сочетавшиеся с широкой благотворительностью¹⁴.

Из анализа стилистики «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Иоанновича, царя русского», ранний вид которого дошел до нас в составе Софийской I и Новгородской IV летописей, ряд исследователей делают вывод, что автором этого произведения был преподобный Епифаний Премудрый. О Дмитрии Иоанновиче автор говорит, что он «"аще и книгам не учен сый добре" вел нравственную, благочестивую жизнь. Пребывая на троне, он мечтал об уединении в пещере» в «чернецкия ризы по вся дни облещися желаше». Великий князь справедлив к подданным и утвердил в стране мир и порядок. В уста умирающего великого князя автор вложил обращенные к боярам слова, что он никому не сотворил зла, никого не оскорбил, но всех любил и держал в чести, вместе с ними и радовался, и скорбел. Благодаря победам Дмитрия Иоанновича была обеспечена защита русской земли и сохранена в ней православная вера. Князь, как говорится в «Слове»: «...по Бозе с иноплеменники борящися с нечестивы агеряны и с поганою Литвою за святыя церкви и крестьянскую утверждая веру». Русская земля также хвалит своего царя, Дмитрия Иоанновича, как Греческая земля – равноапостольного царя Константина I Великого. Автор выразил убеждение, что душу великого князя «ангелы вознесоша на небеси»¹⁵.

В послании на Угру Ростовского епископа Вассиана I (Рыло) великому князю Иоанну III Васильевичу в 1480 году говорится о подвиге Дмитрия Иоанновича на Куликовом поле как о готовности к мученичеству за веру: «Видев милосердный человеколюби-

¹⁴ Слово о жизни великого князя Дмитрия Иоанновича / Подг. текста, перев. и коммент. М. А. Салминой // Библиотека Древней Руси. Т. VI: XIV — середина XV в. — СПб.: Наука, 2005. С. 210.

¹⁵ Православная энциклопедия. С. 126.

вый Бог непреложную его мысль, како хочет не токмо до крове, но и до смерти страдати за веру, и за святые церкви, и за врученное ему от Бога словесное стадо Христовых овец, яко истинный пастырь, подобясь прежде бывшим мучеником».

Почиталась гробница Дмитрия Иоанновича в Архангельском соборе. В «Степенной книге» говорится, что в правление великого князя Василия III Иоанновича «у гроба сего святопочившего самодержавного великого князя Дмитрия» чудесным образом «свеща небесным огнем сама по себе возгорелась и необычным светом оба полы светяше», она горела, не сгорая, много дней; свеча сохранялась в соборе в 60-х годов XVI века¹⁶. По сообщению Разрядной книги начала XVII века, в 1524–1525 годах свеча горела шесть дней¹⁷. Как мы знаем, с Дмитрием Иоанновичем связано предание, известное с рубежа XVII–XVIII веков, об основании князем после Куликовской битвы Угрешского во имя святого Николая Чудотворца мужского монастыря, что нашло отражение в иконографии.

Вернувшись в Москву после сражения, как мы знаем, великий князь немедленно отправился к Преподобному Сергию. Там в Троицком монастыре стали служить панихиды о павших воинах.

В XVIII и XIX веках сформировалась традиция, отразившаяся, в частности, в церковных, духовных стихах, в которых написаны прошения к Богу о воинах. В память о Куликовской битве ежегодно 25 октября, накануне тезоименитства Дмитрия Донского, был учрежден особый день их ежегодного поминовения, названный Дмитриевской субботой. Позже он стал днем общего поминовения усопших предков, родительским днем, совершаемым в церкви из года в год. Так была увековечена в церковной памяти Куликовская битва.

В «Описании о российских святых» (XVII в.) Дмитрий Иоаннович характеризуется как «святый благоверный великий князь и царь». В «Иконописном подлиннике» XVIII века именуется «Московским

¹⁶ Книга Степенная царского родословия // ПСРА. Т. 21. Половина 2. Ч. 2. — 1913. С. 406.

¹⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. / Сост. Н. Г. Савич; [Предисл. В. И. Буганова]. — М.: Ин-т истории СССР, 1977. С. 191.

Храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, пос. Епифань

Донская икона Божьей Матери. XIV в.

Список с иконы «Богоматерь Донская».
Из экспозиции музея Куликовской битвы на Красном холме. По В. П. Гриценко

Список с иконы «Богоматерь Донская».
Из экспозиции музея Куликовской битвы на Красном холме.
По В. П. Гриценко

Памятник-колонна Дмитрию Донскому с высоты птичьего полета
(перед началом реставрации). Фото 2003 г.

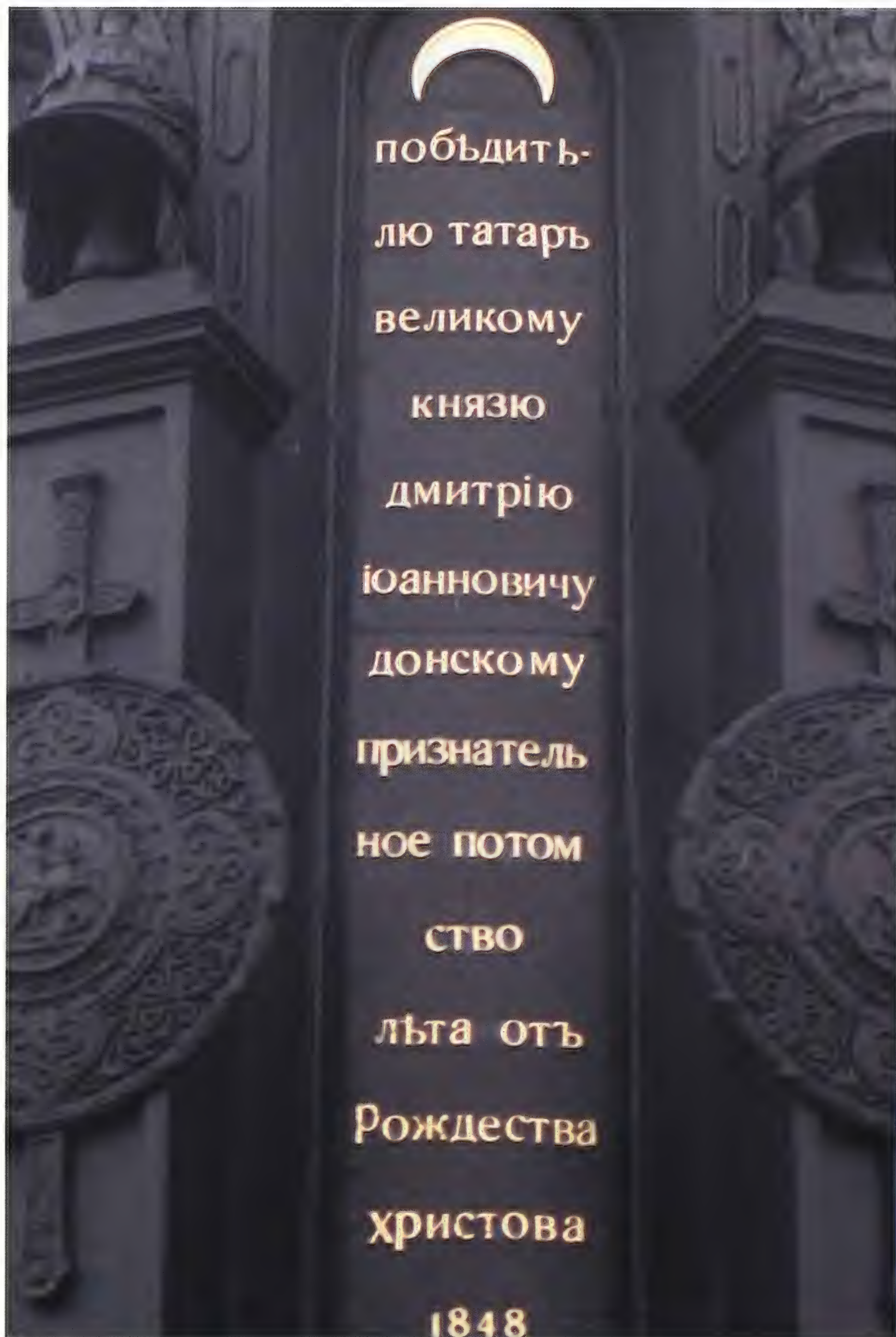
Музейно-мемориальный комплекс в с. Монастырщина. По В. П. Гриценко

Памятник-колонна святому благоверному Великому князю Московскому
Дмитрию Донскому. Архитектор А. П. Брюллов. 1850 г.

Вид на колонну-памятник Дмитрию Донскому со стороны храма-памятника
Преподобного Сергия Радонежского

Фрагмент колонны-памятника на Красном холме

Панорама музейно-мемориального комплекса Куликовской битвы на Красном холме

Храм-памятник Преподобного Сергия Радонежского на Красном холме

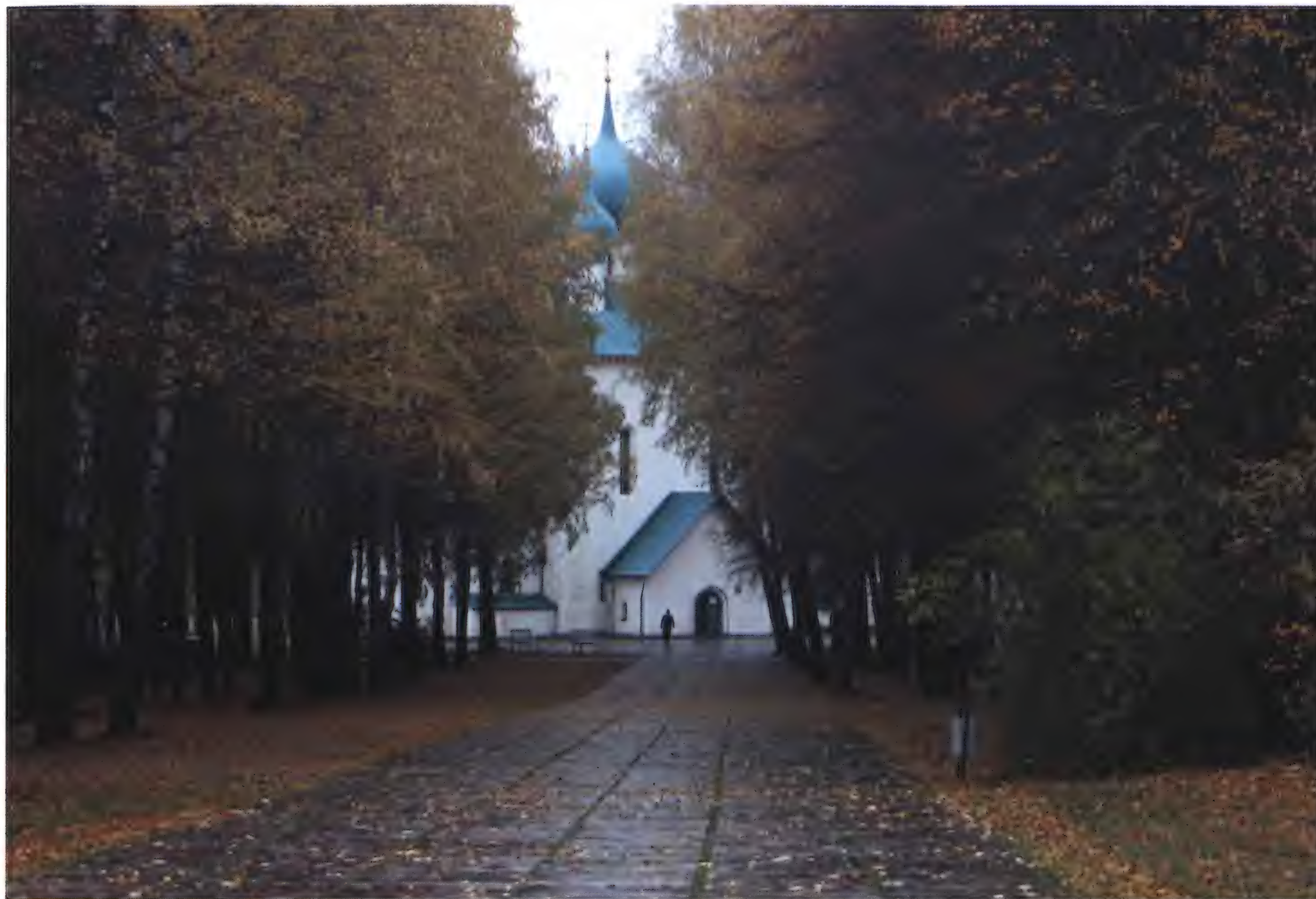

Храм-памятник Преподобного Сергия Радонежского.
Вид со стороны памятника-колонны Дмитрию Донскому

Храм Сергия Радонежского на Красном холме. 1913–1917 гг.

ІХХОП

Храм-памятник Преподобного Сергия Радонежского на Красном холме.
Вид со стороны колонны-памятника Дмитрию Донскому

Храм Рождества Пресвятой Богородицы,
один из музеев Куликовской битвы, расположенный
при слиянии Дона и Непрядвы у села Монастырщина

Оклад Евангелия из храма Рождества Богородицы (с. Монастырщина).
Набойка с тисненым металлом. 1599 г.

Памятник Дмитрию Донскому в селе Монастырщина.
Скульптор О. К. Комов

Божественная литургия Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II в сослужении викариев Московской Епархии в Архангельском соборе Московского Кремля 28 мая 2008 г. в связи с перенесением мощей Преподобной Евфросинии (Евдокии), великой княгини Московской, из подклети собора в придел мученика Уара

Перенесение мощей святой благоверной княгини Евфросинии Московской

Божественная литургия Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси
Алексия II у раки святой благоверной княгини Евфросинии Московской
28 мая 2008 г. в Архангельском соборе Московского Кремля

Евдокия (Евфросиния), святая благоверная княгиня Московская (Софрино)

ІХХХУ

Великие князья Димитрий, Василий, Иоанн.
Фрагмент миниатюры из синодика Новоиерусалимского Воскресенского
монастыря. 1676–1682 гг. (ГИМ. Воскр. № 66. Л. 58)

ІХХХУІ

Великий князь Димитрий Иоаннович и прп. Димитрий Прилуцкий.
Клеймо иконы «Прп. Димитрий Прилуцкий, с 16 клеймами жития».
Ок. 1503 г. Мастер Дионисий (ВГИАХМЗ)

Подвиги твоими, святе Димитрие, страну нашу Бог
сохрани, давый тебе силу непобедимую. И ныне,
предстателю крепкий, соблюдай молитвами святыми град
твой Москву невредим от всех навет вражних

Великий князь Дмитрий Иванович Донской.
Большая Государева книга 1672 года, или Корень Российских государей,
также Титулярник (ЦГАДА РФ)

чудотворцем». Память Дмитрия Иоанновича не отмечена в Уставе церковных обрядов московского Успенского собора (ок. 1634 г.) и в Месяцеслове Симона (Азарьи́на) середины 50-х годов XVII века. В «Описании о российских святых», а также в агиографических справочниках Н. П. Барсукова, архимандрита Леонида (Кавелина), архиепископа Димитрия (Самбикина) память Дмитрия Иоанновича отмечена под 9 мая.

8 сентября 1980 года в Троице-Сергиевой лавре прошли торжества в честь 600-летия битвы на Куликовом поле. В 1988 году Дмитрий Иоаннович был канонизирован Поместным Собором РПЦ как святой благоверный князь «на основании его больших заслуг перед Церковью и народом Божиим, а также на основании его личной благочестивой жизни, воплотившей спасительную христианскую идею пожертвования собой даже по крови ради блага спасения ближних»¹⁸. Но для того чтобы проникнуться духом Троицы, надо побывать в ней. На площади перед лаврой был установлен бронзовый памятник Сергию Радонежскому. Мемориальная доска на Успенских воротах повествует о том, что из стен Троицкого монастыря в 1380 году ушли на Куликово поле на свой ратный подвиг монахи-воители Пересвет и Ослябя.

Православная Москва чтит память святых Дмитрия Донского и его супруги Евдокии (Евфросинии). На юге Москвы, в Бутове, появился бульвар Дмитрия Донского и открыта одноименная станция метрополитена. У стен древнего Спасо-Андроникова монастыря, там, где по преданию возвращавшийся с Куликова поля Дмитрий Донской хоронил скончавшихся от ран воинов, возводится небольшой храм святого Дмитрия Донского. В среду 28 мая 2008 года после Божественной литургии в Архангельском соборе Московского Кремля, которую совершил Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сослужении викариев Московской епархии, состоялось перенесение мощей святой благоверной княгини Евфросинии Московской в придел мученика Уара.

¹⁸ Канонизация святых: Помест. собор Русской православ. церкви, посвящ. юбилею 1000-летия Крещения Руси, 6—9 июня 1988 г., Троице-Сергиева лавра. [М.]: Б. и., [1988]. С. 48.

Мощи святой были заблаговременно перенесены из Судной палаты, находящейся в подклети Архангельского собора, и во время Божественной литургии пребывали с левой стороны иконостаса.

После молебна в Архангельском соборе священнослужители взяли на руки раку с мощами святой и крестным ходом перенесли ее к приделу мученика Уара, где была прочитана молитва преподобной, а затем святые мощи были внесены в придел и положены в ковчег, в котором они будут почивать.

Придел мученика Уара, по словам директора музеев Московского Кремля Елены Гагариной, долгое время находился в запущенном состоянии, а на протяжении последних лет в нем проводились восстановительные работы. Сейчас центральное место в приделе занимает рака с мощами преподобной Евфросинии Московской. Также в приделе находятся древняя икона мученика Уара и другие иконы из коллекции кремлевских музеев. Кроме того, в приделе можно увидеть и гробницу преподобной. Доступ в придел будет открыт как для верующих в дни богослужений в Кремле, так и для экскурсионных групп.

По просьбе Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II в конце 2004 года правительство Москвы выделило общине преподобной Евфросинии, великой княгини Московской, участок земли под строительство храма и колокольни на Нахимовском проспекте. В июле 2005 года на месте будущего храма состоялось торжество освящения закладного камня. Верующие надеются, что построенный храм будет в скором времени освящен. Слава Дмитрия Донского на родной земле затмила славу первых собирателей Руси – Иоанна Калиты и Симеона Гордого, при которых страна наслаждалась некоторым покоем и относительным благоденствием. Почему русский народ Божий увидел князя-освободителя в святом Димитрии Донском, а не в Иоанне III, при котором страна действительно стала независимой от Орды?

Ордынским гнетом Правосудный Господь врачевал застарелый смертный грех Древней Руси: братоубийственное разделение, позор нескончаемых междоусобиц, в которых лилась кровь православных людей. Ни у народа, ни у его правителей не хватило ду-

ховных сил, не хватило стойкости в вере Христовой, чтобы самим покончить с междоусобными войнами удельных князей и прийти к благому единению о Господе. Тогда попущенным от Бога жестким учителем пришла и воцарилась Орда. Далеко не сразу и не всеми был понят этот урок Промысла Божия, и только великие князья Московские начали останавливать безумие княжеских междоусобиц и смут, длившееся в поработщенной чужеземцами Руси.

Иоанн I Калита был гениальным политиком, он обладал государственной мудростью и сумел объединить страну. Симеон Гордый мог править Русской землей властно и самодержавно, потому что ему покровительствовал властитель могучей Орды хан Джанибек. Но ни государственный разум, ни подкрепленная силой власть не могли явиться прочной основой для объединения Руси, поэтому-то вновь начались раздоры и шатания при Иоанне II Добром. Только благоверному Дмитрию Донскому удалось сплотить Родину на истинно крепком, духовном основании.

Свет души, чистота сердца, глубокое благочестие святого князя Дмитрия озаряли его личность, и народ увидел и понял: этот правитель не ищет своего, но жертвует собою в тяжких государственных и воинских трудах ради блага Отчизны. Доверие к благоверному великому князю порождало веру в совершаемое им общерусские дело. Мать-Церковь благословляла его на подвиги, он звал людей за собой во имя Христова – и те, кто становился под великокняжескую хоругвь, чувствовали себя уже не суздальцами или ярославцами, а православным русским народом.

Мамаево побоище показало, что Русская земля способна противостоять всей собранной воедино мощи Орды. Но не в этом высший смысл Куликовской победы. То было величайшее свершение, общая победа Святой Руси, перед величием которой осознавались ничтожество и мерзостность удельных амбиций. После Куликовского подвига Русь научилась видеть в разрушителях единства предателей. Вот почему так быстро изживались косные удельно-местнические пристрастия и как бы сами собой потухли упрямые «патриотизмы» рязанский и тверской, уступая место священной любви к православной Святой Руси.

Единый Господь вершит судьбы людей, народов, государств. Но каждое благое деяние, великое или малое, творится при встрече всесильной благодати Божией с доброй человеческой волей. Трудом святого Дмитрия Донского созидался единый порыв русского народа к небесной помощи. В этом – смысл жития великого князя и его величайшая заслуга.

Иконография. Изображения Дмитрия Иоанновича известны с XV века в основном в памятниках московской иконописи. Наиболее ранний образец – в житийном цикле святого Алексия, митрополита Московского, на иконе 80-х годов XV века письма иконописца Дионисия из Успенского собора Московского Кремля¹⁹, в 12-м клейме изображена встреча вернувшегося из Орды святителя с «князем всея Руси», т. е. с Дмитрием Иоанновичем, если мастер опирался на редакцию Жития святого Алексия, составленную Пахомием Логофетом. Великий князь представлен в княжеских одеждах, с непокрытой головой, без нимба, в поясном поклоне перед святителем, благословляющим его крестом. Сюжет сохраняется и в более поздних житийных иконах святого Алексия, например, конца XVI века Благовещенского собора в Сольвычегодске²⁰. На иконе святителя с 12 клеймами жития второй половины XVII века²¹ композиция с участием Дмитрия Иоанновича перемещается в конец житийного ряда – святитель перед смертью благословляет благоверного великого князя и дает «последнее целование бывшим у него»²².

Другой пример разработанной в мастерской иконографии: Дмитрий Иоаннович встречается на иконе «Преподобный Дмитрий

¹⁹ В настоящее время икона хранится в Государственной Третьяковской галерее.

²⁰ Икона хранится в Сольвычегодском историко-художественном музее. На 12-м клейме: Дмитрий Иванович с боярами встречает Алексия по возвращении из Орды. (См.: Иконы строгановских вотчин XVI–XVII вв.: Кат.-альбом / Всероссийский худож.-научн. реставрац. центр. Кат. 13. – М., 2003. С. 32–33.

²¹ В настоящее время икона хранится в Государственной Третьяковской галерее.

²² Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Опыт ист.-худож. классификации. В 2-х т. Т. 2. Кат. 768. XVI – начало XVIII века. – М.: Искусство, 1963. С. 299.

Прилуцкий, с 16 клеймами жития» (1503 г.) работы Дионисия²³ – в пятом клейме запечатлена встреча Дмитрия Иоанновича (с посохом в руке) и преподобного Дмитрия Прилуцкого, приглашенного в Москву стать крестным отцом одного из сыновей великого князя²⁴. Высказано предположение об изображении Дмитрия Иоанновича (в красном корзне) на иконе «Благословенно воинство Небесного царя» 50-х годов XVI века из Успенского собора Московского Кремля²⁵ в числе других русских князей-всадников, во главе переднего отряда верхнего ряда, с нимбом²⁶.

Раннее изображение Дмитрия Иоанновича в монументальной живописи сохранилось в росписи Благовещенского собора Московского кремля, которая, согласно летописной записи, была исполнена в 1508 году мастером Феодосием, сыном Дионисия; после реставрации 1980-х годов время создания живописного ансамбля отнесено к 1547–1551 годам (использована первоначальная система росписи), когда в кремле выполнялись восстановительные работы после большого московского пожара²⁷. Дмитрий Иоаннович представлен в молении, как и на иконах, – в синем кафтане и красном охабне с длинными рукавами, с непокрытой головой, в нижнем ярусе на северной грани северо-западного столпа вместе с сыном князем Василием I. В этом ярусе росписи также изображены русские князья Владимир Всеволодович Мономах, Ярослав Всеволодович, благоверный князь Александр Ярославич Невский и Иоанн I Даниилович Калита; на западных столпах собора – византийские государи: равноапостольные Константин и Елена, восстановители иконопочитания – император Михаил III и императрица

²³ В настоящее время икона хранится в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

²⁴ Смирнова Э. С. Московская икона XIV–XVII веков: [Альбом]. – Л.: Аврора, 1988. С. 292–293. Ил. 148.

²⁵ В настоящее время икона хранится в Государственной Третьяковской галерее.

²⁶ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Т. 2. Кат. 521. С. 128–134. Ил. 37, 39.

²⁷ Качалова И. Я. и др. Благовещенский собор Московского Кремля = *The Annunciation cathedral of the Moscow Kremlin: К 500-летию уникал. памятника рус. культуры* / И. Я. Качалова, Н. А. Маясова, Л. А. Щенникова. – М.: Искусство, 1990. С. 21.

святая Феодора, а также равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга. Изображение византийских императоров и праведных правителей Руси в домовой церкви московских государей связывают с идеей обоснования законности царской власти Московского царствующего дома²⁸. В соответствии с византийской традицией Дмитрий Иоаннович, как и все цари, изображен с нимбом.

Наиболее полно эта идея была воплощена в росписи 1561 года средней Золотой палаты царского дворца в Московском кремле (не сохранилась), известной благодаря подробному описанию царского иконописца Симона Ушакова 1672 года²⁹.

В основу сложной символической программы росписи, включавшей фигуры русских князей от равноапостольного Владимира до Василия III Иоанновича, в том числе всех князей Московского дома, было положено «Сказание о князьях Владимирских», созданное в 10-х годах XVI века³⁰. Образ Дмитрия Иоанновича в откосе окна, слева от царского места.

Большая галерея изображений русских князей, в том числе Дмитрия Иоанновича, имеется в стенописи Архангельского собора Московского Кремля, возобновленной в 1652–1666 годах по первоначальной иконографической программе 1564–1565 годов³¹. В основе росписи – «Книга Степенная царского родословия», созданная в 60-х годах XVI века митрополитом Афанасием. Собор русских князей – «Богоутвержденных скипетродержателей» русской земли – показан как Небесная церковь. В молитвенном предстоянии Дмитрий Иоаннович написан вполоборота вправо с поднятыми в молении руками, находится на южной стене рядом с его погребением, где написано: «Великий князь

²⁸ Там же. С. 33.

²⁹ Забелин И. Е. *Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.* Т. 1. — М.: Изд. А. Д. Ступина, 1918. С. 157, 175–178.

³⁰ Подобедова О. И. *Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Моск. Кремле 40-х — 70-х годов XVI в.* — М.: «Наука», 1972. С. 59–68.

³¹ Сизов Е. С. *Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов* // ДРИ. Вып. 6. XVI век. — М., 1964. С. 160–174.

Дмитрий Иоаннович». Благоверный великий князь представлен в украшенной орнаментом красной шубе без шапки, с русыми волнистыми волосами и небольшой округлой бородой, с нимбом³². В составе композиций, посвященных княжеской генеалогии, образ Дмитрия Иоанновича встречается в росписи 1689 года в галерее Преображенского Новоспасского монастыря в Москве, в родословном древе государей российских на своде паперти соборной церкви Новоспасского Ставропигиального монастыря. На миниатюре синодика Новоиерусалимского Воскресенского монастыря с изображением древа русских князей и царей, выполненным царевной Татьяной Михайловной в 1676–1682 годах, и на поздних повторениях этого рисунка.

В XVIII–XX веках подобная иконографическая традиция сохранялась на живописных полотнах портретного характера, на гравюрах и литографиях, в том числе с изображениями родословного древа русских государей. О почитании Дмитрия Иоанновича свидетельствует включение описания его внешнего облика в иконописные подлинники последней трети XVII века, 30-х годов XIX века под 9 мая «Аки Борис подобием», «седые власы кудреваты, брада с Николину проста, а ризы княжеские»³³.

В Лицевом летописном своде представлены все основные события жизни великого князя от сообщения о рождении у великого князя Иоанна II Иоанновича сына Дмитрия до повести «О житии и преставлении великого князя Дмитрия Иоанновича царя русского». При изображении событий до 1378 года Дмитрий Иоаннович – безбородый юноша с короткой бородой. В рассказе о его завещании детям, смерти и погребении великий князь изображен лежащим на одре, в княжеских одеждах с непокрытой головой, с нимбом, в правом верхнем углу – летящий к небесам ангел с душой усопшего в виде фигурки младенца с нимбом. В следующей композиции – плач великой княгини Евдокии, лежащий на одре князь облачен в схиму. На последних миниатюрах почивший князь изображен с нимбом.

³² Православная энциклопедия. С. 130.

³³ Там же.

События Куликовской битвы встречаются в иконописи XVII – начала XX века, в частности, на иконе «Преподобный Сергей Радонежский», с клеймами «жития» середины XVII века, которая в конце столетия была дополнена внизу многофигурной композицией с большим числом эпизодов на сюжет «Сказания о Мамаевом побоище». Образ великого князя есть в клеймах с изображением чудесного заступничества Донской иконы Божией Матери, на иконе – мученик Андрей Стратилат с деяниями. История Донской иконы Божией Матери, созданной к 500-летию Куликовской битвы³⁴.

Несколько литографий с сюжетами из жития Дмитрия Иоанновича было воспроизведено в литографиях П. Иванова и других, отпечатанных по рисункам Б. А. Чорикова в 1838 году: «Сын великого князя Иоанна II Дмитрий приветствует святителя Алексия, возвратившегося из Орды», «Великий князь Дмитрий Иоаннович под благословением Преподобного Сергия принимает иноков Пересвета и Ослябю в подвижники», «Великий князь Дмитрий Донской ранен в битве с Мамаем», «Великий князь Дмитрий Донской утверждает новый порядок престолонаследия».

После канонизации великого князя в 1988 году были созданы иконы святого. Его образ введен в программы храмовых росписей. Он изображается в традиционном иконографическом типе – в княжеской шубе и шапке, иногда как воин – в доспехах, как правило, сжимает рукоять меча. К единоличным относятся, в частности, икона письма монахини Митрофании, икона 1995 года (Чашкина А. И., церковь великомученика Георгия Победоносца на Поклонной горе в Москве и других). В композиции «Собор русских святых» святой князь Дмитрий представлен в группе московских чудотворцев (икона 1997 года письма Н. Е. Алдошиной в церкви святителя Николая Чудотворца в Кленниках, икона письма М. В. Пыжова 2002 года в церкви Воскресения Христова в Сокольниках в Москве).

Все написанное дает нам возможность увидеть не только внешний, но и внутренний облик святого великого благоверного князя Дмитрия, человека, вошедшего в русскую и мировую историю, – крепкого воина, отдавшего «свою жизнь за други своя», и волево-

³⁴ Там же. С. 131.

го правителя, сила которого была направлена на защиту любимого Отечества и объединение русского народа. Великий князь Дмитрий явился истинным воином Христовым, ограждавшим себя и Русь щитом веры в Христа-Спасителя, храня чистоту телесную и чистоту сердечную. «Отрок еще сый возрастом, – поется в церковных стихах в день его праздника, – святе Дмитрие, житию благонравному ревновал и в подвигах веры православныя укреплялся, в мужа совершенна»³⁵. Он поражал врагов не только воинским мечом, но и мечом духовным – силой слова Божия. Шел на врагов с иконами, читая псалмы, призывая на помощь имя Божие.

Иконописцы разных времен оставили нам свое восприятие образа великого князя. Они писали его образ как могли, каждый в меру своей духовности и веры. С XIV века великий князь Дмитрий в своих молитвах просит великого Бога о сохранении России, сияя на небесах среди святых земли Русской. Он незримо присутствует на полях сражений и через столетия после своей кончины помогает всему российскому воинству.

³⁵ Минея. Т. 9. Май. Ч. 2. С. 442.

Хронология событий, связанных с Куликовской битвой

1357

Убийство в Орде хана Джанибека его сыном Бердибеком.
Начало «великой замятни».

1359

Смерть великого князя Иоанна Иоанновича.
Принятие княжения его сыном, десятилетним Дмитрием.

1362

Получение Дмитрием Иоанновичем ярлыка на Великое княжение
Владимирское. Возвышение темника Мама в Орде.

1363

Поход Дмитрия Иоанновича на Владимир.

1368

Поход Дмитрия Иоанновича на Тверь.
Война с Литвой и осада Москвы Ольгердом.

1370

Поход Дмитрия Иоанновича на Тверь.

1370, осень

Поход Ольгерда на Москву в союзе с тверичами
и смоленцами. Осада Волока-Ламского.

1370, декабрь

Осада Москвы Ольгердом. Мир Москвы с Литвой.

1371

Выдача Мамаем ярлыка на Великое княжение Дмитрию Иоанновичу
Московскому.

1371, осень

Война Москвы с Рязанью.

1371, декабрь

Разгром рязанских войск у Скорнищева.

1372

Поход Ольгерда на Москву. Перемирие у Любутска.

1374

Избиение послов Мамай в Нижнем Новгороде.

1375

Война Москвы с Тверью.

Смерть Урус-хана, овладение Тохтамышем Белой Ордой.

1375, август

Осада Твери московскими и новгородскими войсками.

Мир Москвы с Тверью.

1376

Переход Арапши на сторону Мамай.

1376–1377

Поход Дмитрия Иоанновича на камских болгар.

1377, 2 августа

Бой на реке Пьяне. Разгром Нижнего Новгорода татарами.

1378, 11 августа

Победа на реке Воже.

1380, июнь

Выступление войск Мамай.

В Москве объявлен сбор войск.

1380, начало августа

Выступление войск из Москвы в Коломну.

1380, 15 августа

Сбор войск в Коломне.

1380, сер. августа

Общее построение армии на Девичьем поле в Коломне.

1380, 20 августа

Выступление войск из Коломны.

1380, конец августа
Переправа через Оку.

1380, 1 сентября
Остановка в Березуе. Выслана «третья сторожа».

1380, 6 или 7 сентября
Столкновение отряда Семена Мелика в районе Гусиного брода с передовыми отрядами войска Мама.

1380, 7 сентября
Донской «разряд» полков.

1380, 8 сентября
Куликовская битва

(время указывается приблизительно):

11.40 Первое соприкосновение войск.

12.00 Поединок Пересвета с Челубеем.

12.30 Атака ордынцев на передовой полк русской армии.

12.50–13.40 Бой по всему фронту.

13.40–13.50 Отступление полка левой руки. Критическое положение русской армии. Бой по всему фронту.

14.00–14.30 Бой в тылу русской армии.

14.35 Удар засадного полка и разгром правого крыла ордынцев.

После 15.00 Общая контратака русской армии, преследование ордынцев.

1380, 8–14 сентября
Захоронение погибших на поле боя.

1380, 14 сентября
Выступление русской армии домой.

1380, 21 сентября
Встреча русской армии в Коломне.

1380, 1 октября
Возвращение русской армии в Москву.

**Полный список храмов, так или иначе связанных
с Куликовской битвой.
По данным И. Г. Бурцева, В. И. Пешехонова.
Храмы Куликова поля**

Храм во имя святого Николая Чудотворца
(Никольский собор, пос. Епифань)

*Приделы во имя святого архистратига Михаила,
святого Чудотворца Николая, святого мученика Иоанна Воина,
Пророка Илии, Божией Матери Троеручицы.*

1685 г. – первое упоминание о храме.

1736–1738 гг. – строительство каменной церкви с шатровой колоколь-
ней (существовала до 1810 г.)

1766 г. – строительство придельной церкви святого великомученика
Иоанна Воина.

1810–1814 гг. – строительство трапезной («теплой») церкви.

1815–1850 гг. – строительство холодной церкви.

Храм во имя Успения Богородицы
(пос. Епифань)

*Успения Пресвятой Богородицы, придел во имя
Иконы Тихвинской Божией Матери.*

1669 г. – первое упоминание о храме как монастырском.

1764 г. – Успенский монастырь упразднен, церковь превращена в при-
ходскую.

1835 г. – возобновление служб в храме.

1873 г. – возобновление ветхого иконостаса храма на средства добро-
вольных жертвователей.

1920–1954 гг. – здание использовалось Епифанским художественно-
краеведческим музеем.

Храм во имя Всех Святых, кладбищенский

(действующий, пос. Епифань. В нем находится икона Скоропослушница, принесена с Афона в 1877 г.)

Во втором этаже приделы Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи и Преподобного Сергия Радонежского.

До 1797 г. существовала деревянная кладбищенская церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского.

1797–1802 гг. – строительство храма. Церковь холодная двухэтажная.

1812 г. – к колокольне пристроена теплая церковь во имя святых апостолов Петра и Павла (ныне не существует)

Храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы

(действующий, с. Монастырщина)

Рождества Пресвятой Богородицы, приделы во имя Архистратига Михаила, Преподобного Сергия Радонежского.

1865 г. – заложен ныне существующий храм.

1867 г. – построен придельный храм Архистратига Михаила.

1875 г. – построена колокольня; деревянный храм разобран по ветхости и пущен на обжиг кирпича для нового храма.

1879–1884 гг. – строительство главного храма.

1880 г. – сделана дубовая ограда вокруг легендарного места захоронения павших в Куликовской битве русских воинов.

1885 г. – основана церковно-приходская школа.

1887 г. – освящение придела Преподобного Сергия Радонежского.

1890–1895 гг. – внутренняя отделка храма.

Значительную часть средств на постройку храма и на его внутреннее убранство (золотые врата, сделанные мастером Султановым из дерева – на сегодняшний день хранятся в ГИМ) потратил император Александр III.

В 1930-е гг. храм закрыт.

Храм во имя Архистратига Божия Михаила

(с. Краснобуйцы)

Архистратига Михаила.

По преданию, первый храм (существовал до 1795 г.) был заложен царским родственником Нарышкиным, владевшим этими землями.

1795 г. – строительство каменного храма на деньги генерала Александра Михайловича Голицына.

Храм во имя Успения Божией Матери (с. Березовка)

*Успения Божией Матери,
приделы во имя святого Дмитрия Ростовского,
святой великомученицы Екатерины.*

Первоначально церковь была деревянной, когда построена и когда разобрана – неизвестно.

1798–1810 гг. – строительство каменного храма на средства сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Николаевича Ляпунова.

1854 г. – возобновление и отделка храма.

Храм во имя Успения Пресвятой Богородицы (действующий, с. Себино)

*Успения Пресвятой Богородицы,
придел во имя святого Александра Невского.*

О возникновении прихода и постройке церкви достоверно ничего не известно; существующий каменный храм устроен тщанием помещика Илии Андреевича Муромцева.

1881 г. – устройство придела святого Александра Невского помещицей Яньковой.

1892 г. – освящение придела.

1894 г. – обновление иконостаса храма.

Храм во имя Тихвинской Божией Матери (с. Бучалки)

*Тихвинской Божией Матери,
Покрова Пресвятой Богородицы,
придел во имя Святителя и Чудотворца Николая.*

О храме, существовавшем до **1780 г.**, ничего не известно.

1780 г. – строительство каменного храма на средства помещика князя Павла Голицына.

1833–1858 гг. – переустройство храма.

1885–1888 гг. – произведено расширение трапезной церкви, храм стал теплым.

1892 г. – устроен придел святого Николая Чудотворца.

Перестройки храма производились на средства Михаила Голицына.

Храм во имя Святителя и Чудотворца Николая (с. Орловка, действующий)

*Святителя и Чудотворца Николая, приделы
во имя святого Апостола Филиппа, Казанской иконы Божией Матери.*

До 1835 г. существовал деревянный храм, впоследствии проданный в село Куликовка.

1835 г. – строительство каменного храма иждивением и старанием дворянина Алексея Писарева и его жены.

1850 г. – устройство придела во имя святого Апостола Филиппа прихожанином Пафнутием Лихаревым.

1863 г. – устройство придела Казанской иконы Божией Матери прихожанином Акимом Гуриным.

Храм во имя святой Великомученицы Екатерины (п. Грибодово, бывшее с. Екатерининское)

*Святой Великомученицы Екатерины,
придел во имя Зачатия Иоанна Предтечи.*

1800 г. – строительства храма иждивением и старанием генерал-майора Льва Давыдова.

Храм во имя святой Великомученицы Параскевы (с. Бутырки)

*Святой Великомученицы Параскевы,
придел во имя Иверской иконы Божией Матери.*

1783 г. – строительство деревянного храма иждивением и старанием помещика Сергея Протопопова.

1888–1892 гг. – строительство придела во имя Иверской иконы Божией Матери иждивением помещика Игнатьева и крестьянина Никонова.

Храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы (с. Козлово)

Покрова Пресвятой Богородицы.

1769 г. – строительство каменного храма с колокольной иждивением князя Вадбольского

1884 г. – открыта церковно-приходская школа.

Храм во имя Святителя и Чудотворца Николая (с. Муравлянка)

*Приделы во имя святого благоверного князя Александра Невского,
святого великомученика Дмитрия Солунского,
Святителя и Чудотворца Николая.*

1763 г. – строительство каменного храма иждивением помещика Бориса Крюкова.

1867 г. – строительство придела во имя святого благоверного князя Александра Невского на средства помещицы Н. И. Мясоедовой.

1892 г. – поновление иконостасов храма.

Храм во имя иконы Владимирской Божией Матери (с. Бахметьево, не сохранился)

*Иконы Владимирской Божией Матери,
приделы во имя святого Архистратига Михаила, Всех Святых
(во 2-й половине XIX века уже не существовал)*

1766 г. – строительство каменного храма прокурором Симеоном Молчановым.

1885, 1890 гг. – обновление иконостасов храма.

Храм во имя Архистратига Михаила (с. Гагарино, не сохранился)

Архистратига Божия Михаила

В 1822 г. деревянный храм сгорел.

1847 г. – в с. Каркадиново куплен деревянный храм, который был перевезен в село тщанием помещика Петра Парского.

1849 г. – освящение храма.

Храм во имя Знамения Пресвятой Богородицы (с. Знаменское, бывшее с. Знаменское-Мышенка)

*Знамения Пресвятой Богородицы, приделы во имя
Преподобного Сергия Радонежского, Святителя Николая Чудотворца.*

1810 г. – строительство каменного храма с колокольней тщанием генерала от инфантерии князя Андрея Горчакова.

1859 г. – устройство приделов тщанием княгини Горчаковой.

1894 г. – возобновление храма.

Храм во имя Архистратига Божия Михаила
(с. Куликовка)

Архистратига Михаила, придел во имя Святителя и Чудотворца Николая.

1819 г. – строительство храма на средства помещика Федора Ахлестышева.

1837 г. – устройство придела святого Николая Чудотворца.

Храм во имя святого Великомученика Никиты
(с. Никитское на Дону)

Святого Великомученика Никиты.

1771 г. – строительство деревянного храма старанием и иждивением князя Николая Голицына. По преданию, храм был построен князем в честь одного из своих предков, носившего имя Никиты.

1862 г. – обветшавший храм заменен новым деревянным тщанием и иждивением коллежского асессора Ивана Раевского.

1893–1894 гг. – произошло обновление храма внутри и снаружи.

Храм во имя Святителя и Чудотворца Николая
с. Рыхотка (Грязновка)

*Святителя и Чудотворца Николая,
придел во имя Казанской иконы Божьей Матери.*

1770 г. – строительство деревянного храма помещиком А. П. Огаревым.

1790 г. – строительство каменного храма с колокольней сыном А. П. Огарева подпоручиком Сергеем Огаревым.

1875 г. – обновление иконостаса.

Храм во имя преподобного Федора Трихины
(с. Суханово)

*Преподобного Феодора Трихины,
придел во имя Покрова Пресвятой Богородицы.*

1821–1827 гг. – строительство первого храма.

1884 г. – устройство придела во имя Покрова Пресвятой Богородицы на средства прихожан и при помощи князя А. М. Голицына.

1889 г. – обновление иконостаса в честь чудесного избавления Александра III во время покушения.

Каменный храм был заложен князем Федором Николаевичем Голицыным, достраивали храм его потомки.

Храм во имя Архистратига Михаила (с. Михайловское)

*Архистратига Божия Михаила,
приделы во имя Святой Троицы, святых апостолов Петра и Павла,
Казанской иконы Божией Матери.*

Приход существовал уже в первой половине XVIII века.

1804–1807 гг. – строительство каменного храма на месте деревянного при содействии графа А. Г. Бобринского.

1830 г. – обновление храма внутри и снаружи.

1856–1861 гг. – при участии графов Бобринских к храму пристроены приделы Святой Троицы и святых апостолов Петра и Павла.

1871 г. – обновлен иконостас.

1877 г. – устройство придела во имя Казанской иконы Божией Матери.

Храм во имя Великомученика Никиты (с. Никитское на Непрядве)

*Великомученика Дмитрия Мироточивого
(затем — великомученика Никиты).*

О времени возникновения прихода достоверно ничего неизвестно.

1752 г. – строительство и освящение каменного храма во имя вмч. Дмитрия Мироточивого, по преданию, на средства крестьянина Стефана Кареева.

1786 г. – освящение храма во имя вмч. Никиты.

1885 г. – обновление иконостаса в храме во имя вмч. Никиты на средства крестьянина Василия Ивановича Дульнева.

Храм во имя великомученика Дмитрия Мироточивого (Святой Троицы) (с. Никитское на Непрядве)

*Великомученика Дмитрия Мироточивого,
приделы во имя Святителя Митрофана Воронежского,
Святой Троицы.*

1781–1785 гг. – строительство каменного храма с колокольней.

6 июня 1786 г. – освящение храма во имя великомученика Дмитрия Мироточивого.

1840–1847 гг. – расширена трапезная часть храма, в нем устроено два придела.

1870–1879 гг. – перестроена колокольня.

Храм во имя Космы и Дамиана (с. Коломенское, не сохранился)

Святых Космы и Дамиана.

1778 г. – строительство деревянного храма вместо сгоревшего прежнего.

1891 г. – возобновление древней почитаемой Смоленской иконы Божией Матери.

1892 г. – перестройка обветшавшего храма.

Храм во имя Святителя Николая Чудотворца (с. Каменка, не сохранился)

1776 г. – строительство каменного храма вместо деревянного, уничтоженного пожаром.

1826 г. – храм обветшал и был закрыт.

1836 г. – храм был возобновлен на средства прихожан.

1867 г. – выстроена колокольня.

1882 г. – иконостас храма был заменен новым.

Храм во имя святых Никиты и Иоанна Новгородских (с. Новгородское, не сохранился)

Святых Никиты и Иоанна Новгородских.

1767 г. – первое упоминание о храме.

1767 г. – замена иконостаса новым на средства помещика князя Н. Б. Юсупова.

1847 г. – замена иконостаса.

Храм во имя Казанской Божией Матери (с. Папоротка, действующий)

Казанской иконы Божией Матери, придел во имя Вознесения Господня.

Когда возник приход неизвестно. До постройки каменного храма существовали два деревянных. О первом храме неизвестно ничего.

1774 г. – построен 2-й деревянный храм во имя Покрова Божьей Матери.

1846 г. – в храм был приобретен колокол весом в 155 пудов.

1855–1870 гг. – строительство каменного храма.

1875 г. – деревянный храм был разобран.

1880 г. – устройство алтаря в память спасения царской семьи во время взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.

Храм во имя Казанской иконы Божией Матери (с. Непрядва)

Казанской иконы Божией Матери.

1852–1859 гг. – строительство каменного храма.

Храм во имя иконы Знамения Божией Матери (п. Волово, действующий)

Знамения Божией Матери.

1740 г. – образование прихода.

1767 г. – в с. Солодилово был куплен деревянный храм.

1822 г. – строительство каменного храма на средства прихожан.

Храм во имя Святого Евангелиста Иоанна Богослова (п. Куркино, действующий)

*Святого Евангелиста Иоанна Богослова,
приделы во имя Святителя Николая Чудотворца, Святого Митрофана.*

Приход возник во второй половине XVIII века. Каменный храм построен на средства добровольных подателей.

1765 г. – первое упоминание о каменном храме.

1833 г. – храм закрыт из-за ветхости.

1839–1845 гг. – строительство нового храма на средства помещицы, генеральши Елены Алексеевны Засядко и корнета Ивана Дмитриевича Засядко.

1849 г. – устройство придела во имя Святого Митрофана на средства дворового человека княгини Долгоруковой Александра Козьмина Потапова.

1889–1892 гг. – расширение трапезной церкви.

Храм во имя Святителя и Чудотворца Николая (с. Малевка)

*Святителя и Чудотворца Николая,
придел во имя мучеников Флора и Лавра.*

1803–1808 гг. – строительство каменного храма на средства прихожан.

1836 г. – строительство придела мучеников Флора и Лавра.

1849 г. – иконостас был заменен новым.

Приложение III

Число погибших ратников на поле Куликовом по княжествам, уделам и городам согласно указанным источникам, по данным Храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове, в Москве

№ п/п	Посланники от княжеств (городов), князья и знатные бояре	Письменные летописные источники, свидетельства						
		«Задонщина», «Слово» Софония Рязанца	«Задонщина», пространная редакция по музейному 1 списку (Н. Паншин, Энци- клопедия «Куликово поле»)	«Задонщина», пространная редакция по списку Государственного исторического музея	«Задонщина», простран- ная редакция по списку В. М. Ундольского	«Сказание о Мамаевом побоище», основная редакция	«Сказание о Мамаевом побоище», летописная редакция	«Сказание о Мамаевом побоище», пространен- ная редакция
1.	Московские	40	40	40	40	40	40	40
2.	Белозерские	12	12	12	12	12		12
3.	Коломенские	20	20	20	20			20
4.	Серпуховские	40			40	40	30	40
5.	Литовские (паны)	30			30		30	30
6.	Переяславские	40	40	40	20	20	22	15
7.	Костромские	30	25	30	25	25	20	
8.	Владимирские	40	35	40	35	35	30	25
9.	Суздальские	50	50	50	8	50	50	50
10.	Муромские	40	40	40	40	40	40	40
11.	Ростовские	30	30	30	34	33	34	
12.	Дмитровские	23	23	23	23	20	23	23
13.	Можайские	60			60	70	60	60
14.	Звенигородские	60	60	60	30	60	30	30
15.	Угличские (углецкие)	15	15	15	15	15	15	15
16.	Ярославские							70
17.	Нижегородские посадники и бояре пособники		30	30	30	13		30
18.	Нижнего Новгорода					50		
19.	Галичские					20		
20.	Рязанские	70	70	70	70			
21.	Тверские-Холмские							104
22.	Смоленские							
23.	Новосельские							

В битве, кроме указанных в таблице, принимали участие посланники от городов: Ржева, Юрьев-Польского, Стародуба, Мологи, Великого Устюга (по Н. М. Карамзину), Брянска, Пронска, Оболенска, Кашина, Тарусы, Боровска, Ельца, Дорогобужа, Городца Мещерского, Волоколамска.

«...И иные мнози, их же имени не есть писана в книгах сих».

№ п/п	Посланники от княжеств (городов), князья и знатные бояре	Письменные летописные источники, свидетельства					
		«Сказание о Мамаевом побоище», по Забелинскому списку	«Сказание о Мамаевом побоище», вариант В. М. Ундольского	«Сказание о Мамаевом побоище», основная редакция по Ермолаевскому списку	«Сказание о Мамаевом побоище», редакция летописца князя И. Ф. Хворостина	«Сказание о Мамаевом побоище», редакция Синописа	«Сказание о Мамаевом побоище», редакция 1681 г. Пантелеймона Кохановского
1.	Московские	40	40	40	43	40	40
2.	Белозерские	12	12	12	17	12	12
3.	Коломенские	20	20		25	20	
4.	Серпуховские			40	42	40	40
5.	Литовские (паны)		30		62	30	
6.	Переяславские		15	20	16	20	20
7.	Костромские		25	25	25	25	25
8.	Владимирские	40	35	35	35	35	35
9.	Суздальские	50	50	8	51	8	8
10.	Муромские	40	40	40	44	40	40
11.	Ростовские			30		30	30
12.	Дмитровские	23	25	25	23	23	23
13.	Можайские	60	60		60	60	
14.	Звенигородские	30	30	60	37	30	60
15.	Угличские (углецкие)	15	15	15	30	15	15
16.	Ярославские	70	70		70	70	
17.	Нижегородские посадники и бояре пособники		30	13	30	30	13
18.	Нижнего Новгорода	100	100		120		
19.	Галичские						
20.	Рязанские						
21.	Тверские-Холмские	114	104		104	15	
22.	Смоленские						
23.	Новосельские						

Синодик воинов, участвовавших в битве на Куликовом поле

о наших времен дожил древнейший синодик, в котором перечислено всего лишь одиннадцать имен павших в Куликовской битве. Сей священный список включен в пергаментный помянник главного храма Русской Церкви – Кремлевского Успенского собора наряду с именами других видных князей Руси. Начальные листы Успенского синодика относятся к концу XIV века, однако запись имен «избиенных от Мамая» была сделана позднее, вероятно, в 70-х годах XV века, во время подготовки стояния на Угре и окончательного свержения ордынского ига.

Список павших на Куликовом поле, хотя и известен в сравнительно поздних рукописях (второй известный список героев битвы датируется 1490–1493 гг.), все же восходит к записям конца XIV – начала XV века, которые были использованы при составлении Краткой летописной повести 1408 года. Убитые бояре и воеводы перечислены и в синодике, хранящемся в Государственном историческом музее в Москве (Синод. собр., № 667, листы 68–68 об., рукопись на пергаменте написана полууставом XV века): «Князю Федору Белозерскому и сыну его Иоанну, убиенным от безбожного Мамая, вечная память (на полях: «Константину Иоанновичу»). И в той брани избиенным: Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу (на полях: «Валуевичу»), Андрею Иоанновичу Серкизову, Михаилу Иоанновичу и другому Михаилу Иоанновичу, Льву Иоанновичу, Семену Мелику и всей дружине их, по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память» (сбоку написано: «возглас»).

Сохранился синодик воинов – участников битвы в древнем Свято-Успенском мужском Феодосьева-на-Дону монастыре в по-

селке Епифань. В нем названы лишь имена, без отчества и должности. Ныне священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове в Москве Валерий Мешков составил синодик воинов – участников Куликовского сражения, где проанализированы все данные. Его список в основном повторяет синодик Свято-Успенского монастыря, но в нем указываются краткие данные об участниках сражения. Список дополнен новыми именами из числа ростовских князей. Мы объединили синодики и убрали повторения. Кроме того, нам удалось найти новых участников Куликовской битвы. В синодике Свято-Успенского Феодосьева-на-Дону мужского монастыря поминается 144 человека, в объединенном синодике – около 190 человек.

Синодик ратников православных, от Мамаё на поле Куликовом Землю Русскую боронивших и споспешествовавших Великой Победе

Участники Куликовской битвы, причисленные к лику святых¹

1. Святой благоверный князь Дмитрий Иоаннович Донской. Великий князь Московский и Владимирский, главнокомандующий русским войском.

2. ++ Преподобномученик Александр Пересвет. Схимонах из обители Преподобного Сергия Радонежского, бывший в миру

¹ В перечне имен и заголовках разделов книги нами приняты следующие обозначения:
— двумя плюсами (++) отмечены имена воинов, несомненно, павших в Куликовской битве, что подтверждается имеющимися у нас источниками;
— одним плюсом (+) отмечены имена лиц, сведения о гибели которых в битве не могут считаться вполне достоверными;
— жирным шрифтом выделены имена лиц, участие которых в битве не вызывает сомнений и подтверждено источниками;
— имена участников битвы, требующие дополнительных исследований, приводятся нами обычным шрифтом.

боярином Брянским; «зачинатель» битвы, сразившийся с непобедимым доселе татарским богатырем. Передовой полк.

3. + + **Преподобномученик Андрей Ослябя**. Схимонах из обители Преподобного Сергия Радонежского, бывший в миру боярином Любецким (Брянское княжество). Родной брат Александра-Пересвета. Передовой полк.

Главные воеводы

4. **Владимир** Андреевич Серпуховской (Хоробрый). Князь Серпуховской и Боровский, двоюродный брат Дмитрия Донского, второй главнокомандующий русским войском, в самой битве командовал засадным полком.

5. **Дмитрий** Михайлович Боброк-Волынский. Московский боярин, опытейший воевода, главный специалист по расстановке сил и тактике битвы. В самой битве – основной воевода засадного полка.

Московские бояре и воеводы

6. + + **Михаил** Андреевич Бренк. Боярин, сражался в большом полку в доспехах великого князя Дмитрия Иоанновича. Погиб от смертельной раны в голову.

7. **Тимофей** Васильевич Вельяминов. Боярин, окольный, великий воевода, командовал большим полком.

8. + + **Николай /Микула/ Никула** Васильевич Вельяминов. Боярин, свояк великого князя, племянник окольного Тимофея Васильевича Вельяминова, Коломенский воевода, участвовал в битве в командном составе полка правой руки.

9. **Юрий** Васильевич Грунка-Вельяминов. Брат Тимофея Васильевича Вельяминова, воевода полка правой руки.

10. **Федор** Васильевич Воронец-Вельяминов или Федор Юрьевич Грунка-Вельяминов. Брат и сын Юрия Грунки-Вельяминова, бояре. В битве мог участвовать кто-то из этих Федоров, по-видимому, в числе воевод полка правой руки.

11. + + **Тимофей** Васильевич Волуевич (Волуй Окатьевич). Боярин, воевода владимирского и юрьевского полков.
12. + + **Иоанн** Окатьевич Волуй. Боярин (?), дядя Тимофея Волуевича.
13. **Иоанн** Родионович Квашня (**Игнатий** в монашестве). Боярин и воевода, командовал костромским полком в составе большого полка.
14. + + **Андрей** Иоаннович Серкизов. Боярин, сын бывшего ордынского царевича Серкиза, командовал переяславским полком.
15. + + **Лев** Иоаннович Морозов. Боярин, один из воевод полка левой руки.
16. + + **Юрий** Елизарович Морозов. Двоюродный дядя Льва Иоанновича Морозова.
17. + + **Федор** Елизарович Морозов. Двоюродный дядя Льва Иоанновича Морозова.
18. + + **Михаил** Иоаннович Акинфович. Боярин из рода Ратшичей, один из воевод сторожевого полка.
19. + **Даниил / Александр** Андреевич Белеут /Белеутов/ Белоусов. Боярин, воевода князя Владимира Андреевича Серпуховского, засадный полк.
20. + + **Константин** Иоаннович Конанович (Конанов). Боярин, воевода князя Владимира Андреевича Серпуховского, засадный полк.
21. **Михаил** Александрович Вороцов (?). Боярин, посчитал после битвы погибших воинов, упоминается только в списке Михайловского.
22. **Григорий** Александрович. Боярин, участвовавший в подсчете убитых русских воинов.
23. **Михаил** Андреевич. Боярин, участвовавший в подсчете убитых русских воинов.
24. **Федор** Семенович Висковатый. Большой боярин, в составе большого полка, сообщил великому князю о числе ратников в большом полку (упоминается только в списке Михайловского).
25. **Федор** Иоаннович Сабур. Сын боярский из рода Зерновых, костромской вотчинник, родоначальник Сабуровых, вместе с Григорием Холопищевым нашел великого князя после битвы.

26. **Григорий** Владимирович Холопищев. Сын боярский (костромич) из рода Ратшичей. Вместе с Федором Сабуровым нашел великого князя после битвы.
27. **Борис**, князь Углицкий. Упоминается только в списке Михайловского.
28. + + **Роман** Давыдович (Васильевич ?). Князь Углицкий. Упоминается только в списке Михайловского.
29. **Глеб** Васильевич.
30. + + **Иоанн** Романович. Князь Углицкий, сын Романа Давыдовича. Упоминается только в списке Михайловского.
31. + + **Владимир** Романович. Князь Углицкий, сын Романа Давыдовича. Упоминается только в списке Михайловского.
32. + + **Святослав** Романович. Князь Углицкий, сын Романа Давыдовича. Упоминается только в списке Михайловского.
33. + + **Иаков** Романович. Князь Углицкий, сын Романа Давыдовича (?). Упоминается только в списке Михайловского.

Белозерские князья (числом 12)

*В Коломне были определены и шли к полю битвы в составе
большого полка. Все они погибли, сражаясь в передовом полку и в
полку левой руки.*

34. + + **Василий** Романович. Сын Романа Михайловича.
35. + + **Федор** Романович.
36. + + **Иоанн** Федорович. Сын Федора Романовича.
37. **Василий** Федорович Белозерский.
38. + + **Федор** Семенович Карголомский.
39. + + **Глеб** Семенович Карголомский.
40. + + **Андрей** Иоаннович Кемский.
41. + + **Глеб** Карголомский.
42. + + **Андрей** Георгиевич Карголомский.
43. **Андрей** Васильевич.

Андомские князья

Имен установить не удалось. Возможно, это дети Михаила Андреевича Андомского Иоанн, Александр, Симеон, Андрей и Георгий.

Ростовское княжество (князья, княжны и воеводы)

- 44. **Андрей** Федорович (**Афанасий** в монашестве). Князь Ростовский, полк правой руки.
- 45. **Владимир** Константинович. Князь Ростовский, двоюродный брат Андрея Федоровича, полк правой руки.
- 46. **Дмитрий** Иоаннович (?). Князь Ростовский, происхождение достоверно не установлено.
- 47. **Дарья** Иоанновна /Андреевна/ Федоровна. Княжна Ростовская, сражалась под именем княжича Дмитрия Ростовского (в список участников битвы попала на основании преданий).
- 48. **Никифор** / **Никита** Лихошерст. Воевода при княжне Дарье Ростовской (согласно преданиям).
- 49. **Феодора** Иоанновна Верши-Пужбольская. Княжна Ростовская (согласно преданиям).

Ярославские князья

*(В Коломне были уряжены в полк правой руки,
а в самой битве были воеводами полка левой руки)*

- 50. **Василий** Васильевич. Старший брат Глеба и Романа Васильевичей.
- 51. + **Глеб** Васильевич. Брат Василия и Романа Васильевичей.
- 52. + **Роман** Васильевич. Брат Василия и Глеба Васильевичей (ошибочно в Сказании назван Прозоровским).
- 53. + **Андрей** Романович. Сын Романа Васильевича (ошибочно в Сказании назван Прозоровским).
- 54. **Лев** Курбский. Удельный князь Ярославского княжества.
- 55. Левкей Перемский (возможно, что это искаженное имя Льва Курбского).

Моложские князья

56. **Федор** Михайлович (†1408) (**Феодорит** в монашестве). Участвовал в битве в составе командования полка левой руки.
57. + + **Иоанн** Михайлович. Младший брат Федора Михайловича.
58. Лев Михайлович Пошехонский.

Литовские князья

59. **Дмитрий** Ольгердович Брянский. Сын великого князя литовского Ольгерда, воевода резервного полка либо передового полка.
60. **Андрей** Ольгердович Полоцкий. Сын великого князя литовского Ольгерда, воевода полка правой руки либо передового полка.

Брянские, Черниговские князья

61. + + **Глеб** Иоаннович / Васильевич. В Коломне назначен воеводой полка левой руки, в битве – один из воевод большого полка.
62. + + **Роман** Михайлович (Младший). Засадный полк.

Выходцы из Смоленского княжества

63. + + **Александр** Георгиевич Нетша. Убит на Куликовом поле. Сын его – Иоанн Александрович Нетшин – убит на Куликовом поле.
64. + + **Иоанн** Александрович Нетшин. Сын Александра Георгиевича Нетша. Убит на Куликовом поле.
65. **Дмитрий** Александрович / Всеволодович / Всеволож. Сын смоленского князя Александра-Всеволож Глебовича (†1341), переехавшего в Москву. Брат Владимира Всеволожа. В источниках называются вместе с братом то князьями, то княжатами. Воевода передового полка.

66. **Владимир** Александрович / Всеволодович / Всеволож. Сын смоленского князя, переехавшего в Москву. Брат Дмитрия Всеволожа. Воевода передового полка.
67. **Глеб** Васильевич Оладын. Из смоленских дворян.
68. **Святослав** Романович Смоленский.
69. **Иаков** Романович Смоленский.
70. **Князь Иоанн** Васильевич Смоленский. Удельный князь селиховский из Смоленского княжества, большой полк.
71. **Василий** Федорович Кобылка Ржевский. Накануне битвы с Мамаем был послан узнать о намерениях и движениях войск Орды.
72. **Родион** Федорович Ржевский. Участник битвы.
73. + + **Иоанн** Александрович (†1380). Нетшин – из рода смоленских князей. Имя «Иоанн Александрович» подлинное и остается в Списке для поминовения.
74. + + **Иоанн** Иоаннович / Федорович / Толбуга (†1380). Из князей фоминско-березуйских, выехавших в Москву из Смоленского княжества.
75. **Глеб** Васильевич Друцкий. Князь Друцкий (Дрютский), воевода передового полка.
76. + + **Владимир** Федорович Дорогобужский Голова (†1380). Один из удельных князей Дорогобужа Смоленского.
77. + + **Четыре князя Дорогобужских: Владимир** Дорогобужский (имена других неизвестны). Из рода смоленских князей. Упоминаются только в списке Михайловского.

Тарусские князья

78. + + **Федор** Иоаннович Тарусский. Воевода сторожевого / передового полка.
79. + + **Мстислав / Иоанн** Иванович Тарусский. Брат предыдущего. Воевода сторожевого / передового полка.
80. **Семен** Константинович Оболенский. Воевода сторожевого / передового полка.
81. **Иоанн** Константинович Оболенский. Брат предыдущего. Воевода сторожевого / передового полка.

82. + Андрей Константинович. Участие в битве требует проверки.
 83. + Михаил Андреевич (?). Участие в битве требует проверки.

Князья, представители других княжеств

84. **Андрей** Федорович Стародубский. Князь Стародубский, полк правой руки, воевода.
 85. + Семен Стародубский. Князь Стародубский, участие в битве под сомнением (упомянут только Каратеевым).
 86. **Федор** Иоаннович Елецкий. Князь Елецкий. В Коломне – полк правой руки; в битве, возможно, засадный полк.
 87. + + **Андрей** Муромский. Князь Муромский. В Коломне – полк правой руки; в битве, возможно, засадный полк.
 88. + + **Юрий** Федорович Мещерский. Князь Мещерский. В Коломне – полк правой руки; в битве, возможно, засадный полк.
 89. + + **Стефан** Сергеевич Новосильский. Князь «юрьевский юноша» (возможно, воевал в юрьевской дружине, которой командовал Тимофей Васильевич Волуевич). Один из тех, кто видел, как сражался великий князь Дмитрий Иоаннович.
 90. + + **Стефан** Романович Новосильский. Князь, сын новосильского князя Романа Семеновича, один из воевод засадного полка.
 91. **Роман** Семенович, князь Новосильский (†1385).
 92. + + **Федор** Андрианович Звенигородский.

Представители Тверского княжества

93. + + **Иоанн** Всеволодович Холмский. Удельный князь Холмский (в некоторых источниках назван Дмитрием, но это неверно). Воевода передового полка.
 94. + + **Василий** Михайлович Кашинский. Удельный князь Кашинский. Засадный полк.
 95. + + **Тарас** Шатнев / Шетнев. Возможно, тверской боярин из семьи тверских тысяцких Шетневых.
 96. **Тимофей** Константинович Микулинский.

Новгородские посадники

97. **Иоанн** Васильевич Посадник. Упоминается только в распространенной редакции Сказания.
98. **Андрей** Волосатый. Упоминается только в распространенной редакции Сказания.
99. **Дмитрий** Даниилович Заверезжский. Упоминается только в распространенной редакции Сказания.
100. **Фома** Михайлович Красный. Упоминается только в распространенной редакции Сказания.
101. **Михаил** пан Львович / Паналвич. Упоминается только в распространенной редакции Сказания.
102. **Юрий** Захарьевич / Захаринич Хромой. Упоминается только в распространенной редакции Сказания.
103. + + **Яков** Иоаннович Зензин. Упоминается в списке Михайловского.
104. + + **Тимофей** Константинович Микулин. Упоминается в списке Михайловского.

Русские послы

105. **Захарий** Тютчев, посол к Мамаю.
106. **Федор** Скворцов, из посольства Захарии Тютчева.
107. **Андрей** Скворцов, из посольства Захарии Тютчева.
108. **Григорий** Сурин, посол к Олегу Рязанскому.
109. **Игнатий** Орлов, посол к Олегу Рязанскому.
110. **Тимофей** Воронцов, гонец с места битвы к Московскому митрополиту.

Разведка

111. **Андрей** Семенович Попов. Предваряющая разведка, принесшая самые первые сведения о том, что Мамай идет на Русь.
112. **Федор** Стремен Милюк. Предваряющая разведка.
113. **Родион** Жидовинов. Предваряющая разведка.

114. **Василий** Тупик. Первая сторожа.
115. **Родион** Ржевский. Первая сторожа.
116. **Андрей** Волосатый. Первая сторожа.
117. + + **Иаков** Ослебятин. Первая сторожа, сын Андрея Осляби.
118. **Климент** Полянин / Полев. Вторая сторожа.
119. **Иоанн** Всеславин / Всеславин. Вторая сторожа.
120. **Григорий** Судаков, смоленский дворянин или боярин Великого Новгорода.
Вторая сторожа.
121. **Фома** Кацибей / Хацабесов. Вторая сторожа (бывший разбойник).
122. + + **Семен** Мелик, из смоленских дворян (†1380). Третья сторожа.
123. **Петр** Горский. Третья сторожа.
124. **Карп** Олексин / Алексеев. Третья сторожа.
125. **Игнатий** Крень. Третья сторожа.
126. **Фома** Тынин. Третья сторожа.
127. **Петр** Чуриков. Третья сторожа.
128. **Семен** Жеребцов. Третья сторожа, упоминается только в Хворостининской редакции Сказания.

Другие участники битвы

129. + + **Григорий** Капустин. Нарочитый богатырь, найден убитым рядом с Александром Пересветом.
130. + + **Степан** Огурцов. Нарочитый богатырь, найден убитым рядом с Александром Пересветом (упоминается только в Хворостининской редакции Сказания).
131. **Григорий (Гридя)** Хрулец. Видел великого князя, сражавшегося с татарами.
132. **Василий (Васюк)** Сухоборец. Видел великого князя, сражавшегося с татарами.
133. **Семен** (Сенька) Быков. Видел великого князя, сражавшегося с татарами.

134. **Юрий** (Юрка) Сапожник. Видел великого князя, сражавшегося с татарами. 135. + + **Федор** Мемко. Назван в числе убитых знатных князей и бояр только в редакции «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку.

136. **Иоанн** Сано. Назван в числе убитых знатных князей и бояр только в редакции «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку.

137. **Михаил** Иоаннович Байков. Князь, по родословным не найден, упоминается один раз в списке Михайловского как очевидец, видевший великого князя, бьющегося с четырьмя татарами.

138. **Тимофей** Загоскин. Сын боярский «от полку князя Пересвета и Осляби к Преподобному Сергию к Живоначальной Троице» (об этом рассказано только в Хворостининской редакции Сказания).

139. + + **Василий** Перфильевич. Упоминается только в Устюжском своде в Списке убиенных князей, воевод, бояр и детей боярских. Родословцам неизвестен.

140. + + **Иоанн** Кожухов. Дворецкий Тимофея Волуевича, «известен в части». Найден рядом со своим погибшим господином, упоминается только в списке Михайловского.

141. Владислав Нелидов. Информация о нем найдена только у В. В. Богуславского. В летописных источниках такого имени не встретили. Участие в битве пока под вопросом.

142. Иоанн Нелидов.

143. Юрий Нелидов. М. Д. Каратеев упоминает в числе участников Куликовской битвы двух братьев Нелидовых, Ивана и Юрия, ссылаясь на то, что имена их даются согласно родословным книгам. Требуется проверка.

144. **12 воинов** (без имени). Известны по местному преданию («12 ключей»).

Споспешествовавшие победе и памяти

145. + + **Игумен Епифаний**. Задержал литовцев перед битвой, помешав им прийти на помощь Мамаю, за что был убит.

146. **Монах Афанасий**.

147. **Монах Феодорит**.

148. **Монах Игнатий.**

149. **Иерей Софоний** Рязанец. Автор «Задонщины». Боярин рязанского князя Олега, участник сражения.

Дополнение к списку имен участников Куликовской битвы, представителей Ростовского княжества²

150. **Иоанн** Константинович, князь. Двоюродный брат Андрея Федоровича, главного ростовского воеводы, родной брат Владимира Константиновича (см. общий список-синодик).

151. **Глеб** Константинович, князь. Двоюродный брат Андрея Федоровича, главного ростовского воеводы, родной брат Владимира Константиновича.

152. **Александр** Константинович, князь, в епископах – Арсений. Двоюродный брат Андрея Федоровича, главного ростовского воеводы, родной брат Владимира Константиновича (см. общий список-синодик).

153. **Иоанн** Андреевич Голена (Голенин), князь. Предположительно сын Андрея Федоровича. Гибель в битве по сведениям Артынова не подтверждается, т. к. был участником съезда ростовских князей вскоре после Мамаева побоища.

154. + ? **Федор** Андреевич Щепин, князь. Предположительно сын Андрея Федоровича. Гибель в битве по сведениям Артынова не подтверждается Родословцем А. А. Титова, где имеется ссылка на упоминание о нем в 1398 г.

155. **Юрий** Андреевич, князь (в монашестве Кассиан). Предположительно сын Андрея Федоровича, умер в 1397 г.

156. + + **Михаил** Андреевич, князь. Предположительно сын Андрея Федоровича. Гибель в битве по сведениям Артынова подтверждается сведениями из книги-исследования А. А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии».

² Расположение имен по Артынову в данном списке не соблюдается, а показано согласно нашему исследованию — по старшинству и/или известности по другим источникам.

157. + + **Борис** Андреевич, безудельный князь. Предположительно сын Андрея Федоровича, главного ростовского воеводы. Дополнительных сведений о нем в других источниках не найдено.

158. **Андрей** Александрович, князь. Предположительно сын Александра Константиновича (в епископах – Арсения), в списке Артынова в числе погибших не значится, но в книге А. А. Титова («Ростовский уезд...») сообщается о гибели в Мамаевом побоище Федора Александровича Голубого, и эти сведения мы относим именно к этому Федору.

159. + ? **Александр** Федорович Щепин, князь. Известий о князе с таким именем в других источниках не найдено. В Родословце А. А. Титова есть два лица с этим именем, кто из них был участником битвы – определить достоверно не удастся:

1) Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Федора Андреевича. По сведениям из Родословца Титова, умер в 1412 г., стало быть, сведения Артынова о гибели в битве под сомнением. В подтверждение этого имени – прозвище «Щепин», т. к. в большинстве своем оно прослеживается в роду Андрея Федоровича. Не увязываются с этим именем расхождения в сведениях о гибели.

2) Еще один Александр Федорович того же поколения приходится внуком Александру Константиновичу (в епископах Арсений) и сыном Федору Александровичу, упомянутому строкой выше. В подтверждение этого имени – лишь только отсутствие информации о его смерти в Родословце, что можно отнести к возможности гибели его в битве.

160. + + **Дмитрий** Федорович Щепин-Приимков, князь. Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Федора Андреевича. Известий о нем в других источниках не найдено. Дата смерти в Родословце не указана.

161. + + **Иоанн** Федорович Щепин Большой, князь. Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Федора Андреевича. Известий о нем в других источниках не найдено. Дата смерти в Родословце не указана.

162. **Иоанн** Федорович Щепин Мен(ь)шой, князь. Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Федора Андреевича. Ги-

бель в битве по сведениям Артынова не подтверждается, т. к. был участником съезда ростовских князей вскоре после Мамаева побоища.

163. ++ **Русан (Федор-Рустик)** Федорович Щепин (Щегош?), князь. Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Федора Андреевича. Сведения о гибели подтверждаются в материалах, опубликованных в книге А. А. Титова «Ростовский уезд...».

164. ++ **Федор** Федорович Щепин, князь. Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Федора Андреевича. Сведения о гибели подтверждаются в материалах, собранных в книге А. А. Титова «Ростовский уезд...».

165. **Юрий** Иоаннович Голенин-Немой, князь. Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Ивана Андреевича. Гибель в битве, показанная Артыновым, не подтверждается, т. к. вскоре после Мамаева побоища был участником съезда ростовских князей.

166. **Федор** Иоаннович Щепин, князь. Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Иоанна Андреевича. Гибель в битве, показанная Артыновым, не подтверждается, т. к. вскоре после Мамаева побоища был участником съезда ростовских князей.

167. ++ **Яков** Борисович Щепин, князь. Предположительно внук Андрея Федоровича и сын Бориса Андреевича. Жених княжны Феодоры, участницы Куликовской битвы. У Артынова в списке участников и погибших. Сведения о гибели подтверждаются.

168. **Иоанн** Андреевич Ян, князь. Предположительно внук Александра Константиновича (в епископах – Арсений) и сын Андрея Александровича. Сведений о нем в других источниках не найдено.

169. ++ **Василий** Иоаннович Щепин, князь. Предположительно внук Александра Константиновича (в епископах – Арсений) и сын Андрея Александровича. Но, возможно, был и другой князь с таким же именем, который в Родословце А. А. Титова не упомянут, но известия о нем встречаются в книге-исследовании Титова «Ростовский уезд...».

170. +? **Дмитрий** Александрович Щепа, князь. Согласно Родословцу, мог быть правнуком Андрея Федоровича, главного воеводы, но участие «поколения правнуков» в битве весьма сомнительно. Воз-

можно, был и другой князь с этим именем в те времена. Если все-таки участник битвы именно этот Дмитрий Александрович, то сведения о гибели его в ней, приведенные Артыновым, недостоверны, т. к. об этом князе у Титова имеются известия, относящиеся к 1395 г.

171. + ? **Семен** Юрьевич Голенин-Ворона, князь. Согласно Родословцу, мог быть правнуком Андрея Федоровича, главного воеводы, но участие «поколения правнуков» в битве весьма сомнительно. Возможно, был и другой князь с этим именем в те времена. Если все-таки участник битвы именно этот Семен Юрьевич, то сведения о гибели его в ней, приведенные Артыновым, недостоверны, т. к. об этом князе у Титова имеются известия, относящиеся к XV веку.

172. + ? **Федор** Дмитрич Приимков, князь. Согласно Родословцу мог быть правнуком Андрея Федоровича, главного воеводы, но участие «поколения правнуков» в битве весьма сомнительно. Возможно, был и другой князь с этим именем в те времена. Если все-таки участник битвы именно этот Федор Дмитриевич, то сведения о гибели его в ней, приведенные Артыновым, недостоверны, т. к. об этом князе у Титова имеются известия, относящиеся к XV веку.

173. + + **Иоанн** Федорович Голенин, князь. Согласно Родословцу, мог быть правнуком Андрея Федоровича, главного воеводы, но участие «поколения правнуков» в битве весьма сомнительно. Возможно, был и другой князь с этим именем в те времена. Сведений о князе с этим именем в других источниках не найдено.

174. **Александр** Андреевич (Иванович ?) Хохолков, князь. Возможно, в отчество у Артынова закралась ошибка. Вероятно, это Александр Иванович Хохолков, который, согласно Родословцу, приходится правнуком Александру Константиновичу, хотя участие «поколения правнуков» в битве весьма сомнительно. Возможно, был и другой князь с этим именем в те времена, т. к. у А. А. Титова в книге «Ростовский уезд...» имя Александра Иоанновича Хохолкова упоминается в сведениях, относящихся к XIV веку.

175. **Иоанн** Семеныч Щепин, князь. В Родословце А. А. Титова такое имя упоминается в XVI веке. Но поскольку никаких других сведений о князе с таким именем не обнаружено, мы не можем

исключить его из Синодика, т. к. нет доказательств того, что во времена битвы в Ростовском княжестве не было князя с таким именем.

176. **Петр** Иоаннович Катырев, князь. В Родословце А. А. Титова такое имя упоминается в XVI веке. В книге А. А. Титова «Ростовский уезд...» имя это упоминается неоднократно. По нашим наблюдениям, речь в них может идти о разных князьях, живших в разное время.

177. + + Семен Дмитрий Щепин-Горбатый, князь. В Родословце такое имя найдено только в XVI веке, однако участие в битве князя с таким именем подтверждается сведениями из книги А. А. Титова «Ростовский уезд...», где это имя дважды упоминается в точно таком же написании и во временной привязке в к XIV веку.

178. + + **Федор** Александрович Горбатой, князь. Выше уже упоминался князь Федор Александрович, которого мы предположительно приняли за сына Александра Константиновича (в епископах – Арсений). Этот же князь (судя по тому, что Артынов упоминает в своих списках двух князей с этим именем-отчеством, но одного из них еще и с прозвищем «Горбатый») – совсем из другого источника о битве. Сведений о нем в других источниках не обнаружили, но это не позволяет нам исключить это имя из Синодика.

179. + + **Алексей** Иоаннович Щепин, князь. У Артынова упоминается в списке участников и в списке погибших. В Родословце такое имя обнаружено только в XVII веке. Сведений в других источниках не найдено, но это не дает основания исключить это имя из Синодика.

Дополнение к списку имен участников Куликов- ской битвы, представителей Ростовского княжества³

180. + + **Андрей** Иоаннович Хохолков, князь. По анализу сведений из Родословца и книги «Ростовский уезд...» похоже, что участником битвы с таким именем мог быть внук Александра Константиновича (в епископах – Арсений).

181. **Иван** Александрович, князь. Предположительно сын князя Александра Константиновича, в епископах Арсения. По известиям А. А. Титова – жених и впоследствии муж княгини Дарьи, дочери Андрея Федоровича, также участницы Куликовской битвы.

182. + + **Михаил** Иоаннович Пужбольский-Шендон, князь. В Родословце такое имя найдено в XV веке, но, проанализировав все найденные в книге А. А. Титова сведения, смеем предположить, что князь с таким же именем мог быть сыном Иоанна Константиновича (двоюродного брата главного ростовского воеводы Андрея Федоровича) либо его внуком, а Родословные книги по каким-то причинам не сохранили его имени.

183. + + **Дмитрий** Владимирович. Предположительно может приходиться сыном Владимиру Константиновичу (двоюродному брату Андрея Федоровича, главного ростовского воеводы), по каким-то причинам не упоминается в Родословце.

184. + + **Петр** Владимирович Бритый-Бычков. В Родословце А. А. Титова такое имя упомянуто в конце XV века. Проанализировав все имеющиеся сведения, можем предположить, что князь с таким именем мог жить и во времена битвы и приходиться братом выше-названным Дмитрию и Александру Владимировичам.

185. + + **Варсонофий** Иоаннович. Предположительно мог быть сыном Ивана Константиновича, который в Родословце показан бездетным, но в «Ростовском уезде...» мы дважды нашли упоминания о его сыновьях с другими именами. Мог и этот князь быть его сыном, но по каким-то причинам родословные книги «забыли» его.

³ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. — М.: Синод. тип-ия. 1885.

186. + + **Константин** Владимирович. Предположительно сын Владимира Константиновича (двоюродного брата главного ростовского воеводы Андрея Федоровича).
187. + + **Петр** Андреевич. В Родословце имя не найдено, но в тексте настойчивая привязка к XIV веку.
188. + + **Константин** Иоаннович Пужбольский. Предположительно мог приходиться сыном или внуком Иоанну Константиновичу, родоначальнику Пужбольских (двоюродному брату главного ростовского воеводы Андрея Федоровича).
189. + + **Дмитрий** Андреевич. Согласно Родословцу А. А. Титова может приходиться внуком Александру Константиновичу (епископу Арсению) от сына его Андрея Александровича.
190. + + **Дмитрий** Иоаннович Янов. Родство установить не удалось, но связь в сообщении, показывающем участие его и гибель в Куликовской битве, с XIV столетием и князем Андреем Федоровичем, не позволяет усомниться в подлинности этого имени.

И братию Свято-Успенского Феодосьева-на-Дону монастыря и всех более 108 тысяч воинов, на поле брани убиенных

Как мы знаем, монастырь был упразднен в 1764 году и обращен в приходскую церковь.

В 2003 г. храм Успения Пресвятой Богородицы на Феодосьевом городище был передан Троице-Сергиевой лавре для восстановления, так как в советское время был закрыт. В настоящее время здесь находится Свято-Успенский женский скит⁴.

⁴ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. С. 172—173, 175.

**Предки святого благоверного великого князя
Дмитрия Иоанновича Донского и его супруги
преподобной Евдокии — инокини Ефросинии,
княжны Нижегородской, великой княгини
Московской**

Колено VII от Рюрика

1. **Владимир II (Василий)** Всеволодович I Мономах, великий князь Киевский (1053–1125). Жена – Гертруда-Олислава Гарольдовна II Английская, Норвежская¹; 2-я жена – Гита N, королева Английская († до 1107 г.); Евфимия N (†1126).

Колено VIII от Рюрика

2. **Изяслав** Владимирович II (Мономашич), князь Курский (†1096).

3. **Святослав** Владимирович II (Мономашич), князь Переяславский, Смоленский (†1114).

4. **Роман** Владимирович II (Мономашич), князь Владимиро-Волынский (†1119). Жена – N Владимировна-Володарьева Галицкая.

5. **Глеб** Владимирович II Мономашич, князь Переяславский.

6. Святой **Мстислав I (Георгий)** Владимирович II Великий, великий князь Киевский (1076–1132). Жена – **Христина** Инговна Шведская (†1122); 2-я жена – **Любовь** Дмитриевна Новгородская (†1175). Родоначальник Владимиро-Волынских и Смоленских князей.

¹ Так считает М. Е. Бычкова (Генеалогия в советской исторической литературе. Вып. 7. — Л., 1976).

По В. А. Дурасову, она является женой святого Владимира Ярославича I Новгородского (Дурасов В. А. Родословная книга Всероссийского дворянства. Ч. II. — СПб., 1906. С. 9). По Ипатьевской летописи, третью жену звали Августа. Она умерла в 1126 г.

7. **Ярополк II** Владимирович II, великий князь Киевский, Переяславский (1082–1139). Жена – **Ясыня-Елена** N Ясская.
8. **Вячеслав** Владимирович II (Мономашич), великий князь Киевский, Смоленский, Туровский (1083–1154).
9. **Юрий (Георгий) I** Владимирович II Долгорукий, князь Суздальский, великий князь Киевский (1092–1157). Жена – **Мария** Аеповна Половецкая (инокиня **Анна**); 2-я жена – **Анна** Иоанновна II Комнина Византийская (инокиня **Евфросиния**) (†1182)². (Первая жена – мать святого **Андрея** Боголюбского, вторая жена – мать **Всеволода III** Большое Гнездо).
10. **Андрей** Владимирович II Добрый, князь Владимиро-Волынский, Переяславский (1102–1142). Жена – N Половецкая.
11. **Мария-Марина** Владимировна II (†1146). Муж – **Леон** Диогенович I (по другим данным – Алексеевич) Комнин.
12. **Евфимия-София** Владимировна II Мономах (†1138). Муж – **Коломан I** Гейзович I Венгерский (†1114), родоначальник Венгерской королевской династии Арпадов.

Колено IX от Рюрика

13. **Ольга** Георгиевна I Долгорукая (инокиня **Евфросиния**) (†1183). Муж – **Ярослав** Владимирович Галицкий (†1187).
14. **Ростислав-Иаков** Георгиевич I, князь Переяславский, Межибужский (†1151).
15. **Иоанн** Георгиевич I, князь Курский (†1147).
16. **Глеб** Георгиевич I, князь Киевский, Переяславский, Туровский (†1171). Жена – Изяслава III Киевская; 2-я жена – N.
17. Святой **Борис** Георгиевич I, князь Белгородский, Туровский (†1159). Жена – **Мария** N (†1169). Похоронен в Борисоглебской церкви с. Кидекша на р. Нерли.
18. N Георгиевна I Киевская.
19. **Михаил-Михалко** Георгиевич I, великий князь Владимирский, Киевский (†1176). Жена – **Феврония** N. Умер в Городце-Радилове.

² По другим данным, Елена.

20. **Мстислав-Феодор** Георгиевич I, князь Переяславский, Новгородский (†1166). Жена – N Георгиевна Новгородская.
21. **Елена** Георгиевна I Киевская (†1183). Муж – **Олег** Святославич, князь Новгород-Северский.
22. **Василий-Василько** Георгиевич I, князь Дунайский, Поросский (†1169).
23. **Ярослав** Георгиевич I (†1158 или 1166 г.), жил во Владимире-на-Клязьме.
24. **Святослав** Георгиевич I, князь Юрьев-Польский, Туровский (†1174).
25. Святой **Андрей** Георгиевич I Боголюбский (имя до крещения – **Китай**), князь Вышеградский, великий князь Владимирский (1110–1174). Жена – **Иулита** Степановна Кучкина (†1174); 2-я жена – **Ясыня** N Волжско-Болгарская.
26. **Всеволод III (Дмитрий)** Георгиевич I Большое Гнездо, великий князь Владимирский (1154–1212). Жена – **Мария** (инокия **Марфа**) Шваровна Чешская (по другим данным, Ясская) (1158–1206); 2-я жена – **София-Любовь** Васильевна Витебская. Родоначальник Владимирских, Тверских, Московских, Суздальско-Нижегородских князей.

Колено X от Рюрика

27. **Всеслава-София** Всеволодовна III Владимирская. Муж – **Ростислав-Иоанн** Ярославич Сновский, Черниговский.
28. **Сбыслава-Пелагия** Всеволодовна III Владимирская (род. в 1180 г.).
29. **Верхуслава-Анастасия** Всеволодовна III Владимирская (†1218). Муж – **Ростислав-Михаил** Рюрикович Киевский, Смоленский.
30. **Владимир-Дмитрий** Всеволодович III, князь Стародубский, Переяславль-Залесский, Московский (1192–1299). Жена – N Глебовна Черниговская.
31. **Святослав III (Гавриил)** Всеволодович III, князь Юрьев-Польский, Владимирский (1196–1254). Жена – **Евдокия** Давидовна Муромская.

32. **Борис** Всеволодович III (1187–1238).
33. **Константин I** Всеволодович III, князь Ростовский, великий князь Владимирский (1186–1219). Жена – **Анна** Мстиславна Киевская, Смоленская (инокиня **София**). Родоначальник князей Ростовских и Белозерских.
34. Младенец **Борис** Всеволодович III (1187–1188).
35. **Иоанн** Всеволодович III, князь Стародубский (1198–1239). Родоначальник Стародубский князей.
36. **Василиса** Всеволодовна III Владимирская.
37. Святой **Юрий-Георгий II** Всеволодович III, великий князь Владимирский. Основатель Нижнего Новгорода (1189–1238). Жена – N; 2-я жена – **Агафия** Всеволодовна Черниговская (†1238).
38. **Ярослав-Феодор II** Всеволодович III (1190–1246), великий князь Владимирский, Киевский. Жена – **Ростислава-Феодосия** Мстиславна Торопецкая, Новгородская (†1242); 2-я жена – **Феодосия** Игоревна Рязанская (инокиня **Евфросиния**) (†1244); 3-я жена – **Елена** Георгиевна Половецкая. Дважды ездил в Орду и Монголию. Крестил карелов. Общий предок Дмитрия Донского и Евдокии Дмитриевны.
39. Младенец **Глеб** Всеволодович III (†1189).

Колено XI от Рюрика

40. **Гремислава-Евдокия** Ярославна II Владимирская. Муж – **Лешко-Лешек V** Казимирович, король Польский.
41. Младенец **Мария** Ярославна II (1240–1241).
42. **Евдокия** Ярославна II Владимирская.
43. **Анна** Ярославна II Владимирская.
44. **Иулиания-Мария** Ярославна II Владимирская, Тверская.
45. **Афанасий** Ярославич II.
46. Святой **Феодор** Ярославич II, князь Новгородский (1218–1233). Невеста – **Харитина** N, княгиня Новгородская (†1281). Подвизалась в Новгородском монастыре.
47. **Андрей II** Ярославич II, великий князь Владимирский, Городецкий (1222–1264). Жена – **Анна-Устинья** Даниловна Галицкая (†1278).

48. **Константин** Ярославич II, князь Дмитровский и Галича Северного (†1255). Родоначальник князей Галича Северного.
49. **Даниил** Ярославич II, князь Городецкий (1238–1256).
50. **Михаил** Ярославич II Храбрый, великий князь Владимирский, Московский (1229–1248). Жена – N.
51. **Василий I** Ярославич II Квашня (1241–1276), великий князь Владимирский. Жена – N Витовтовна Жмудская.
52. **Ярослав III** Ярославич II, великий князь Тверской, Владимирский (инок **Афанасий**) (†1271). Жена – **Наталья** N; 2-я жена – **Ксения** Георгиевна (инокиня **Мария**) Тарусская, по другим данным, Новгородская (1254–1313). Родоначальник князей Тверских.
53. Святой **Александр** Ярославич II Невский, князь Новгородский, великий князь Владимирский (инок **Алексий**) (1221–1263). Жена – **Александра-Васса** Брячиславна Полоцкая (†1264); 2-я жена – **Васса** N Новгородская.

Колено XII от Рюрика

54. **Василий** Андреевич II, великий князь Суздальский, Городецкий (1264–1309). Жена – **Елена** N. Родоначальник Нижегородско-Суздальских князей.
55. **Дмитрий** Андреевич II, князь Суздальский.
56. **Георгий** Андреевич II, великий князь Городецкий, Суздальский (†1279). Жена – N.
57. **Михаил** Андреевич II (1264–1305), великий князь Нижегородский. Жена – N Ордынская.
58. **Борис** Михайлович, князь Владимирский, Московский (†1263).
59. N Васильевич I Костромской.
60. N Васильевич I.
61. N Васильевич I.
62. **Святослав** Ярославич III, князь Тверской, Псковский (умер не ранее 1294 г.).
63. N Ярославна III Тверская (†1284). Муж – **Георгий I** Львович I Волынский.

64. Святой **Михаил II** Ярославич III, великий князь Владимирский, Тверской (1272–1318), его мать Наталия N; жена – святая **Анна**, урожденная Ростовская (инокиня **Евфросиния**, схимонахиня **Анна** Дмитриевна Кашинская (†1368). Их потомки – князья Тверские.

Колено XIII от Рюрика

- 65. **Михаил** Ярославич III Меньшой, князь Тверской (1267–1271).
- 66. **София** Ярославна III Тверская (инокиня N).
- 67. **Всеволод** Ярославич III Тверской (†1286).
- 68. **Ярослава** Ярославна III Тверская. Муж – **Ольгерд-Дмитрий** Прега, выходец из Дании.
- 69. **Евдокия** Александровна I, великая княгиня Владимирская. Муж – **Константин** Ростиславич Смоленский.
- 70. **Симеон** Александрович I.
- 71. **Елена** Александровна I, великая княгиня Владимирская.
- 72. Младенец **Даниил** Александрович I Большой (†1258).
- 73. **Василий** Александрович I, князь Новгородский, Псковский (†1271).
- 74. **Андрей III** Александрович I, князь Городецкий, великий князь Владимирский (1255–1304). Умер в Городце на Волге. Жена – **Феодора** N; 2-я жена – **Василиса** Дмитриевна Ростовская (†1304).
- 75. **Дмитрий I** Александрович I, князь Переяславль-Залесский, великий князь Владимирский (†1294). Жена – **Мария** N.
- 76. Святой **Даниил** Александрович I, князь Московский, Переяславль-Залесский (1261–1303). Жена – **Мария** N. Родоначальник князей Московских, Боровских, Можайских, Вереysких, Угличских, Волоцких, Шемякиных.

Колено XIV от Рюрика

- 77. **Анна** Данииловна Московская.
- 78. **Юрий-Георгий III** Даниилович (1281–1325), великий князь Владимирский, Московский. Жена – **София** Константиновна Ростовская; 2-я жена – **Кончака-Агафья** Ордынская.

79. Младенец **Александр** Даниилович (1303–1309).
80. **Симеон** Даниилович.
81. **Андрей** Даниилович.
82. **Афанасий** Даниилович, князь Новгородский (†1322). Жена — **Анна** Андреевна Новгородская, дочь Андрея Иоанновича Кобылы. По В. А. Дурасову, Андрей и Афанасий — одно и то же лицо.
83. **Борис** Даниилович, князь Московский, Нижегородский (1303–1320).
84. **Иоанн** (инок Ананий) Даниилович Калита (1288–1340), великий князь Московский, Владимирский. Жена — **Елена** (†1321); 2-я жена — **Иулиания** N (†1331); 3-я жена — **Соломония** N (†1341).

Колено XV от Рюрика

85. **Ярослав** Георгиевич III Московский, князь Рязанский.
86. **Дмитрий** Георгиевич III, кн. Московский (†1325).
87. **София** Георгиевна III Московская (†1365). Муж — **Константин** Михайлович Тверской, Дорогобужский (1306–1346).
88. **Фотиния** Иоанновна I, великая княгиня Московская. Муж — **Андрей** Феодорович Ростовский (инок **Афанасий**).
89. **Александр** Иоаннович I Московский.
90. **Даниил** Иоаннович I (†1320).
91. **Андрей** Иоаннович I (1327–1353), князь Серпуховской, Боровский, родоначальник князей Серпуховских и Боровских. Жена — **Ульяна** N; 2-я жена — **Мария** Константиновна Ростовская (инокиня **Марфа**) (†1389).
92. **Симеон** Иоаннович I Гордый (инок **Созонт**) (1317–1353), великий князь Московский. Жена — **Анастасия-Августа** Гедиминовна Литовская (†1345); 2-я жена — **Евпраксия** Феодоровна Дорогобужская, Смоленская; 3-я жена — **Мария** Александровна Тверская (инокиня **Фотиния**) (†1383).
93. **Фотиния** Иоанновна I, княжна.
94. **Евдокия** Иоанновна I Московская (†1342). Муж — **Василий** Давидович Ярославский (†1345).
95. **Иоанн** II Иоаннович I Красный, великий князь Московский

(1326–1359). Жена – **Феодосия** Дмитриевна, Брянская, Дорогобужская (†1342); 2-я жена – **Александра** Васильевна Вельяминовна (инокиня **Мария**) (†1363), сестра Николая Васильевича Вельяминова.

96. **Феодосия** Иоанновна I, княжна.

97. **Мария** Иоанновна I Московская. Муж – **Константин** Васильевич Ростовский.

98. **Феодора** Иоанновна I (род. в 1341 г.). Муж – **Феодор** Романович Белозерский.

Колено XVI от Рюрика

99. **Иоанн** Симеонович Московский (1341–1353).

100. Младенец **Василий** Симеонович (†1338).

101. **Даниил** Симеонович (†1347).

102. **Симеон** Симеонович (†1353).

103. **Михаил** Симеонович (†1348).

104. **Владимир** Симеонович.

105. **Константин** Симеонович (? †1341).

106. **Василиса** Симеоновна, великая княгиня Московская (†1367).

Муж – **Михаил** Васильевич Кашинский.

107. **Анна** Иоанновна II, великая княгиня Московская, предположительно, мать преподобного Михаила Клопского. Муж – **Дмитрий** Михайлович Волинский.

108. **Иоанн** Иоаннович II Малый, князь Московский, Звенигородский (1350–1365).

109. Святой **Дмитрий IV** Иоаннович II Донской, великий князь Московский (1350–1389). Жена – святая **Евдокия** Дмитриевна, великая княжна Нижегородская, великая княгиня Московская (инокиня **Евфросиния**) (1353–1407).

110. **Любовь** Иоанновна II, великая княгиня Московская. Муж – **Корибут-Дмитрий** Ольгердович, князь Трубчевский (из рода Гедимины); 2-я жена – **Анастасия** Олеговна Рязанская.

111. **Владимир** Иоаннович II Московский.

Колено XVII от Рюрика

112. **Иоанн** Дмитриевич IV Московский (монах **Иоасаф**) (1367–1393). Жена – **Мария** (инокиня **Анастасия**) N.
113. **Иоасаф-Иоанн** Дмитриевич IV (1380–1393).
114. Младенец **Симеон** Дмитриевич IV (1377–1379).
115. **Петр** Дмитриевич IV, князь Дмитровский, Галицкий (1385–1428). Жена – **Евфросиния** Полиектовна Воронцова-Вельяминова (инокиня **Евпраксия**) (†1466).
116. **Константин** Дмитриевич IV (инок **Вассиан**), князь Угличский, (1389–1434). 1-я жена – **Анастасия** N (†1419); 2-я жена – **Мария** N; 3-я жена – **Фотиния** N.
117. **Андрей** Дмитриевич IV (1382–1432), князь Стародубский, Можайский, Верецкий. Жена – **Агриппина** Александровна Корецкая, Литовская, княжна Стародубская на Черниговщине (инокиня **Ирина**). Родоначальник князей Можайских, Верецких.
118. **Юрий-Георгий** Дмитриевич IV (1379–1434), князь Звенигородский, Галича Северного. Жена – **Анастасия** Георгиевна Смоленская (†1422).
119. **Даниил** Дмитриевич IV, князь Московский, Пронский (род. в 1369 г.).
120. **Анна** Дмитриевна IV (род. в 1383 или 1388 г.). Муж – **Юрий** Патрикеевич, князь Литовский.
121. **Василий I** Дмитриевич IV, великий князь Московский (1371–1425). Жена – **София** Витовтовна Литовская (инокиня **Евфросиния**) (1367–1453).
122. **Анастасия** Дмитриевна IV. Муж – **Иоанн** Всеволодович Тверской.
123. **София** Дмитриевна IV. Муж – **Феодор** Олегович (†1427), князь Рязанский.
124. **Мария** Дмитриевна IV. Муж – **Лугвений-Симеон** Ольгердович Литовский (†1399).

Колено XVIII от Рюрика

125. **Василий** Георгиевич Косой, князь Звенигородский (1403–1448). Жена – **Анна** Андреевна Серпуховская; 2-я жена – княгиня **Евпраксия** Михайловна Белевская.
126. **Дмитрий** Георгиевич Шемяка, князь Звенигородский (ок. 1408–1453). Родоначальник князей Шемякиных (Шемяичей). Жена – **София-Анна** Дмитриевна Заозерская.
127. Святой **Дмитрий** Георгиевич Красный, князь Бежицкий, Галицкий (Галича Северного).
128. **Даниил** Васильевич I Московский (1400–1402).
129. **Анна** Васильевна I, великая княгиня Московская (род. в 1403 г.). Муж – **Иоанн VII** Мануилович Византийский (†1448).
130. Младенец **Георгий** Васильевич I (1395–1400).
131. **Иоанн** Васильевич I, князь Московский (1396–1417). Жена – **Н** Иоанновна Пронская.
132. Младенец **Симеон** Васильевич I, князь Московский (1405–1405).
133. **Дмитрий** Васильевич I, князь Бежицкий.
134. **Василиса** Васильевна I. Муж – **Александр** Иоаннович Брюхатый, князь Нижегородский.
135. **Мария** Васильевна I. Муж – **Георгий-Юрий** Патрикеевич Литовский.
136. **Василий II** Васильевич I Темный (1415–1462), великий князь Московский. Жена – **Мария** Ярославна Боровская (инокиня **Марфа**) (†1484).
137. **Анастасия** Васильевна I. Муж – **Александр** Владимирович Литовский, князь Киевский.

Колено XIX от Рюрика

138. **Анастасия** Васильевна II, великая княгиня Московская. Муж – **Александр-Олелько** Владимирович, князь Киевский, Литовский (†1444).
139. **Симеон** Васильевич II (1447–1449).

140. **Ульяна** Васильевна II. Муж – **Иоанн** Иоаннович, князь Пронский, Рязанский.
141. **Анна** Васильевна II (†1501), великая княгиня Московская. Муж – **Василий** Иоаннович Рязанский.
142. Младенец **Георгий** Васильевич II (1437–1441).
143. **Георгий** Васильевич II Младший (1441–1473), князь Дмитровский. «Татары при его имени трепетаху».
144. **Андрей** Васильевич II Горяй Большой, князь Угличский (1446–1494). Жена – **Елена** Романовна, княгиня Мезецкая (†1483).
145. **Борис** Васильевич II, князь Волоколамский, Волоцкий (1434–1494). Жена – **Иулиания** Михайловна, княгиня Холмская (†1503).
146. **Андрей** Васильевич II Меньшой (1452–1482), князь Вологодский, Болгарский. Был холост.
147. **Иоанн III** Васильевич II Великий, великий князь Московский (1440–1505). Жена – **Мария** Борисовна Тверская (†1467); 2-я жена – **София-Зоя** Фоминична Палеолог, царевна Византийская (†1503).
148. **Роман** Васильевич II Московский.

Колено XX от Рюрика

149. Младенец **Феодосия** Иоанновна III Московская старшая (род. в 1474 г.).
150. **Феодосия** Иоанновна III Московская младшая (1485–1501). Муж – **Василий** Даниилович Холмский (†1524).
151. **Елена** Иоанновна III Московская старшая (род. в 1474 г.). Муж – **Ягеллон-Александр** Казимирович IV Литовский (†1506).
152. **Елена** Иоанновна III Московская младшая (1476–1513).
153. **Евдокия** Иоанновна III Московская. Муж – **Куйдакул-Петр** Ибремович Казанский.
154. **Георгий** Иоаннович III Дмитровский, Кашинский (1480–1536). Жена – **Евфросиния** N.
155. **Симеон** Иоаннович III, князь Калужский, Бежицкий (1487–1518).
156. **Дмитрий** Иоаннович III Жилка, князь Угличский (1482–1521).

157. **Андрей** Иоаннович III, князь Старицкий (1490–1537). Жена – **Евфросиния** Андреевна Хованская (монахиня **Евдокия**) (†1569).
158. **Иоанн** Иоаннович III Молодой Московский, князь Тверской (1458–1490). Жена – **Елена** Стефановна Молдавская (†1505).
159. **Василий III – Гавриил** Иоаннович III (инок **Варлаам**), великий князь Московский (1479–1533). Жена – **Соломония** Георгиевна Сабурова (монахиня **София**) (†1542); 2-я жена – **Елена** Васильевна Глинская (†1538).

Колено XXI от Рюрика

160. **Георгий** Васильевич III. Родился от Соломонии Сабуровой. Мощи покоятся в Суздале.
161. **Георгий** Васильевич III, князь Угличский (1532–1563). от Елены Глинской. Жена – **Иулиания** N (†1547); 2-я жена – **Александра** Дмитриевна Полецкая (инокиня N) (†1569).
162. **Иоанн** IV Васильевич Грозный (инок **Иона**), царь Московский (1530–1584). Жена – **Анастасия** Романовна Захарьина-Юрьева³ (†1560); 2-я жена – **Мария** Темрюковна Черкасская (†1569)⁴; 3-я жена – **Марфа** Васильевна Собакина (†1571)⁵; 4-я жена – **Анна** Алексеевна Котловская (монахиня **Дарья**) (†1626)⁶; 5-я жена – **Анна** Григорьевна Васильчикова⁷; 6-я жена – **Василиса** Мелентьевна Иванова; 7-я жена – **Мария** Федоровна Нагая (монахиня **Марфа**) (†1611).

Колено XXII от Рюрика

163. Младенец **Анна** Иоанновна IV Московская (†1550).

³ Из потомства Андрея Иоанновича Кобылы.

⁴ Из рода князей Черкасских.

⁵ Одного из родов новгородских купцов.

⁶ Род Котловских происходит из потомства князя Редеди и рода Глебовых (Сорокоума).

⁷ Род Васильчиковых из потомства Идриса-Леонтия Литовского (См.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 1. — СПб.: тип. К. Вингебера, 1854. С. 93).

164. Младенец **Мария** Иоанновна IV Московская (†1551).
165. Младенец **Дмитрий** Иоаннович IV (1552–1553).
166. **Иоанн** Иоаннович IV Московский (1554–1581). Жена – **Евдокия-Домна** Богдановна-Дмитриевна Сабурова (монахиня **Александра**);
2-я жена – **Пелагия-Параскева** Михайловна Петрово-Соловово; 3-я жена – **Елена** Петровна Шереметева (инокиня **Леонида**).
167. **Феодор I** Иоаннович IV. Царь Московский (1557–1598). Жена – **Ирина** Федоровна Годунова (монахиня **Александра**⁸) (†1603).
168. Младенец **Евдокия** Иоанновна IV (1556–1558) (по другим данным, умерла в 1560 г.). Родилась от Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой.
169. **Елена** Иоанновна IV.
170. **Василий** Иоаннович IV (1563–1569). Родился от Марии Темрюковны Черкасской.
171. Святой **Дмитрий-Уар** Иоаннович IV Угличский (1582–1591). Сын Иоанна Грозного от Марии Нагой.

**Князья Нижегородско-Суздальские
(от Василия Андреевича II Суздальско-
Нижегородского, сына брата святого Александра
Невского — Андрея Ярославича)**

Колено XIII от Рюрика

1. **Константин** Васильевич Мудрый, князь Суздальский, великий князь Нижегородский (инок N) (1309–1355). Перенес столицу Суздальского княжества из Суздаля в Нижний Новгород в 1350 г. Похоронен в Нижегородском кафедральном соборе⁹. Жена – **Анна** Васильевна Комнина Византийская, Манкупская (инокиня **Елена**);
2-я жена – **Елена** N.

⁸ Брат Ирины, Борис-Боголеп Феодорович Годунов, шурин царя, стал царем московским. Жена — Мария Григорьевна Скуратова-Бельская (†1605). Дети последних: N Борисович Годунов (род. в 1587 г.); Феодор Борисович Годунов (1589–1605) (кратковременно был царем). Ксения Борисовна Годунова (монахиня Ольга) (1581–1622).

⁹ Нижегородские епархиальные ведомости, 1868. № 13. С. 523.

2. **Александр** Васильевич (1309–1332), великий князь Суздальский, Владимирский (по другим данным, Суздальско-Нижегородский). Жена – N.

Колено XIV от Рюрика

3. Святой Андрей Константинович (инок **Дионисий**) (1323–1365), великий князь Нижегородский. Жена – **Василиса** Иоанновна Тверская, Киясовская (инокиня **Феодора**, в. схимонахиня **Васса**) (1331–1377). Строитель каменного собора в Нижегородском кремле¹⁰.

4. **Дмитрий III – Фома** Константинович (инок **Феодор**) (1324–1384), великий князь Владимирский, Нижегородский. Жена – **Анна** (инокиня **Ирина**) N¹¹; 2-я жена – **Анна-Евдокия** N. Родоначальник князей Суздальских-Шуйских, предок царя Василия Иоанновича Шуйского.

5. **Дмитрий** Ноготь Константинович младший, князь Суздальский, Нижегородский (инок **Дионисий**) (1350–1375), погребен в Суздальском соборе. Родоначальник князей Ногтевых-Суздальских. Жена – **Марина** (†1362) в Суздале; 2-я жена – **Василиса** Константиновна Ростовская.

6. **Борис** Константинович (1340–1394), князь Городецкий, великий князь Нижегородский. Жена – **Агриппина-Мария** Ольгердовна старшая Литовская (†1393). Супруги венчались в Нижегородском Спасском соборе в 1352 г.

7. **Антонина** (по другим данным – **Евдокия**) Константиновна Нижегородская (старшая). Муж – (с 1350 г.) **Андрей** Феодорович, князь Ростовский (это его 2-я жена).

¹⁰ По А. В. Экземплярскому, у него был сын Иоанн Андреевич (†1357) (См.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. В 2-х т. Т. 2. С. 407). По Н. Г. Головину, в Никоновской летописи вместо «жена Василиса» написано «жена Анастасия».

¹¹ По Ю. Ф. Козлову, жена Марфа N (См.: Козлов Ю. Ф. Страницы правления государством Российским. — Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990 (генеалогическая табл.)). По В. А. Дурасову, Анна-Евдокия (См.: Дурасов В. А. Родословная книга Всероссийского дворянства. Ч. II. — СПб., 1906. С. 67).

8. **Антонина** (по другим данным – **Евдокия**) Нижегородская (младшая) (†1405). Муж – (с 1352 г.) **Михаил** Александрович, великий князь Тверской (†1399 г.) (это его 2-я жена).
9. **Василий** Дмитриевич Кирдяпа (1350–1404), великий князь Нижегородский. Родоначальник князей Шуйских (старшая линия), Кирдяпиных.
10. **Мария** Дмитриевна, великая княгиня Нижегородская. Муж – **Николай** Васильевич Исленьев-Вельяминов (†1380).
11. Святая **Евдокия** Дмитриевна (инокиня **Евфросиния**) (1353–1407), великая княжна Нижегородская, великая княгиня Московская. Муж – святой **Дмитрий IV** Иоаннович II Донской, великий князь Московский (1350–1389).
12. **Симеон** Дмитриевич Большой (†1377).
13. **Симеон** Дмитриевич Кирдяпа, князь Нижегородский (1355–1402). Жена – **Александра** N. Родоначальник младшей линии князей Шуйских.
14. **Иоанн** Дмитриевич Брюхатый (†1377). Утонул в р. Пьяне. Похоронен в Нижегородском кремле.
15. **Даниил** Борисович (1370–1448), великий князь Нижегородский. Жена – **Мария** (инокиня **Марина**) N.
16. **Иоанн** Борисович Тугой Лук, князь Нижегородский (1370–1446) (по другим данным (†1448)).
17. **Симеон** Борисович, князь Суздальско-Нижегородский.

Колено XVI от Рюрика

18. **Юрий-Георгий** Васильевич Кирдяпин, князь Нижегородский. Жена – **София** N. Родоначальник старшей линии князей Шуйских.
19. **Георгий** Васильевич Меньшой Кирдяпин, Суздальский (†1441).
20. **Иоанн** Васильевич Кирдяпин (1390–1416). Похоронен в Архангельском соборе Нижегородского кремля.
21. **Феодор** Васильевич Кирдяпин (†1416).
22. **Даниил** Васильевич Кирдяпин, князь Городецкий (умер в 1412 г. в г. Лысково).
23. **Василий** Симеонович Кирдяпа, князь Нижегородский (†1404).

Погребен в Архангельском соборе Нижегородского кремля. Родоначальник князей Шуйских-Горбатов, Шуйских-Барбашиных.

24. **Н** Симеонович Кирдяпа (†1401).

25. **Борис** Даниилович Нижегородский (от № 15)¹². Похоронен во Владимирском кафедральном соборе.

26. **Иоанн** Даниилович Нижегородский (от № 15) .

27. **Александр** Даниилович Взметня (от № 15), князь Нижегородский. Жена – **Анастасия** Н.

28. **Иоанн** Иоаннович Нижегородский.

29. **Александр** Иоаннович Брюхатый, великий князь Нижегородский (†1418). Жена – **Василиса** Васильевна I Московская¹³.

Колено XVII от Рюрика

30. **Александр** Георгиевич, князь Шуйский, Нижегородский. Упоминается в синодике Суздальского собора во имя Рождества Богородицы.

31 **Василий** Георгиевич Кирдяпин-Шуйский (†1450). Первый владелец г. Шуи. Родоначальник старшей линии князей Шуйских. Последний самостоятельный Нижегородский князь. Во время Смуты в Москве – предок царя Василия Иоанновича Шуйского. Погребен в Архангельском соборе Нижнего Новгорода.

32. **Феодор** Георгиевич Кирдяпин-Шуйский (†1470).

33. **Иоанн** Георгиевич Кирдяпин-Шуйский.

Князья Серпуховско-Боровские, потомки Владимира Андреевича Храброго

Колено XV от Рюрика

1. **Иоанн** Андреевич Серпуховский, Боровский (†1358). Жена – **Мария** Иоанновна Галицкая.

¹² У него был брат Василий Даниилович, умерший в 1390 г. совсем юным.

¹³ По П. В. Долгорукову, Василиса Васильевна I — жена Александра Данииловича. По другим данным, она жена Александра Иоанновича — сына Иоанна Борисовича.

2. **Владимир** Андреевич Храбрый Серпуховской (1353–1410). Жена – **Мария** Владимировна N; 2-я жена – **Елена** Ольгердовна Литовская (инокиня **Евпраксия**) (†1437).

3. **Дмитрий** Андреевич Серпуховской и Боровский (†1364).

Колено XVI от Рюрика

4. **Иоанн** Владимирович, князь Серпуховский, Алексинский, Козельский (1381–1422). Жена – **Василиса** Федоровна Рязанская (†1422).

5. **Симеон** Владимирович, князь Серпуховский, Боровский (1404–1426). Жена – **Василиса** Симеоновна Новосильская (инокиня **Мария**).

6. **Ярослав-Афанасий** Владимирович, князь Серпуховский, Боровский (1388–1426). Жена – **Анна** Симеоновна Новленская (†1411); 2-я жена – **Мария** Федоровна Кошкина-Голтяева.

7. **Андрей** Владимирович Большой, князь Серпуховский, Радонежский. Умер, вероятно, в младенчестве.

8. **Андрей** Владимирович Меньшой, Радонежский (инок **Савва**) (1393–1426). Жена – **Елена** Иоанновна Всеволожская.

9. **Василий** Владимирович, князь Серпуховский, Перемышля-Северного (1394–1427). Жена – **Иулиания** (инокиня **Елена**) N.

10. Младенец **Феодор** Владимирович (род. в 1389 г.).

Колено XVII от Рюрика

11. **Мария** Иоанновна, княгиня Серпуховская. Муж – **Александр** Феодорович Ростовский.

12. **Елена** Ярославна-Афанасьевна Серпуховская (†1468). Муж – **Михаил** Андреевич Верейский, Белозерский.

13. **Иоанн** Ярославич Серпуховский, Боровский.

14. **Андрей** Ярославич Серпуховский, Боровский.

15. **Мария** Ярославна Боровская (инокиня **Марфа**) (†1484). Муж – **Василий II** Васильевич I, великий князь Московский.

16. **Василий** Ярославич Серпуховский, Боровский (1426–1483).

Жена – N; 2-я жена – N.

17. **Феодосия** Андреевна Радонежская¹⁴.

18. **Ульяна** Андреевна Радонежская.

Колено XVIII от Рюрика

19. **Иоанн** Васильевич Большой, князь Боровский.

20. **Андрей** Васильевич Серпуховский.

21. **Василий** Васильевич Боровский, умер в Костроме.

22. **Иоанн** Васильевич Меньшой. Ушел в Литву († до 1494 г.).

23. **Феодор** Иоаннович Серпуховский, Пинский. Жена – **Елена** Алексеевна Пинская. Бежал в Литву в 1507 г.

24. **Иульяния** Иоанновна Серпуховская.

25. **Василиса** Иоанновна Серпуховская.

Князья Тверские от святого великого князя Михаила II Ярославича III Владимирского, Тверского (см. колено XII)

Колено XIII от Рюрика

1. **Феодора** Михайловна II Тверская (род. в 1300 г.).

2. **Дмитрий** II Михайлович II Тверской, Псковский, Грозные Очи (1298–1326). Жена – **Мария** Гедиминовна младшая, княгиня Литовская (инокиня **Агриппина**) (†1349).

3. **Александр** Михайлович II Тверской, Псковский (1301–1339). Жена – **Анна** Святославовна Брянская; 2-я жена – **Анастасия** Дмитриевна N (инокиня **София**) (†1364).

4. **Константин** Михайлович Тверской, Дорогобужский, Клинский (1306–1346). Жена – **София** Георгиевна III Московская (†1365); 2-я жена – **Евдокия** N. Родоначальник князей Дорогобужских и Чернятинских.

¹⁴ По синодику Махрищского монастыря еще Анастасия N, Мария N – княгини Радонежские.

5. **Василий I** Михайлович, великий князь Тверской, Кашинский (†1368). Жена – **Елена** Дмитриевна Брянская (по другим данным, Иоанновна).

6. **Глеб** Михайлович II.

7. **Феодор** Михайлович Тверской.

Колено XIV от Рюрика

11. Святой **Феодор** Александрович Тверской, Ржевский (1327–1339).

12. **Мария** Александровна (инокиня **Фотиния**) (†1383). Муж – **Симеон** Иоаннович I Гордый, великий князь Московский (†1353).

13. **Всеволод** Александрович Холмский (1339–1364). Жена – **Анастасия**; 2-я жена – **София** N (†1365).

14. **Андрей** Александрович Тверской, Зубцовский (†1365). Жена – **Евдокия** (по другим данным, **София**).

15. **Ульяна** Александровна Тверская (инокиня **Марина**) (1331–1392). Муж – **Ольгерд-Александр** Гедиминович Литовский (инок **Алексий**) (†1377) (его 1-я жена – **Мария** Ярославна Витебская).

16. **Михаил** Александрович, великий князь Тверской, Микулинский (инок **Матвей**) (1335–1399). Жена – **Елена**; 2-я жена – **Евдокия** Константиновна Нижегородская (†1405).

17. **Владимир** Александрович Тверской (†1365).

18. **Василий** Васильевич I Кашинский (1330–1362).

19. **Михаил** Васильевич I Кашинский (†1373). Жена – **Василиса** Семеновна Московская (†1367); 2-я жена – **Анна** N.

20. **Константин** Васильевич Тверской.

21. N Васильевна I Кашинская. Муж – **Лев** Михайлович Моложский.

Колено XV от Рюрика

22. **Георгий** Всеволодович Холмский, Тверской. Родоначальник князей Холмских (†1408).

23. **Иоанн** Всеволодович Тверской, Холмский, Старицкий, Псков-

ский (инок **Игнатий**). Жена – **Евдокия** N; 2-я жена – **Анастасия** Дмитриевна Московская.

24. **Иоанн** Михайлович, великий князь Тверской, Микулинский (инок **Иов**). Жена – **Евдокия** (**Миравса**) Кейстутовна Литовская (†1418); 2-я жена – **Евдокия** Дмитриевна Дорогобужская, Тверская (†1411).

25. **Александр** Михайлович Дорогобужский старший (†1357).

26. **Александр** Михайлович Ордынец (†1339). Жена – N Феодоровна Моложская, Ярославская.

27. **Феодор** Михайлович Микулинский (†1407). Жена – **Анна** Феодоровна Кошкина-Голтяева, похоронена в селе Микулино Старицкого р-на; 2-я жена – **Анастасия** N.

28. **Василий III** Михайлович Кашинский (1364–1426). Жена – **Евдокия** Владимировна Киевская, Литовская (от Владимира Ольгердовича) (†1396); 2-я жена – **Анастасия** Дмитриевна Трубецкая, Литовская (†1426).

29. **Борис** Михайлович Кашинский (от Михаила Александровича, № 16). Жена – N Святославна Смоленская.

30. **Василий II** Михайлович Кашинский (от Михаила Васильевича, № 19) (†1381). Жена – **Анастасия** N.

Колено XVI от Рюрика

31. **Иоанн** Иоаннович Тропарь (род. в 1398 г.). Жена – **Анна** Иоанновна.

32. **Александр** Иоаннович, великий князь Тверской, Старицкий (от № 23). Основатель Тверского Савина монастыря. Жена – N Феодоровна Моложская.

33. **Георгий** Иоаннович (†1421). Жена – N Иоанновна Всеволожская.

34. **Александр** Иоаннович (по М. Г. Спиридову).

35. **Александр** Феодорович Микулинский (1390–1412). Жена – **Мария** Иоанновна Ярославская.

36. **Феодор** Феодорович Тверской, Микулинский (1391–1453). Жена – **Мария** Феодоровна Ярославская.

37. **Иоанн** Васильевич.

38. Младенец **Дмитрий** Васильевич III Кашинский (от № 28) (род. в 1401 г.).

39. **Дмитрий** Васильевич III Кашинский¹⁵.

40. **Иоанн** Борисович Кашинский (по другим данным, Васильевич) (†1408). Жена – **Феодосия** N.

Колено XVII от Рюрика

41. **Анна** Иоанновна Тверская. Муж – **Свидригайло-Лев-Болеслав** Ольгердович, великий князь Литовский, Витебский, Подольский (1355–1452).

42. **Андрей** Иоаннович Тверской.

43. **Георгий** Александрович, великий князь Тверской-Зубцовский (от № 32) (†1426). Жена – **Анастасия** Иоанновна (?) Всеволожская.

44. **Ярослав** Александрович Городенский (1398–1435) (по В. А. Дурасову). Убит в Литве.

45. **Борис** Александрович, великий князь Тверской, Кашинский (от № 32) (1399–1461). Жена – **Анастасия** Андреевна Верейская (†1451); 2-я жена – **Анастасия** Александровна Суздальская¹⁶, Шуйская.

46. **Мария** Александровна.

47. **Борис** Александрович Микулинский (от № 35) (1412– до 1477). Жена – **Анна** Иоанновна Ярославская. Родоначальник князей Микулинских.

48. **Феодор** Александрович Телятевский (1397–1437). Жена – N. Родоначальник князей Телятевских.

49. **Михаил** Феодорович Микулинский.

50. **Андрей** Иоаннович Кашинский (1437–1440).

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. II. С. 728, 497; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. II. С. 642.

¹⁶ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. II. С. 332.

Колено XVIII от Рюрика

51. **Иоанн** Георгиевич Зубцовский (†1435).
52. **Дмитрий** Георгиевич.
53. **Мария** Борисовна Тверская (†1467). Муж – **Иоанн III** Васильевич, великий князь Московский (†1505).
54. Младенец **Александр** Борисович (†1455).
55. **Иульяния** Борисовна. Муж – N.
56. **Михаил** Борисович Тверской (1454–1505). Жена – **София** Семеновна Киевская, Литовская (†1479). Дочь внука Ольгерда Литовского – Семена Владимировича Киевского; 2-я жена – **Евдокия** Казимировна IV Польская. Последний князь Тверской.
57. **Иоанн** Андреевич Кашинский.

Колено XIX от Рюрика

58. **Мария** Михайловна (†1503). Муж – Радзивилл.
59. **Борис** Михайлович (по М. Г. Спиридову).
60. **Георгий** Иоаннович Кашинский.

Источники

1. Канонизация святых: Помест. собор Русской православ. церкви, посвящ. юбилею 1000-летия Крещения Руси, 6–9 июня 1988 г., Троице-Сергиева Лавра. [М.]: Б. и., [1988]. – 168 с.: ил.
2. Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Половина 2. Ч. 2. – 1913. – 343–708 с.
3. Московский летописный свод конца XV века / Ред. М. Н. Тихомиров, Сост. Е. П. Борисова, Т. Н. Протасьева, М. В. Щепкина // Полное собрание русских летописей. Т. 25. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 463 с.: илл.
4. Повести о Куликовской битве / Сост. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. – М., Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 511 с.: ил.
5. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. / Сост. Н. Г. Савич; [Предисл. В. И. Буганова]. – М.: Ин-т истории СССР, 1977. – С. – [2]. – 189–406 с.
6. Сказания и повести о Куликовской битве / Сост. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева; Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е., 1982. – 422 с.: илл.
7. Слово о жизни великого князя Дмитрия Иоанновича / Подг. текста, перев. и коммент. М. А. Салминой // Библиотека Древней Руси. Т. VI: XIV – середина XV в. – СПб.: Наука, 2005.

Литература

1. Азбелев С. Н. Новгород и Куликовская битва // История и археология Новгорода. Вып. 21. – Новгород: Новгород. государ. объединен. музей-заповедник, 2007 // доступ на сайте: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/168.htm>
2. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII в. Опыт ист.-худож. классификации. В 2-х т. Т.

1. XI – начало XVI века. – М.: Искусство, 1963. – 394 с.; 16 л. илл.
3. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII в. Опыт ист.-худож. классификации. В 2-х т. Т. 2. XVI – начало XVIII века. – М.: Искусство, 1963. – 570 с.; 88 л. илл.
4. Арсеньев Б. В. Москва и Куликовская битва. 1380 год. – М.: АРО ИЦ «Москвоведение», ОАО «Московские учебники», 2005. – 384 с.: ил.
5. Ашурков В. Н. Избранное: История тульского края: Статьи и очерки / В. Н. Ашурков; Предисл. А. П. Плотникова. – Тула: Приок. кн. изд-во, 2003. – 416 с.: ил.
6. Бегунов Ю. К. Новонайденный ростовский источник о Куликовской битве // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я. Н. Щапову. – М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. – С. 182–190.
7. Богословские труды / Московская патриархия. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1992.
8. Богуславский В. В. Тульские древности: энцикл. слов.-справ.: [А–Я] / В. В. Богуславский. – Тула: Рус. лексикон, 1995. – 286, [1] с.: ил.
9. Бурцев И. Г., Пешехонов И. В. Священные места Куликова поля. – Тула, 2005. – 34 с.: ил.
10. Генеалогия в советской исторической литературе. Вып. 7. – Л., 1976.
11. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды на рубеже XIV–XV вв. / И. Б. Греков. – М., 1975. – 320 с.
12. Двуреченский О. В. Реликвии Донского побоища: находки на Куликовом поле. – М.: Квадрига, 2008. – 88 с.: ил.
13. Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 1. – СПб.: тип. К. Вингебера, 1854. – 350 с.
14. Древняя Русь: первая книга для чтения по отечественной истории: [Для детей / Сост. В. Соколов, В. Хитров]. – М.: Современ. писатель, 1993. – 287 с.

15. Дурасов В. А. Родословная книга Всероссийского дворянства. Ч. II. – СПб., 1906.
16. Ермолаев И. П. Прошлое России в лицах (IX–XVIII вв.): Биографический словарь. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1999. – 313 с.
17. Живая вода Непрядвы / Сост., коммент. и пер. с древнерус. текстов А. И. Плигузова. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 636 с.: ил. – (История Отечества в романах, повестях, документах. Век XIV).
18. Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца. Репринт. изд-е. – М., 1989. – 431 с.
19. Жития русских святых. Март–август. Т. I. – М., 2004.
20. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. – М.: Изд. А. Д. Ступина, 1918. – XX, 792 с.: портр., 6 л. ил.
21. Иконы строгановских вотчин XVI–XVII вв.: Кат.-альбом / Всероссийский худож.-научн. реставрац. центр. Кат. 13. – М., 2003.
22. История Отечества с древнейших времен до наших дней: Энциклопедический словарь / Сост. Б. Ю. Иванов, В. М. Карев, А. С. Куксина и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 656 с.
23. История России в лицах. V–XX вв.: Биографический словарь / Под ред. В. В. Каргалова. – М.: Рус. слово, Рус. истор. общ-во, 1997. – 544 с.
24. Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринт. изд-е. В 3-х кн. – М., 1988.
25. Каргалов В. В. Конец ордынского ига. – М.: Наука, 1980. – 152 с.
26. Каргалов В. В. Куликово поле. – М., 1980. – 125 с.
27. Каргалов В. В. Под Московским стягом: (К 600-летию Куликовской битвы) / Каргалов В. В., Шамаро А. А. – М., 1980. – 109 с.
28. Качалова И. Я. и др. Благовещенский собор Московского Кремля = The Annunciation cathedral of the Moscow Kremlin: К 500-летию уникал. памятника рус. культуры / И. Я. Качалова, Н. А. Маясова, Л. А. Щенникова. – М.: Искусство, 1990. – 384, [2] с.: в основном ил., цв. ил.

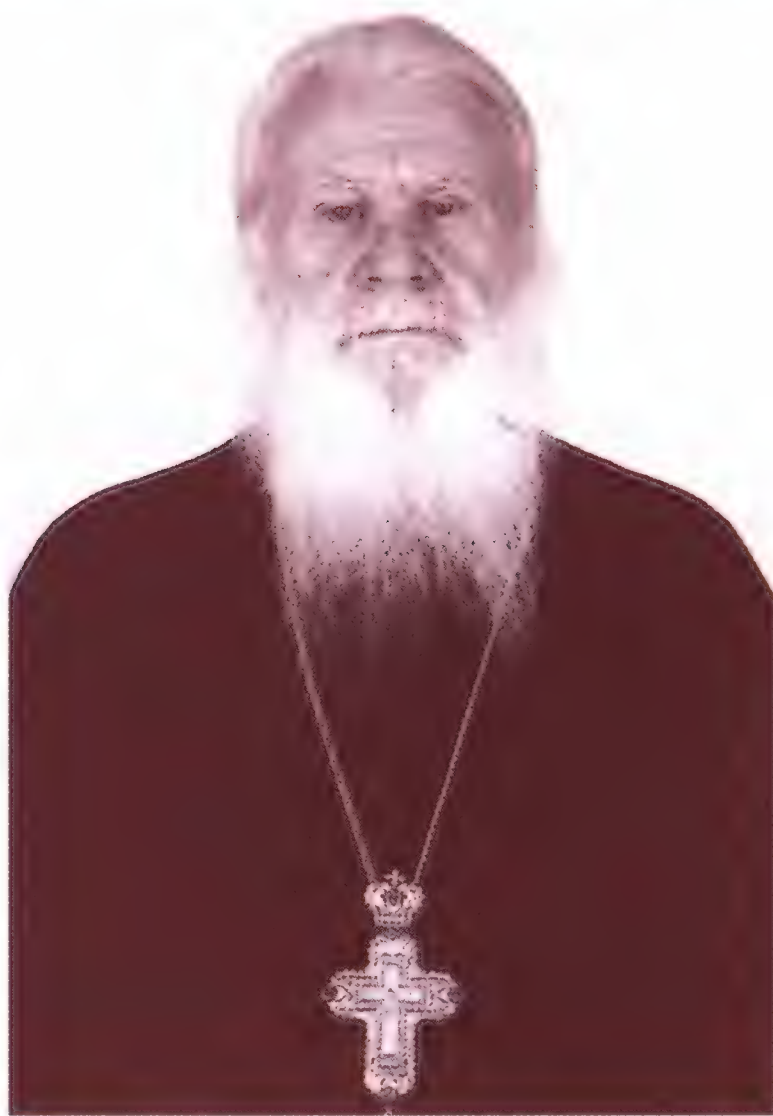
29. Кирпичников А. Н. Великое Донское побоище // Сказания и повести о Куликовской битве / Сост. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева; Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е., 1982. – 422 с.: ил.
30. Кирпичников А. Н. Куликовская битва / Под ред. Б. А. Рыбакова. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1980. – 124 с.
31. Козлов Ю. Ф. Страницы правления государством Российским. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990. – 191, [1] с., [8] л. схем.: ил.
32. Коняев Н. М., Коняева М. В. Русский хронограф: История России в датах. – М.: Вече, 2008. – 1152 с.
33. Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общ. ред. В. П. Гриценко. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2007. – 742 с.: ил.
34. Куликово поле. Документы по землевладению XVII в.; Вып. 1 / Ред.-сост. Н. К. Фомин. – Тула: Гриф и К., 1999. – 240 с.: 4 с. вкл.
35. Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Сб. статей в 2-х т. Т. I. Природа. Археология. Музейное дело / Гласко М. П., Сычева С. А., Данилов В. И. и др.; Предисл. В. П. Гриценко; Под ред. А. Н. Наумова. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2003. – 400 с.: ил.
36. Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Сборник / Под ред. Б. А. Рыбакова. – М., 1983. – 312 с.
37. Куликовская битва в истории России: Сб. статей / Под ред. А. Н. Наумова. – Тула: ГУП-Издательство «Левша», 2006. – 256 с.: ил.
38. Куликовская битва: Сб. статей / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
39. Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. – М., 1980. С. 26–112.
40. Лаврентьев А. В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле / Гос. музей-заповедник «Куликово поле». – М.: Древлехранилище, 2005. – 230 с.: ил.
41. Лощиц Ю. М. Дмитрий Донской: Сборник / Авт.-сост. Ю. М.

- Лощиц. – М.: Новатор: Кренов, 1996. – 324 с., [16] л. ил.
42. Майков А. М. Рассказы из русской истории // Майков А. М. Полное собрание сочинений. Том третий / Приложение к журналу «Нива» на 1914 г. – СПб., 1914.
43. Маркова О. П. Древняя Русь. – М., 1993.
44. Мартынов А. А., Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Тетр. 5. – М., 1848.
45. Мартынов А. А., Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Т. II / 2-е изд. с доп. – М., 1850.
45. Миняя. – М.: Моск. патриархия, 1986–1988.
6. Февраль. 1981. – 774 с.: ил., 1 л. цв. ил.
9. Май. Ч. 2. 1987. – 440 с.: ил., цв. ил.
11. Июль. Ч. 1. 1988. – 592 с.: ил., цв. ил. Июль. Ч. 2. 1988. – 512 с.: ил., цв. ил.
46. Насонов А. Н. Монголы и Русь: (История татар. политики на Руси). – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. Напеч. в Мск., 1940. – 178 с.
47. Нечволодов А. Д. Сказания о Русской Земле. Кн. I. Ч. 1 и 2. – СПб.: Царское Дело, 2003. – 831 с.
48. Нижегородские епархиальные ведомости, 1868. № 13.
49. Никонов Н. И. Епифань. – СПб.: «Ладан»; Троицкая школа; «Сибирская Благовонница»; М., 2008. С. 488.
50. О жизни и чудесах блаженной Матроны. – М., 1997.
51. Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Моск. Кремле 40-х – 70-х годов XVI в. – М.: Наука, 1972. – 197 [11] с. с ил.
52. Поле Куликово: энцикл. [В 2 т.]. Т. 2 / Сост. Г. И. Паншин. – Новомосковск: Тула: Гос. воен.-ист. и природ. заповедник «Куликово поле», 2001. – 318, [1] с.
53. Православная энциклопедия. Т. XV: Димитрий – дополнения к «Актам историческим» / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Православная энциклопедия, 2007. – 750 с.
54. Ржига В. Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («За-

- донщина») как литературный памятник 80-х гг. XIV в. // Повести о Куликовской битве / Сост. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. – М., 1959. – С. 377–400.
55. Розанов Н. П. История Церкви рождества пресвятыя богородицы на старом Симонове, в Москве. К ее пятисотлетию (1370–1870). Соч. Н. Розанова. – М.: тип. Т. Рис, 1883. [6], 42 с.: 3 л. ил.
56. Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т. 6. Дабелов-Дядьковский. – СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1905. – 748 с.
57. Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т. 8. Ибак-Ключерев. – СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1897. – 756 с.
58. Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т. 13. Павел, преподобный – Петр (Илейка). – СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1902. – 711 с.
59. Сборник «Культура Средневековой Москвы XIV–XVII вв». – М., 1995 г. – С. 150, С. В. Чернов. Успенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных.
60. Сизов Е. С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // ДРИ. Вып. 6. XVI век. – М., 1964. С. 160–174.
61. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 1 / Авт.-сост. В. В. Богуславский. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 784 с.
62. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 2 / Авт.-сост. В. В. Богуславский. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 816 с.
63. Смирнова Э. С. Московская икона XIV–XVII веков: [Альбом]. – Л.: Аврора, 1988. – 318, [1] с.: в основном ил., цв. ил.
64. Смирнов М. И. Переяславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. – М.: типо-лит. т-ва И. М. Машистова, 1911. – XII, 240, II с.
65. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. / [Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев]. Кн. 3.: Т. 5–6 / [Коммент. А. М. Сахарова и др.]. – 1989. – 783 с.

66. Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. / В. Татищев. Т. 2. – М.: АСТ, 2003. – 735 с.
67. Титов А. А. Предания о ростовских князьях А. Титова. – М.: тип. М. П. Щепкина, 1885. – 141 с.
68. Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. – М.: Синод. тип., 1885.
69. Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве / Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.
70. Троицкий Н. И. Тульские древности. – Тула: Приокское книж. изд-во, 2002. – 400 с.: ил.
71. Филарет (Гумилевский Д. Г.). Жития святых, чтимых православной церковью: Со сведениями о праздниках Господ. и Богородич., и о явленных чудотвор. иконах: С доп. житий святых, канонизир. Рус. Православ. Церковью в XX в. для общецерков. почитания, а также житиями рус. святых, канонизир. др. Православ. Помест. Церквами и внес. в календарь Рус. Православ. Церкви: [В 6 кн.]. – [Репр. изд.]. – [М.], 2000.
72. Церковная Минея. Май. Ч. II. – М.: Изд. Рус. Православ. Церкви 2002.
73. Щербаков А. Куликовская битва: 1380. – М.: Экспринт, 2001. – 77 с.
74. Экземплярский, А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. [В 2 т.] / А. В. Экземплярский. Т. 1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. – СПб.: Тип-я Импер. Акад. наук, 1889.

Протоиерей Александр —
писатель, историк, краевед

сть в Балахне храм Сретения Господня, известный далеко за пределами Нижегородской области. Построен он был В. С. Шереметевым на земле, бывшей некогда вотчиной князя Пожарского.

Сегодня храм известен и благодаря своему настоятелю протоиерею Александру Николаевичу Соколову, который более тридцати лет являлся верным пастырем здешнего прихода.

Отец Александр родился 19 июня 1926 года в деревне Самарино Городецкого района. Родители его были небогаты, вели свое домашнее хозяйство и свято хранили традиции русского православия. Александр был старшим сыном Николая Васильевича и Евфросинии Федоровны Соколовых, а всего у них было шестеро

детей. Незадолго до начала войны семья Соколовых переехала под Ленинград.

22 июня 1941 года отец ушел на фронт, семья готовилась к эвакуации. На вокзале во время паники 15-летний Александр потерял мать, сестер, брата, все документы. Достав из брошенного материнского сундука небольшой металлический вогнутый образ Спасителя и взяв маленькую камышовую палку, как странник пошел он в сторону Ленинграда.

Несколько дней и ночей безуспешно искал юноша своих близких, по пути не раз попадая под бомбежку. Во время одного из налетов взрывной волной его подняло вверх, перевернуло в воздухе, и он, ударившись спиной о землю, потерял сознание.

Затем находился в течение двух недель в составе разрозненного воинского подразделения как сын полка. В надежде все-таки отыскать своих близких Александр отправился на родину, в Городец.

Родителей своих он больше не увидит никогда. Отца убьют в Германии в 1945 году, а мать вместе с сестрами и братом погибнут в Ленинграде во время блокады.

Добравшись до родной деревни, Александр остался жить у своего деда Василия Диомидовича Соколова. Шла жестокая война, 17-летний Александр рвался на фронт, но его не брали по состоянию здоровья: контузия, полученная во время бомбежки, давала о себе знать. В 1944 году он уехал в Нижний Новгород и поступил в ремесленное училище. И только в 1947 году юношу все-таки призвали в армию и он смог осуществить свою мечту — послужить Отечеству.

И все же настоящим призванием для батюшки Александра стало служение Господу и православной вере. Его отец имел духовное образование, в 1912 году он окончил четыре класса церковноприходской школы и знал наизусть все тропари и кондаки больших праздников за весь год.

Сызмальства отец прививал детям любовь к Господу и Отечеству. Большое значение в жизни юного Александра имела и встреча со старцем — настоятелем храма Сретения Господня отцом Петром Морозовым. Именно по его благословению Александр уехал

учиться в столицу и в 1962 году успешно окончил Московскую духовную семинарию. Священническое послушание он проходил в нескольких приходах Нижегородской епархии, а с 1977 года стал настоятелем храма Сретения Господня в Балахне.

Помимо своего пастырского служения, он кропотливо собирает и описывает материалы по истории Великой Святой Руси. Первым делом он начал составлять родословные таблицы детей и внуков Ярослава Мудрого. Итогом этой серьезной работы, на которую ушло более четверти века, стала вышедшая в 2002 году книга «Потомство Рюрика». В ней тысяча страниц, свыше 26 000 княжеских и дворянских фамилий.

Важное место в творческих поисках о. Александра заняла жизнь св. блгв. князя Георгия Всеволодовича. Именно ему он посвятил свой труд «Потомство Рюрика», которому дали высокую оценку такие видные историки, как В. П. Макарихин, Ю. Г. Галай, А. Н. Лушин. Заслуги батюшки были признаны и научным сообществом. 7 мая 2002 года протоиерей Александр Николаевич Соколов был принят в Московское историко-родословное общество.

Огромен труд, сделанный на ниве истории о. Александром. Им написаны научно-популярные книги «Сретенская церковь Балахны», «Памятка о христианской вере и жизни» (для детей), «Балахнинское Викариатство», включающая уточненную информацию об именах, времени служения и деяниях викариев Нижегородских – епископов, в частности, Балахнинской кафедры в период после революционного переворота в России и в первые советские годы. Кроме того, в книге была сделана попытка показать истоки возрождения в Печерском Вознесенском монастыре в первой трети XIV века нижегородского иночества, основы которого были заложены при основании древнего Благовещенского монастыря.

А в 2004 году из-под пера «балахнинского Нестора» вышла книга «Князья Пожарские». Эта тема заинтересовала отца Александра не случайно. Дело в том, что храм Сретения Господня находится в бывшем селе Кубенцево, некогда принадлежавшем князю Д. М. Пожарскому. При ознакомлении с историческими

исследованиями родословия Пожарских отца Александра смутил тот факт, что такой значимый для России род якобы угас на внуке славного полководца. Неоспоримо, что князь Пожарский совершил много ратных подвигов во спасение и славу Российского государства. Много труда положил он и для Русской Церкви — строил храмы, жертвовал в монастыри. Род такого человека, по церковному учению, должен долго жить на земле и сохраниться в последующих поколениях. Не говоря уж о том, что память о нем навеки должна быть вписана в священную книгу жизни.

С помощью архивных данных и сообщений ныне живущих прямых потомков Пожарских автору довелось разыскать места проживания этого рода. В нескольких случаях удалось установить прямую поколенную связь по мужской линии с основной родословной.

Обобщая материал, отец Александр пишет, что «ныне живущие потомки Пожарских должны осознавать себя частью великого исторического прошлого России, быть нравственным примером, сохраняя в себе чувство сопричастности к великому подвигу, совершенному их предком — князем Дмитрием Михайловичем Пожарским».

В августе 2005 года в Балахнинском краеведческом музее состоялась презентация новой книги «Князья Пожарские и Нижегородское ополчение» (дополненного издания труда «Князья Пожарские») с более подробным описанием деятельности князя Д. М. Пожарского, памятных событий Нижегородского ополчения, биографических данных Кузьмы (Космы) Минина. С особым благоговением отец Александр пишет именно о Косме Минине как о человеке великой духовности и нравственности.

Осенью 2005 года вышел в свет «Помянник вселенского родословия» (синодик), в котором собраны многие имена Православного мира — вселенских патриархов, архиереев, епископов и архиепископов русских и зарубежных православных церквей.

В 2006 году вышла книга «Святой благоверный великий князь Георгий II Всеволодович Владимирский» о жизни и подвигах Георгия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода. Православная церковь причислила великого князя Георгия к сонму святых Российской земли. Святость — это прежде всего состояние нрав-

ственной чистоты человека, жизнь чистая и непорочная по заповедям Божиим. Церковь назвала Георгия благоверным, исповедующим благую Православную веру. Все эти качества с детских лет носил в себе великий князь, положивший душу свою за народ, за Русь 4 марта 1238 года.

В 2007 году издана книга «Род Мининых и князь Дмитрий Пожарский», которая подробно рассказывает о Косме Минине, спасителе отечества.

А в 2008 году вышла книга митрофорного протоиерея отца Александра Соколова «Святой витязь земли русской», в которой изложена история Руси XIII века, связанная с нашествием монголов на Русь и жизнедеятельностью святого великого князя Александра Невского. В книге говорится о святости Александра Невского, о его ратных подвигах и трудах во имя сохранения нации и Русской церкви как основы будущего России.

В 2008 году издана книга «Поборник Российской Державы в смутное время» о жизни и подвигах самого молодого полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

В 2009 году издана книга «Первый собиратель Великой Руси. (Святой Андрей Юрьевич Боголюбский – великий князь Владимирский. Его военная деятельность по объединению русских княжеств и духовно-просветительские труды)».

И вот завершена новая книга «Святой благоверный великий князь Дмитрий Иоаннович Донской и Куликовская битва».

Все книги отца Александра проникнуты глубокой верой и любовью к своему Отечеству. Он дарит свои книги музеям, библиотекам, вузам Нижегородского края и многих городов нашей страны.

В своих проповедях отец Александр говорит, что главное в жизни каждого человека – это вера в Бога и любовь к своему Отечеству. А настоящая любовь к Отечеству рождается из глубокого знания истории родного края и своего государства.

За усердное служение церкви Христовой отец Александр удостоен многих наград: в 1983 году награжден орденом во имя святого равноапостольного великого князя Владимира, в 1996-м – орденом святого благоверного князя Даниила Московского, в 1999-м – ме-

далью святого благоверного князя Даниила Московского и, наконец, в 2001 году – орденом преподобного Сергия Радонежского.

Интерес к истории родного края, роду Пожарских и Кузьме Минину привел отца Александра к сотрудничеству с Балахнинским краеведческим музеем. Батюшка является постоянным членом общества «Балахнинский краевед», активным участником научных конференций, различных выставок, встреч.

Решением городской Думы Балахны Нижегородской области от 9 августа 2007 года № 139 за выдающиеся личные заслуги в сфере исследования и популяризации истории России и города Балахны, направленные на духовное развитие и повышение национального самосознания граждан, прославляющие город и его жителей, митрофорному протоиерею Александру Николаевичу Соколову присвоено звание «Почетный гражданин города Балахны».

22 января 2009 года митрофорный протоиерей Александр Николаевич Соколов был принят в члены Союза писателей России.

Не случайно появление такого человека на балахнинской земле: именно глубинка создает то настоящее, глубокое, что мы называем человеческой душой. Именно глубинка рождает истинную веру – веру в Бога, в свое Отечество!

О. Васильева, А. Лапина, А. Сорокина

Оглавление

Предисловие	3
Глава I	
Великое Владимирское княжество. Возвышение Москвы. Князья-собиратели Руси. Святитель Алексей митрополит Московский Преподобный Сергей Радонежский	18
Глава II	
Святой Дмитрий Иоаннович Донской. Нижегородско-Московское соперничество за обладание великим Владимирским княжением	62
Глава III	
Борьба великого князя с Тверью и Литвой. Начало войны с Мамаем	73
Глава IV	
Боевое построение и вооружение русской и ордынской армий. Воины-схимонахи Александр-Пересвет и Андрей-Ослябя	95
Глава V	
Выезд от Кремля в Коломну войск Москвы, Белозерского, Ярославского, Ростовского, Холмского, Серпуховско- Боровского княжеств. Общевойсковой сбор русских войск в Коломне	114
Глава VI	
Поход Дмитрия Иоанновича на Дон. Куликово поле. Темник Мамай	135
Глава VII	
Куликовская битва	173
Глава VIII	
Возвращение великого князя в Москву	218

Глава IX

Захват ханом Тохтамышем Москвы.

Возобновление Русью регулярной выплаты дани Орде.

Монеты и печати Москвы и Орды того времени 229

Глава X

Кончина великого князя Дмитрия Иоанновича Донского. Великая княгиня Евдокия (инокиня Ефросинья) Дмитриевна Московская.

Вознесенский и Чудов монастыри в Кремле. Русь в XV в.....255

Глава XI

Народные предания о Куликовской битве.

Храмы Куликова поля. Музей-заповедник «Куликово поле» 273

Глава XII

Историческое значение Куликовской битвы.

Прославление и иконография святого благоверного

великого князя Дмитрия Иоанновича Донского 309

Приложение I

Хронология событий, связанных с Куликовской битвой 330

Приложение II

Храмы Куликова поля 333

Приложение III

Число погибших ратников на поле Куликовом

по княжествам, уделам и городам согласно указанным источникам,

по данным Храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом

Симонове, в Москве.....342

Приложение IV

Синодик воинов, участвовавших в битве на Куликовом поле.....344

Приложение V

Предки святого благоверного великого князя

Дмитрия Иоанновича Донского и его супруги преподобной

Евдокии – инокини Ефросинии, княжны Нижегородской,

великой княгини Московской 363

Приложение VI

Источники и литература.....385

Об авторе 392

Митрофорный протоиерей
Александр Соколов

**Святой благоверный великий князь
Дмитрий Иоаннович Донской
и Куликовская битва**

Обозрение публикаций

Подготовка текста к изданию:
М. В. Карташова, В. В. Карташов

Подбор иллюстраций:
протоиерей **А. Н. Соколов, Л. А. Лапшина**

На форзацах:
«Куликовская битва», художник **С. Н. Присекин**

Издательство «Кварц»
Генеральный директор ООО ПКФ «Кварц» **Д. В. Кузин**
Главный редактор **О. И. Наумова**
Редактор **И. Г. Дементьева**
Дизайн: **А. В. Романов**
Верстка **А. В. Романов, О. Ю. Константинова**
Корректор **Л. А. Зелексон**

Подписано в печать 05.04.10. Формат 70х100 1/16.
Усл. печ.л. 32,5 + вкл. 7,2. Тираж 12000 экз.
Заказ № 1594

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных оригиналов
в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
e-mail: book@moris.ru

